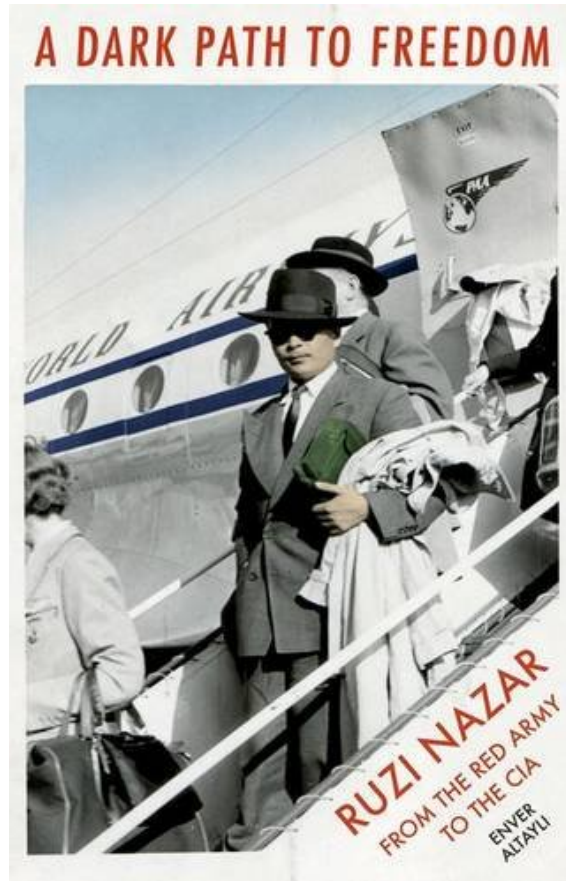

Энвер Алтайлы

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Рузи Назар: от Красной армии до ЦРУ

Издательство «Hurst and Company», Лондон, 2017.

Перевод с турецкого языка на английский Дэвида Барчарда.

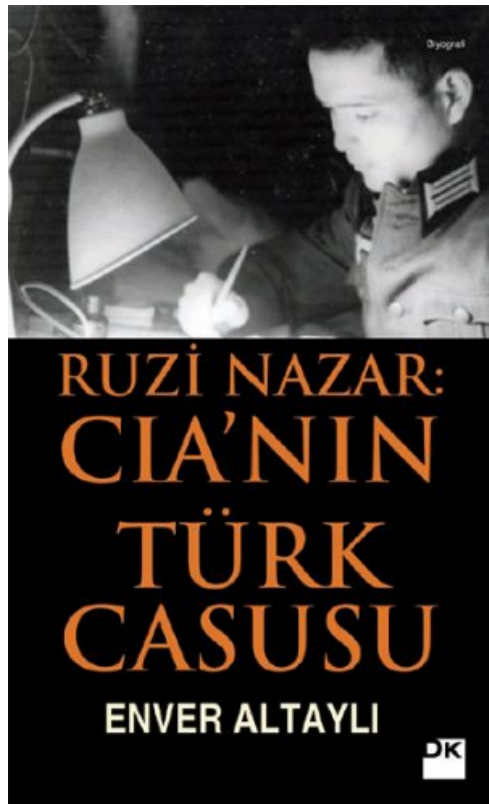
Сокращенный перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2017 г.

Перевод сделан с английского издания:

Enver Altayli, «A Dark Path to Freedom. Ruzi Nazar, from the Red Army to the CIA»,
Hurst & Company, London, 2017

Translated by David Barchard

Турецкий оригинал: Enver Altayli, «Ruzi Nazar: CIA'nın Türk Casusu» («Рузи Назар: турецкий шпион ЦРУ»), Dogan Kitap, 2013.

О книге

Рузи Назар (1917-2015), родившийся в Маргилане в Центральной Азии накануне русской революции 1917 года, прожил одну из самых захватывающих и удивительных жизней двадцатого века. Очаровательный, интеллектуально блестящий и страстно преданный делу освобождения Центральной Азии от российского господства, вся его жизнь была серией приключений и чудесных спасений от опасности.

Рузи Назар был советским студентом, офицером Красной Армии, офицером немецкого Туркестанского легиона во время Второй мировой войны, беглецом, жившим в подполье в послевоенной Германии, и, наконец, иммигрантом в Соединенных Штатах, который поднялся до высоких должностей в ЦРУ. Здесь он общался с могущественными и знаменитыми людьми, в качестве дипломата представлял США в Анкаре и Бонне и стал разведчиком под прикрытием в Иране во время кризиса с американскими заложниками в 1979-1981 годах. Рузи Назар обладал сильным даром предвидения.

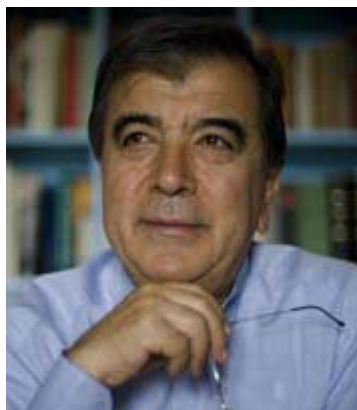
Он предсказал, что коммунизм рухнет по внутренним причинам, когда он информировал Рональда Рейгана о слабости советской системы перед переговорами Рейгана с Горбачевым. Мусульманин, который отвергал исламизм, его предупреждения правительству США об опасностях исламского радикализма не были услышаны. Эта замечательная биография проливает свет на жизнь людей, попавших в круговорот потрясений в Советском Союзе, прошедших через Вторую мировую войну, Холодную войну и борьбу национальностей, лишенных своей свободы, с коммунизмом за обретение независимости.

Рецензии:

«Трудный путь к свободе. Рузи Назар: от Красной армии до ЦРУ» – одна из самых удивительных шпионских историй последнего времени. Она проследует за увлекательным путешествием из сталинской России в нацистскую Германию и далее через тайную «Холодную войну» до Иранской революции 1979 года. Прочсть эту книгу будет важно для всех, кто интересуется деятельностью секретных служб на Ближнем Востоке и в Центральной Азии». – профессор Ричард Олдрич, главный научный сотрудник в области политики и международных отношений, Уорикский университет.

«Редким людям доводилось прожить столь насыщенную разнообразными событиями жизнь и сыграть столь же важную роль в разведке, борясь против целого ряда противников, как Рузи Назару. Это захватывающая история борьбы одного человека с нацизмом, советским коммунизмом и радикальным исламом». – Майкл Гудман, профессор разведки и международных отношений, Королевский колледж Лондона, кафедра военных исследований.

Об авторе

Энвер Алтайлы (родился 1 ноября 1944 г. в Джейхане, Адана) – один из ведущих специалистов Турции по Центральной Азии и бывший офицер турецкой разведки.

Энвер Алтайлы – соплеменник Рузи Назара; его отец узбек Шакир Алтайлы сбежал из советского Узбекистана, а мать Мелек Алтайлы была дочерью известного туркестанского богослова Абдурахмана Ходжи, поселившегося в Адане в годы Первой мировой войны. Энвер Алтайлы учился на факультете права в Университете Анкары, затем изучал языки и юриспруденцию в Ав-

стрии и Западной Германии. В 1968-1973 годах он был аналитиком-советологом в турецкой разведке MIT (Национальная разведывательная организация), в 1977-1980 работал редактором газеты «Hergün Gazetesi», издания праворадикальной Партии националистического движения (турецкое сокращенное название –МНР), был близким соратником руководителя этой партии, видного националистического политика Алпарслана Тюркеша. После падения Советского Союза Алтайлы играл активную роль в создании и укреплении ставших независимыми государствами бывших союзных республик Центральной Азии.

Близкий друг Рузи Назара на протяжении более полувека, он написал эту биографию на основе записывавшихся им в течение многих недель интервью, а также его собственных исследований Туркестана и истории шпионажа во время Холодной войны.

Рузи Назар и Энвер Алтайлы

* * *

Примечание переводчика:

В книге всюду используется термин «Центральная Азия» (в английском тексте Central Asia, в турецком оригинале Orta Asya) вместо более привычного словосочетания «Средняя Азия», поскольку понятие «Центральная Азия» включает помимо собственно «советской и постсоветской Средней Азии» еще и Казах-

стан, а также, например, Восточный Туркестан. И именно об этих территориях, а не об одной Средней Азии идет речь в книге.

Также нужно учитывать, что звуки тюркских языков, в частности турецкого и узбекского, не всегда могут быть адекватно переданы русской кириллицей. Например, хотя фамилия начальника турецкого генштаба Тағтаç передана здесь как «Тагмач», на самом деле буква «ғ» вовсе не соответствует русскому звуку «г» и вообще не произносится. Это просто вопрос традиционного написания. В конце концов, мы по-русски пишем имя турецкого президента «Эрдоган» с буквой «г», хотя в оригинальном произношении этого имени «Erdogañ» звука «г» тоже нет. – В.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

1. Детство в Туркестане
2. Студенческие годы в сталинской Центральной Азии
3. Рузи в Красной армии
4. Солдаты и военнопленные
5. Рузи и война легионов против Советской России
6. Удача изменяет Германии
7. Побег из клещей поражения
8. Убежище в Розенхайме
9. Холодная война и новый шпионаж
10. Рузи едет в Америку
11. Первые посещения Ближнего Востока
12. Бандунгская конференция
13. Работа под прикрытием на международных конференциях
14. Рузи в Турции: солдаты, заговоры и политика
15. Из Турции в Бонн
16. Секретный агент в Иране во время кризиса с заложниками
17. Окончание Холодной войны и возвращение Рузи в Узбекистан

Дополнения

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неудавшийся путч в Москве в августе 1991 года возвестил о начале периода монументальных изменений в Центральной и Южной Азии. В течение нескольких лет вся политическая география этого региона, как казалось, изменилась. Роспуск Советского Союза 26 декабря 1991 года означал окончательное возникновение как независимых государств тех союзных республик СССР, где большинство населения составляли мусульмане. Прежде поддерживаемый Советским Союзом режим в Кабуле пал в апреле 1992 года, и в следующем месяце ожесточенная гражданская война вспыхнула в Таджикистане, в то время как Азербайджан и Армения сцепились в конфликте из-за Нагорного Карабаха.

Живя и путешествуя в регионе в то время, у меня был шанс стать свидетелем некоторых из человеческих аспектов этого великого переворота. За пределами этого региона конец Холодной войны понимался, в первую очередь, как крах политической системы и конец империи. Но падение Советского Союза также открыло землям к северу от реки Оксус путь, чтобы снова соединиться с Южной Азией и с остальным миром, чтобы люди смогли восстановить отношения, которые были «заморожены» на протяжении большей части двадцатого века. Внезапно для ремесленников, живописцев и танцоров из новых республик стало возможным собраться в Исламабаде на Фестиваль Великого шелкового пути. Можно было переехать через Оксус по мосту Хайратон и посетить древнюю столицу Тимуридов Самарканд, чтобы восхититься обсерваторией Улугбека, созданной в пятнадцатом веке. Оксус или Амударья, как ее называют местные жители, была наполнена историческим и политическим значением. Стоило вам оказаться на северном берегу реки, и вы окончательно были в культурной зоне Туркестана. В течение большей части эры Холодной войны Оксус представлял собой Железный занавес на Востоке. Но даже в тридцатых годах британский путешественник Байрон описывал, как ему помешали пересечь Оксус. Афганские власти отказали ему в разрешении приблизиться к такому чувствительному месту.

Мои самые живые воспоминания о тех резких изменениях связаны с морозными днями, проведенными на афганском берегу Оксуса в декабре 1992 года. Волна людей пересекала реку на баркасах, чтобы в Афганистане найти убежище от боев, которые тогда бушевали в Кулябском районе Таджикистана. В первую ночь массового бегства рассеявшиеся по всей холодной территории группы семей крепко сжимали свое немногочисленное имущество и собирались вместе, не имея защиты от сильного мороза. Когда я ходил от семьи к семье, чтобы распределить среди беженцев небольшое количество одеял, открытость, с которой только что прибывшие начинали рассказывать мне свои истории, была поразительной.

тельной. Один председатель колхоза начал объяснять мне, как управлять коллективной фермой. Несколько мужчин вспоминали, как Сталин насильственно переселил их общину, чтобы они работали на новых хлопковых плантациях – они хотели знать, где они могли бы выращивать хлопок в Афганистане. Один пожилой человек описывал себя как ветерана Красной армии, героически сражавшейся в Сталинграде. Это было похоже на то, как будто эти беженцы из Туркестана хотели поделиться всеми своими историями за семьдесят лет жизни под Советами перед рассветом, до которого при таком холоде не все они могли бы дожить.

Рузи Назар, человек, которому посвящена эта книга, был героем Туркестана, история жизни и карьеры которого достигла своего кульминационного момента в тот период, когда я впервые бросил свой взгляд на Центральную Азию. Он олицетворяет сагу людей Туркестана, фрагменты которой беженцы разделили на берегу Оксуса. Его история – предыстория центральноазиатской независимости, глубоких течений, которые, в конечном счете, вынесли этих беженцев на берег Оксуса. Рузи Назар был узбекским Одиссеем двадцатого столетия. Однако, как в мусульманине, блуждающем в землях, которые соединяют Азию и Европу, в нем скорее стоит увидеть своего рода Амира Хамзу. Его история – это рассказ о жизни молодого человека, покинувшего свою деревню и ставшего свидетелем полувека бурных изменений во времена сталинского террора, Второй мировой войны и Холодной войны, перед тем, как он, в конечном счете, вернулся домой, где его приветствовали как видную национальную фигуру. Его история – история жизни со стремлением и моралью, история выбора правильного пути, даже когда жизнь вела его через моральные топи сталинского террора и нацистского тоталитаризма. Хотя Рузи известен преимущественно той ролью, которую он играл в больших глобальных противостояниях двадцатого века, его моральный характер как героя был сформирован мудрой женщиной, совет которой он пронес с собой. Рузи вспоминает наставление своей матери:

«Ты в своей жизни часто будешь оказываться на распутье. Если на одной стороне у тебя будет правильный путь, пусть даже и такой, итог которого является неопределенным и полным опасностей, а на другой стороне путь нечестный и неправильный, но полный материальных богатств, выбирай правильный путь, даже если он и полон опасностей».

В географии карьеры Рузи есть также определенное историческое значение. Как туркестанский патриот, Рузи беспокоился, главным образом, о землях к востоку от Черного моря, к северу от Гималаев и к югу от Урала, где обосновались тюркские племена и с шестого столетия построили ряд империй. Большая часть этой территории была теперь сформирована в постсоветские центральноазиат-

ские республики. Но история Рузи охватывает идею Евразии, в том смысле, что его усилия в интересах народов Туркестана заставляли его оказываться или поселяться попеременно в Украине, Австрии, Германии, Италии, Турции и, конечно, в Соединенных Штатах. Каждое из этих мест было связано с событиями на его родине, и в каждом из них Рузи встречался и с соотечественниками, и с местными жителями, которые принимали участие в событиях в Туркестане. Широкие дружественные отношения осмысливаются с точки зрения современной науки, которая напомнила нам о возможности соединения через евразийский суперконтинент. Исторические торговые маршруты Восток – Запад долго действовали как векторы для передачи идей, технологии, и политической и военной власти. Европа была намного более связана с Туркестаном Рузи и в куда большей степени приобрела свою форму благодаря Туркестану, чем это когда-либо признавалось теми, кто пребывал в иллюзии, будто бы цивилизация была создана только в Греции и Риме.

Если физически странствие Рузи охватывало Евразию, то тематически его активность охватила великие проблемы двадцатого века. Он пережил одно проявление европейского колониализма, колониализм Российской империи в Азии. Это, конечно, было темой, которую Рузи преследовал в течение своей жизни. Он даже отправился на Бандунгскую конференцию, чтобы дать людям во всем мире понять, что Советский Союз, выдавая себя за союзника африканских и азиатских освободительных движений, сам был колониальной державой. Основным периодом, в котором Рузи создал и закрепил свою личную репутацию патриота и интеллектуала, было время его службы в Туркестанском легионе с 1942 по 1945 год. Приняв немецкую поддержку, Рузи и другие туркестанские националисты оказались в центре противостояния нацистского и советского тоталитаризмов. Но судьба Рузи отличалась от судьбы его современника Субхаса Чандры Боса, который получал поддержку немцев и японцев для своей Индийской национальной армии на Востоке. После краха фашизма Соединенные Штаты нуждались в союзниках против Советов в Холодной войне. Рузи обладал уникальной квалификацией, чтобы начать культурное сопротивление и шпионаж в этом новом противостоянии. Для Рузи участие в Холодной войне означало просто принять нового покровителя для последней фазы борьбы за независимость Туркестана. Карьера Рузи также затрагивала тему того, какой должна была стать эта независимость, так как он выступал за идею демократического Туркестана, свободного от советского ига. Во время своего пребывания в предрасположенной к путчам Турции в 1960-х годах, у него была возможность столкнуться с вызовом поддержки демократии и стабильности в стране, которую обхаживают и Восток, и Запад. Он даже сыграл определенную роль в кризисе с американскими заложниками в Иране. И он использовал свои брифинги для американских политиков, чтобы отстаивать опору на мозги, а не на мускулы.

Наряду с этими великими историческими темами, жизнь Рузи также выявляет вечные личные и особенные темы. Как выжить при авторитарном режиме, спасая свою жизнь, честь и душу, и все еще играя роль в общественных делах? Часть ответа – принципиальное лицемерие. На публике твердо придерживаться линии партии, делясь своими истинными убеждениями только с теми, кому вы можете доверять, и с единомышленниками-диссидентами. Эта систематическая демагогия помогла Рузи пережить и Советы, и нацистов. Но я нахожу это пугающе знакомым из моего диалога с Талибаном. Каждый из всех сил пытается понять то, что люди действительно имеют в виду в ситуации, когда одно неосторожное слово могло бы убить их. Более широко, время работы Рузи с Туркестанским легионом и его политической структурой, Национальным комитетом объединения Туркестана (НКОТ), показывает пример моральных ограничений сотрудничества. Эти туркестанцы носили немецкую форму, но маневрировали, чтобы избежать поглощения их СС, занимающимися геноцидом. Они согласились воевать против Советов, но сопротивлялись попыткам бороться с собственным народом на новом фронте в самом Туркестане. В конечном счете, на Нюрнбергских процессах пришлось тщательно исследовать такого рода коллаборационизм, чтобы решить вопрос, участвовали ли люди, принявшие нацистский патронаж, в геноциде. Усилия по защите центральноазиатских евреев помогли склонить весы в их пользу и очистить туркестанцев от обвинений в соучастии в геноциде. Но самой постоянно повторяющейся личной темой Рузи была тема обязанности участвовать в личных актах гуманности, даже на фоне повсеместной бойни. Делиться пищей, водой и добрыми словами, даже на поле битвы. Мать Рузи говорила ему: «Хороший поступок ценен для Бога ровно в той степени, в которой он остается в тайне».

История Рузи, представленная на фоне катастрофических событий двадцатого века, как предполагалось, была благополучно помещена в прошлое. Мы обращаемся к таким историям, чтобы напомнить себе о том, что мы оставили позади. Сам Рузи дожил на пенсии до конца апреля 2015 года, прожив почти сто лет. Но оказывается, что текущие события двадцать первого столетия самым тревожным образом напоминают нам об его жизненном пути. Новое поколение демагогов успешно бросило вызов идее о том, что либеральное согласие могло сформировать мир. Идея постправды поколебала любое понятие о том, что эмпирическая действительность должна сформировать доминирующее освещение событий. В России идея Евразии была открыта вновь, рационализируя новый российский экспансионизм, защищаемый Александром Дугиным. Патриотизм и национализм отряхнули от пыли, чтобы бросить вызов глобальному коллективизму. И вовлеченные в политику в мусульманском мире все еще должны манипулировать, чтобы поддержать свою легитимность, уравнивая принуждения международных союзов с обращениями к мусульманской и национальной идентичности.

Рузи Назар в своем героическом путешествии много раз проходил между этими Сциллами и Харибдами.

Энвер-бей Алтайлы был протееже Рузи, и его объединяли с ним его узбекские корни и его опыт Холодной войны и борьбы за независимость народов Центральной Азии. Слово благодарности Алтайлы за то, что он рассказал нам о путешествии Рузи, так волнующе важно для нашего времени.

Майкл Семпл,

профессор Института Джорджа Митчелла по изучению глобального мира, безопасности и правосудия при Университете Королевы в Белфасте, talkforpeace@gmail.com

1. ДЕТСТВО В ТУРКЕСТАНЕ

Маргилан

Когда в 332 году до нашей эры Александр Македонский пришел со своим войском из 55 000 солдат к долинам Иссы, рядом с тем, что является сегодня городом Искендеруном, персидский царь Дарий уже ждал его. Высокомерный Дарий, правитель одной из самых больших империй, которые когда-либо видел мир, командовал армией, численность которой составляла сотни тысяч. Все же битва закончилась победой Александра. Преодолев тем самым последнее большое препятствие на пути в Азию, Александр вошел в земли царя Согдианы, который управлял тем, что является сегодня Узбекистаном и Таджикистаном. На сей раз он столкнулся с героическим сопротивлением воинов Центральной Азии. Далекая от дома и очень обессиленная, армия Александра страдала от голода. Колодцы были отравлены. Стада животных были отогнаны на горные склоны, а склады зерна и риса были сожжены.

Согласно одной легенде, Александр и его усталое войско пришли в предместья города, который мы сегодня называем Маргиланом, в Ферганской долине. Его встретила пожилая женщина, которая вела за собой сотни других женщин. Старуха предложила полководцу немного хлеба и вареную курицу, которую Александр съел с удовольствием. Еще много порций было приготовлено для его голодных войск. Люди города готовили их в течение многих дней. Восхищенный этим гостеприимством, Александр объявил: «С этого времени это место будет называться «мург и нан»» – на таджикском языке «мург» означает «курица», а «нан» – «хлеб», и, как говорят, от этого случая город Маргилан получил свое

название. Кроме того, Александр помиловал царя Согдианы и женился на его дочери, которая влюбилась в него.

Двухтысячелетний юбилей основания этого исторического города был отпразднован в сентябре 2007 года согласно резолюции, принятой ЮНЕСКО. Во всем мире, в таких столицах как Париж, Берлин, Вашингтон и Анкара, были проведены конференции и семинары о городе Маргилане и его важности в истории Центральной Азии. Этот город Великого шелкового пути был официально признан как центр древней цивилизации.

В своей книге «Туркестан во время вторжений монголов» (1898-1900) Василий Владимирович Бартольд упоминает Маргилан. Захир ад-дин Мухаммад Бабур, который был правнуком тюрко-монгольского завоевателя Тимура, и который создал империю в Индии в шестнадцатом столетии, описывает Маргилан в своих мемуарах, упоминая его красоту и его сады с их изобилием разнообразных фруктов. Но все же когда упоминается Маргилан, первым на ум приходит шелк.

В древних арабских и китайских источниках Маргилан упоминался как важный центр торговли и культуры на Великом шелковом пути. Маргиланские шелковые ткани пользовались особенно большим спросом в больших городах Запада во времена Средневековья. Эти ткани, сотканые из восточного шелка высшего качества и украшенные натуральными красками и природными мотивами, везли караванами из Маргилана до портов Средиземноморья и оттуда кораблями в европейские города.

Рузи Назар родился в Маргилане 21 января 1917 года, в семье, которая занималась изготовлением шелка в течение многих столетий. Это был год, в котором мир перевернулся вверх дном, и никто не мог знать о том, что история приготовила для младенца Рузи или для всей Центральной Азии. Как казалось, существовало две вероятности. Первой было то, что, несмотря на защитную шелковую куколку, которую его семья соткала вокруг него, он погибнет в удушающей атмосфере российского колониализма. Другой было то, что он пробьет отверстие в этом коконе и пойдет своим собственным путем.

Рождение Рузи совпало с чрезвычайно болезненным и кровавым периодом в истории человечества. Страны Европы и Азии пребывали в самом разгаре Первой мировой войны. Родина Рузи, Туркестан, в те времена колония России, и особенно Ферганская долина, разграблялась колонизаторами и также страдала от огня и кровопролития внутренних восстаний.

Чтобы понять последующую жизнь Рузи, нужно более внимательно посмотреть на социально-экономические условия его первых лет. В Средневековье в Центральной Азии процветала блестящая цивилизация. Города Самарканд, Хива и Бухара были центрами науки и искусства. В то время, когда большая часть мира верила в геостатическую модель, центральноазиатский ученый Аль-Бируни (973-1048) утверждал о возможности движения земли. Улугбек (1394-1449), правитель Самарканда, наблюдал за небесами с помощью самого большого и самого передового телескопа своего времени и составил безупречную карту ночного неба. Другой сын Самарканда, Ибн Сина (или Авиценна) (980-1037), написал медицинские труды, которые до семнадцатого столетия использовались в качестве основных учебников на Западе. Математик Аль-Хорезми (780-850) принес миру алгебру в своем труде «Hisab al-jabr wa 'l-muqabala» («Краткая книга восполнения и противопоставления»). В центре Самарканда три великолепных университета, которые люди и сегодня все еще посещают с восхищением, занимались научной работой. И центральноазиатские города являлись родиной традиции суфиев, которые ставят человеческую любовь выше радикальной интерпретации ислама и рассматривают сочувствие как сущность богословия. Руй Гонсалес де Клавихо, который посетил Самарканд в начале пятнадцатого столетия как посол короля Кастилии Энрике (Генриха) III, рассказывал о великолепной цивилизации, которую он там видел, и расточал похвалы самаркандской архитектуре.

Хотя его страна находилась под оккупацией царской России и затем Советского Союза, Рузи уже в детстве хорошо знал о богатом наследии, оставленном великими людьми Туркестана. Даже в тех условиях, которые тогда доминировали, это наследие передавалось от одного поколения к следующему любыми средствами, которые были возможны. Рузи получил свое раннее образование от своей матери Тажинисы.

Тажиниса была родом из Коканда в Ферганской долине. До того, как Коканд был оккупирован русскими к концу девятнадцатого века, ее отец Халмат был командиром гарнизона, который Кокандское ханство держало в Маргилане. Когда она была девочкой, частные учителя научили ее фарси и русскому языку и литературе, и в результате она превосходно знала классику восточной литературы и чагатайскую диванную поэзию. На самом деле ее саму можно было бы назвать поэтессой. Именно она первой пробудила интеллектуальные интересы в Рузи.

Тажиниса-ханум учила девочек Маргилана читать и писать. Она была также в контакте с джадидским движением, которое выступало за просвещение и современные взгляды среди тюркских и мусульманских народов Российской импе-

рии и издавало большое количество газет и журналов. Она знала о том, что происходило в мире, и именно она привила Рузи любовь к своей стране, любовь, которой суждено было определять его действия на протяжении всей его жизни: его главные принципы, такие, как идеалы независимости и противостояния колониализму, все они пришли от его матери.

Отец Рузи, Джамшид Умирзакоглу, был мастером своего ремесла. Люди Маргилана считали его «волшебником шелка» и называли его «главный мастер» и «Джамшид-ата» («Отец»), поскольку он был и тем, и другим. Он полностью посвящал себя тому, как сделать так, чтобы бабочки отложили свои яйца, как вывести гусениц, как сматывать шелковые нити с куколок, и превратить нити в ткань. У него не было времени заниматься интеллектуальными делами, вместо этого он со страстью предавался своему ремеслу. Однако как-то он услышал, что у пятнадцатилетнего ученика по имени Мамуржон в местной мясной лавке был удивительный певческий голос. Однажды, когда он покупал там мясо и увидел, как мальчик подметает пол лавки, он попросил, чтобы Мамуржон спел песню для него. Мальчик был застенчив, и поэтому Джамшид сказал, что у него болит голова, и если он послушает, как кто-то поет, то боль может пройти. Мамуржон не хотел разочаровывать его, потому он от всей души запел страстную центральноазиатскую народную песню. Когда он закончил, Джамшид повернулся к мяснику и спросил, не мог ли бы он забрать Мамуржона к себе как своего воспитанника. Так Мамуржон Узоков стал членом их семьи. Первоначально он пел в доме Джамшида, но позже в советский период он привлек к себе внимание высокопоставленных государственных фигур, которые интересовались музыкой. В конечном счете, он стал одним из самых великих мастеров узбекско-туркской классической музыки в Центральной Азии.

Итак, Рузи получил свое интеллектуальное и литературное образование от матери и свою любовь к музыке и искусству от отца. Музыка Мамуржона и других исполнителей была постоянной частью его юности. Но региону, в котором он рос, предстояло измениться еще быстрее, чем ему самому.

Новый режим

В девятнадцатом столетии Туркестан стал сценой «Большой игры», имя, данное противостоянию Великобритании и царской России в Центральной Азии. В то время Британская империя взяла под свой контроль Индию и продвигалась на север. Что касается Российской империи, то Иван IV («Грозный») завоевал Казань в 1552 и Астрахань в 1554-1556 годах, а затем начал покорение Сибири. Это привело русских к границам Туркестана. Петр I (правил в 1682-1725), из-

вестный в Турции как «Deli Petro» («Безумный Петр»), мечтал о превращении Москвы в Третий Рим и полагал, что для достижения этого необходимо было завоевать Индию. Ворота в Индию был Туркестан.

До 1852 Россия захватила земли в северном Туркестане, где жили кочевники. В 1820-х Россия ликвидировала казахские ханства Средней Орды и Меньшей Орды (Средний жуз и Младший жуз), за тем последовало устранение Большой Орды (Старший жуз) в 1848 году. Они были превращены в Степное генерал-губернаторство. Таким образом, северный Туркестан стал российской колонией. Ряд военных операций до 1884 года уничтожил силы трех государств в Туркестане: Коканда, Хивы и Бухары. Армии ханств не обладали современной артиллерией и автоматическим оружием и не имели никакого шанса против хорошо вооруженных агрессоров. Несмотря на это, народы Туркестана упорно защищали свою землю, неся тяжелые потери. Коканд стал частью России, тогда как Хива и Бухара были превращены в вассальные государства. Южный Туркестан стал частью недавно созданного Туркестанского генерал-губернаторства. Генерал-губернатор, назначаемый царем, проживал в Ташкенте и оттуда управлял колонией.

К 1917 году приблизительно 1 221 000 российских крестьян и 327 000 казаков были поселены в Степном генерал-губернаторстве, и 427 000 российских мигрантов – на территориях Туркестанского генерал-губернаторства. Вся земля в этих границах, как было объявлено, принадлежала государству. Фермеры Туркестана, которым ранее принадлежала их земля, теперь были низведены до статуса арендаторов. На севере значительно уменьшилось количество стад, принадлежавших кочевникам. На юге фермеры были вынуждены выращивать хлопок вместо зерна. В 1913 году один российский чиновник отметил: «Каждое зернышко пшеницы, выращенное в Туркестане, конкурирует с российской пшеницей, в то время как каждая тонна хлопка, выращенного там, конкурирует с американским хлопком».

Это завершило превращение Туркестана в колонию. Его обширные территории, покрывающие больше шести миллионов квадратных километров, были беспощадно разграблены царской Россией. Проводилась культурная политика, целью которой была русификация и христианизация региона. Военная администрация в Ташкенте дала следующую инструкцию своему министру просвещения: «Позволить на этой территории образование на родном языке в корне противоречило бы интересам российского государства. Следовательно, только русский язык должен использоваться в качестве языка обучения на этой территории».

Хотя казалось, что была достигнута относительная стабильность, в царской империи со второй половины девятнадцатого века постоянно усиливался беспорядок. Социально-экономическая деятельность, начавшаяся в Европе в результате индустриализации, достигла уровня, на котором она встряхнула внутренний баланс в пределах Российской империи, и это было еще более обострено появлением и усилением политических движений за свободу. Царь Александр II был первым со своими многочисленными реформами, включая предоставление в 1861 году свободы крепостным Российской империи, но в 1881 году он был убит. Александр III, занявший трон после него, прибегнул к самым жестким мерам в управлении страной. После смерти Александра III в 1894 году его преемником стал его сын, последний представитель династии Романовых Николай II, но к тому времени империю охватили внутренние и внешние проблемы.

Для Российской империи было невозможно добиться территориальных приобретений в Европе в начале двадцатого века, и поэтому после колонизации Центральной Азии она обратила свое внимание на Корею и Маньчжурию. Это привело Россию к конфликту с Японией, которая тоже стремилась к экспансии на материковой Азии, и в 1904 году разразилась война, когда японский флот атаковал российский флот. Американское посредничество, в конце концов, позволило Николаю II после ряда тяжелых поражений пойти на переговоры о мире.

В том же году растущая сила либеральных и социалистических партий во внутренней политике вынудила царя принять решение о преобразовании России в конституционную монархию. Начавшаяся в ноябре того же года серия забастовок и демонстраций рабочих в Санкт-Петербурге была подавлена с многочисленными жертвами, что вызвало протесты и демонстрации против царского правления по всей России. Националистические движения и движения за независимость возникли на Кавказе, с кровавыми столкновениями между армянами и азербайджанцами; Баку был разгромлен. В Польше бастовали 400 000 рабочих. В октябре 1905 года Петербургский Совет объявил о всеобщей забастовке и обратился к людям с призывом не платить налоги и забрать свои деньги из банков.

В феврале 1906 года Николай II ратифицировал учреждение Думы, или русского парламента. Либералы были удовлетворены этим решением, но вдохновленные социалистами волнения продолжались, распространяясь среди солдат, возвращающихся домой с Русско-японской войны. Первое большевистское восстание в России произошло в апреле, и оно было подавлено только после гибели 16 000 человек и ареста еще 75 000. Но беспорядки по всей стране не оставались, и попытки подавить постоянно усиливающуюся оппозицию путем кровопролития только обостряли напряженность. Шаг за шагом сочетание сла-

бой экономики и организационной силы большевиков приближали конец династии Романовых.

Когда началась Первая мировая война, Россия примкнула к державам Антанты (Великобритания, Франция, Бельгия, Сербия и Черногория) против Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария). Тяжелые воздействия войны скоро почувствовали солдаты на фронте и простые люди в тылу. Ряд событий, все вместе описываемые как Февральская революция 1917 года, волнами распространялись на восток страны. Было сформировано временное советское правительство, захватившее власть 25 октября. Оно начало с того, что вывело Россию из войны и затем объявило, что распределит земли крупных землевладельцев среди бедных крестьян.

Развитие русских революций между 1905 и 1917 годами с большой радостью приветствовали в колониях России. Для народов Туркестана годы Первой мировой войны в особенности были очень болезненными. Царская Россия не брала туркестанцев в свою армию, так как считалось слишком опасным обучать жителей Центральной Азии военному делу. Несмотря на это, восстания против оккупационных царских войск никогда не прекращались. Между 1899 и 1916 годами произошло 4922 вооруженных нападения на российские военные подразделения на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Однако во время Первой мировой войны царской армии потребовались трудовые ресурсы для поддержки военных усилий в тылу. Поэтому из каждой центральноазиатской семьи отбирали молодых людей, которые должны были работать в ближнем тылу российских войск. Рекруты страдали от голода, холода и постоянного плохого обращения, и сотни тысяч из них умерли. Только старики, женщины и дети оставались на родине, чтобы работать на хлопковых плантациях, и они были вынуждены трудиться под кнутом. Хлопок, который они выращивали, колониальные власти забирали для военного применения, платя за него только гроши, и тем самым они вынуждали население жить на грани голода.

В 1916 году восстание Бала Алды распространилось на все части Туркестана, но было кроваво подавлено. В итоге было казнено 347 бунтовщиков. Мустафа Шокай, один из лидеров движения за независимость Туркестана, позже так писал об этом периоде: «После восстания Бала Алды Февральская революция 1917 года вспыхнула в центре России, и было установлено Временное правительство. Новое правительство объявило, что оно принимает принцип самоопределения для национальных народов, и что новая система будет демократической. Но колониальные власти в Туркестане начали искать способы сохранения своей власти здесь. По их мнению, представители местного населения не имели никакого права выражать свое мнение в правительстве Туркестана. На встрече, прове-

денной в Ташкенте в здании генерал-губернатора, некто по имени Николай, который был членом группы народных социалистов, попросил слова и заявил: «Русские рабочие и русские солдаты сделали эту революцию. По этой причине власть и правление Туркестана принадлежат нам, русским. Туземцы должны довольствоваться тем, что мы даем им»».

Мустафа Шокай (Чокаев) (1890-1941)

9 марта 1917 года на главный почтамт Ташкента пришла телеграмма из Санкт-Петербурга, где сообщалось о свержении царя. 12 марта Алексей Куропаткин, генерал-губернатор Туркестана, объявил, что в России была установлена демократическая республика.

Это было бурное время, в которое родился Рузи. Жизнь все еще продолжалась, даже при том, что в Туркестане и действительно всюду в мире она была полна неуверенности.

Родители Рузи хотели, чтобы их сын получил хорошее образование. Но они сомневались, подойдут ли для этого классические духовные училища и мектебы при мечетях. Они много думали о том, что они должны сделать и, в конечном счете, нашли решение. Новый вид школы для мусульман появился в Маргилане, около городской почты. Школу эту создал крымский татарин по имени Ногай Ходжа, член движения джадидов и последователь Исмаила Гаспирали (Гасприн-

ского), тюркского писателя и интеллектуального лидера в Крыму. Рузи начал свое образование в Школе Ногая в 1923 году, и именно от Ногая он получил свои первые наставления и в патриотизме, и в дисциплине. Но когда Рузи пошел в третий класс, самого Ногая Ходжи в школе больше не было. Хотя ходили слухи, что он был арестован как противник нового советского режима, и больше о нем никогда ничего не слышали. Было только две возможности. Он умер или перед расстрельной командой или в концентрационном лагере в Сибири.

Рузи был умным, трудолюбивым и энергичным мальчиком, и к девяти годам он уже познакомился с новой официальной идеологией государства. Товарищ Абдуллаев, учитель языка и литературы в третьем классе Рузи, объяснял классу коммунистическую идеологию теми словами, которые дети могли понять. «Нет никакого Бога. Религия – опиум для народа. Религия – это куча суеверных верований, выдуманных людьми, которые управляют средствами производства: другими словами, она предназначена для того, чтобы облегчить богачам эксплуатацию бедняков». Когда Рузи впервые услышал эти слова, он был удивлен. Но затем последовало еще большее. В следующем году, когда Рузи пошел в четвертый класс, в школе был сформирован Клуб безбожников. Некоторые учителя хотели, чтобы Рузи, как успешный ученик, вступил в это общество. Рузи пошел домой и излил свои чувства матери и отцу. Много лет спустя он так описывал этот момент. «Мой отец был тихим, спокойным и осторожным человеком. Он хорошо знал, что начался новый исторический период. Но и моя мать и отец были очень расстроены. Они посоветовали мне придумать разумное оправдание, какую-то отговорку, например, что я не могу вступить в члены клуба, потому что не могу выделить на это время от своих школьных занятий. Для десятилетнего мальчика это не было простой ситуацией. Я жил в двух отдельных мирах. В одном у меня была семья, которая была привязана к традиционным ценностям и верила в Бога. В другом мире была моя школа, которая давала мне атеистическое образование, направленное против этих ценностей. Если бы я захотел предпочесть одну сторону, это означало бы, что я отрицал другую. Мое сердце и ум говорили мне, что мои родители были правы, а мои коммунистические учителя были неправы. Так что я поверил матери и отцу, и попытался обманывать людей в школе».

Рузи мог быть озорным мальчишкой. Его отец сделал маленькую трапецию для него, прикрепленную к абрикосовому дереву в саду их дома. Рузи любил качаться на ней и делать акробатические трюки. Однажды он забрался на дерево, чтобы собрать абрикосы для нескольких соседских девочек. Но на самом верху он начал делать акробатические упражнения, которые он обычно делал на трапеции ниже. Наконец, он сильно устал и мог только висеть на верхней ветке. Женщины, которые наблюдали за ним под деревом, подумали, что он сейчас

упадет, и начали кричать. Одна из них сказала Рузи, чтобы он схватился за ветку, на которой он повис, ногами, как он это делал на трапеции.

Рузи сделал то, что она посоветовала, ловкими движениями забрался на сук. После того, как он глубоко вздохнул, он засмеялся над людьми, стоявшими внизу. Этот последний подвиг был тоже частью игры: Рузи завоевал восхищение соседских девочек, но он также хотел привлечь внимание женщин.

Как большинство детей в таком возрасте, Рузи стремился хорошо одеваться. Его мать купила ему красную зимнюю куртку. Однажды ночью, когда дом был покрыт снегом, он оставил куртку снаружи в саду. Когда он попытался надеть ее следующим утром, он увидел, что она вся обледенела. Вопреки предупреждениям матери он надел обледеневшую куртку. Уже скоро он начал дрожать от холода, но, чтобы не испортить свой образ крепкого парня, он не снимал куртку, если на него смотрели другие люди. Как только он вышел из дома, он снял куртку и бросил ее в дом через заднее окно.

Когда он рос, Рузи очень старался понять то, что происходило в политике. Его мать и отец были его главными источниками информации. Но у Рузи был также единокровный брат по отцу, Юлдаш Кары, на пятнадцать лет старше самого Рузи, сын Джамшида-аты от первой жены, которая умерла после болезни. Юлдаш Кары был высоким, красивым, черноволосым – типичным молодым узбеком. Как и большинство образованных молодых людей того времени, он внимательно следил за политикой, и он объяснял Рузи историю страны: что произошло в прошлом, как Туркестан стал колонией, и потребность освобождения. Народы многие годы страдали в борьбе за независимость, а люди, которые осуществили Октябрьскую революцию 1917, обманули их.

Рузи было все еще только десять лет, но он и его брат уже могли обсуждать противоречия между тем, что говорили его родители и старики, и тем, чему его учили в школе. Медленно Рузи начал понимать значение того, что ему говорили.

Красные годы

Когда Рузи однажды играл дома, он нашел в спальне своего брата флаг. Это был не красный флаг, который он знал, с серпом и молотом. Он спросил своего брата об этом. – Это наш флаг, – ответил Юлдаш Кары, имея в виду флаг народа Туркестана. – Но никому не говори об этом. У нас будут большие проблемы, если кто-то услышит, что у нас есть такой флаг.

Но когда Рузи продолжил задавать вопросы, Кары рассказал ему о Туркестанской республике, которая была установлена в Коканде сразу после Октябрьской революции. Флаг принадлежал именно этому государству.

Флаг Туркестанской автономии (Turkiston muxtoriyati)

С 4 до 8 апреля 1917 года, на фоне революции по всей Российской империи, Первый съезд мусульман Туркестана собрался в Ташкенте и выбрал Мустафу Шокая (Чокаева) в качестве своего президента. На этом собрании, первом национальном конгрессе после оккупации страны, была провозглашена автономия народов Туркестана в составе демократической Российской Федерации. Съезд (Всетуркестанский курултай мусульман) в Коканде 25 ноября 1917 года образовал постоянное собрание (Временный народный совет, прообраз парламента), состоящее из тридцати шести мусульман и восемнадцати русских членов, и учредил временное правительство из двенадцати человек. 27 ноября съезд провозгласил Туркестанскую Национальную Автономию.

Красная армия увидела в этом серьезную угрозу советской власти. Войска, созданные из объединенных красногвардейцев генерала Михаила Фрунзе и армянского ополчения, напали на Коканд 14 февраля 1918. После четырех дней уличных боев новое национальное правительство пало. После этого войска Фрунзе устроили бойню в городе, разграбив его и убив около 50 000 мирных жителей.

30 апреля 1918 года в Ташкенте собрался другой съезд, состоящий главным образом из русских коммунистов. Он принял резолюцию, объявляющую Первый съезд в апреле 1917 года незаконным и лишаящую его решения законной силы. 5 мая 1918 года он объявил о создании Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (ТАССР). Так вместо российского царского правления началось российское коммунистическое правление.

Судьба правительства Алаш-Орды (Алашской автономии), которая была основана в Северном Туркестане (сегодняшний Казахстан) в декабре 1917 года, и которая тоже потребовала автономии, была сходной. В январе 1920 года Алаш-Орда была разбита войсками Красной армии. Так правительственная власть на севере тоже оказалась в руках коммунистов.

Флаг Алаш-Орды

Коммунистический режим в России беспощадно осуществлял военные операции, направленные на объединение бывших царских колоний в новую Советскую империю. Армия, которой командовал Фрунзе, захватила Бухару в начале сен-

тября 1920 года и заменила ханство (Бухарский эмират) Бухарской Народной Советской республикой. В октябре того же года части Красной армии вошли в Хиву и установили там Хорезмскую Народную Советскую республику вместо ханства. Но все эти действия были просто временными решениями. Растущая активность в обеих республиках националистических интеллектуалов, известных как джадиды (сторонники обновления, общественной модернизации), раздражала Москву. В сентябре 1924 года Красная армия начала еще одну операцию против Бухары и Хорезма. Эти две республики были отменены, и их территория была разделена между другими недавно созданными советскими республиками. Народы Туркестана увидели, что они никогда не смогут получить свои права мирным путем и взялись за оружие. Эта борьба продлилась до середины двадцатых годов.

Когда Рузи впервые пошел в школу в 1923 году, новый режим контролировал большую часть страны. Старшие друзья его брата Юлдаша Кары в большинстве своем ушли в горы. Они не позволили ему пойти с ними, поскольку он был еще слишком юн.

Молодые люди из каждого домашнего хозяйства участвовали в вооруженном сопротивлении. Каждую ночь в их домах читались молитвы о них и, когда приходили новости об их гибели, семьи тайно читали Коран и молились за их души. Матери, которые потеряли своих сыновей, проливали беззвучные слезы. Можно было сказать: «Я потеряла своего сына. Он сейчас с ангелами перед Богом. Завтра, когда я тоже умру и пойду туда, он возьмет меня за руку и проведет в прекрасный рай, где он находится теперь».

13 июня 1920 года Ленин проинструктировал Туркестанскую комиссию, возглавляемую генералом Фрунзе, разделить Туркестан на республики по родоплеменному признаку. Согласно труду Сталина о социализме, написанному им в 1913 году («Марксизм и национальный вопрос»), любое сообщество, обладающее общим языком, географией, экономическим единством, и моральными и культурными особенностями составляет нацию. Люди Туркестана были сообществом, у которых был общий язык, общая родина и экономика. Они разделяли одни и те же культурные и моральные ценности. Все же 24 марта 1924 года Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза отверг свои собственные принципы и принял решение расколоть Туркестан. Он применил старый империалистический принцип «разделяй и властвуй». Так в 1925 году были созданы советские республики Узбекистан и Туркменистан. За ними последовали советские республики Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан.

Годы гражданской войны в России были тяжелыми и жестокими. После того, как Советы укрепили свою власть, и война закончилась, в стране воцарилось своего рода спокойствие, пусть даже временное и навязанное. В годы Новой экономической политики (НЭП), чтобы смягчить народную оппозицию режиму, советское правительство дало разрешение своим купцам и коммерсантам торговать с соседними странами, такими как Афганистан, Иран и Восточный Туркестан (сегодня называется Синьцзян, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). Хотя Рузи в это время все еще был маленьким мальчиком, он смог ощутить это облегчение, когда они ходили за покупками на рынок. Отец одного из одноклассников Рузи, Ташполата, возил драгоценные шелка из Маргилана на продажу в Восточный Туркестан и покупал там стада овец, которых он приводил домой с помощью пастухов. Ташполат любил шутки, был веселым и толстым. Он рассказывал Рузи, как его отец посчитал деньги, которые он заработал, монету за монетой, и сказал своей жене: – Мадам, посмотри: мы богаты. Теперь мы можем готовить узбекский плов каждый день.

Дядя Ташполата, Исакжон Халмат, был одним из тех, кто в те дни часто посещал семейный дом Рузи, чтобы поговорить о политике. Другим другом Джемшида был Сафижон-ака, который был очень умен, хорошо образован и хорошо говорил на русском языке. Он болел полиомиелитом и поэтому ходил на костылях. Сафижон-ака внимательно следил за процессами в центральной России и Ташкенте, и однажды он сказал: – Джемшид-бей, то изобилие, которое существует в стране в настоящее время, нынешняя благоприятная экономическая ситуация, спокойная обстановка, не продлятся очень долго. Коммунисты вводят эту новую политику, чтобы умиротворить людей, успокоить их и заставить богачей вытащить деньги, которые они прятали. Эта ситуация закончится очень скоро. Они конфискуют товары и богатство богатых людей. Так что будьте осторожны. Примите меры предосторожности.

Джемшид был ремесленником, полностью преданным давней семейной традиции шелкоткачества. Он понимал, что в новой системе для него не было никакой возможности заниматься коммерцией как предприниматель, но для режима было бы полезно, если изготовление шелка будет продолжаться, и он был уверен, что его профессиональные знания и опыт будут необходимы. Он был совершенно прав. Успешная работа Джемшида на маргиланской шелкопрядильной фабрике продолжалась до конца его жизни.

Однако в этом случае он быстро последовал совету его дальновидного друга. Он закрыл свою маленькую гостиницу и мастерскую в своем доме. Он не доверял советским банкам и банковским сейфам для хранения ценностей и потому он выкопал погреб, где спрятал большую часть самых ценных шелковых тка-

ней, и покрыл его землей так, чтобы никто не мог найти его. Время подтвердило правоту Сафижона. Вскоре после их беседы дома богатых семей начали грабить.

Когда молодые люди Маргилана вступали в брак, то невесте полагалось подарить золотые браслеты и ожерелья. Если бы они оказались в финансовой нужде, то супружеская пара могла бы продать часть или все эти ценности.

Новый режим хорошо знал об этой традиции и прибегал к любым средствам, которые у него были, чтобы узнать, какое золото, драгоценности или другие ценности хранились в домах людей. Они даже использовали маленьких детей, чтобы узнать об этом. Учитель Рузи однажды сказал: – Ну, дети, давайте посмотрим, у чьей мамы больше всего украшений! Все, у кого у матерей есть какое-то золото, поднимите руки.

Класс на мгновение был сбит с толку. Некоторые ученики подняли руки.

Рузи, который разбирался во всем происходящим вокруг него, не поднял руку и смотрел прямо вперед. Он не говорил ни слова, но чувствовал себя плохо, потому что его мать когда-то сказала ему: «Даже если это означает смерть, никогда не лги». Пока он боролся со своими чувствами, он вспомнил другую пословицу, которую его мать часто повторяла ему: «Говори правду, даже если над твоей головой висит меч. Лгуны не оставляют после себя хорошую репутацию, и все, что они создают, не просуществует долго». В последний момент он поднял руку и сказал: – У моей матери есть золотая сережка.

Так он одновременно сказал правду и сохранил в тайне браслеты и другие золотые драгоценности в доме.

Вскоре после этого чиновники провели обыски во всех их домах, опираясь на информацию, которую дали дети. Они забрали все драгоценности, которые смогли найти. Но мать Рузи потеряла только свою золотую сережку. Все другие ее ценности были спасены.

Судьба брата Рузи была хуже. В 1927 году он работал клерком в Министерстве юстиции Узбекистана, когда он был арестован людьми НКВД, советской тайной полиции, и обвинен в том, что он пантюркист, контрреволюционер и буржуазный националист. После короткого процесса он был расстрелян.

Новость о его казни стала ужасным ударом для родителей Рузи. Мать проявляла к своему пасынку даже больше привязанности, чем к своему собственному сы-

ну. Чувство скорби окутало их дом. В то время как все плакали, десятилетний Рузи блуждал вокруг, разделяя свое горе за старшего брата, которого он так сильно любил и от которого он узнал очень многое, со своей матерью, отцом и сестрой Шамсихон. Его отец позвал его, сказав, чтобы он немедленно пришел. Он вынул пачку сигарет, которую один друг принес ему, и дал ее сыну. Потом он наполнил рюмку водкой и сказал Рузи: – Возьми сигарету и зажги ее. Потом выпей водку до дна. Рузи был удивлен и заколебался. Но когда его отец сказал: – Давай. Делай, как я говорю, он с трудом зажег сигарету и начал пить. Из-за дыма он закашлялся, а водка ударила ему в голову. Джемшид прижал сына к своей груди и взял его за маленькие руки. – Ни я, ни твой умерший брат никогда не прикасались к сигарете или алкоголю, – сказал он. – И вот теперь, как твой отец, я оставляю тебя с этим уроком. Если бы твой брат курил сигареты и пил водку, возможно, сегодня он был бы жив.

Так Джемшид преподавал своему единственному оставшемуся сыну символический, но впечатляющий и важный урок, который привил в Рузи дух храбрости и сопротивления. Всю свою оставшуюся жизнь Рузи никогда не забывал того, что произошло той ночью.

Противоречия

Рузи вел двойную жизнь с того самого дня, как он пошел в школу. В школе был атеизм, дома – вера в Бога. Хотя он был только ребенком, Рузи был уверен, что любовь и вера его отца и матери представляли истинную действительность. Дома люди с похвалой и восторгом говорили о героических деяниях тех, кто боролся за независимость Туркестана между 1918 и 1925 годами. Но в школе не жалели слов на то, чтобы осуждать их бандитизм и описывать всех их как воров и разбойников. Дома воинов, которые были пойманы и расстреляны, считали мучениками и святыми. В школе же их описывали как предателей, врагов коммунизма и агентов капиталистических государств.

Ум Рузи был сформирован этими противоречивыми фактами, и в школе он стал в некотором роде актером в спектакле. Его реальной личностью была та, которой он жил дома, но он никогда не проговаривался и не совершал оплошностей в школе; как раз наоборот. Он был успешен и популярен. Эта последняя особенность привлекла к нему внимание руководителей школы, и они приняли его в комсомол, молодежное крыло Коммунистической партии. Вскоре руководители школы и партии выбрали его на должность секретаря школьного комитета, и Рузи продолжал выполнять эту роль, пока не оставил школу в 1932 году, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Он теперь больше не был ребенком, а юно-

шей, ум которого уже воспринял много вещей. В течение сотен лет люди Ферганской долины работали фермерами. В долине существовали оросительные каналы, которым было уже три тысячи лет, но они все еще оставались в рабочем состоянии. Но советская идеология с самого начала видела в фермерах угрозу режиму, ввиду опасности того, что они могли стать буржуазными капиталистами. Единственным способом, каким можно было бы справиться с этой угрозой, была передача сельского хозяйства из-под контроля буржуазии под контроль пролетариата. Была составлена программа, направленная на достижение этой цели. Первая стадия включала объявление, что большинство крупных землевладельцев – это враги народа, за чем последовал их арест. Их земельные участки затем были распределены среди безземельных крестьян.

Ситуация детей, семейные земли которых были конфискованы, была жалкой. В один день ребенок приходил в школу как член богатой и привилегированной семьи. На следующий день он или она оказывался в положении ребенка врага режима и народа. Рузи утешал этих детей, обнимал их и пытался разделить их боль. Через некоторое время эти дети исчезали из школы. Большинство из них, даже в том юном возрасте, переселялись в какую-то другую из центральноазиатских республик и пытались выжить там под другими именами.

На второй стадии программы землю снова отбирали у ее новых владельцев-крестьян и объединяли в коллективные хозяйства, известные как колхозы и совхозы. Стада, принадлежащие кочевникам, были конфискованы. Каждый кочевник, которому принадлежали, возможно, тысячи животных, был теперь вынужден еле сводить концы с концами как пастух своего собственного бывшего домашнего скота. Политика коллективизации, начатая Сталиным в конце 1920-х и продолжавшаяся в течение 1930-х годов, из-за голода и лишений стоила жизни миллионам людей. За эти годы голод убил в Центральной Азии около восьми миллионов человек.

Когда Рузи окончил среднюю школу, он стоял на пороге решения о своем будущем. Комитет комсомола Маргилана решил, что он должен был работать в его отделе подготовки кандидатов в пионеры, готовя детей к вступлению в молодежное крыло Коммунистической партии. Даже в этом подростковом возрасте Рузи осознавал необходимость тайны и скрытности, и знал об огромных проблемах, которые даже один легкомысленный разговор мог обрушить на головы людей. На своей новой работе он учил детей играть в игры. Но он также пытался привить им, в доступной форме, то моральное воспитание, которое он сам получил дома.

Работа Рузи в комитете продлилась один год, и в конце этого года он принял решение. Он хотел учиться. Он понял, что единственный способ остаться на плаву в этой жизни состоял в том, чтобы получить хорошее образование и освоить достойную профессию. Он поговорил с матерью и отцом, получил их согласие, и затем отправился в Ташкент.

2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ В СТАЛИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ташкент

Ташкент – усаженный деревьями город, один из самых зеленых в мире. Самым ранним поселением в этом регионе был город Минг Урик, его имя означает «тысяча сливовых деревьев», основанный приблизительно в 200 году до нашей эры. Позже его называли Чач, Шаш и Шашкент. В самом древнем турецком словаре «Divanü Lugati 't Türk» этот город называют и Шаш, и Ташкент.

В 751 году нашей эры Ташкент был завоеван арабами. В десятом столетии он принадлежал Сасанидскому Ирану, а в тринадцатом и четырнадцатом веках он оказался в границах тюркского государства Караханидов. В конце четырнадцатого столетия он стал частью империи Тимуридов и был одним из его культурных и торговых центров. Город был украшен большим разнообразием мечетей, медресе и больших гостиниц. Впоследствии он управлялся тюркскими ханствами Центральной Азии.

Когда Кокандское ханство было ослаблено нападениями войск царской России, Ташкент был захвачен и превращен в штаб-квартиру русского генерал-губернатора, назначаемого из Санкт-Петербурга. К северу от Ташкента, на расстоянии около 2500 километров, находился Оренбург, штаб-квартира Степного генерал-губернаторства, и когда была построена железная дорога между Оренбургом и Ташкентом, последний стал одним из самых важных транспортных узлов в Центральной Азии. После Октябрьской революции Ташкент был столицей сначала Туркестанской Советской Социалистической республики, созданной в составе Российской Федерации в 1918 году, и затем, с 1924 года – столицей Узбекской Советской Социалистической республики. После распада Советского Союза в 1991 году он стал столицей независимого Узбекистана.

Когда Рузи с деревянным чемоданом в руке приехал учиться в Ташкент в 1933 году, он был мальчиком, усы которого только начали расти. Он в общих чертах уже понял природу Советской власти. В стране не было никакого свободного предпринимательства. Только государство устанавливало правила экономиче-

ской жизни. По этой причине он хотел изучать экономику. Так как он окончил школу с отличными оценками и был хорошим комсомольцем, он был принят на подготовительный курс Экономическо-планового института в Технической школе. С помощью друзей семьи из Маргилана, которые жили в Ташкенте, он быстро приспособился к жизни большого города.

Первый председатель Президиума Верховного совета Узбекистана Юлдаш Ахунбабаев тоже был родом из Маргилана. Он был по происхождению сравнительно плохо образованным обычным рабочим, добродушным человеком, с отеческим отношением. Народ его очень любил. Ахунбабаев знал о том, что происходило, но ничего не мог с этим сделать. Он знал и любил красивого и умного сына Джамшида-аты. Однако у Ахунбабаева была косоглазая и довольно некрасивая племянница, и он хотел, чтобы Рузи женился на ней. Каждый раз, когда он предлагал это, Рузи отговаривался болезнью или приближающимися экзаменами. Но Ахунбабаев был настойчив. В конце концов, Рузи нашел решение. Хотя он был холост, он попросил другого друга своего отца: – Пожалуйста, скажите Ахунбабаеву, что у меня есть невеста, и что наши семьи согласились на наш брак, и я не могу отвернуться от нее.

Его помощник сделал то, о чем его попросили, и вопрос был закрыт.

Карим Гайбуллаев, другой друг семьи из Маргилана, был редактором и одним из авторов «Yash Leninji» («Молодой ленинец»), ташкентской газеты. Он проявил большую привязанность и дружбу к Рузи и дал ему работу в газете. Так Рузи разделял свои дни между учебой, журналистикой и Комитетом Октябрьского района в Ташкенте. По вечерам он посещал курсы химии в Институте подготовки учителей. Так как он был членом партии, он мог знать о том, что происходило в стране и в остальном мире, в то время как его работа репортера позволяла ему узнавать о местных событиях.

Каждый день в газету поступала информация, что кто-то был арестован. Публиковались лживые истории о том, как враги народа совершали преступления против партии и режима. Как репортер в «Молодом ленинце», Рузи, конечно, знал, что по ночам НКВД, советская тайная полиция, арестовывала многих интеллектуалов. Но было невозможно сообщать объективные новости об этих арестах. Их нужно было описывать точно в той форме, которую определял отдел прессы партии. Даже намек на критику стал бы смертным приговором и для автора, и для редактора газеты.

Чайхана

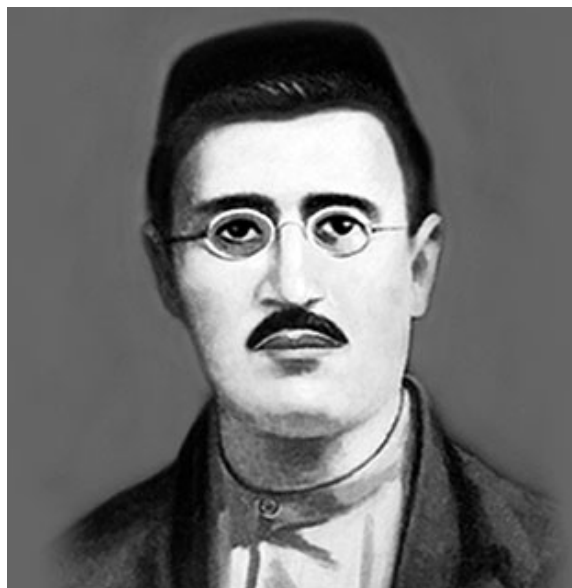
Среди занятий, которые особенно нравились Рузи во время его пребывания в Ташкенте, были встречи с его друзьями в чайхане и совместные трапезы с ними, на которых они ели узбекский плов, приготовленный для этого случая. Чайханы в Центральной Азии называют «*cherhanes*», что означает приблизительно «дома обещания». В Узбекистане они – очаг традиции остроумного ответа, состязания в остроумии и находчивости, названного «*askiye*» («аския»), в котором два или больше человек соревнуются в остроумии при разговоре на какую-то тему, либо согласованную заранее, либо выбранную наугад. Слово «*askiye*» является искаженной формой множественного числа арабского слова «*zeki*» – «умный» и означает «знаток использования слов, хорошо осведомленный и остроумный». Опытные игроки «*askiye*», как ожидается, придумывают тонкие замечания и мгновенные соответствующие ответы, подхватывая любой юмор, иронию и метафору в словах своего противника. Игрок «*askiye*» должен попытаться найти двойное значение в каждом высказывании и дать ответ, который отвечает на оба значения. Например, если каждое зернышко узбекского плова было действительно прекрасно, то кто-то мог бы сказать: «Еда пошла вниз хорошо». Соперник мог бы немедленно ответить: «Где осела еда внизу? Одна из кастрюль встала и пошла куда-нибудь еще?» Затем беседа продолжалась бы в таком же духе среди общего смеха. Такими ночами рассказывают многочисленные стихи и исполняют музыку.

Мамуржон Узоков, бывший ученик мясника, которого отец Рузи взял в свой дом за много лет до этого, стал теперь одним из самых известных певцов Узбекистана. Он любил Рузи как младшего брата. Много раз по вечерам он приходил в чайхану и исполнял туркестанскую музыку. Он мог петь некоторые из бесчисленных песен, которые персидский музыкант Абдулгадир Мараги (1353—1435) сочинял и исполнял во дворце Шахруха, наследника Тимура в пятнадцатом веке. За ними следовали произведения других узбекских музыкантов вплоть до современности. Такие вечера были очень эмоциональны и романтичны.

Мамуржон Узоков (1904-1963)

Абдулхамид Чулпан, самый популярный поэт в Туркестане в начале 1930-х годов, только что был арестован, и его стихи читались в чайханах. В середине 1930-х начались аресты и убийства поэтов, которые прежде принадлежали к движению джадидов и теперь были членами коммунистической партии, под тем предлогом, что они якобы были врагами народа. Чтение вслух произведений поэта, который был арестован, могло привести, в свою очередь, к аресту самого чтеца. Но после нескольких рюмок водки по вечерам в чайханах гнев начинал изливаться из всех сердец.

Абдулхамид Чулпан (1897 (по другим данным 1893) -1938)

Такими вечерами вспоминались печальные события. Рассказывались истории об интеллектуалах, которых в молодости отправили учиться в Германию, на собранные с трудом деньги, в надежде на то, что они приобретут новые знания и вернуться, чтобы помочь своей стране стать передовой и богатой. Приехав в Берлин, одну из самых развитых столиц Европы, из крошечного городка на колониальных землях Центральной Азии, из культуры, у которой все еще были характерные черты средневекового сельскохозяйственного общества, они погрузились в среду современной западной цивилизации. Там они окончили свое обучение в университетах и продолжили работать над кандидатскими и докторскими диссертациями. Наконец, заявив, что их странам нужна электрификация, они вернулись в Ташкент.

В 1923 году шестьдесят студентов из Туркестана учились в Германии, и юноши, и девушки. Одиннадцать из них послала туда Туркестанская Советская Социалистическая республика и сорок девять – Бухарская Народная республика. К сожалению, история этих молодых людей, которые несли тяжелое бремя надежды своей страны, закончилась не так, как она началась. Большинство их стали героями большой трагедии. К концу 1920-х взгляд властей на этих студентов начал меняться, и некоторым, кто возвратился домой на летние каникулы, отказали в разрешении возвратиться в Германию. Другие все же доучились за границей, несмотря на множество проблем, материальных затруднений и потерю стипендий. Большая часть их затем вернулась в свои страны.

Абдулвахаб Муради был первым, кто вернулся домой. Он приехал в Узбекистан со своей женой, немкой Мартой, и их двумя детьми и начал преподавать в сельскохозяйственной школе. В ноябре 1929 года Мунаввар Кары и тридцать восемь других ведущих фигур туркестанского движения джадидов были арестованы. Почти все они получили тюремные сроки. Муради на некоторое время был заключен в ташкентскую тюрьму. Позже один туркестанский беженец в Афганистане по имени Ферганали Насрулла рассказывал, что в последний раз он видел его в Соловецком лагере.

Мунаввар Кары Абдурашитов (1878-1931)

Некоторые из тех, кто поехал в Германию, не вернулись. Им суждено было сыграть важную роль в последующей жизни Рузи вне Советского Союза, и работать с ним во время его пребывания в Германии и Соединенных Штатах.

Конфликты идей

Ситуация в стране была гнетущей, серьезной и тревожной. В 1933 году Рузи поступил в Техническую школу, успешно сдав трудные экзамены. Но в следующем году школа переехала в Самарканд, а Рузи не захотел ехать туда. Вместо этого он поступил в Ташкентский педагогический институт. Одновременно он посещал курсы, организованные Центральным комитетом комсомола.

Одной из самых лучших особенностей советской власти в то время было значение, которое она придавала искусству, даже при том, что все сферы искусства использовались для пропаганды. В Ташкенте были различные театры и музыкальные группы. Рузи никогда не пропускал концерт или спектакль. У него были друзья среди узбекских девушек-танцовщиц, которые выступали в мюзиклах, и среди актеров и актрис в театрах. Он часто встречался с ними и ходил к ним в гости домой, и с восхищением наблюдал за девушками, когда они танцевали, или его переполняли эмоции, когда он слушал проникновенные узбекские песни.

У Рузи в это время было три близких друга. Это были люди, с которыми он был в самых хороших отношениях. Они делились всеми своими горестями и обменивались мнениями о политике. Они даже обсуждали антиреволюционные идеи. Самым старшим из этих друзей был Усман Алиев, которому было двадцать семь лет в 1934 году. Вторым был Мунаввархон Ташходжаев, которому было двадцать пять, и третьим был Султан Алиев, которому было двадцать три, и он учился в русской школе и получил образование журналиста. Султан был автором в газете, которая издавалась дважды в месяц на маргиланской шелковой фабрике. Он жил в доме возле фабрики. Когда Рузи бывал в Маргилане, он часто встречался с Султаном у него дома и долго с ним беседовал.

На летних каникулах Рузи возвращался в семейный дом в Маргилане. Он там никогда не бездельничал. Он учил детей биологии, химии и математике, и он старался никогда не пропускать собрания членов комитета комсомола в Маргилане.

В начале марта 1934 года интеллектуалы Маргилана проводили свою ежегодную общую конференцию. Собрание проходило под председательством члена городского партийного комитета по имени Гафоров, и среди участников были жена председателя маргиланского ГПУ (тайная полиция); Мунаввархон Ташходжаев, директор маргиланской школы; заместитель директора Усман Алиев; и Рузи, самый молодой из всех. Близкий друг Рузи Султан Алиев тоже должен был бы участвовать в конференции, но в этом случае он отсутствовал, потому что уехал работать в другой город. Во время совещания проходили трудные и жаркие дебаты.

Шестнадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза в 1930 году постановил, что социализм должен быть внедрен во все части общественного строя всюду по всей стране. После этого съезда эта резолюция часто повторялась. На совещании в Маргилане друг Рузи Усман задал вопрос: – Согласно учению Маркса и Ленина, социализм в истории человечества – это стадия, ко-

торая должна последовать за капиталистическим периодом. Но Узбекистан и другие центральноазиатские страны никогда не переживали период капитализма. Так как же мы совершим переход от феодализма до социализма?

Вопрос этот вызвал интерес собравшихся, и последовали интенсивные дискуссии.

Рузи столкнулся с этим вопросом в трудах Атаджана Хашима, который учился в Москве и Ленинграде и обладал глубокими знаниями марксизма-ленинизма. Он и два других его друга теперь поддерживали Усмана в утверждении, что социализм мог быть построен только после капитализма, используя примеры из работ Маркса и Ленина. Товарищ Пукина отчаянно возражала. – Нет, – говорила она, – можно перейти от феодализма к социализму и без построения капиталистического общества. Да, это возможно, потому что на стороне народов Центральной Азии стоит героический и сознательный русский пролетариат. Народы Центральной Азии пойдут прямо от феодализма к социализму с помощью и под руководством русского пролетариата.

Собрание закончилось, но расхождение во мнениях так и осталось.

Приближение террора

1930-е были годами бедствия для Центральной Азии, каковыми они были и для всего СССР. После смерти Ленина в 1924 году Сталин стал его преемником в качестве главы Коммунистической партии и постепенно сконцентрировал все полномочия в своих руках. Это обострило конфликты из-за природы нового режима внутри высокопоставленных инстанций партии и вне ее. Военный коммунизм, Новая экономическая политика, которая последовала за ним, и введение индустриализации и коллективизации вызвали не только дискуссии среди членов партии, но также и сильную реакцию простых людей, что привело к восстаниям во многих местах. Сталин жестоко подавлял любую оппозицию, будь она внутри режима или снаружи. Подавляющее большинство бывших большевистских лидеров были либо нейтрализованы, либо ликвидированы на том основании, что они якобы были агентами буржуазии и врагами народа. Те, кто остались, будут впоследствии обвинены в таких преступлениях как убийство или заговор с западными державами на московских процессах 1936-1938 годов.

1 декабря 1934 года Рузи вернулся в чайхану со своими друзьями и приготовил узбекский плов. Они глубоко погрузились в беседу, находя некоторое облегчение от гнетущей политической атмосферы страны, но когда наступило время

новостей, они все прислушались к радио. Диктор взволнованно объявил, что Сергей Миронович Киров, член Политбюро (высший орган формирования политической линии советской Коммунистической партии) и первый секретарь Ленинградского областного партийного комитета, был убит. Это было совершенно неожиданной новостью, но никаких других деталей не сообщили. Все в чайхане были ошеломлены. Рузи внимательно прочитал все статьи, опубликованные о Кирове после семнадцатого съезда компартии. Киров был очень талантливым оратором, лидером, пользовавшимся популярностью у советских интеллектуалов, и в нем видели потенциального преемника Сталина. На следующий день в «Правде» и других газетах были опубликованы официальные заявления Центрального комитета Коммунистической партии, где говорилось, что Киров был убит «врагами трудящихся».

Современные исследования теперь установили, что Киров, вероятно, был убит по приказу самого Сталина, но это убийство Сталин использовал как предлог, чтобы устранить всех своих противников и начать эру террора и уничтожения в Советском Союзе. На следующий день после убийства Кирова Сталин сделал так, чтобы советское правительство одобрило новые решения о политических процессах, о следствии и суде в советских республиках.

2 декабря 1934 года в «Правде» была опубликована следующая резолюция за подписью председателя Президиума Центрального исполнительного комитета Советского Союза Михаила Ивановича Калинина и его секретаря Авеля Сафроневича Енукидзе:

«ЦИК Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора».

После убийства Кирова тысячи людей были арестованы НКВД во всем Советском Союзе, хотя Рузи и его друзья, как и остальная часть населения вообще, понятия не имели о размахе этих действий. Среди арестованных были Григорий Зиновьев, один из лидеров Октябрьской революции 1917 года; Лев Каменев, заместитель премьер-министра в советском правительстве; и двенадцать других партийных вождей. В 1936 году их судил суд, в котором председательствовал Василий Ульрих, председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, тогда как обвинял их Андрей Вышинский, главный государственный обвинитель Советского Союза. Было объявлено, что все обвиняемые признались в том, что они контрреволюционеры и враги народа. Были вынесены смертные приговоры и немедленно приведены в исполнение.

Сталинская диктатура как кошмар опустилась на весь Советский Союз. После процесса Эминтай Муминов, маргиланский корреспондент «Молодого ленинца», написал статью о собрании интеллектуалов двумя годами ранее в маргиланском центре комсомола, на котором так жарко обсуждался прогресс социализма. Он начал полномасштабное наступление на Рузи и его друзей, обвинив Мунаввархона Ташходжаева и Усмана Алиева в том, что они проявили «буржуазное сознание и выступали против социализма», и осудив их всех как врагов народа. Реакция в Маргилане была быстрой, и произошли страстные дебаты. Результат состоял в том, что Рузи и два его друга были исключены из комсомола!

Султан Алиев избежал этой судьбы, потому что он пропустил совещание, хотя на самом деле он был самым самоуверенным и упрямым из этих трех. И если бы он присутствовал на собрании, то он, несомненно, тоже спорил бы с женой председателя Пукина и поэтому тоже был бы исключен. Мунаввархон и Усман лишились работы. Рузи знал, что он тоже был в большой опасности. Большая чистка шла теперь полным ходом, и для людей стало уже довольно обычным делом терять своих близких за одну ночь.

Друг Рузи Мунаввархон был типичным молодым узбеком, довольно невысоким и коренастым, черноволосым и светлокожим. У него были каре-зеленые глаза и правильные черты лица. Он был на пять лет старше Рузи. Они чувствовали большое взаимоуважение и дружбу. Как два молодых интеллектуала, они часто обсуждали колониальную систему, которая существовала в их стране, и состояние экономики, и без конца говорили о будущем. Одним из их любимых занятий было ходить гулять и беседовать в садах далеко в окрестностях Маргилана. Отец Мунаввархона умер уже давно. Мать Мунаввархона была главой семьи и

дала ему образование, но только с большим трудом. У них был хороший просторный дом, он располагался в замечательном зеленом саду.

Мунаввархон и Рузи должны были восстановиться в комсомоле любой ценой, иначе они не смогли бы найти работу, и поэтому они написали ходатайство в маргиланский городской комитет комсомола, прося восстановить их. Они утверждали, что были преданными принципам коммунистической партии и принесли свои извинения, если они неверно интерпретировали представления Маркса и Ленина. Это была своего рода самокритика. Комитет ответил отрицательно и сказал им, что они были исключены из организации во второй раз. Решение, принятое в Маргилане, было подтверждено Центральным комитетом комсомола Узбекистана в Ташкенте. Рузи и Мунаввархон знали, что теперь Москва была единственным местом, где их проблема могла быть решена, и поэтому Рузи отправился в Москву.

Это был первый раз в его жизни, когда Рузи ступил на землю города, где когда-то жили русские цари. Он добрался до офиса центральной организации всего Советского Союза, которой подчинялись организации советских республик, и вручил свое и Мунаввархона прошение чиновникам Центрального комитета.

Чиновники расспрашивали Рузи, задавая вопросы о марксизме-ленинизме. В итоге их заявление было удовлетворено, и они оба снова стали членами комсомола.

Рузи был вне себя от радости. Он решил не только свою собственную проблему, но также и проблему Мунаввархона. Он остался в городе еще на неделю, и впервые в жизни он увидел представление в Большом театре. Из-за этой поездки его и так уже значительная любовь к искусствам еще больше усилилась.

Усман Алиев сказал, что решит свою проблему другим способом. Он посещал различных знакомых в Ташкенте, встречался с высокопоставленными партийными деятелями и государственными чиновниками, и был, в конечном счете, назначен директором училища в Каттакурганском районе Самаркандской области. Он не прилагал усилий, чтобы восстановиться в комсомоле. В мае 1936 года в «Маргиланской Правде», местной газете, появилась статья, озаглавленная «Усман Алиев и его сторонники». В статье утверждалось, что Усман, будучи студентом, являлся членом тайного антикоммунистического общества патриотических молодых узбеков, находившихся в оппозиции к Советам. Он, как утверждалось, отравил умы таких молодых людей как Рузи, Мунаввархон и Султан Алиев пантюристскими, панисламскими, антикоммунистическими и националистическими идеями. После восьми месяцев работы в Каттакургане Усман вер-

нулся в Маргилан, чтобы увидеть свою жену и ребенка, которому было всего один год. В ту же ночь, когда он приехал, в его дом ворвались агенты НКВД и увезли его в неизвестном направлении. Рузи и его друзья не слышали дальнейших новостей ни об Усмানে, ни о его маленькой дочке, и лишь много лет спустя они узнали, что его отправили в Сибирь в концлагерь.

Они были группой из четырех молодых близких друзей. Они говорили между собой о политических заблуждениях, несправедливых арестах, о превращении царского колониализма в советский колониализм, о нехватке продовольствия, и о будущем их страны, но у них никогда не было даже мысли о создании какой-то секретной организации.

Спустя короткое время после ареста Усмана Алиева Султан однажды вечером сказал Рузи:

- Рузи, они подбираются ко мне. Моим отцом был Мадамин-бек, герой борьбы против Советов и Красной армии. Я – его сын, поэтому НКВД подозревает меня и следит за мной. Я думаю, что для меня было бы правильно исчезнуть на некоторое время.

На следующий день Султан уехал в Таджикистан и прожил там два года. Позже, когда советское правительство выпустило постановление, смысл которого состоял в том, что дети не могут отвечать за преступления, совершенные их родителями, он вернулся в Маргилан.

Вскоре после того, как Рузи был призван в армию, Султан стал старшим секретарем «Маргиланской Правды». Проработав там в течение короткого времени, он тоже был призван в армию. После этого Султан и Рузи переписывались друг с другом, пока не началась Вторая мировая война, и они утратили связь. Когда пятьдесят два года спустя Рузи, наконец, удалось вернуться на родину, он столкнулся с некоторыми знакомыми Султана Алиева и расспрашивал их о том, что произошло с ним, но у них не было никакой информации. Погиб ли добросердечный, красивый и умный друг Рузи в Сталинграде? Или на Дальнем Востоке? Рузи так никогда и не смог это узнать.

Другого друга Рузи, его наставника Карим Гайбуллаева, редактора «Молодого ленинца», постигла судьба, подобная судьбе многих интеллектуалов. Однажды ночью в конце 1930-х агенты НКВД ворвались в его дом. (Как и во всех тоталитарных системах, советские разведывательные службы предпочитали работать ночью, чтобы одновременно скрыть свои убийства и вызвать большой страх.

Рузи позже заметил, что Гестапо использовало идентичные методы в нацистской Германии.)

Гайбуллаев был арестован и подвергся допросам под пыткой в течение многих дней. В конечном счете, его под конвоем отправили в Москву, где обвинили в принадлежности к тайным организациям, созданным бывшим премьер-министром Узбекистана Файзуллою Ходжаевым и первым секретарем компартии Узбекистана Акмалем Икрамовым. Гайбуллаева обвинили в том, что он агент буржуазии и враг народа. Он отверг обвинения и был убит в тюрьме. Его семье сказали, что он умер там от болезни; в действительности он заболел в результате жестоких пыток, которым его подвергли.

Террор в Узбекистане

В феврале 1937 года Сталин выступил перед Центральным комитетом советской компартии. В своей речи он заявил, что пришло время очистить партию и государство от троцкистов, националистов, врагов народа, и групп, выступающих против рабочего класса. Последовали аресты во всем Советском Союзе, включая, конечно, Узбекистан. В мае того же года в Москве проходил десятидневный фестиваль узбекского искусства. Самые известные художники, артисты и музыканты Узбекистана приехали на фестиваль, но едва они прибыли в Москву, как агенты НКВД выслали их из города на том основании, что после Октябрьской революции они якобы были вовлечены в вооруженную борьбу против Советов в Туркестане. Среди тех, с кем обошлись таким образом, были музыкант Юсуфжон Шакиров, певец Хафиз Журахон Султанов и его два самых важных музыканта-аккомпаниатора. Когда музыканты вернулись в Ташкент, агенты НКВД арестовали мужа самой популярной национальной танцовщицы Узбекистана Мукаррам Тургунбаевой прямо на железнодорожной станции. Его обвинили в том, что он был членом секретной организации, созданной узбекскими патриотами тремя годами ранее, чтобы действовать против Советского Союза, и продавал ее антисоветский и антикоммунистический журнал «Kalamush» («Крот»). Тургунбаеву лишили права работать учителем, и она была сослана в Сибирь. Два года спустя она нашла способ вернуться в Узбекистан, и приехала туда, больная и израненная. Ее подруга в Ташкенте заботилась о ней, и позже ей предоставили должность консультанта в музыкальном театре под названием «Мукими».

Мукаррам Тургунбаева (1913-1978)

В июне на седьмом съезде Коммунистической партии Узбекистана в Ташкенте Файзуллу Ходжаева обвинили в том, что он религиозный реакционер, который придерживался исламских обычаев. Первый секретарь ЦК комсомола Исраил Артыков описал, как Ходжаев похоронил своего брата Ибада с исламскими похоронными обрядами, нарисовав звезду и полумесяц, и написав арабскую формулу на его могильном камне, и подарив, как полагалось по обычаю, золотые часы в подарок имаму, который омыл тело его брата. Затем председатель узбекского НКВД объявил, что Ходжаев был предателем партии, революции и государства и врагом народа. Ходжаев был премьер-министром и министром иностранных дел Бухарской Народной республики, но теперь никто не мог сказать и слова в его защиту. Его не переизбрали в члены Центрального Комитета, и он был снят с должности председателя Совета Народных Комиссаров.

После того, как эти меры были предприняты против него, Ходжаев поехал в Москву, намереваясь лично поговорить со Сталиным. Как только он приехал туда, он позвонил Михаилу Калинину, номинальному главе советского государства, чтобы попросить его о помощи. Калинин посоветовал ему отдохнуть в его отеле и сказал, что он попытается устроить встречу со Сталиным как можно скорее. Три дня прошли, но встреча так никогда и не состоялась. Третьей ночью Ходжаев был арестован НКВД.

1 сентября 1937 года в «Правде» появилась статья, написанная бывшим агентом НКВД по имени Александровский, теперь работающим журналистом в Ташкенте. Автор статьи обвинял первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Акмаля Икрамова в том, что он враг народа и защитник националистов. 3 сентября вторая статья утверждала, что Икрамов протезировал националистических писателей, включая Османа Насыра, Абдулхамида Чулпана, Айбека (настоящее имя Муса Ташмухамедов (Ташмухаседоглу)) и многих других. Три дня спустя появилась еще одна статья, заявлявшая, что Икрамов был одним из самых крупных врагов Советского Союза и Коммунистической партии. Через один или два дня после этого Икрамов был вызван в Москву. Он надеялся, что сможет поговорить непосредственно со Сталиным. Икрамов был награжден Орденом Ленина, и в течение многих лет его расхваливали до небес как самого успешного ученика Сталина в Центральной Азии, но теперь его звезда закатилась. Сталин не принял его, и Икрамову пришлось вернуться в Ташкент. 25 сентября 1937 года ЦК в Москве провел чрезвычайное совещание, на котором Икрамова жестко раскритиковали и затем исключили. Как только новости об этом решении достигли Ташкента, Икрамов был арестован сотрудником НКВД в здании Центрального комитета компартии Узбекистана. Его коллеги, которые были в здании, разбежались прочь. Агенты НКВД гнались за ними и арестовывали их. Была полная неразбериха. Секретарь городского комитета компартии Коканда попытался убежать, переодевшись женщиной. Алмазов, второй секретарь маргиланского комитета Коммунистической партии, был арестован на железнодорожной станции городка Горчаково.

Акмаль Икрамов был сыном известного мусульманского священнослужителя в Ташкенте; Файзулла Ходжаев происходил из одной из самых видных семей во всей Центральной Азии. После показательного процесса в Москве, длившегося с 2 до 13 марта 1938 года, оба они были приговорены к смерти, наряду с другими бывшими партийными сановниками, такими, как Николай Бухарин и Алексей Рыков. Их личное имущество было конфисковано, и смертные приговоры были немедленно приведены в исполнение.

Файзулла Ходжаев (1896-1938)

Акмаль Икрамов (1898-1938)

Рузи в то время был двадцать один год. Он ежедневно внимательно следил за сообщениями в советских газетах о суде над Ходжаевым и Икрамовым. Даже много лет спустя он не мог выбросить из головы вопрос, заданный Николаю Бу-

харину главным государственным обвинителем Вышинским, и тот ответ, который Бухарин ему дал. Вопрос и ответ демонстрировали масштаб фальсификации процессов. Вышинский спросил Бухарина: – Вы время от времени приезжали в Ташкент, чтобы отдохнуть. Но вашей настоящей целью был не отпуск. У Файзуллы Ходжаева и Акмаля Икрамова были тайные контрреволюционные организации, и вы знали о них. Пытались ли вы объединить обе эти организации?

Ответом Бухарина было малодушное признание: – У Икрамова была организация под названием «Национальное единство», а у Файзуллы Ходжаева была организация, называвшаяся «Национальная независимость». Эти два молодых человека не доверяли друг другу, и поэтому они создали две отдельные организации. Я поговорил с ними, и мне удалось убедить их объединиться.

Рузи и его друзья были изумлены, услышав это признание. Пока Туркестанская национальная автономия, установленная в Коканде в 1917 году, не была уничтожена Красной армией, была только одна группа, боровшаяся против Советов в Центральной Азии, организация, называвшаяся «Национальное единство». После ниспровержения национального правительства и бойни, устроенной Советами в Коканде, она изменила свое название на «Национальную независимость». Мустафа Шокай лично объявил об этом в то время: «Национальная Автономная область Туркестана уничтожена советскими войсками, и поэтому понятие автономии также исчезло. У нас теперь есть только одна цель: Национальная независимость, полная независимость». Суд в Москве примешал некоторые правдивые детали к выдуманному сценарию, чтобы осудить обвиняемых людей на смерть.

До того, как Икрамов и Ходжаев были отправлены на суд в Москву, их подвергли открытым процессам в двух городах в Узбекистане, Маргилане и Янгиюле. Рузи внимательно следил за событиями, ожидая открытого судебного заседания в Маргилане. Многие из ведущих партийных фигур были там на скамье подсудимых: местный партийный секретарь Алмазов; председатель Исполнительного комитета Хайдар Алиев; заместитель секретаря маргиланского комитета компартии Тормазов; заместитель директора маргиланской текстильной фабрики, и председатель колхоза Ягажпалван. Последним из них был высокий и красивый человек с фигурой атлета. Он победил на чемпионате по борьбе в Центральной Азии и получил золотую медаль. Он был, таким образом, народным героем. Главный прокурор Узбекской советской республики выступал главным обвинителем против них. Его обвинение зачитывалось вслух первые два дня. Он начал мощную атаку против обвиняемых. Прокурор называл их врагами народа, пантюркистами, панисламистами и агентами буржуазии. На третий день обвинитель подверг перекрестному допросу секретаря партии Алмазова, спрашивая его о

том, что было его целью и целью секретной организации, которую он основал. Алмазов отвечал спокойным голосом, критикуя советскую систему. В заключение он сказал, что они стремились к независимости, миру и процветанию. Процветание никогда не могло бы быть достигнуто через деспотизм, и в стране следовало бы ввести рыночную экономику.

Суд приговорил четырех из обвиняемых к смертной казни, тогда как Тормазов, единственный русский среди них, был приговорен к десяти годам лагерей. Вся их собственность была конфискована. Толпа из нескольких тысяч человек собралась в поддержку своих героев и кричала: «Да попадут они в рай после смерти! Аминь!» Здание суда было окружено вооруженными сотрудниками НКВД и солдатами, введенными из областного центра. Четырех осужденных мужчин посадили в тюремную машину, отвезли в столицу и расстреляли на рассвете. Их семьям даже не разрешили забрать тела.

Прощание с отцом

1939 год оказался годом, в котором Рузи потерял многих людей в своей жизни. Он начал спрашивать себя, не заберут ли и его однажды ночью агенты НКВД, после чего он будет приговорен к смерти инсценированным судом и затем ликвидирован. Какова будет его судьба?

В мае того же года он узнал, что его отец, который все еще жил в Маргилане, перенес серьезный сердечный приступ. Эта новость очень сильно его обеспокоила, и он без промедления вернулся домой. Летняя жара только начиналась, и город был в разгаре своей весенней красоты.

Доктора делали для Джамшида все, что могли, но медицинские возможности тех дней были ограничены. Они хотели, чтобы он продолжил лечение в больнице, но Джамшид настаивал на том, чтобы пойти домой. Он чувствовал, что ему были нужны нежная забота, которую могла дать ему Тажиниса, и теплая и любящая атмосфера, которую он нашел бы дома. В то же самое время Рузи вернулся в Маргилан и нашел работу начальника культурного отдела крупной транспортной компании, помимо некоторой учительской работы. Так у него был шанс по долгу побеседовать с отцом в семейном доме. Джамшид-ата давал ему советы, которые Рузи никогда не забывал в будущем. И, как будто пытаясь выгравировать свои слова в мозгу Рузи, отец связывал каждое такое наставление с какой-нибудь узбекской пословицей. Один из советов должен был показать важность патриотизма и упорного труда: «Счастье родины – это трон для тех, кто упорно трудится». Затем он сказал, что нужно быть дружелюбным по отношению ко

всем и любить людей, не делая различий. При этом он произнес: – Принять одного человека как гостя лучше, чем тысяча путешествий в Мекку.

Беседа о правде закончилась словами: «Лжец – не человек; говорить ложь – это не для тех людей, которые заслужат славу».

- Если кто-то склоняет свою голову перед тобой, – говорил он, – тогда и ты тоже поклонись ему, пока твоя голова не коснется земли. Если же кто-то высокомерно и гордо поднимает свою голову перед тобой, то и ты поднимай свою собственную голову, пока она не коснется неба.

Его отец хотел, чтобы эти узбекские изречения прочно запомнились Рузи.

Джамшид был воспитан в соответствии с этикой центральноазиатских суфиев, и он советовал своему сыну быть мужественным, храбрым и щедрым, держать свое слово и быть правдивым. Однажды он спросил: – Сын мой, не хочешь ли ты, чтобы я сказал тебе, какая мораль самая высшая? Он продолжил: – Если твой жизненный принцип – делать добро другим людям при каждой возможности, то забывай свой добрый поступок в тот самый момент, когда ты совершил его. Если не делать этого, то хороший поступок перестанет быть хорошим. Но если кто-то другой сделает что-то хорошее тебе, то не забывай об этом, пока ты жив, и пытайся сделать что-то хорошее для них каждый раз, когда у тебя есть такая возможность. Те, кто забывает добро, сделанное им, нелояльны и вероломны. Захир ад-дин Мухаммад Бабур говорит: «Нет ничего хорошего в нелояльном человеке. И в ничего не стоящем человеке нет никакой лояльности».

На одиннадцатый вечер после того, как он вернулся в Маргилан, мать Рузи сказала ему: – Я приготовлю манты на обед этим вечером. Мы съедем их вместе, а затем после обеда твой отец хочет о чем-то поговорить с тобой.

Тажиниса превосходно готовила все традиционные узбекские блюда, и манты были великолепны, но Джамшид съел только две штуки, с удовольствием наблюдая за здоровым аппетитом своего сына. Когда обед был закончен, он начал: – Рузи, мой дорогой мальчик, мы вошли в этот мир как мусульмане, и, даст Бог, мы пойдём к Нему как мусульмане. Он продолжал: – Этот мир похож на гостиницу с двумя дверями. Мы входим через одну и выходим через другую. Мы не знаем, как долго мы останемся здесь. Именно Бог определяет это. Но каждый из нас принимает этот мир на веру. Никто не может знать, что случится завтра. Я знаю, что эти времена, в которых мы находимся теперь, – чрезвычайно сложные и трудные. Когда я умру, не чувствуй никакого беспокойства, но выполни все обряды нашей религии, положи меня в могилу, обернутого в саван,

и делая так, читай Коран и следуй исламским ритуалам. Не сомневайся. Да будет Аллах твоим помощником.

Рузи охватило душевное волнение, и он спросил отца, почему он так говорил. – Я надеюсь, что ты проживешь еще много лет, и мы проведем еще много приятных дней вместе, – сказал Рузи. Джамшид с нежностью посмотрел на Рузи и улыбнулся. – Давай надеяться, что будет так, как ты говоришь, сын мой.

В этот день Рузи понял, что его отец действительно потерял свою силу, и что его смерть не была далека. Двадцать два года его собственной жизни прошли перед глазами Рузи как кадры фильма. Он вспомнил своего брата, Юлдаша Кары. Когда-то давно, в январе 1924 года, Юлдаш был членом официальной узбекской делегации из Ташкента, которая поехала в Москву на похороны Ленина. После возвращения он принес своему маленькому брату Рузи игрушечный пистолет. В тот момент все воспоминания Рузи об отце и старшем брате внезапно ожили в нем.

На следующее утро после этой совместной трапезы, в половине восьмого утра, Джамшид умер. Рузи выполнил желание своего отца точно, как тот его просил. Похоронный намаз был совершен в маргиланской мечети Календерханэ, и затем были прочитаны суры из Корана, и Джамшида похоронили согласно мусульманской традиции.

Исламский обычай также определяет, что спустя две недели после похоронной церемонии нужно устроить обед для родственников, друзей и соседей. В таком случае нужно декламировать Коран и прочесть вслух молитву «Фатиха» за душу умершего человека. За день до того, как эта церемония должна была произойти в доме Джамшида, его друг Ибрагим Ахунбаев, директор маргиланской средней школы и один из самых известных коммунистов города, неожиданно пришел к ним в дом. Как только он выпил стакан чая, который ему предложили, Ахунбаев сказал: – Рузи, насколько я знаю от твоей сестры Шамсихон, ты завтра собираешься провести здесь религиозную церемонию, чтобы оплакать смерть своего отца. Послушай меня, не посещай эту церемонию. Пусть женщины семьи займутся этим. Я приеду сюда завтра рано утром и отвезу тебя в центр Ферганы, и мы сможем провести там этот день вместе.

На следующий день дядя Рузи по материнской линии был хозяином церемонии, в то время как сам Рузи и Ахунбаев вместе уехали в Фергану. На следующий день он узнал от своей сестры, что председательница женской секции комитета комсомола провела весь день в чайхане, соседней с их домом, вместе с одним

молодым человеком. Они сидели там, чтобы увидеть, кто принимал участие в церемонии.

Вскоре после этого в маргиланской газете появилась статья о Рузи. Статья утверждала, что Рузи был религиозным и старомодным человеком, что он был под влиянием своей реакционной матери, которая следовала религиозным традициям. Рузи подумал, что начнется новое расследование против него, но то, чего он ждал, не произошло. В послереволюционные годы многие интеллектуалы, сторонники модернизации, которые принадлежали к движению джадидов, вступили в компартию, чтобы попытаться служить своей стране. Большинство из них лишились жизни в ходе арестов и казней, последовавших за убийством Кирова, но некоторые все еще оставались в высших эшелонах партии. Ахунбаев был одним из них, и, помешав Рузи присутствовать на траурной церемонии по его отцу, он спас ему жизнь.

Через три месяца после смерти отца Рузи был призван в армию.

3. РУЗИ В КРАСНОЙ АРМИИ

На пути к войне

В августе 1939 года смерть Джамшида все еще чувствовалась, и Рузи был теперь оплотом семьи. Его мать и сестра обе смотрели на него со слезами в глазах. Мать обнимала его, сажала около себя, и говорила: – Мы только что похоронили твоего отца. Ничего хорошего не получили мы от этого безбожного советского государства. Они убили твоего чудесного старшего брата. В чем была его вина, кроме любви к своей стране? И теперь они собираются превратить тебя в солдата Красной армии и дать оружие в твои руки. И, возможно, они прикажут тебе стрелять в твой собственный народ. Сын мой, никогда не поступи неправильно. Никогда не забывай, что ты – дитя этих земель. Я буду каждый день просить Бога сохранить тебя и сделать так, чтобы однажды ты вернулся в свою страну живым и здоровым. Ты – Рузи, сын Джамшид-бея. Так что иди, сын мой, и делай то, что, как ты знаешь, является правильным, и то, во что ты веришь.

Рузи пытался утешить свою мать, говоря ей, что она не должна огорчаться или волноваться за него. На следующий день он явился в военный комиссариат Маргилана. Он прошел серьезную медицинскую проверку, которая установила, что у него нет проблем со здоровьем, которые помешали бы его военной службе. Так он теперь стал солдатом Красной армии. Последовал обязательный пя-

тремямесячный курс молодого бойца в лагерях Красной армии в Маргилане – марши, физическая подготовка, затем стрелковая подготовка. Запах войны витал в воздухе. Офицеры и сержанты, обучавшие новобранцев, часто напоминали им, что они должны изучать все должным образом, потому что во время войны даже маленькая ошибка может стоить жизни. «Поле боя очень отличается от учебного полигона», говорили они.

23 августа 1939 года Йоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел нацистской Германии, и Вячеслав Молотов, советский министр иностранных дел, подписали договор о ненападении, гарантирующий, что, если Германия вступит в войну с Польшей и ее союзниками, то Советский Союз останется нейтральным, и что если СССР возвратит земли, потерянные во время Первой мировой войны, то Германия не станет возражать против этого. 1 сентября армии нацистской Германии, оснащенные самым передовым и смертоносным вооружением, напали на Польшу. Так началась Вторая мировая война.

2 января 1940 года железнодорожная станция в Маргилане напоминала сцену Армагеддона. Основной курс боевой подготовки Рузи закончился днем раньше. Теперь сотни молодых солдат из Маргилана, Ташлака, Ферганы и других городов, юноши, усы которых лишь недавно пробились, были на вокзале, ожидая, что их повезут в разные края, удаленные на тысячи километров. Их родственники приехали на вокзал, чтобы попрощаться со своими сыновьями и братьями, зная, что может случиться так, что они видят их в последний раз.

Глаза Рузи напряженно искали его мать, сестру и других родственников. Он мог увидеть, что они тоже искали его. Одному из его родственников-мужчин удалось протолкнуться через толпу и передать Рузи пакет. – Возьми это, твоя мать передала его. Ты можешь съесть это по пути.

В пакете были самса (сухой мясной пирог), казы (колбаса, сделанная из конины), очищенные грецкие орехи, миндаль, изюм и другие лакомства. Глаза Рузи встретились с взглядом его матери. Хотя он был на некотором расстоянии от нее, он мог видеть, что она плакала. Но она улыбнулась и помахала ему, пытаясь приободрить сына и скрыть свои слезы от него. Рузи помахал ей в ответ. С того дня он часто видел свою мать – но только во сне.

Когда Рузи возвратился в Маргилан в 1992 году, его сестра Шамсихон рассказала ему, что до самой своей смерти в сентябре 1968 года его мать каждый день молилась за него. И, хотя у нее не было никаких вестей о нем в течение многих лет, она верила, что ее сын жив, счастлив и успешен.

Одесса

Поезд засвистел, когда он медленно въезжал на станцию. Большею частью он состоял из вагонов для перевозки домашнего скота, и поэтому окна в этих вагонах были сделаны высоко по углам. В каждом из вагонов были устроены деревянные койки. Солдаты были размещены в вагонах по тридцать человек в каждом. Так началось двенадцатидневное путешествие через степи Центральной Азии. Двери были заперты снаружи и открывались только на время приема пищи. После раздачи воды и еды солдатам выделялось пять или десять минут, чтобы они могли подышать воздухом снаружи и пойти в туалет. Затем солдат снова запирали в вагонах.

По пути некоторые солдаты ворчали и спрашивали, почему их держат взаперти. Разве они были заключенными или животными? Один из группы Рузи, русский, который все еще был только мальчиком, выкрикнул: – Парень, люди, которые едут с нами, главным образом узбеки и мусульмане. Они более опасны, чем заключенные или животные. Именно поэтому они запирают нас. Другой молодой русский встал и повернулся к тому, кто это сказал. – Не наглей. Заткнись, а то я выбью из тебя эту дурь. Мы все едем в одну и ту же сторону, и мы все разделим одну и ту же судьбу. Рузи был растроган словами молодого русского. Он подошел к нему и обнял его. – Не расстраивайся, – сказал он. – У нас есть поговорка: Есть человек, и есть подобие человека; осёл лучше, чем он.

Замечания Рузи разрядили атмосферу, и в вагоне послышался смех.

В трудных обстоятельствах люди иногда умеют преодолеть вещи, которые в обычной ситуации казались бы невозможными. Во время того долгого путешествия один из молодых русских сделал музыкальный инструмент, похожий на балалайку, а один из узбеков смастерил другой струнный инструмент, похожий на дутар или саз. Солдаты пели песни на узбекском и русском языках, и парни танцевали свои национальные танцы.

В конце двенадцатого дня пути поезд остановился на товарной станции в Одессе, где выгрузили некоторых солдат, включая Рузи. Они не могли помыться в течение двенадцати дней, и в вагонах не было никаких туалетов, так что любой, кому приспичело, вынужден был опорожняться внутри вагона. Солдаты воняли настолько ужасно, что они почти падали в обморок от своего собственного запаха. На следующий день их отвезли в местные турецкие бани. Там их постригли и выдали каждому белье, одежду и обувь. Одежда, возможно, была ношеной, но зато она была чистой и выглаженной.

Капитан по одному расспрашивал солдат, чтобы определить уровень их образования и способностей. В школе Рузи особенно интересовался математикой, физикой и химией. Армейские офицеры отобрали его вместе с молодыми русскими из Ферганы для прохождения курсов противохимической защиты. В течение трех недель они все время проводили на этих курсах в здании около Одесского артиллерийского училища. Рузи занимался с интересом. В конце третьей недели они получили разрешение выйти в город с эскортом одного из старших солдат, и вскоре после этого им разрешили выходить в город самостоятельно. Но теперь началась их реальная военная служба. Рузи в Одессе подстерегали приключения.

В ближайшее время Рузи встретил в Одессе многих своих соотечественников, большинство которых было в армии уже больше двух лет. Все узбеки собирались в кафе и беседовали, утоляя свою тоску по дому. Некоторые из узбекских солдат в Красной армии приехали из деревень или колхозов. Это были несчастные молодые люди, которые не говорили на русском языке, и их ситуацию никак нельзя было назвать хорошей. Русские солдаты постоянно запугивали и оскорбляли их, называя их азиатами, «черноголовыми» или нацменами (членами национального меньшинства). Узбеки также жаловались на то, что, когда посылки с едой приходили к ним из дома, то их немедленно крали.

Время Рузи в Одессе проходило при сильном психологическом стрессе, из-за неопределенности и его сомнений в своем будущем. Сама Одесса походила на мозаику народов, живущих на территориях, колонизированных Советами. Некоторые люди видели в Гитлере надежду на освобождение от сталинского режима. Были также крымские татары и украинские националисты, пытающиеся установить связь с офицерами армии, которая, как они думали, однажды придет как победительница. Даже одесские греки, и те, кто были богатыми торговцами до революции, и те, кто тогда работал в доках, симпатизировали немцам. С точки зрения евреев города, однако, жизнь в случае немецкой оккупации была бы невыносимой.

Однажды Рузи прогуливался в одесском порту, глубоко погруженный в мысли о собственном будущем, когда к нему в голову внезапно пришла сумасшедшая идея. Почему бы ему не записаться матросом на одно из турецких судов, пришвартованных здесь, и затем поехать в Турцию? Турция, родственная его народу страна, находится по ту сторону Черного моря, на южном берегу. Он подошел к грузовому судну под турецким флагом, которое загружалось в доке в течение нескольких дней. Рузи вспомнил свои годы в Школе Ногая. Ногай иногда заставлял детей маршировать как солдаты. И когда они маршировали, он кричал: «Левой, правой, левой, правой. Пусть только товарищ по имени Ленин

умрет, пусть только Ленин умрет, и Ататюрк спасет нас». Он печально улыбнулся, вспомнив, что его брат умер перед расстрельной командой.

Мустафа Кемаль-паша Ататюрк (1881-1938)

Рузи поднялся на борт, представился капитану судна и немедленно начал объяснять, что он был из Туркестана и хотел бы попасть в Турцию. Капитан показался немного напуганным и обеспокоенным, но он сказал Рузи, что его судно вернется в Одессу из Стамбула через пару месяцев и, если Рузи сможет получить правильные документы, он возьмет его.

Рузи знал, что это будет невозможно, и он снова погрузился в отчаяние. Он подумал о своей матери, своей сестре, своих друзьях, о красивых узбекских девушках, которых он знал, и о своей родине, которая была теперь частью мрачного мира советского режима. Так как он был членом семьи, другой сын которой был казнен как враг режима, казалось, что в Ташкенте его не могло ждать блестящее будущее.

Тамара Ханум

Рузи с детства увлекался танцами и музыкой. В Узбекистане, и особенно в Ташкенте, у него было много дружеских связей с певцами и артистами, и сердечных дел с певицами, актрисами и исполнительницами народных танцев. Все это отсутствовало в его новой жизни. Поэтому, когда он услышал, что группа исполнителей из Узбекистана посетит Одессу, он с большим энтузиазмом и нетерпением ждал этого события. Кто приедет? Будет ли среди них кто-то, кого он знал?

В середине мая 1940 года Тамара Ханум и ее ансамбль прибыли в Одессу и дали великолепный концерт в самом большом концертном зале города. Зрители в зале могли только стоять. Гибкие танцы Тамары и ее песни околдовали аудиторию, большинство которой составляли молодые люди вроде Рузи из Узбекистана или других центральноазиатских республик. Заключительные аплодисменты не смолкали в течение многих минут.

Тамара Ханум (1906-1991)

Тамара Ханум была узбекской армянкой, родившейся в Ферганской провинции, недалеко от Маргилана. Она начала танцевать и петь совсем в юном возрасте, еще до того, как она стала брать уроки классической узбекской музыки у одно-

го из мастеров того времени Юсуфжона Кизика Шакаржонова. В 1919 она присоединилась к музыкальному ансамблю Хамзы Хакимзаде Ниязи, потом работала в ташкентском государственном театре, за чем последовал период обучения в Государственном институте театрального искусства в Москве. Великолепная балерина, она стала чрезвычайно успешной исполнительницей узбекских народных танцев, а также прославилась как талантливая актриса и ведущая классическая певица. В 1956 году она получила звание Народной артистки Советского Союза.

Рузи уже знал ее с былых времен в Узбекистане, когда она принимала участие в музыкальных вечерах, организованных его отцом в их доме. После концерта ей удалось зайти к ней за кулисы. Она приветствовала его с такой любовью, как будто он был ее братом, сыном или возлюбленным, которого она не видела много лет. Рузи почувствовал себя так, как будто он вернулся домой, в объятия своей матери или сестры. Тамара представила его другим членам ансамбля, включая красивых узбекских певиц и танцовщиц. Следующим днем был праздник, когда Рузи мог выйти в город без сопровождающего его старшего солдата. Так в Одессе он встретился с молодыми артистами, показал им город и привел их в кафе, и они провели вместе прекрасный день.

Рузи также узнал, что одним из дежурных офицеров в концертном зале предыдущим вечером был татарин по имени Самет, который родился в Фергане. Он представился капитану Самету, и они познакомились друг с другом. Жизнь Самета была несчастливой. Он осиротел в раннем детстве и воспитывался в русской школе-интернате в Фергане. Русские воинские части там приняли его как своего рода талисман, и после того куда бы ни направлялась бригада, туда ехал также и Самет. Со временем он стал офицером, и когда он встретил Рузи, он был командиром мотострелковой роты. Он был женат на русской женщине, но детей у них не было.

В самые первые дни войны часть Самета столкнулась с немецкими войсками в Бессарабии, и когда немцы продвинулись вперед, она оказалась в ловушке в немецком тылу. Какой-то русский артиллерист, не зная об этом, направил свой залп на немцев, и Самет и много солдат из его роты погибли.

Война начинается

В 1941 году Гитлер начал операцию «Барбаросса», внезапное нападение, нацеленное на захват Советского Союза. Двадцать два месяца прошло с того дня, когда Молотов и Риббентроп подписали договор о ненападении. Немецкие вой-

ска с помощью блицкрига уже заняли Югославию и Грецию, в то время как Румыния и Болгария, тогда нейтральные, попали под немецкий контроль. И таким образом 22 июня 1941 года армии нацистской Германии с 3000 танков, 1500 самолетов и миллионом солдат достигли границ Советского Союза. План состоял в том, чтобы после взятия Ленинграда, Смоленска и Киева наступать на Москву и захватить советскую столицу.

Так начался один из самых кровавых конфликтов в истории человечества. Гитлер думал, что война продлится от трех до шести месяцев. На самом деле она продолжалась до конца 1945 года и стоила жизни десяткам миллионов людей. В первые дни кампании результатом для Красной армии был почти полный разгром, с потерей тысяч танков, орудий и самолетов. Немецкие армии быстро продвигались вперед по советской территории. К концу сентября они достигли большинства своих целей, хотя и не смогли захватить Ленинград и Сталинград. Общее количество погибших, раненых и попавших в плен советских солдат превысило пять, миллионов. Мир ждал, что предсказания Гитлера осуществлят-ся.

В качестве реакции на немецкое нападение Красная армия отходила к Москве, используя тактику выжженной земли, подобную тактике войск царя Александра I, когда они сражались с Наполеоном. Тысячи офицеров Красной армии, кото-рые были арестованы в 1930-х и с тех пор содержались в тюрьмах или трудов-ых лагерях, ожидая дня, когда они будут убиты, были освобождены и вновь назначены на должности в армии. Хотя Сталин теперь уже знал, что Япония со-биралась вступить в войну на стороне Германии, он принял решение перебро-сить на запад части Красной армии, дислоцированные на Дальнем Востоке, все еще свежие и не понесшие потерь в боях.

27 ноября авангардные части 1-й танковой дивизии немцев столкнулись с же-стоким сопротивлением Красной армии всего в тридцати километрах от Москвы. Звук немецкой артиллерии можно было услышать в Кремле. В конечном итоге, советские войска остановили немцев прежде, чем те смогли достигнуть Москвы.

За месяц до начала операции «Барбаросса» Рузи был одним из тысяч солдат Красной армии, которые участвовали в крупных учениях. Войска из Одессы, Киева и других областей действовали под контролем Маршала Советского Сою-за Семена Михайловича Буденного и первого секретаря Коммунистической пар-тии Украины Никиты Сергеевича Хрущева. Буденный был знаменитым команди-ром кавалерии Красной армии во время Гражданской войны.

Рузи был поражен тем фактом, что офицеры, руководившие маневрами, знали номера и названия немецких дивизий и полков. Он про себя подумал, что это доказывало, что советские разведывательные службы отнюдь не бездельничали, и что были сделаны серьезные приготовления к войне. Железнодорожная линия проходила за их казармами, и все больше поездов с военными грузами уходили на запад, позже возвращаясь пустыми. Рузи и другие солдаты могли почувствовать, что война приближалась, но они никогда не говорили об этом между собой.

На рассвете следующего дня после начала военных действий, Рузи и его друзья проснулись от звука сигнальных горнов. Отдаленную канонаду можно было услышать даже в том месте, где они были размещены. Солдат отправили в Бессарабию с оружием и боеприпасами. Во время своего марша они прошли рядом с двумя военными аэродромами, которые сильно пострадали от бомбежки немецкой авиации. Самолеты были полностью уничтожены, все горело.

Младший лейтенант Рузи

Рузи больше не был просто обычным солдатом. Он теперь был офицером. Когда он окончил свои курсы в Одессе и сдал последующие экзамены, ему присвоили звание младшего лейтенанта. Перед самым началом войны он был назначен в разведывательную часть моторизованной дивизии. Батальон состоял из трех рот: одной роты легких плавающих танков, одной мотоциклетной роты и одной роты бронев автомобилей. Рузи был назначен командиром взвода в роте бронев автомобилей. Под его командованием было три броневика, экипаж каждого из которых состоял из водителя и стрелка. Над ними были командир и его помощник.

Взвод Рузи начал собирать разведданные, работая по ночам, потому что в дневное время дороги были переполнены отступающими солдатами Красной армии. Однажды Рузи нарушил привычную рутину, выдвинувшись из казарм, чтобы провести разведку днем. Он наткнулся на группу из пятнадцати или двадцати отступающих солдат. Они были в ужасном состоянии, и некоторые из них были ранены. Среди них он узнал Ташполата, своего друга из Маргилана, и обратился к нему. Ташполат не смог узнать его в офицерской форме. Когда Рузи подбежал к нему, Ташполат отдал ему честь: – Слушаюсь, товарищ командир!

Рузи едва сдержал смех. – Бедняга, Ташполат, ты на самом деле не узнал меня? Что с тобой случилось?

Наконец, Ташполат понял, кто перед ним, и они радостно обнялись. Рузи попросил, чтобы сержант, командовавший отделением Ташполата, позволил им отдохнуть несколько часов. Сержант согласился, и у Ташполата была с Рузи долгая беседа.

Ташполат был направлен в дивизию, стоявшую прямо на границе. Когда немцы напали, там произошли очень кровавые бои. Почти все в его дивизии были перебиты.

- Слава Богу, ты жив, – сказал Рузи своему другу.

Ташполат, едва перестав быть ребенком, уже испытал почти все, что только можно было себе представить. В 1920-х, когда система позволила людям немного свободы, и его отец сделал хорошие деньги, его семья начала есть узбекский плов каждый день. В 1930-х богатство их отца было конфисковано, и их проблемы начались снова. Ташполат, бывший богатый ребенок, был призван в армию как сын кулака-лишенца, и был отправлен прямо на фронт без надлежащего обучения. Он видел своих друзей, разорванных на куски огнем танковых пушек и артиллерии. Теперь он шел к будущему, о котором ничего не знал.

Когда пришло время расставаться, они пожелали друг другу здоровья и долгой жизни.

- Мы снова встретимся в Маргилане, – сказали они друг другу.

И они действительно встретились. Им обоим предстояли годы нужды и кровопролития, печали и радости, удач и несчастий, но эти два друга действительно снова встретились после возвращения Рузи на родину. Но к тому времени ему и Ташполату было почти семьдесят пять лет.

Советское правительство решило эвакуировать почти 500 000 своих граждан из Бессарабии во внутреннюю часть СССР. Дороги заполнились старухами и стариками, детьми, младенцами, и ранеными. Большинство беженцев было евреями. Рузи еще не понимал значения их бегства. Немецкие самолеты-истребители часто бомбили и обстреливали эти толпы, и хаос становился еще хуже.

После десяти дней на границе Бессарабии подразделение Рузи отправили на фронт. Там они оставались в течение десяти дней под интенсивным огнем немецкой артиллерии и танков, и под авиационными бомбежками. Наибольшие потери причиняли немецкие минометы. Советские солдаты всюду пытались отступить, хотя отступление без приказа приравнивалось к дезертирству и кара-

лось расстрелом на месте. Рузи думал, что они будут отведены к Одессе, но вместо этого они начали отступать вглубь Украины, пытаясь отстреливаться от немцев. Потери постоянно росли. Жизнь солдат, и особенно тех, кто, подобно Рузи, были выходцами из колоний, не имела никакой ценности во время этой войны. Сталин был решительно настроен победить, не считаясь с потерями. Советской армии был отдан приказ не оставлять противнику ничего целого. Они с боями отходили на Украину, уничтожая все за собой.

На Украине Рузи получил ранение в живот и в небо шрапнелью от немецкой минометной мины. Два санитары очистили и перевязали его раны, затем сказали, что он должен ждать отправки в госпиталь. Но хотя прошли часы, никто так и не приехал. Рузи терял кровь. Когда начало темнеть, два узбекских солдата из отступающей советской части заметили Рузи, когда они проходили мимо, и пожалели его. Им было приблизительно двадцать два или двадцать три года, добросердечные крестьянские парни. Они оба работали в колхозе, пока их не призвали в армию. Они взяли Рузи под руки, и пошли с ним искать помощи. Из-за этого Рузи стал беспокоиться за них. Того, кто оставлял свое подразделение по любой причине, даже чтобы помочь раненому человеку, могли посчитать дезертиром. Это означало, что этих двух солдат могли расстрелять. После того, как они прошли так несколько часов, Рузи сказал солдатам, чтобы они бросили его. Молодые узбеки отказались. Тут на горизонте показался какой-то дом, и они сказали ему, что отнесут его туда. Они добрались до дома после двух мучительных часов карабка по склону горы.

Дверь дома открыл украинец немного старше пятидесяти лет, в чистой одежде. Рузи был почти без сознания. Из последних усилий он поблагодарил молодых солдат и посоветовал им поторопиться назад в свое подразделение. Он был настолько уставшим и слабым, что даже не спросил их адреса, а они убежали, не оглядываясь назад. Когда он наблюдал, как они уходили, Рузи подумал о том, смогут ли эти два парня, совсем еще молодые, когда-нибудь вернуться в свою страну и к своим семьям. Или они погибнут на бескрайних просторах России и Украины? Он в последний раз посмотрел им вслед и помолился: «Дорогой Бог, пожалуйста, защити их и позволь им вернуться к своим близким».

Сны

Украинская пара, которая жила в сельском доме на горе, нежно заботилась о Рузи. Они промыли его раны большим количеством самогона, затем перевязали их бинтами, которые они прокипятили. Они выстирали его белье и положили Рузи отдыхать в удобной кровати у них в погребе. Рузи пил чай, который они

делали из разных трав. Потом его усталое и израненное тело больше не могло держаться. Как только он допил чай, он провалился в глубокий сон.

Однажды во время этого сна, Рузи, казалось, открыл свои глаза в сновидении, которое оказало на него сильное воздействие. Ему снилось, что его мать уехала из Маргилана и приехала на Украину, чтобы увидеть своего сына. Она шла вокруг воинских частей и казарм, пытаясь найти его. Солдаты сказали ей, что он был в украинском селе, и так она добралась до дома, где был ее сын. Но между ними была стеклянная стена. Каждый из них мог видеть другого, и они громко кричали, но стекло было настолько толстым, что они друг друга не слышали. На его матери был шелковый яшмак. Ее лицо светилось как свет, и она улыбалась Рузи. Даже при том, что они не могли говорить, они могли понимать друг друга, общаясь жестами. Его мать, казалось, говорила: «Держи мои руки, сын мой», и она потянулась к нему. Рузи протянул свои руки, как будто, чтобы схватить ее, но, несмотря на все их усилия, они не могли дотронуться друг до друга, разделенные стеклянной стеной между ними. Глаза его матери начали наполняться слезами. Наконец, она сделала жест, прощаясь со своим сыном, и ушла.

Рузи открыл глаза. Он был в горячечном поту. Так как он все еще был в оцепенении от сна и под воздействием своих ран, ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, где он находился. Он понял, что то, что только что произошло, было просто сном. Но он очень редко видел сны. Он почувствовал печаль, как будто что-то обожгло его сердце.

Однажды до войны, когда его отец болел в Маргилане, у Рузи был еще один из его редких снов. В Узбекистане были замечательные ярмарки. Клоуны делали свои трюки, и канатоходцы устраивали опасные представления. Продавались аппетитные сладости и манты, и самые лучшие повара предлагали вкусный узбекский плов своим клиентам. Чемпионы игры «askiye» перебрасывались словами друг с другом, заставляя своих слушателей громко хохотать. В своем сне Рузи оказался на одной такой ярмарке. Канат был натянут между столбами на высоте приблизительно двадцати пяти метров и затем плотно прикреплен к земле, чтобы сохранить натяжение. Его отец Джамшид-ата очень медленно шел по канату, поддерживая равновесие руками. Джамшид прошел определенное расстояние, остановился, чтобы передохнуть, и затем начал идти снова. Когда он отдыхал во второй раз, он внезапно потерял равновесие и упал вниз. Рузи помчался в толпу в поисках отца, но не мог найти его. Он начал кричать: «Отец!» Все еще плача, он проснулся от сна. Два дня спустя его отец умер.

Сон о матери напомнил Рузи тот более ранний сон. Он не мог не думать о том, что произошло через два дня после того сна. Он нашел собственную интерпре-

тацию этому сну. «Этот сон означает, что с этого момента, всю оставшуюся жизнь, я больше не увижу мою мать», сказал он сам себе. В 1992 году, когда Рузи, наконец, снова ступил на родную землю, он смог только посетить могилу, в которой она была похоронена двадцатью четырьмя годами ранее.

Возможно, это был эффект чая, который его украинские хозяева дали ему, но Рузи проснулся, проспав пятнадцать или шестнадцать часов. Когда он встал, его форма и нижнее белье были выстираны, высушены и поглажены. Хозяин дома сказал ему, что он не должен теперь носить советскую военную форму. Красная армия полностью покинула этот район, и он теперь находился под контролем немецких солдат. – Это более безопасно, – сказал он, и дал Рузи несколько предметов крестьянской одежды. Рузи вымылся и побрился. Его хозяин снова промыл его раны самогоном и перевязал их.

После перевязки Рузи уже ждал завтрак. За едой Рузи кратко рассказал украинцам о себе. Его хозяева слушали с интересом. Из вопросов, которые задавал хозяин дома, и его манеры говорить, Рузи сделал вывод, что он был образованным человеком, начитанным и культурным.

Его раны быстро показывали признаки исцеления, и к Рузи начала возвращаться его сила. Он стал делать часть работы по дому, восхищая его хозяев, у которых не было своих детей. Они были так добры к нему, как будто он был их приемным ребенком.

Четыре дня прошли, и затем однажды вечером хозяин дома вернулся, сияя от радости и счастья. Он сказал Рузи, что на Украине было установлено национальное правительство, и поэтому этот день стал праздником для него. Эти слова показывали, что он был украинским патриотом. Рузи искренне поздравил его и затем сказал: – Если бы только мы в Центральной Азии могли бы создать наше собственное независимое правительство. Это была первая фраза в искренней, без боязни цензуры беседе между Рузи и его хозяином.

Его хозяин начал рассказывать Рузи подробности о местах, в которых тот очутился. Постепенно он объяснил Рузи, как он может выйти наружу, когда это можно сделать безопасно, а когда опасно, куда он мог пойти, и каких мест ему следовало бы избегать.

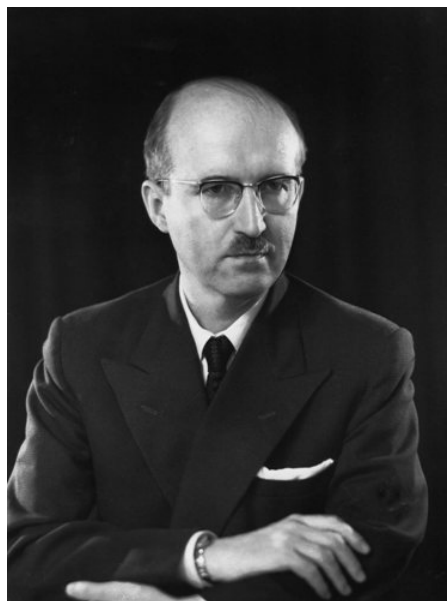
Прошла еще одна неделя. Рузи и его хозяева стали друзьями.

В конце 1920-х годов несколько сотен узбекских семей, которые были осуждены как кулаки, и их земли были конфискованы, но которые были знатоками вы-

ращивания хлопка, были вывезены из Ферганской долины и переселены на Украину. Климат там был неподходящим для выращивания хлопка, но хотя замысел окончился неудачей, узбеки остались жить на Украине. Однажды хозяин дома сказал Рузи, что поселок этих узбеков был неподалеку. Он объяснил, что они были хорошими людьми, и что украинцы и узбеки жили дружно. Во время их беседы он делал себе заметки о том, где и когда родился Рузи. Однажды вечером две недели спустя он пришел домой и сказал своей жене, что он хотел бы поговорить с Рузи наедине. Когда его жена покинула комнату, он сказал Рузи, что он ходил в узбекский поселок и поговорил с некоторыми из местных стариков. Он сказал им, что ему нужен документ, чтобы доказать, что молодой узбек в его доме был сыном одной из семей этого поселка. Документ был подготовлен и подписан членами совета старейшин деревни.

С этим документом Рузи мог теперь выходить из дома без какого-либо беспокойства. Рузи от всего сердца поблагодарил хозяина дома. Он смог выходить на улицу, болтать и подружиться с украинскими девушками, ходить на сельские рынки и шутить с крестьянами. Он начал чувствовать, что стал свободным человеком. Однако, однажды вечером хозяин дома пришел домой, выглядя удрученным. Рузи спросил, отчего он так печален. Человек сказал ему, что немцы распустили украинское национальное правительство и арестовали его участников.

(Акт о восстановлении Украинского государства был провозглашен во Львове 30 июня 1941 года. Тогда же было создано его правительство – Українське Державне Правління, которое возглавил видный украинский националист Ярослав Стецько. Начиная с 5 июля, гестаповцы арестовали Степана Бандеру, Ярослава Стецько и других националистических политиков. – прим. перев.)

Ярослав Стецько (1912-1986)

Трудное решение

Национальный вопрос был одной из самых трудных проблем советского государства, каковым он был и при царях. Ленин обсуждал этот вопрос во многих своих статьях. Сталин тоже был очень озабочен им. До революции Ленин и его друзья осуждали царскую Россию как самую большую в мире тюрьму народов и обещали нерусским народам независимость. После революции эти народы, живущие в Советском Союзе, поняли, что были обмануты, и потому они стали участвовать во Второй мировой войне на стороне немцев, очень надеясь на то, что нацисты уничтожат Советский Союз и помогут им создать свои собственные национальные государства. Но когда немцы начали захватывать территории в Восточной Европе и даже подошли к Москве, стало ясно, что результат вовсе не будет таким.

Немецкая оккупационная армия на Украине сформировала вспомогательные подразделения, состоящие из молодых украинцев. Эти солдаты не носили официальной формы и были вооружены оружием, доставшимся от разбитых частей Красной армии. Их обязанностями были контролировать в качестве жандармерии территории, на которой они жили, охранять железнодорожные линии, станции, и склады еды и одежды, и обеспечивать законность и правопорядок.

Хозяин дома, где жил Рузи, сказал ему, что он должен записаться в такое вспомогательное подразделение ради своей собственной безопасности. Взяв документ, который совет деревенских старейшин дал ему, Рузи пошел туда и заявил, что готов поступить на службу. Его заявление было немедленно удовлетворено, и Рузи начал выполнять свои новые обязанности в этом подразделении.

Прошло четыре месяца. В конце октября 1941 года в Украине начало сильно холодать. Ротный старшина, хауптфельдфебель, командовавший подразделением Рузи, вызвал его в свой кабинет в штабе. Хауптфельдфебель Бауман был из озерного края около Линца в Австрии, седой и серьезный мужчина пятидесяти пяти или шестидесяти лет. Во время Первой мировой войны он был взят в плен русскими и несколько лет провел в России как военнопленный. За это время он научился прекрасно говорить по-русски.

- Вы приказали мне явиться сюда. Я прибыл, – сказал Рузи.

Бауман поприветствовал его, спросил, как у него дела, и предложил сесть. Он объяснил, что немецкое верховное командование начало создавать на Украине воинские части, состоящие из тюрок-мусульман: туркестанцев, татар, башкир и азербайджанцев. Мусульманские солдаты Красной армии, которые были взяты в плен или сами перешли на немецкую сторону, принимались в эти легионы как добровольцы. Рядовые и офицеры в легионах получили бы такой же правовой статус и права, что и немецкие рядовые и офицеры, а офицерами в этих новых частях должны были стать представители этих тюркских народов, которых Бауман уже упомянул. Но количество офицеров оказалось очень небольшим. Рузи был умным и образованным узбеком, и поэтому они хотели бы, чтобы он стал бойцом Туркестанского легиона, но фельдфебель добавил: – Мы можем отправить вас туда только в том случае, если вы сами захотите вступить в эти войска по вашей собственной доброй воле. Если же вы предпочтете остаться здесь во вспомогательных подразделениях, то это будет вашим решением. Хорошенько подумайте над этим. Вы не должны давать ответ немедленно. Подумайте несколько дней, а затем сообщите мне.

Это предложение вызвало настоящее головокружение у Рузи. Он думал об этом в течение многих дней и ночей, когда он не мог уснуть. Что ему делать? Если он присоединится к Туркестанскому легиону, и война не закончится победой для Германии, то он никогда не сможет вернуться на родину и никогда не увидит снова свою мать и сестру, или любого другого из близких ему людей. Если же он не вступит в легион, а немцы проиграют войну, то наступит день, когда он попадет в руки советских властей и будут расстрелян как дезертир. Оба пути

были рискованными и опасными. Но у второго варианта был ясный и ужасающий конец. У Рузи не было альтернативы. Он сообщил хауптфельдфебелю Бауману, что он вступит в Туркестанский легион.

4. СОЛДАТЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Молодых людей из Туркестана, призванных в армию, чтобы сражаться за Советский Союз, отправляли на фронт без большой подготовки. На начальном этапе конфликта очень немногим из них удалось отступить с Красной армией, и сотни тысяч были взяты в плен немцами. Мустафа Шокай, туркестанский националистический лидер, писал из Германии своей жене Марии в Париж, описывая ситуацию некоторых из этих пленных: военнопленные из Туркестана были призваны в Красную армию незадолго до того, как началась война. Среди них есть те, кого призвали всего за несколько недель до этого дня, и другие, которых забрали в армию примерно на два года раньше. Приблизительно 90 процентов из них не знают, как обращаться с винтовкой. Значительная доля солдат Красной армии из Туркестана служили на второстепенных должностях, например, конюхами или поварами. Очень многие из них говорили: «Как можно считать нас солдатами? За полтора года мы даже ни разу не держали винтовку в руках».

Одна группа туркестанских военнопленных так вспоминала о тех событиях: «Мы были группой из пятнадцати друзей, студентов-однокурсников педагогического института. 26 июня (то есть, спустя четыре дня после начала войны) директор вошел в класс и приказал нам построиться в шеренгу и ждать приказа из военкомата. Час спустя нас повели прямо на железнодорожную станцию, посадили в вагоны и повезли в неизвестном направлении, для военной муштры. Мы понятия не имели, куда нас везут. В городе Самаре нам выдали шинели и винтовки. Когда мы приехали в Харьков, они снова отобрали у нас винтовки. Там нас муштровали три дня. На четвертый день мы узнали, что наш командир сбежал, и что нас окружили немцы. Так мы собрались вместе, несколько сотен туркестанцев, включая тех, которые присоединились к нам по пути, и мы все вместе решили сдаться немцам».

В Красной армии эти солдаты из Центральной Азии страдали от издевательств, оскорблений и голода, в них видели людей второго сорта. Но теперь их ожидало что-то еще более мучительное и ужасное. В нацистской расовой идеологии туркестанцы рассматривались ниже, чем славяне, и они стали жертвами массового уничтожения. Положение военнопленных было ужасным. Мустафа Шокай писал своей жене, что он больше не может вынести этого. «Вчера я спас трид-

цать пять человек от расстрела. Они загнали их в яму. Сейчас октябрь. У них была только летняя одежда, так что они были полуголыми. Поэтому они пытались руками выкопать себе в земле норы, чтобы спастись от дождя и холода. Им бросали хлеб как собакам. Эти люди [то есть, нацисты] хуже животных. Ты можешь представить, каким опустошенным я себя чувствую. Я не могу вынести этого. Я хочу умереть».

Крымский татарин Дженгиз Дагджи писал в своих мемуарах: «Я был взят в плен около полудня 9 августа 1941 года. В первую неделю ноября тысячи пленных погнали в Уманский лагерь около Кировограда. Я не знаю точно, сколько нас было, но нас были тысячи. Мы были голодными и оборванными. Справа и слева от нас стояли вооруженные немецкие солдаты. Нас застиг снег и дождь со снегом. Из десяти тысяч дошли только три тысячи. Тех, кто обессилел и отстал от основной массы, немцы расстреливали. Их трупы бросали в грязи, которая доходила нам до щиколоток, а в некоторых местах была даже по колено. Количество тех, кто умирал в лагере, росло с каждым днем. Я никогда не знал, был ли пленный, лежащий около меня, жив или мертв. Каждый день новое тело добавлялось к куче, лежащей за уборными».

Дженгиз Дагджи (1919-2011) в старости

Десятки тысяч туркестанцев лишились жизни из-за ужасающих условий в этих лагерях. Один военнопленный вспоминал: «Когда мы прибыли в лагерь, там было 32 000 наших соотечественников. Всего за один месяц наше количество

уменьшилось наполовину. Когда наступил январь 1942 года, из 32 000 выжили только 2000».

Немцы и тюркские народы

Во время Первой мировой войны несколько тысяч туркестанцев, азербайджанцев, татар из Крыма и Казани, башкир, и мусульман с Северного Кавказа, служивших в царской армии, попали в плен к немцам. Некоторые из этих пленных обратились к немецкому Верховному командованию из лагеря Вюнсдорф около Берлина, где их содержали, заявив, что они хотели бы сражаться в армии союзника Германии – Османской Турции. Верховному командованию Османской империи сообщили об этом заявлении, и в мае 1916 года этих людей привезли в Турцию, где из них сформировали воинскую часть, известную как Азиатский корпус. После короткого периода обучения в Турции их послали на фронт в Ираке. Там Азиатский корпус героически сражался с англичанами и добился больших успехов.

Хюсрев Герееде, турецкий посол в Берлине во время Второй мировой войны, знал об этой истории и о нынешних тяжелых условиях в лагерях военнопленных, и получил известие от туркестанских друзей о проблемах региона. Турецкий генеральный штаб тоже держали в курсе дел. Герееде назначил встречу с заместителем министра немецкого министерства иностранных дел бароном Эрнстом Хайнрихом фон Вайцеккером. Много лет спустя Герееде описал эти события в своих мемуарах. «Я посоветовал им использовать в своих интересах этих военнопленных, подчеркивая, что это была просто моя собственная личная идея и совершенно частная. Намного позже после этого я прочел в одном томе немецких секретных документов, опубликованных американцами, что заместитель министра подробно проинформировал Риббентропа об этой дискуссии. Когда я прочел этот труд, то вспомнил, что я указывал, что народы Кавказа могли бы быть объединены в буферное государство, и что независимое туркестанское государство могло бы быть создано к востоку от Каспийского моря». Герееде назвал Вайцеккеру имена беженцев в Европе, которые, как он полагал, могли бы быть полезны. Одним из них был Мустафа Шокай.

Хюсрев Гереде (1884-1962)

В первые годы после захвата коммунистами власти в Центральной Азии некоторые из интеллектуалов в Туркестане, которые до тех пор боролись за создание независимого, демократического национального государства, убежали за границу в такие страны, как Германия, Франция и Турция. Позже к ним присоединились молодые туркестанцы, которых отправили учиться в Германию, и они остались там, в отличие от своих коллег, которые вернулись домой только для того, чтобы их там арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и казнили.

Мустафа Шокай, глава национального правительства, созданного в Коканде в 1918 году, эмигрировал во Францию в начале 1920-х. Там он возглавил работу среди диаспоры, чтобы восстановить независимость своей страны, издавая журнал «Yash Turkestan» («Молодой Туркестан»). Когда вспыхнула война, тяжелое положение сотен тысяч военнопленных туркестанцев привлекло к себе все его внимание.

В начале войны немецкое министерство иностранных дел вошло в контакт с Шокаем в Париже, чтобы попросить его о сотрудничестве. Их делегатом был Вели Каюм-хан, который был одним из тех, кого в 1921 году отправили из Бухары в Германию на учебу. Поощренный Герхардом фон Менде, профессором русской истории в Берлинском университете, он защитил докторскую диссертацию

цию о Туркестане и теперь работал журналистом и писал сообщения для Берлина о Центральной Азии. Мустафа Шокай был твердым сторонником демократии и презирал нацизм, поэтому он отклонил предложение. В то время Германия еще не напала на Советский Союз и вопрос военнопленных не возник.

Вели (Вали)Каюм-хан (1904-1993)

22 июня 1941, в день, когда началась Операция «Барбаросса», Мустафа Шокай был арестован и отправлен в лагерь, где он пробыл около недели. Благодаря усилиям профессора Менде Шокай был освобожден и привезен в Берлин. Там он увидел некоторых из первых военнопленных из Туркестана. После длительных раздумий Шокай пришел к заключению, что у него не было никакой альтернативы, кроме как сотрудничать с немцами, если нужно было добиться освобождения военнопленных. Он поблагодарил немцев за то, что немецкие власти позволили ему общаться с пленными, и начал осуществлять масштабную программу работы, с Вели Каюм-ханом в качестве помощника.

В июле немецкое министерство оккупированных восточных территорий приняло решение создать комиссию по делам военнопленных. Мустафа Шокай продолжил исследовать положение в лагерях, и он был потрясен увиденным там. Через Вели Каюм-хана он послал отчет немецким чиновникам. «Вы, немцы, считаете себя самой цивилизованной и культурной нацией в Европе. Если ваша культура выражается в том, что я вижу, тогда я хотел бы, чтобы вы сами тоже страдали от такой же катастрофы и уничтожались бы тем же способом, как уничто-

жаются пленные. Вы в двадцатом веке делаете худшие вещи, чем делал Чингисхан в тринадцатом. У вас нет никакого права называть себя культурной и цивилизованной нацией».

Профессор Герхард фон Менде (1904-1963)

Другие тоже были обеспокоены ситуацией в лагерях. Востоковед и профессор политологии профессор Менде, который сыграл важную роль в освобождении Шокая, был балтийским немцем. Он родился в 1904 году в Риге и воспитывался своим дядей после того, как его отца убили коммунисты. Жена его дяди происходила из татарско-башкирской семьи, отец ее попал в плен к немцам во время Первой мировой войны. Именно благодаря ей у Менде впервые пробудился интерес к тюркским народам. После Октябрьской революции Менде и его семья переехали в Германию. В университете он преподавал востоковедение и политологию и продолжал изучать тюркские народы СССР. Его книга «Национальная борьба тюрков России» («Der nationale Kampf der Russlandtürken») была опубликована в Германии в 1936 году и стала одной из наиболее важных работ на эту тему. Все еще будучи профессором русского языка в Берлине, он был в качестве исполнения обязательной военной службы прикомандирован к министерству оккупированных восточных территорий, возглавляемому Альфредом Розенбергом, где Менде стал начальником отдела иностранных народов. Таким образом, он хорошо знал о том, что происходило в лагерях. Менде прилагал

большие усилия, чтобы привлечь к этой теме внимание министерства, в котором он работал. В долгосрочной перспективе он надеялся на то, что, если Советский Союз был бы разрушен, то независимые государства Татарстан, Азербайджан и Туркестан образовались бы на его бывших территориях. В ближайшей перспективе, если бы военнопленные из Туркестана могли сражаться вместе с немецкой армией, то их страданиям в лагерях пришел бы конец.

Когда Первая мировая война закончилась поражением Османской империи, Энвер-паша, турецкий военный министр и заместитель главнокомандующего, покинул Стамбул и приехал в Германию. Его брат Нури-паша Киллигиль, который был командующим Кавказской исламской армией, последовал за ним. В 1922 году Энвер-паша, сражавшийся за независимость Туркестана, был убит солдатами Красной армии.

Энвер-паша (1881-1922)

Нури-паша Киллигиль (1881-1949)

Нури-паша Киллигиль оставался в Германии до 1938 года, когда он вернулся в Стамбул. Там он продолжил интересоваться проблемами Востока. Одно время он служил командующим армией в Азербайджане, затем вернулся в Германию, с введом турецкого Генерального штаба. В сентябре 1941 года он начал связываться с людьми в Берлине и встречался с Эрнстом фон Вайцеккером и Эрнстом Вёрманом, главой политического отдела. Паша в общих чертах представил Вёрману свои мысли о регионах Советского Союза, в которых проживали тюркские народы, и посоветовал ему использовать кавказских, центральноазиатских и татарско-башкирских пленных, которые в тот момент содержались в лагерях. Вёрман был впечатлен его аргументами и послал отчет министерству, сделав несколько предложений. Особенно важны в этом документе следующие строки: «Военнопленные тюркского этнического происхождения и также все мусульманские военнопленные должны быть отделены и собраны в специальном лагере, напоминающем лагерь, созданный во время Первой мировой войны около Вюндорфа. Затем следует провести исследование о том, может ли быть сформирована особая воинская часть из этих военнопленных. Согласно информации, полученной от отдела по делам военнопленных ОКВ [немецкое Верховное главнокомандование], имперский министр оккупированных восточных территорий доктор Розенберг передал такой запрос ОКВ. Как только они будут менее заняты, они намереваются начать классифицировать русских военнопленных согласно их этническому происхождению и расовой принадлежности. Нури-паша

хочет играть личную роль в этой деятельности. Он полагает, что, как только такие лагеря будут созданы, он мог бы участвовать в работе по отбору человеческого материала и его организации. Он считает, что это можно было бы сделать с неявного согласия турецкого правительства».

Отношения между Турцией и Германией

В это время два других важных гостя из Турции прибыли в Берлин. Это были генерал-лейтенант Али Фуат (Фуад) Эрден, командир военной академии, и генерал-майор Хюсейн Хюсюн Эмир Эркилет. Турция до сих пор осталась нейтральной, но их миссия состояла в том, чтобы встретиться с немецким Верховным главнокомандованием и посетить Восточный фронт и Крым. Они также хотели знать послевоенные планы Германии относительно территорий, населенных тюркскими народами СССР. Отто Вернер фон Хентиг, дипломат из немецкого министерства иностранных дел, сопровождал их в этом путешествии, а в немецком генеральном штабе их принял лично Гитлер. Для них были проведены информационные совещания и детально изучались карты. Турецкие генералы активно поддержали идею создания частей из военнопленных, которые могли бы сражаться против Советов.

Сентиментальность не является основанием для правительственной политики. Независимо от того, как много общего было у турок с солдатами Туркестанского легиона с точки зрения культуры, религии и этнического происхождения, подход турецкого государства всегда основывался на его собственных интересах. Если население колоний собиралось бороться за независимость, оно нуждалось бы в поддержке. Но такая помощь никогда не приходит без каких-либо условий, и в отношениях такого рода не существует никаких моральных принципов, есть только соображения взаимной выгоды. Страны, которые помогают движению за независимость намного сильнее, чем те организации, которых они поддерживают, и они часто обращаются с этими организациями бесцеремонно и даже безжалостно. Группа, получающая поддержку, обычно похожа на игрушку в руках тех, кто выделяет помощь. Как бы сильно они ни пытались действовать независимо, они беспомощны, и обречены на то, чтобы их использовали. В годы войны турецко-немецкие отношения в вопросах тюркских групп, живущих внутри Советского Союза, и национальных комитетов и легионов показывают, что интересы государства были поставлены на первое место. Позиция Турции демонстрировала заметные изменения, соответствующие ходу войны.

В первые годы войны немцы захватили все страны Восточной Европы, а также Крым и часть Северного Кавказа, и во время Операции «Барбаросса» они даже

дошли до ворот Москвы. Турция поэтому была сильно обеспокоена будущим нерусских народов и их территорий в том случае, если Советский Союз проиграет войну. Турецкое чиновничество поддерживало очень близкие отношения с послом Германии в Турции Францем фон Папеном, обмениваясь с ним информацией и советами. Задолго до своего посещения Германии генерал Эрден уже говорил с Папеном о потребности создания тюркских буферных государств в тех регионах на Кавказе, где жили турки. Этот вопрос также поднимал турецкий посол Гереде в беседах с Эрнстом фон Вайцзеккером в немецком министерстве иностранных дел. Как только генерал Эрден вернулся из Германии, делегация, которую он возглавлял, организовала совещание в Анкаре. Согласно информации, переданной Папеном, эту встречу посетили президент республики Исмет Инёню; министр иностранных дел (вскоре ставший премьер-министром) Шюкрю Сараджоглу; начальник генерального штаба генерал Февзи Чакмак; и сам генерал Эрден. На совещании обсуждались создание национальных комитетов и легионов и политика, которую следует будет проводить в случае крушения Советского Союза. Генерал подробно проинформировал президента Инёню о своих дискуссиях в Германии. Встреча продлилась шесть часов, признак большой важности, которую видел турецкий президент в этом вопросе.

Исмет Инёню (1884-1973)

Şюкрю Сараджоглу (1887-1953)

Мустафа Февзи Чакмак (1876-1950)

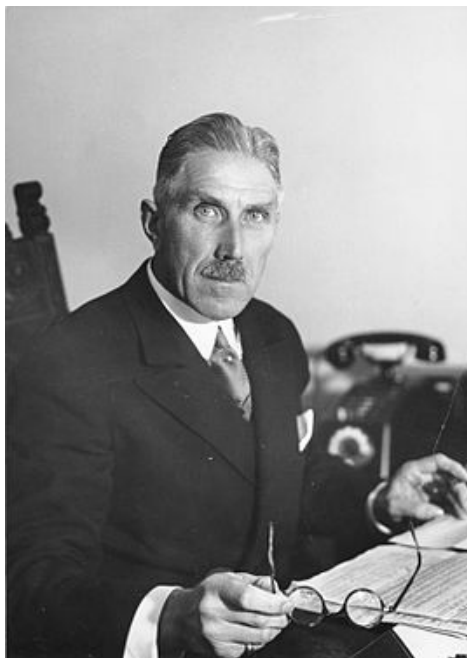
Şюкрю Сараджоглу был уверен, что Германия выиграет войну. 5 августа 1942 года он сказал Великому национальному собранию (турецкому парламенту): «Мои друзья, мы турки, мы тюркисты, и мы всегда будем оставаться тюркиста-

ми. Но насколько сильно тюркизм это вопрос крови, настолько же, по крайней мере, он также вопрос сознания и культуры. Мы не те тюркисты, которые истощаются и сокращаются, мы – тюркисты, которые растут, чтобы заставить и других расти, и мы всегда будем прилагать все усилия в этом направлении». Турецкое правительство продолжало отправлять делегации в Германию, оказывая консультативную помощь учреждению национальных комитетов и легионов.

После того, как у нового премьер-министра была встреча с послом Папеном, последний послал в Берлин следующую депешу: «Я сегодня нанес свой первый визит недавно назначенному господину Сараджоглу. Во время нашей дискуссии об общей ситуации в Турции, я попросил его рассказать мне о его общем видении русской проблемы. Премьер-министр немедленно ответил, что он хотел бы ответить и как премьер-министр, и как турок. Как турок он очень хотел бы видеть Россию уничтоженной. Это был бы результат, о котором все тюркские народы мечтали уже сотни лет. В этом вопросе ни один турок не мог бы думать иначе. Новый премьер-министр не знал о решении фюрера по поводу той формы, которую эти заселенные меньшинством области получат в будущем. Значительное большинство населения этих областей происходило из тюркской расы, и поэтому для Турции было вполне оправданным ощущать сильное беспокойство по поводу того способа, которым будет решена данная проблема. Он напомнил мне, что в одном случае, действуя в соответствии с указаниями фюрера, я сказал его президенту, что Турция могла бы стать мощной крепостью на юго-востоке новой Европы, и что в связи с этим нужно учесть тюркские элементы на русифицированных территориях. Это верно, что интеллектуалы там, если они существовали, либо капитулировали перед большевизмом, либо были убиты им. Как следствие этого, если бы некоторые молодые люди из этих стран были отправлены в университеты Германии, и большинство из них в турецкие университеты, то в будущем это новое поколение гарантировало бы эффективное сотрудничество между этими двумя факторами».

«Германия вызвала в Рейх значительное количество эмигрантов из этих стран, чтобы узнать об их взглядах и воспользоваться их услугами. Если бы русские были полностью побеждены в ближайшем будущем, то мы увидели бы, что эти страны с нерусскими меньшинствами ожидали бы от нас свободы и восстановления. Мы не можем позволить этим надеждам оказаться напрасными. В противном случае эти меньшинства тоже станут причиной нашего разочарования. До этого момента он говорил как турок. Говоря как премьер-министр, он сказал, что его долгом было не давать ни малейших оснований для чего-то, что могло бы послужить предлогом для резни тюркских меньшинств в России. Я поблагодарил премьер-министра за его замечания и спросил его, как мы могли бы обеспечить экономическое развитие захваченных областей и сотрудничество

Турции в управлении ими, а также о том, как мы могли бы учесть интересы Турции. Сараджоглу сказал, что, если будет необходимо, он был бы готов обсудить практические проблемы со мной в тайне или уполномочить какое-либо третье лицо сделать это. Судя по этим замечаниям, насколько я понял, премьер-министр внимательно следит за событиями в России и особенно на Кавказе с живым интересом, и он хочет быть в тесном контакте со мной по этой теме».

Франц фон Папен (1879-1969)

Форма правления и административной структуры, которую немцы предусматривали для тюркских народов в случае крушения Советского Союза, фактически не отличалась от формы, установленной Советами. Папен писал в своей депеше: «Мы должны попытаться найти людей, которые могут быть местными представителями видимого правительства в каждой из стран на Кавказе и к востоку от Каспийского моря. Рядом с отобранным лидером должен быть ответственный немецкий администратор, и он будет человеком, отвечающим за принятие решений. Под этим сегментом должно быть необходимое количество властей и администраторов, где местные элементы составляли бы важную часть. Легионы, которые уже существуют, составленные из национальных меньшинств, станут прекрасным ядром для вооруженных сил, которые будут созданы вокруг них в различных регионах. Видимые вооруженные силы и полицейские организации

должны быть представлены местными жителями в тех местах, где это возможно».

Национальные комитеты и легионы верили, что они сражаются вместе с немецкими армиями за независимость своих стран, и что после войны они будут жить на свободной родине, которая больше не будет колонией Советов. Но Папен, бывший немецкий канцлер, в то же самое время говорил об установлении в этих странах марионеточных правительств, которые бы полностью контролировались немцами. В Советском Союзе эти республики на бумаге тоже были независимы. На самом деле на бумаге они даже имели право на отделение и выход из состава СССР. Эти номинальные республики управлялись их собственными коммунистическими партиями, но эти местные партии зависели от Коммунистической партии Советского Союза, с руководством в Москве, и от их кадров. Их первым секретарем был представитель местной национальности, а вторым секретарем был русский. Однако первый секретарь исполнял лишь формальные, протокольные функции, тогда как на самом деле страной управлял второй секретарь. Система, которую немцы планировали создать в этих республиках после войны, едва ли отличалась от этой советской системы.

В первые годы войны немцы были настолько уверенными в себе, что министр иностранных дел Риббентроп писал Папену о том, что турецкие интересы противоречили немецким интересам на территориях, где жило тюркское население, и поэтому турецкая помощь в этих вопросах не принесла бы немцам никакой выгоды. Он проинструктировал Папена не обсуждать более детально этот вопрос с турецкими чиновниками. Крымские татары, казанские татары, башкиры, азербайджанцы и туркестанцы все должны были жертвовать своими жизнями, сражаясь против Красной армии с немецким оружием в руках, в то время как немцы составляли свои планы, чтобы помешать любому турецкому влиянию на этих территориях, и хотели превратить эти земли в свои колонии.

К концу 1941 года немецкое Верховное главнокомандование официально приняло решение о формировании легионов из добровольцев, отобранных в лагерях военнопленных. Идея была принята без возражений. Во-первых, потому что немцам были необходимы люди, и, во-вторых, потому что земли тюркских народов лежали за пределами границ запланированного расширения немецкого нацистского государства.

Туркестанский легион должен был состоять из туркестанских узбеков, туркмен, казахов, каракалпаков и таджиков. Должен был также быть создан Кавказско-мусульманский легион, состоящий из азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, лезгин и чеченцев, а также Армянский, Грузинский, Волжско-татарский и

Северокавказский легионы. Задачу формирования легионов возложили на генерала Оскара фон Нидермайера, командира 162-й пехотной дивизии и известного эксперта по Ближнему Востоку и Центральной Азии. Он был руководителем Института общих оборонных исследований при Университете Фридриха-Вильгельма в Берлине и разговаривал на русском, фарси и турецком языке. Тот факт, что командование было передано именно генералу Нидермайеру, был во все не случайностью, а неизбежным следствием немецкой политики «Drang nach Osten», «натиска на Восток». Группе армий «Юг», размещенной в Украине, была поручена эта работа. Вспомогательные подразделения, в одно из которых вступил Рузи, тоже были подчинены этому южному командованию.

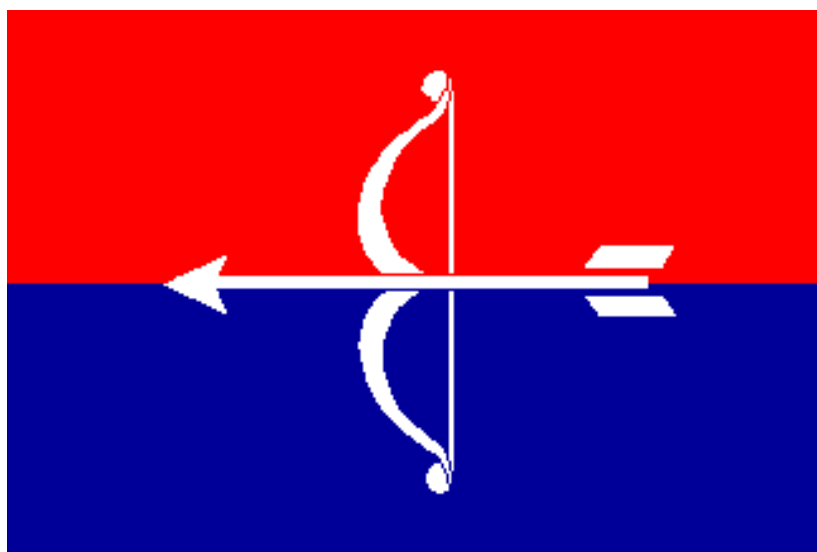
Оскар фон Нидермайер (1885-1948)

Хотя Турция поощряла формирование Туркестанского легиона и стремилась сотрудничать с Германией в создании новых государств на Кавказе, в Азербайджане, Крыму, Татарстане, Башкортостане и Туркестане, она прекратила эту политику, как только стало ясно, что Германия проиграет войну. Трагический аспект этого состоит в том, что, когда 195 офицеров и солдаты, которые сражались в легионах, попросили политического убежища в Турции, турецкие власти выдали их Советам на пограничном посту в Тихмисе. Согласно сообщениям, как только они оказались на другой стороне турецко-советской границы, их тут же расстреляли прямо на глазах тех, кто их передал.

Легионер Рузи

Находясь сначала на фронте и затем на службе во вспомогательном подразделении в оккупированной немцами Украине, Рузи, конечно, не мог ничего знать об этих событиях. 14 декабря 1941 года его отправили в украинский город Проскуров (ныне Хмельницкий), где готовился легион, в сопровождении немецкого солдата, который говорил по-русски.

Штаб легиона и его казармы находились в четырех или пяти километрах от города. Они состояли из одного двухэтажного здания, покинутого Красной армией, когда она отступила из этой области, нескольких одноэтажных зданий, большого гаража и широкого плаца. Там Рузи встретил одного солдата, немца Поволжья, которому было двадцать пять лет, и он хорошо говорил на русском языке. У них были долгие беседы, во время которых они рассказывали друг другу истории из своей жизни. Этот молодой солдат тоже был призван в Красную армию, но когда начались бои, он убежал и присоединился к немцам. Поскольку он фактически был немцем, его немедленно приняли как солдата. Он провел Рузи в столовую, позаботился, чтобы его накормили, а затем выделил ему комнату в одном из зданий, принадлежащих легиону.

Флаг Туркестанского легиона (1943)

На следующий день рано утром прибыл немецкий переводчик и сказал: – Давайте, вставайте, мы начинаем. Капитан хочет поговорить с вами.

Капитан принял Рузи с улыбкой и задавал ему бесконечные вопросы о его военных знаниях и о его жизни. Рузи старался отвечать на все вопросы. После долгой беседы капитан поблагодарил Рузи. Он сказал, что требовались умные и образованные люди, чтобы обучать солдат в лагере, и поэтому он хотел сделать Рузи командиром одной из рот. – Теперь идите и подберите для себя толкового ординарца, – сказал он. Рузи выбрал девятнадцатилетнего парня, узбека-крестьянина из Коканда, который после этого никогда не оставлял его.

Позже Рузи привели в большое здание, где разместились молодые узбеки, доставленные сюда из лагерей военнопленных, где их прежде содержали. Рузи был очень рад увидеть людей из своей страны. Они представлялись друг другу и разговаривали. Именно там он впервые узнал о том, насколько ужасны были условия в лагерях. Он задумался над тем, что Бог спас его несколько раз: сначала от смерти, затем от плена, и потом от страданий, которые вынесли пленные. Он отделался только двумя боевыми ранами.

Военнопленные перенесли муки в лагерях и потеряли большинство товарищей, живя каждый день под угрозой смерти. Рузи в будущем понял это лучше всего из истории, которую один его друг рассказал ему много лет спустя. Его друг был ранен и взят в плен приблизительно через десять дней после начала войны. Он и его сослуживцы были отправлены в большой лагерь, и несколько дней спустя группа офицеров, которые, как он позже узнал, были из СС, проверяла их и начала разделять их на разные группы. Он не понимал происходящего. Но почти все 150 или 160 пленных, которые были выбраны в первый день, были тюркскими мусульманами. Их вывели из лагеря, заставили каждого вырыть яму, и затем немедленно расстреляли.

Друг Рузи продолжал: «На следующий день была наша очередь. Я понял, что если они выберут меня, то меня убьют. Поэтому я через русского переводчика спросил командовавшего этой процедурой офицера, могу ли я совершить два раката моих молитв. Сначала они не понимали, что это означало, но когда он сказал, что это был акт религиозного культа, они согласились. Пока я совершал намаз, они наблюдали за мной с любопытством. Когда я закончил, офицер спросил меня, кто я по национальности. Я сказал ему, что я тюркский мусульманин. – Так вы не еврей? – спросил он. – Нет, – сказал я. Тогда офицер спросил, почему, если я не еврей, я был обрезан, и я сказал ему, что все мусульмане делают обрезание. Этот офицер, немец около него и переводчик совещались в течение нескольких минут. Затем, не говоря ни слова, он ударил меня по плечам плетью и показал, чтобы я присоединился к выстроенным в шеренгу пленным. После этого они прекратили отбирать пленных. Это был момент, когда мы поняли, что немцы проводят политику уничтожения евреев, и что для того,

чтобы идентифицировать евреев, они проверяли пленных, обрезаны ли они. Если бы мы знали об этом в первый день, то множество людей, казненных за то, что они, как предполагались, были евреями, могли быть спасены».

Подобные истории рассказывали и некоторые из молодых людей в лагере Рузи. Евреи Центральной Азии были известны как «бухарские евреи». Еврейская община Бухары, как предполагают, появилась еще во времена первой еврейской диаспоры, и в годы Второй мировой войны она насчитывала свыше 150 000 человек. Бухарские евреи жили в мире с узбеками и таджиками больше 2500 лет, соблюдая свои обычаи и занимаясь торговлей и ремеслами. Они говорили на диалекте, который образовался из узбекского и таджикского языков и содержал много слов древнееврейского происхождения.

Рузи Назар в Туркестанском легионе

Рузи прочел разные книги и статьи о нацизме и не мог понять нацистскую теорию высшей расы. Он привык считать, что, конечно, существуют лучшие, превосходящие других люди, но это превосходство не имело никакого отношения к расе или этническому происхождению. По его мнению, превосходящий других человек был самым моральным, самым последовательным, самым мужественным, щедрым и честным. Он никак не мог принять идею иерархии арийцев и низших рас. В гитлеровской классификации немцы были самыми совершенными членами арийской расы. Азиаты, включая тюрков, составляли более низкие ра-

сы, тогда как наихудшими и самыми низшими были евреи. Они якобы были причиной всех бедствий, которые произошли с человечеством в ходе истории, и поэтому они должны были быть истреблены.

В лагерях для военнопленных евреев идентифицировали и затем расстреливали на месте, выстраивая их перед ямами, которые они сами вырыли. Молодые люди из Туркестана в лагере делали все, что могли, чтобы помочь своим еврейским соотечественникам. Им удалось спасти некоторых из них, говоря, что они были бухарскими таджиками, но это было очень опасно. Если бы кто-то другой после всего этого сказал, что данный человек был не таджиком, а евреем, тогда расстрел был неизбежен.

Один друг Рузи, Хуссан Икром-хан (Хусейн Икрам), рассказал следующую историю. «Это было на второй неделе нашего плена. Однажды вечером один из моих друзей, Мустафа Мехметзаде из Азербайджана, подошел ко мне. У него на лице было выражение сильного страха. – Хуссан, Хуссан, ступай быстрее, немцы вызывают тебя, – сказал он в большом возбуждении. У двери административного блока лагеря было несколько солдат.

Мы столкнулись с двумя немецкими офицерами, двумя рядовыми, переводчиком и семью молодыми людьми, которые стояли, раздетые до нижнего белья и повернувшись лицом к стене. Один из офицеров обратился ко мне и спросил меня, кто эти люди.

- Я не знаю, – сказал я. – Они, должно быть, евреи, – сказал немец. Я ответил: – Позвольте мне поговорить с ними. Они повернули лица ко мне. – Откуда вы и кто вы? – спросил я. Один из них ответил тихим голосом и с дрожащими губами, говоря на узбекском языке с акцентом бухарского еврея, что они таджики. Я повернулся к офицеру. – Они таджики, – сказал я. Я не умею лгать, все мое тело покрылось потом. Если бы мой обман был раскрыт, то я был бы убит на месте. Офицер спросил, как я мог знать, что они таджики. – Они говорят на узбекском языке с очень хорошим таджикским акцентом, – сказал я. – Бухарские евреи не могли бы говорить по-узбекски как они. Все в них явно показывает, что они таджики. Офицер повернулся к молодому еврею и спросил его, знает ли он русский язык. – Немножко, – ответил тот по-русски. Мехметзаде подтвердил то, что сказал я. Офицер направлял свой пистолет на каждого еврея одного за другим и говорил: – Говорите правду. Как вас зовут? Каждый еврей называл какое-то мусульманское имя, которое пришло ему на ум. Офицер объяснил что-то одному из солдат и послал его наверх».

«Минуты тянулись так долго, что казались целой жизнью, и затем, наконец, вниз спустился высокий и полный лейтенант. Офицер, который допрашивал нас, кратко рассказал ему, что было сказано. Лейтенант подошел ко мне и сильно ткнул стволом своего пистолета в мою грудь. – Вы скажете мне правду или вы знаете, что с вами будет, – сказал он.

Я в тот момент понял, что отречься от моей лжи означало бы и мою смерть.

Громким голосом и говоря по слогам, я сказал: – Я определенно говорю правду. Эти люди – таджики. Он оставил меня в покое. Затем он приставил свой револьвер к груди Мехметзаде. Он повторил ему вопрос, который только что задавал мне. Мехметзаде сказал, что я говорил правду и что эти люди действительно таджики. Когда он отошел от места, где мы стояли, лейтенант что-то сказал офицеру, который допрашивал нас. – Яволь! – ответил тот и отдал честь. Переводчик повернулся к евреям: – Вы теперь свободны. Ступайте наверх и правильно запишите свои имена и фамилии.

Он сказал нам, что мы должны взять их в нашу группу. Когда он сам уходил наверх, переводчик сказал им вполголоса: – Запишите свои таджикские имена и не забывайте их».

«После того, как они записали свои имена, и мы собирались вернуться в наши сараи, я дал им очень строгое предупреждение. – В этом лагере больше трех сотен туркестанских и кавказских военнопленных. Они знают, кто вы. Не говорите никому в бараках о том, что вы и я только что пережили. И не ходите одной группой. Потом я поблагодарил Бога за то, что мы смогли спасти этих людей, и при этом с нами самими ничего не случилось».

Нашивка Туркестанского легиона

Рузи был воспитан так, что он верил, что спасти жизнь одного человека это то же самое, что и спасти жизнь всего человечества, а убийство одного человека равнозначно убийству всего человечества. Он был очень счастлив, когда его друзья сказали ему, как они помогли этим людям, и он гордился ими. Рузи просто не мог примириться со зверствами, обрушившимися на евреев. Его сердце было полно чувства теплоты и дружбы к ним. Когда Рузи жил в Узбекистане, у него были молодые еврейские друзья, которых он очень любил. Узбекский поэт Гафур Гулям, который был казнен большевиками в 1930-х на том основании, что он якобы был врагом революции, написал стихотворение о евреях, которое навсегда врезалось в память Рузи в его ранней юности.

«Еврей – сильное и красивое имя. Но всюду сталкиваемся мы с болью и горестями. Боль и бедствия дождем льются на нас, эту нацию, которая воспитала самые великие умы».

(Автор ошибается, говоря о казни Гафура Гуляма. Этот поэт умер своей смертью в 1966 году, прожив 63 года. – прим. перев.)

Лагеря легионеров

1 ноября 1941 года приблизительно три миллиона бывших солдат Красной армии находились в немецком плену. Из них целых 800 000 были мусульманами. Альфред Розенберг, имперский министр оккупированных восточных территорий, заявил в одной своей речи, что из 100 000 военнопленных из советских республик Центральной Азии выжили только 6000 человек.

Большинство молодых людей, с которыми Рузи познакомился в учебном лагере легиона, были узбеками, туркменами и таджиками. Они сказали ему, что и другие здания тоже были полны молодых людей из Туркестана, и Рузи должен был поговорить также со многими из них. Некоторые сказали, что они были спасены от невыносимой жизни в лагерях военнопленных Мустафой Шокаем и Вели Каюм-ханом.

Рузи впервые узнал о Мустафе Шокае от своего старшего брата, и когда он снова услышал его имя, ему стало легче. В первые дни своего пребывания в лагере в декабре 1941 года Рузи услышал от некоторых солдат, как они встретились с Шокаем.

«В ноябре 1941 года мы были в лагере в Ченстохове, в Польше. Большинство из нас были больны, страдая от дизентерии, тифа и похожих инфекционных заболеваний, и мы оказались среди целой армии вшей. Не было никаких лекарств и докторов. Затем однажды они сказали нам, что один из великих людей Туркестана, Мустафа Шокай, премьер-министр Национального правительства, созданного в 1918 году, нанесет нам визит. Мы были в жалком состоянии. Они собрали нас на центральном плацу лагеря. Шокай обратился к нам. Сказав нам, насколько ему жаль нас, он сообщил, что прилагает большие усилия, чтобы гарантировать, что эти лихие дни скоро закончатся, и сообщил нам хорошую новость, что мы будем освобождены. После своего выступления он обменялся рукопожатием с нами. Очень многие из нас обнимали его. И действительно несколько дней спустя нас вытащили из адской бездны лагеря и привезли в этот лагерь легиона, где с нами обращаются как с людьми».

Пленные в лагере не знали о том, что случилось с Мустафой Шокаем потом. Алихан Кантемир, северокавказец, который работал с Шокаем в комиссии по делам военнопленных, позже описал то, что произошло. «К концу ноября 1941 года мы посетили Ostministerium [Восточное министерство] с Мустафой-беем [Шокаем]. Мы узнали от фон Менде, который всегда нам помогал, что большое количество туркестанцев, кавказцев и других было доставлено в лагерь близ Ченстоховы, и поэтому национальной комиссии нужно было отправиться туда немедленно. Мустафа-бей затем повернулся ко мне и сказал: – Давайте пойдём. Я действительно очень заинтересовался этим лагерем. Давайте посмотрим на него, а потом отдохнем, потому что мы действительно устали».

На следующий день мы на поезде отправились в Ченстохову.

Шокаю и его спутникам сказали, что, поскольку такие инфекционные заболевания как тиф и дизентерия были очень распространены в лагерях, они должны быть осторожны.

«Несмотря на предупреждения, Мустафа-бей не беспокоился об опасностях болезни и начал принимать своих товарищей-туркестанцев. Измученные вшами пленные толпились вокруг Мустафы-бея, чесались, как обычно, пока он произносил пламенную речь. Столкнувшись с этой ситуацией, я несколько раз вставал со своего места и пытался предупредить его, но хотя я и говорил ему, чтобы он был осторожен, он не обращал внимания. Мы сели в вечерний поезд на Берлин и отправились в столицу. Спустя короткое время после того, как поезд тронулся, Мустафа-бей стал жаловаться на головную боль, усиливающийся жар и начал просить воды. Утром 22 декабря 1941 мы доехали до станции Шпандау в Берлине. Болезнь Мустафы-бея очень обострилась и становилась серьезной. Поэтому Вели Каюм-хан немедленно отвез его в больницу. Пять дней спустя, 27 декабря 1941 года, Мустафа-бей умер. Вели Каюм-хан сообщил мне эту ужасную новость по телефону, со слезами в голосе».

Так, в то самое время, когда Рузи и новые друзья, с которыми он встретился в легионе, с надеждой беседовали о будущем и говорили о Шокае с любовью и восхищением, сам Мустафа Шокай уже был мертв.

5. РУЗИ И ВОЙНА ЛЕГИОНОВ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Обучение в Проскурове и Рузи встречается с НКВД

Еще до того, как в лагере легиона в Проскурове началась военная подготовка, солдаты были разделены на девять рот приблизительно по 200 солдат в каждой. Поскольку погода была прекрасной, немецкие офицеры, руководившие лагерем, собирали солдат на плацу и объясняли им их обязанности легионеров. Все, что они говорили, сначала переводилось на русский язык и затем с русского на узбекский.

В конце первой недели в лагере началась военная подготовка. Члены легиона носили немецкую форму и проходили трудный курс обучения. Занятия длились, по крайней мере, по семь часов в день. Немецкие офицеры проводили обучение, никогда не останавливаясь и не слушая. Парни из Туркестана в основном наслаждались своим участием в занятиях.

Генерал-инспектор восточных войск генерал Хайнц Хельмих (1890-1944) присутствует на учениях подразделения Туркестанского легиона. Азиатские добровольцы носили тропическую униформу германской армии со стандартными сине-серыми на желтовато-коричневом фоне петлицами и нагрудными знаками отличия. На головных уборах они также носили германские знаки различия.

Прошел один месяц, за который ни один туркестанский лидер ни разу не посетил лагерь. Никто не знал о создании легионов ничего, кроме тех поверхностных деталей, которые им сообщили. Прошло еще несколько месяцев, пока они получили подробную информацию о том, как возникли легионы и национальные комитеты, и кто был их инициатором.

Рузи был назначен командиром первой роты, задачей которой было строительство укреплений. Эта рота состояла из солдат, прошедших соответствующее обучение в Красной армии. У Рузи была своя собственная комната, и к нему был прикреплен ординарец, которого он сам выбрал. Когда первый месяц обучения закончился, легионерам выдали оружие, которое было брошено Красной армией во время отступления. Затем пришло время учебных стрельб. Тем, кто стрелял лучше всех, вручили призы. В конце этого первого месяца легионерам выплачивали их жалование. С тех пор им позволяли выходить в увольнение в город

по выходным. За время своего пребывания в лагере в Проскурове Рузи обучил больше пяти тысяч молодых туркестанцев.

В Проскурове не было специальных кадров, занимавшихся идеологической подготовкой солдат, но среди легионеров было некоторое количество очень компетентных интеллектуалов, которые изучали историю, право, экономику и другие предметы в университетах и средних школах центральноазиатских республик. Они теперь начали читать своим однополчанам лекции по истории Туркестана, рассказывать им о недавней колониальной политике Москвы, о жестокости и убийствах, совершенных Советами. Рузи, позже вспоминал: «Через некоторое время в наш лагерь начали приходить образовательные материалы из Берлина. Из бюллетеней мы узнали, что первый Туркестанский легион был сформирован еще до нашего легиона в Проскурове в бывших казармах польской армии в городе Легьоново около Варшавы. Когда образовательные материалы дошли до нас, интеллектуальная деятельность активизировалась. Было больше уроков и курсов о национальной независимости Туркестана и об установлении единства между различными государствами Туркестана».

Рузи пытался найти способы связаться с Национальным комитетом объединения Туркестана (НКОТ, иногда по-русски также называется просто Туркестанским национальным комитетом, оригинальное название «Milli Türkistan Birlik Komitesi») в Берлине и, в конечном счете, смог послать письмо его членам через мусульманского военного священника в лагере. Это было его первым формальным контактом с комитетом. НКОТ возник, не сталкиваясь с каким-либо противодействием. Октябрь 1942 года считается официальной датой основания Комитета, но он активно действовал уже в 1941 году, когда Мустафа Шокай и Вели Каюм-хан возложили на себя решение проблемы туркестанских военнопленных.

Шокай был главой туркестанского национального движения, и когда он умер в конце того же 1941 года, Каюм-хан стал де-факто лидером движения. Альфред Розенберг, имперский министр оккупированных восточных территорий, в начале войны возражал против идеи национальных комитетов, так как нацисты были настроены против существования конкурирующих правительств на территориях, которые они захватили. Но так как Германии нужны были туркестанские солдаты, и немцы не планировали оккупировать Центральную Азию, НКОТ смог утвердиться как своего рода туркестанское правительство в изгнании.

Помимо Каюм-хана, фактически все двадцать один член Комитета выросли в Советском Союзе, и попали в Германию либо как военнопленные, либо добровольно в юности.

С августа 1942 года журнал Шокая «Молодой Туркестан» продолжал выходить как издание НКОТ под названием «Milli Turkestan» («Национальный Туркестан»). У Каюм-хана, как временно исполняющего обязанности председателя НКОТ, были помощники, каждый из которых специализировался на какой-нибудь конкретной сфере: обороне, образовании, здравоохранении, проблемах военнопленных, и так далее. Заместителю председателя, отвечающему за военные вопросы, немецкое Верховное главнокомандование запретило вмешиваться в военные действия легионов. Его обязанностью было сотрудничать с легионами и отправлять им образовательные материалы. Для Комитета их реальная задача состояла в том, чтобы подготовиться к тому, что произойдет после войны. Они должны были воспитывать солдат, сражающихся в легионах, и делать это так, чтобы они знали о проблеме Туркестана, прививая им идею независимой нации. И – как правительство в изгнании – Комитет должен был попытаться установить отношения с другими государствами.

Поэтому НКОТ практически работал как своего рода национальное правительство и, когда возможность того, что Германия могла бы проиграть войну, начала увеличиваться, его положение в Берлине укрепилось. Германия нуждалась в солдатах из Туркестана – их теперь было больше 100 000 человек – и немецкая военная промышленность в равной мере нуждалась в рабочих из Туркестана, которых она использовала в количестве большем, чем 200 000 человек. Следовательно, нацисты были вынуждены забыть о своих претензиях на расовое превосходство над туркестанцами, и Комитет смог выполнять свою работу с большей независимостью.

Неожиданные встречи

Обучение в лагере в Проскурове продолжалось полным ходом и с большой интенсивностью в течение января, февраля и марта 1942 года. В апреле на лагерном плацу для всех солдат девяти рот была проведена церемония завершения обучения. Комендант лагеря произнес речь, в которой поблагодарил туркестанских солдат, похвалил их за дисциплинированное поведение и сказал, что для них настало время воевать против общего врага. Он попрощался с этими друзьями, с которыми, как он сказал, он разделит общую судьбу, и затем отправил подразделения на различные участки Восточного фронта. Рузи и двум туркестанским командирам рот приказали остаться в лагере.

Комендант позже вызвал Рузи и двух его солдат в свой кабинет. Похвалив их работу на протяжении периода обучения, он сказал, что в Проскуров скоро придут следующие новобранцы, и эти люди будут тоже доверены им. Уже на

следующий день прибыли еще две тысячи добровольцев из лагеря военнопленных. Они выглядели ужасно, похожие на скелеты, которые только что вылезли из могил. Им пришлось пройти дезинфекцию и избавиться от вшей, прежде чем отправиться в долгую поездку на поезде. Рузи ощутил сильные страдания от печали из-за ужасного состояния своих истощенных соплеменников в их лохмотьях, но он смотрел на них с привязанностью. Их постригли и помыли, затем разделили на девять рот. И таким образом, за два дня 2000 бывших новобранцев Красной армии превратились в 2000 немецких солдат.

Новички быстро приспособивались к жизни в лагере. Довольно скоро похожие на скелеты существа поправились, превратившись в здоровых солдат. Картошка была главным продуктом, доступным в лагере, но туркестанцы не могли обойтись без своего узбекского плова, и они часто готовили его на кухнях. В отношении аромата он и близко не был похож на тот плов, который они привыкли есть дома, но дни плова были праздниками для солдат. Даже немецкие офицеры наслаждались им.

Рузи был уверен, что двух новобранцев он уже видел прежде. Наконец, он вспомнил. Одним был Эргаш Шермат, а другим – человек по фамилии Полатханов, который был директором школы в деревне Ингигче около Маргилана. Однажды летом 1936 года Рузи готовил плов в винограднике со своим другом Мунаввархоном Ташходжаевым, который тогда был директором начальной школы. Они только что открыли свои бутылки водки, когда к ним присоединились два других молодых человека, которых Мунаввархон представил Рузи. Мунаввархон и Полатханов совсем недавно вместе изучали право в Москве. Эргаш Шермат был их общим другом, который остановился, чтобы проведать их по пути к себе на родину, в небольшой город Булакбаши в Андижанской области. Они провели долгий и приятный день вместе, беседовали и пели. Мунаввархон все время дразнил Эргаша. – Твое прозвище «Бревно», не так ли? – говорил он. Рузи спросил почему, и Мунаввархон ответил: – Ну, он похож на бревно: с ним очень трудно ужиться.

В конце 1930-х главный прокурор Узбекистана был арестован НКВД и после вынесения смертного приговора расстрелян. Эргаш Шермат, к тому времени молодой адъюнкт-профессор права, был назначен на его место. Шесть месяцев спустя он был снят с этого поста, снова стал адъюнкт-профессором, на сей раз на факультете права в Шайхантахурском районе Ташкента. В 1941 году он был призван в Красную армию, отправлен на фронт и потом попал в плен к немцам. Рузи узнал все это после того, как они возобновили свое знакомство в лагере в Проскурове. Они стали близкими друзьями.

На протяжении всего 1942 года добровольцы поступали в лагерь с промежутками в три или четыре месяца. Каждая новая партия была точно такой же, как предыдущая, и состояла из живых скелетов в порванной одежде, с печальными лицами. Рузи делал все, что мог, чтобы успокоить их, и пытался помочь им вписаться в их новую среду. Большинство было направлено в 162-ю Туркестанскую пехотную дивизию, которой командовал генерал Оскар Риттер фон Нидермайер.

В 1912 году немецкая армия направила Нидермайера в Иран и Индию, чтобы собрать сведения о местных народах, их верованиях и традициях. Германия намеревалась использовать его против британцев в Индии и Афганистане тем же способом, как британцы использовали Т.Э. Лоуренса («Лоуренса Аравийского») среди арабов в борьбе против Османской империи. В этой миссии Нидермайер стал первым европейцем, который проехал вдоль всего Мертвого моря. Он выучил языки этого региона и стал настолько сведущим в исламе, как будто он был мусульманским студентом богословия. Только перед началом Первой мировой войны он возвратился в Берлин, и немецкое военное командование немедленно послало его в Афганистан и Индию в новую специальную миссию, в сопровождении малочисленного отряда. В сентябре 1915 года он достиг Кабула. Там он не смог убедить эмира Хабибуллу-хана, чтобы Афганистан стал союзником Центральных держав – Германии, Австро-Венгрии и Османской империи – в борьбе против англичан и русских. Оттуда Нидермайер и его коллеги совершили опасное путешествие через часть России и смогли попасть на османскую территорию 1 сентября 1916 года. Затем Нидермайера назначили командовать подразделениями немецких войск на Ближнем Востоке. В марте 1918 года он вернулся в Берлин.

Между мировыми войнами Нидермайер получил в Мюнхенском университете докторскую степень с отличием, и, написав превосходную диссертацию о России, занял должность профессора. В 1932 году он был назначен в аппарат немецкого военного атташе в Москве, а в следующем году он получил место заведующего кафедрой военных, географических и политических наук в Берлинском университете.

27 июня 1937 года он занял новую должность в Институте военной стратегии и доктрин, который подчинялся непосредственно Гитлеру. Нидермайер работал вместе с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем, начальником Верховного командования, до 25 мая 1941 года, когда он был назначен командиром 162-й Туркестанской пехотной дивизии.

Карьера генерала Нидермайера была классическим примером реальной цели западного ориентализма: отлично изучить языки, религию, историю, географию

и культуру мусульманских стран для того, чтобы колонизировать, трансформировать их и управлять ими. Эта карьера подтверждает аргумент Эдварда Саида о том, что, хотя существовали и существуют ориенталисты, которые добились ценных научных результатов в области языковедения, истории и культуры, но даже лучшие из них делали это, по существу, на службе западного колониализма. Нидермайер, по сути, был преимущественно ученым, а не военным, но его задача состояла в том, чтобы послать сотни тысяч мусульман на смерть в интересах немецкого государства.

Для молодых солдат из Туркестана, которые вынесли невзгоды и оскорбления в рядах Красной армии и затем находились в плену под угрозой смерти, болезни и голода, лагерь в Проскурове почти походил на санаторий. Но и он не принес облегчения их тоске по родине. Они никак не могли написать письма своим матерям и отцам или своим любимым. Вместо этого их семьями и любимыми должны были стать товарищи, с которыми они здесь обучались плечом к плечу. Рузи знал, что их дни в лагере скоро закончатся, и начнется их жизнь на фронте. Он и сам психологически готовился к этому моменту.

В феврале 1943 года немецкое Верховное командование приняло решение передать группы по двадцать солдат каждая из Туркестанского, Татарско-башкирского и Азербайджанского легионов на немецкую базу в городе Ровно на Украине. Рузи приказали отобрать шестьдесят солдат, и он смог позаботиться о том, чтобы Эргаш и Полатханов были включены в группу. Сначала их послали в Потсдам на десятидневный теоретический учебный курс. Следующий день после их прибытия было воскресенье, и поэтому занятия не проводились. Рузи, Эргаш и Полатханов вместе пошли в бюро в многоквартирном доме недалеко от центра Берлина, где обосновались комитеты национального единства и правительства в изгнании. Двери им открыл человек, которого они хорошо знали, Ганжа Расул.

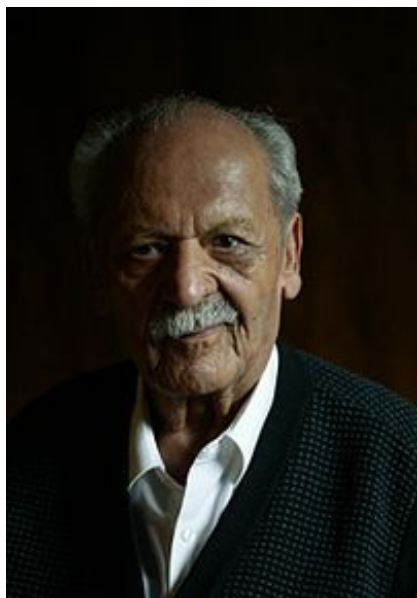
Ганжа Расул был компанейским человеком, остроумным и с прекрасным чувством юмора. Он хорошо говорил по-русски. Первый президент Узбекистана Юлдаш Ахунбабаев приехал в Маргилан и взял его под свое крыло. Ганже было всего двадцать четыре года, когда его назначили председателем исполнительного комитета Коммунистической партии в Маргилане. Затем он стал руководителем городского Института хлопководства, после чего переехал в Самарканд и получил пост заместителя председателя областного исполнительного комитета Коммунистической партии, другими словами, он стал заместителем губернатора области. Но Ганжа был чрезвычайно веселым человеком, любил развлечения, и после того, как он женился во второй раз и все равно продолжил флиртовать, его сняли с своего поста. Затем он работал директором начальной школы в Ин-

гигче. В 1938 он был арестован НКВД, ему был устроен открытый судебный процесс, длившийся пять дней, на котором он был приговорен к десяти годам каторжных работ. Удивительно, что шесть дней спустя он был освобожден и назначен руководителем Андижанского педагогического института. Рузи в последний раз видел его в Андижане во время празднеств, посвященных открытию канала.

Ганжа был удивлен, увидев так неожиданно своих соотечественников. Он обнял их всех с большой радостью и предложил им войти. Затем он представил Рузи и его спутников доктору Саиду Маруфу Карими, генеральному секретарю НКОТ, и Ахмаджону Умарову, начальнику его образовательно-пропагандистского отдела. До призыва в армию Умаров был одним из самых влиятельных членов партийного комитета Самаркандской области. Он и Эргаш Шермат хорошо знали друг друга. Встреча этих старых знакомых несколько ослабила их ностальгию. Они шутили с Ганжой, и он рассказывал им разные истории, в то время как Карими и Умаров говорили о проблемах своей страны.

Маруф Карими был умным и очень культурным человеком. Он был родом из Ташкента и принадлежал к одной из самых уважаемых семей этого города. Он, должно быть, был доволен своими дискуссиями с Рузи и его друзьями, потому что сказал, что попросит у Альфреда Розенберга, имперского министра оккупированных восточных территорий, разрешение для Рузи и Эргаша остаться в Берлине и работать для национального комитета. Рузи объяснил, что он как заместитель командира подразделения должен вернуться в легион, но его друг адъюнкт-профессор Шермат был рядовым, поэтому для него можно было бы сделать прошение на имя Розенберга.

Общительный как всегда Ганжа Расул пригласил их в ресторан рядом с их бюро. Они хорошо поели, выпили и много смеялись. За обедом Ганжа рассказал им о борьбе за власть, идущей между Баймирзой Хаитом, помощником Вели Каюмхана, и Маруфом Карими, генеральным секретарем комитета. Оба прилагали все усилия, чтобы стать вторым лицом в организации. После того, как обед был закончен, Эргаш и Рузи обсудили информацию, которую узнали, и решили, что они не будут ввязываться в эту борьбу за власть.

Баймирза Хаит (1917-2006)

Много лет спустя, когда Рузи работал в американском посольстве в Анкаре, он узнал, что Ганжа Расул был в Турции, и встретился с ним на своей вилле на Третьей улице в Бахчелиэвлере, одном из районов Анкары. Ганжа объяснил, как ему удалось остаться в живых. Когда немцы проиграли войну, он скрылся. Он ранее женился на голландской женщине, с которой у него был сын, и он также познакомился со многими турецкими студентами в Германии. С их помощью он получил документ из турецкого консульства в Мюнхене, где говорилось, что он был турком по национальности и гражданству. Турция в тот период старалась изо всех сил помочь туркестанским легионерам, но делала это настолько тайно, насколько возможно, чтобы не вызвать гнев Советов. Сталин потребовал от Турции провинции Карс и Ардаган, близкие к советской границе, и также стремился получить права на создание советских баз в Проливах. Просьба Ганжи о переезде в Турцию была удовлетворена. Он, его жена и маленький сын совершили путешествие, которое соответствовало его авантюрному характеру: не автобусом или поездом, а на мотоцикле. Он узнал, что много людей из Туркестана жило в Адане, и поэтому они обосновались в Джейхане в сердце Чукуровы, хлопководческой провинции. Там он учил местных крестьян современным методам хлопководства. Ганжа не дождался распада Советского Союза и образования Узбекистана как независимой страны, но, если не считать его тоски по родине, он прожил счастливую жизнь и закончил свои дни в Турции.

Вызовы для НКОТ

НКОТ был хорошо организован. Немецкий чиновничий аппарат одобрил его и, таким образом, он помог такой организации приобрести хорошую репутацию. У Комитета был существенный бюджет, который был утвержден министерством оккупированных восточных территорий. За каждого солдата, сражавшегося в легионах, Комитету платили одну имперскую марку (рейхсмарку, RM) в месяц, по три рейхсмарки за унтер-офицера и от пяти до пятнадцати рейхсмарок за офицера в зависимости от звания. НКОТ был, таким образом, освобожден от зависимости от немецкого правительства. Комитет придавал большое значение своим публикациям и деятельности в области образования.

Наряду с «Национальным Туркестаном», который выходил раз в две недели, НТОК издавал также еженедельный журнал для солдат под названием «Новый Туркестан» и журнал «Национальная литература».

«Национальный Туркестан» начинался с тиража в 15 000 экземпляров, но, в конечном счете, его тираж превысил 80 000. Тем временем Комитет пытался сопротивляться политике и планам СС, которые шли вразрез с интересами Туркестана. В 1941 году это привело к конфликту с офицером СС по имени Андреас Майер-Мадер, авантюристом, который работал с Шокаем и Каюм-ханом в комиссии по делам военнопленных. Майер-Мадер был командиром первых туркестанских подразделений немецкой армии, сформированных в октябре 1941 года под контролем специального разведывательного подразделения немецких вооруженных сил. Он принимал участие в работе комиссий, созданных для туркестанских военнопленных, и в процессе отбора их для немецких вооруженных сил.

Майер-Мадер собрал вокруг себя группу сумасбродной татарской, азербайджанской, туркестанской, узбекской и киргизской молодежи и надеялся стать «Лоуренсом Центральноазиатским». Его идея состояла в том, что легионы отправятся в Центральную Азию и начнут там партизанскую войну против Красной армии.

Туркестанские интеллектуалы в Комитете были серьезно обеспокоены тем, что могло бы выйти из этого проекта, и сильно возражали против него. Вместе с некоторыми из своих легионеров Майер-Мадер попытался убить Вели Каюм-хана. Два туркестанца, принимавшие участие в этом заговоре, были повешены. В начале 1944 года Майер-Мадер вместе со своим подразделением был принят в СС. После того, как его причастность к заговору с целью убийства Каюм-хана была раскрыта, он обратился к центральному руководству СС с просьбой позво-

лечь ему предстать перед военным судом в надежде на то, что он будет оправдан. Ему в этом отказали, и он был расстрелян.

На шестой день курса, который Рузи и его друзья посещали в Потсдаме, к ним, чтобы прочитать лекцию, приехал Вели Каюм-хан вместе с доктором Салими, математиком, который был раньше преподавателем в Среднеазиатском государственном университете.

Вели Каюм-хан обрисовал в общих чертах культурную и политическую историю Туркестана до девятнадцатого века, и затем объяснил, как русские с 1830-х годов начали оккупировать эту страну. Он описал царскую политику русификации и христианизации и сказал, что Туркестан был превращен в колонию, а затем перешел к Октябрьской революции и советскому периоду.

Некоторые из людей, близких к кругу приближенных Каюм-хана, утверждали, что нацистская система была наиболее совершенной формой правления, и что у Туркестана должен быть вождь, которому бы все полностью подчинялись, как это было с Гитлером в Германии. И этим лидером мог быть только Каюм-хан. После лекции Рузи беседовал с доктором Салими и узнал, что он придерживался такого взгляда. Полатханов возражал: – Мы уже видели диктатуру Сталина в Советском Союзе, и его убийства. И здесь мы видим фюрера Гитлера. Мы пережили тяжелые времена в лагерях военнопленных, и мы все можем видеть то, что происходит здесь сейчас. Если, дай Бог, наша страна когда-то действительно станет независимой, то будем надеяться, что в ней не будет никого вроде Сталина или Гитлера. Туркестаном должно управлять демократическое правительство вроде того, которого хотело движение джадидов.

Рузи, Эргаш и их друзья, все поддержали Полатханова, и Салими был вынужден замолчать.

После того, как они завершили курс обучения, Рузи и Полатханов вернулись в лагерь в Проскурове. Просьба Комитета к министерству оккупированных восточных территорий по вопросу Эргаша Шермата была удовлетворена, и ему разрешили работать на НКЮТ. Позже он возглавил туркестанскую редакцию радиостанции немецкого министерства пропаганды.

Полатханов закончил свое обучение и был послан на фронт. Рузи никогда больше его не видел. В конце войны один раненый солдат, возвращающийся с фронта, сказал Рузи, что он видел Полатханова в Восточной Пруссии. После войны Полатханова не было среди солдат легиона, оставшихся на Западе, поэтому остаются две возможности. Либо он погиб во время наступления Красной

армии, либо был взят в плен и закончил свою жизнь в сибирских лагерях. Когда Рузи, в конце концов, вернулся на родину, он не смог узнать ничего, что указывало бы на то, что Полатханов остался жив.

Молодые туркестанцы постоянно прибывали в Проскуров. Но время пребывания в лагере самого Рузи теперь подходило к концу. В конце 1943 года его и его роту отправили в Полтавскую область на Украину, где они влились в состав 423-го саперного полка.

Полтава и Харьков

Рузи вежливо и доброжелательно вел себя с людьми города, который защищало его подразделение, и он тоже понравился им. Когда из штаба коменданта поступали инструкции получить для солдат провизию от жителей города, Рузи часто находил оправдание, чтобы не делать этого, объясняя, что город стал жертвой атаки партизан, и яйца и куры местных жителей были украдены. Хотя на самом деле этого не было, но он в результате в нескольких случаях смог сделать так, что жителям не пришлось отдавать свою еду. Жителями города тогда были старики, женщины и дети. Мужчины и юноши, достаточно взрослые, чтобы служить в армии, либо сражались в немецкой армии, либо были в горах и лесах с партизанами, или же служили в Красной армии. Рузи никогда не забывал о том, что он пережил в Сочельник 1943 года. Для украинцев-католиков период Рождества был особенно важен. Празднования начались 23 декабря и продолжались в течение нескольких дней, достигая пика вечером 24-го. Комендант пригласил Рузи на рождественские празднования, которые украинцы устраивали в городской гостинице. На столах были все виды блюд, приготовленные местными женщинами. Девушки пели и танцевали. Крестьяне наполняли свои стопки самогоном, самодельной водкой, произносили короткие речи и затем опустошали стопки одним глотком. (Украинские греко-католики празднуют Рождество 7 января. – прим. перев.)

Рузи сел за стол с городскими стариками. Беседуя с ними, он также смотрел на девушек, которые танцевали друг с другом, потому что – кроме него самого – там не было ни одного молодого человека. Рузи никогда не забывал украинскую семью, которая вылечила его раны и спасла ему жизнь в начале войны. Пережитое тогда заставляло его чувствовать особую нежность к украинцам. Одна из красивых девушек теперь подошла к нему и сказала в шутку: – Конечно, пан немецкий офицер, который думает, что немцы – раса господ, не опустится до того, чтобы танцевать с такими украинскими дамами как мы. Так что он знает,

что мы делаем. Мы танцуем друг с другом, девушка с девушкой, точно как сейчас.

До сих пор Рузи не присоединился к пьянке в этот вечер, но теперь он подозвал своего ординарца и отдал ему свой пистолет, а затем сказал: – Гляди в оба и не пей даже капли водки.

Затем он взял свою стопку, поднял ее, пожелал всем счастливого Рождества и осушил стопку одним глотком.

После этого девушки начали подходить к Рузи, чтобы предложить ему водку, которую они сами сделали. Он выпивал с ними, а затем они танцевали. Празднование продолжалось до утра следующего дня. За эту ночь Рузи выпил так много, что у него было отравление алкоголем. Старики и женщины из города растирали его снегом и заставили его выпить целебное питье из горных трав. Но ему все равно потребовалось целых два дня, пока его здоровье пришло в норму.

Красная армия не бездействовала во время своего отступления к Москве и заминировала все главные и второстепенные лесные дороги. Рота Рузи занималась их разминированием. Эта работа заняла приблизительно четыре недели. Как только она была закончена, поступил приказ прибыть на фронт под Харьковом. Рузи и его солдаты из Туркестана заняли оборонительную позицию вне города вместе с другими немецкими частями. Он был теперь командиром роты из 300 солдат и нескольких унтер-офицеров в армии фельдмаршала Эриха фон Манштейна, командующего группой армий «Юг», насчитывавшей сотни тысяч солдат.

Красная армия понесла в течение 1942 года огромные потери, как в людях, так и в вооружении и технике. Поэтому 1943 год был для советских войск годом подготовки. Сталин и большинство его генералов предпочитали лобовую атаку на немцев. Но два советских военачальника, Жуков и Василевский, выступили против этого плана, утверждая, что нужно подождать наступления немцев, остановить их и затем контратаковать. В начале июля 1943 года они добились своего. Немцы атаковали позиции Красной армии на двух фронтах, но после жестоких боев были остановлены и на севере, и на юге. Жуков и Василевский получили то, чего хотели. Силы Красной армии теперь начали свое наступление у Воронежа и продвигались через степи недалеко от Харькова.

Солдаты Туркестанского легиона

Середина 1943 года была поворотным моментом и для немцев, и для русских. 17 июля Гитлер приказал немецким частям вернуться на позиции, которые они занимали до своего наступления. 21 августа Манштейн отдал приказ эвакуировать Харьков. Никто не знает, сколько туркестанских солдат и офицеров были к этой дате в рядах Красной армии. Но намного больше ста тысяч туркестанских солдат в легионах сражались там с большой храбростью и преданностью против Красной армии на Восточном фронте.

Рузи сделал все, что мог, чтобы потеря в его роте было меньше. Он потерял четырнадцать туркестанских солдат, которых он нежно любил, и двадцать один человек были ранены. Большинство погибших испускали дух у него на руках. Хотя цель нацистов была несправедливой, легионеры думали, что они сражались за спасение своей страны от оккупации и колонизации. Следовательно, они верили, что Бог был с ними, и что когда они умрут, то попадут в рай как мученики. Всю свою оставшуюся жизнь Рузи помнил улыбки на лицах своих солдат в момент их смерти.

Сам Рузи был ранен шрапнелью в живот и лицо. Если бы не ремешок каски, то маленький кусочек шрапнели, ранивший его в лицо, убил бы его. Раненых сол-

дат сначала лечили в полевых госпиталях, размещенных близко к воюющим частям. Тех, состояние которых было серьезным, затем отвозили в больницы в соседних городах. Рузи был отправлен в госпиталь одного из маленьких городков близ Харькова, где он пробыл несколько недель. Как только он вышел из госпиталя, его отправили назад в легион в Проскурове. Новые туркестанские солдаты прибыли из лагеря, чтобы заменить погибших. Они начали дальнейшее месячное обучение около города Борисов (по-белорусски Барысау) в Белоруссии.

Саперной роте, которой командовал Рузи, дали задачу построить укрепления на берегу реки Березины. Девять из его солдат и один ефрейтор были выведены из-под его командования и направлены в другое подразделение. Рузи позже узнал, что все это отделение, которое он лично обучал и смотрел на них как на младших братьев, было заманено в ловушку и взято в плен русскими. Так как они были бывшими советскими солдатами, то их застрелили на месте как дезертиров.

6. УДАЧА ИЗМЕНЯЕТ ГЕРМАНИИ

Офицерская школа

В начале 1944 года Рузи был снова ранен во время атаки Красной армии возле реки Березины. Ему еще раз попали в два места, в живот и ногу, но на сей раз раны были серьезными, и он пролежал в немецком военном госпитале в Варшаве больше трех недель. Затем консилиум военных врачей устроил ему медицинскую проверку. Его недавние и прежние раны привели их к выводу, что по состоянию здоровья он больше не был пригоден к активной службе на фронте.

В тот период при Верховном главнокомандовании существовало командование добровольческих соединений. Рузи был направлен в распоряжение этого командования, которое возглавлял немецкий генерал от кавалерии Эрнст-Август Кёстринг. Рузи встретился с генералом Кёстрингом и сказал ему, что его состояние здоровья улучшилось, и он хотел бы работать с ним.

Эрнст-Август Кёстринг (1876-1953)

Генерал беседовал с ним около двух недель, он задавал ему различные вопросы, включая и тот, как отреагировали бы Рузи и другие солдаты, если бы Туркестанский легион был подчинен командованию Андрея Власова, бывшего генерала Красной армии, который теперь служил немцам. Рузи сказал, что такое решение было бы абсолютно ошибочным. Целью участия туркестанцев в войне на стороне Германии против Красной армии было завоевание независимости для своей страны. Но Власов мечтал о Великой России, видя себя ее диктатором, и эта Россия должна была включать в себя все территории, являющиеся на тот момент частью Советского Союза. Реакция Рузи, вероятно, повлияла на Кёстринга, потому что позднее генерал стал членом группы, выступавшей против подчинения легионов Власову.

Генерал Кёстринг хотел, чтобы Рузи занял должность в школе, которая была создана в небольшом городе Бич в Эльзас-Лотарингии, чтобы обучать офицерский корпус, необходимый для иностранных легионов. Рузи согласился и был назначен инспектором и преподавателем. Школа находилась вблизи от франко-германской границы, около Линии Мажино, оборонительных укреплений, построенных французами. Отобранные легионеры проходили здесь одномесячный курс интенсивного обучения и затем сдавали экзамен. Те, кто сдавал его, выпускались из школы как офицеры или унтер-офицеры в зависимости от подготовки, которую они получали. Затем они спешно направлялись на фронт. Тех,

кто провалил экзамен, выгоняли из армии и оценивали для использования на гражданской службе. Неудачливые кандидаты были в жалком положении. Рузи выступал против продвижения по службе любого, кто был некомпетентен или негоден, независимо от происхождения и прошлого. Он служил на самых кровавых фронтах во время войны и видел своими глазами, как одна маленькая ошибка могла стоить жизни многим людям. Он поставил плохие оценки девяти кандидатам и воспрепятствовал тому, чтобы они стали офицерами. Позже он узнал, что определенные люди из-за этого пожаловались на него в Комитет.

Рузи Назар во время войны

Рузи поручили сопровождать некоторых из успешных выпускников в Восточную Пруссию. Он передал новых офицеров в их штабе, и на пути назад он на несколько дней остановился в Берлине. В своем отеле он встретил своего друга Эргаша Шермата, и они обрадовались новой встрече. Они посетили концерт Хора русских казаков, затем вышли в город пообедать. За едой они беседовали о состоянии легионов, о ходе войны, о том, что происходило в НКОТ, и об отношениях между легионами и немецкими властями. Они были обеспокоены отношением некоторых офицеров СС к Комитету и к легионам. Новости с Восточного фронта были тревожными. Если немцы проиграют войну, что случится с солдатами, служащими в легионах? Каким будет их собственное положение?

На следующий день Эргаш привел Рузи в одно здание на улице Курфюрстендамм. Там Рузи встретил Кадыра Османа, профессора истории в Самаркандском государственном университете; доктора Яшара, кардиолога из того же университета; и бывшего директора Государственного банка Центральной Азии, вице-президента и члена правления Касыма Инаети. Инаети был также превосходным исламским богословом, который учился в медресе Бухары до Октябрьской революции. Из-за его глубоких знаний религиозных вопросов он был назначен главным имамом Туркестанского легиона. Вели Каюм-хан тоже приехал, вместе с одним узбекским офицером и Баймирзой Хаитом, который учился у Кадыра Османа. Рузи впервые встретил Хаита в 1939 году в Клубе учителей в Ташкенте, где он остановился, навещая Карима Гайбуллаева, редактора «Молодого ленинца». Директор клуба Икрамов был близким другом Рузи. Они разговаривали, когда вместе ели узбекский плов.

По этому случаю Касым Инаети и доктор Яшар приготовили прекрасную чучвару, центральноазиатское блюдо, похожее на турецкие манты или на итальянские равиоли. Во время еды у Рузи был короткий, но жесткий спор с узбекским офицером из-за кандидатов, которым он отказался поставить удовлетворительные оценки в офицерской школе. Офицер ругал Рузи и спросил его, как же он мог помешать туркестанцам подняться по службе. Рузи холодно ответил ему: – Я пришел с фронта, из самой гущи крови, огня и смерти. Как я мог довериться жизни сотен наших сыновей юнцам, которые ничего не знают о военном деле и не способны защитить ни самих себя, ни своих солдат. Они негодны быть офицерами. Именно поэтому я и воспрепятствовал им. И я не собираюсь поступать как-то по-другому в будущем.

Вели Каюм-хан вмешался и остановил этот спор.

Самой важной темой, обсуждаемой во время того обеда в Берлине, были действия генерала Власова. Члены НКЮТ и туркестанские офицеры знали, что Генрих Гиммлер, глава СС, поддерживал предложение Власова сформировать Русскую освободительную армию и хотел подчинить его командованию также Туркестанский легион. Эти процессы вызывали чрезвычайную тревогу.

Власов и НКЮТ

Андрей Андреевич Власов родился в 1901 году в семье русских крестьян. Он был одним из моряков, которые начали Октябрьскую революцию, и быстро поднялся вверх в иерархии Красной армии. (А.А. Власов никогда не был моряком – прим. перев.)

Власов вступил в Коммунистическую партию в 1930 году и был позже отправлен в Китай как военный советник Чан Кайши. В ноябре 1941 года на должности командира 20-й армии он отличился, отбив стратегически важный подмосковный город Солнечногорск, который уже был в руках немцев. За свои заслуги в Битве за Москву он был награжден орденом Красного Знамени. 13 декабря того же года газета «Правда» упомянула его и опубликовала его фотографию как одного из героев обороны Москвы.

В январе 1942 года Власова повысили в звании до генерал-лейтенанта, и в марте он был принят лично Сталиным. Его назначили командиром 2-й ударной армии Волховского фронта, с его штабом в Ленинграде. Все линии снабжения его армии были перерезаны из-за жестокой зимы и, наконец, 12 июля 1942 года Власов был взят в плен немцами. До своего пленения Власов сделал блестящую карьеру и был предан Сталину. Выражаясь иначе, он верой и правдой служил советскому государству и разделял представление об империалистической Советской России.

Андрей Андреевич Власов (1901-1946)

В то время отдел Иностранных армий Востока (Fremde Heere Ost), разведывательная организация, подчинявшаяся немецкому Верховному главнокомандованию, работала над созданием армии этнических русских для борьбы против

СССР, сформированной из сотен тысяч бывших солдат Красной армии, содержащихся на тот момент в лагерях как военнопленные. Но, несмотря на чрезвычайные усилия нескольких групп русских эмигрантов, которые смотрели на достижения антисоветских организаций в странах Запада и также на НКОТ с большой ревностью, никакие заметные результаты еще не были достигнуты. Однако в составе немецкой 2-й танковой армии была создана маленькая воинская часть, названная Русской освободительной народной армией (РОНА), под командой Бронислава Каминского, бывшего советского чиновника польского происхождения. Об этой инициативе упомянули Власову во время его допроса после того, как он был взят в плен. Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт из разведывательной и контрразведывательной организации Райнхарда Гелена стремился привлечь Власова на свою сторону, что стало бы удачным пропагандистским ходом. В конечном счете, Власов согласился работать с немцами, и в апреле 1943 года было принято решение создать Русскую освободительную армию (РОА) под его командованием.

Под воздействием заявлений НКОТ профессор Герхард фон Менде, который был главой Кавказского отдела в министерстве оккупированных восточных территорий, Отто Бройтигам, начальник восточного отдела немецкого министерства иностранных дел, фельдмаршал Манштейн и другие генералы высказали свои возражения. НТОК начал свое противодействие планам Власова в статьях, опубликованных в журнале «Национальный Туркестан». В одной из статей говорилось: «У нас нет никакого международного характера. Мы вовсе не против деятельности РОА по освобождению русской территории. Если Власов может спасти свой народ и свои земли от большевизма своими собственными силами и своими собственными русскими, если ему это действительно удастся, то это стало бы великим достижением для его народа. Если есть люди, прячущиеся за маской РОА, и если они пытаются отклонить туркестанских солдат от их пути, если они в действительности пытаются сделать так, чтобы те отказались от нашивок со словами «Аллах с нами», которые туркестанцы прикрепляют у себя на рукаве, и вместо них нашили бы эмблемы РОА, ... то эти люди являются большевистскими агентами».

Нашивка с надписью «С нами Бог»

В своих публикациях Комитет подчеркивал, что легионы были созданы для борьбы за независимость Туркестана, и что это было единственной причиной их сотрудничества с нацистами и борьбы на их стороне против Красной армии. Передача легионов генералу Власову будет означать, что война потеряет всю свою законность для них, и это будет иметь такие последствия, которые впоследствии уже нельзя будет исправить. 8 июня 1944 года Гитлер издал инструкции о том, что движение Власова может использоваться только в пропагандистских целях. Но усилия НКОТ не прекращались.

С 8 по 10 июня 1944 года НКОТ провел конференцию в Вене. Солдаты Туркестанского легиона прибыли туда вместе с 537 делегатами НКОТ. В своей вступительной речи Вели Каюм-хан объявил, что этот конгресс является Национальным собранием Туркестана. Было представлено тридцать шесть деклараций, и были приняты резолюции, включая решения не признавать русский освободительный комитет Власова, осудить тех, кто вступает в Русскую освободительную армию, как предателей, и противодействовать российскому империализму во всех его формах. Конгресс также подчеркнул, что нельзя мириться с советской политикой раскола Туркестана на различные республики, и что нужно создать объединенный и демократический Туркестан, с рыночной экономикой и свободой вероисповедания. Коммунистическая партия должна быть объявлена в Туркестане вне закона. Другая резолюция содержала решение, что съезды, прове-

денные в Кокандской и Алашской республиках, будут рассматриваться как первый и второй Национальные конгрессы Туркестана. Съезд туркестанских мусульман в Ташкенте в 1922 году должен рассматриваться как третий конгресс, а нынешняя конференция – как четвертый.

Каюм-хана переизбрали на пост председателя. Делегаты назначили тринадцать членов комитета и семь руководителей отделов: доктор Саид Карими, Баймирза Хаит, Сатар Аламбет, А. Закий, Равшан Бей и Аит Бей, и Эргаш Шермат, выбор которого особенно обрадовал Рузи. Вдобавок ко всему этому конгресс создал Национальное собрание из семидесяти членов.

Вопреки всем усилиям НКОТ, проблема Власова оставалась. На встрече за обедом в Берлине в июне 1944 года, на которой присутствовал Вели Каюм-хан, этот вопрос обсуждался долго и детально, и были определены возможные стратегии. Самой срочной потребностью было добиться того, чтобы туркестанские легионеры на Восточном фронте были отправлены на запад. На случай поражения немцев в войне Комитет хотел воспрепятствовать тому, чтобы его солдаты попали в плен к Советам.

16 ноября 1944 года Гиммлер и Власов провели продолжительную встречу, в которой также принимали участие два офицера СС. Совещание закончилось решением сформировать две дивизии в качестве Русской освободительной армии. Гиммлер согласился на условие Власова, что легионы, состоящие из солдат нерусских национальностей, другими словами, из туркестанцев, азербайджанцев, татар и башкир, тоже должны находиться под его командованием. Протокол соглашения гласил: «Когда Россия будет освобождена от большевизма, она будет независимым государством, и народ определит форму правления. У России будут границы по состоянию до 1939 года. Крым будет независимой областью, и русским казакам предоставят максимальную политическую независимость. Самый высокий уровень культурной автономии будет дан нерусским народам». Это было ударом в спину Туркестанскому легиону и НКОТ, так как они боролись за независимость своей страны. Гиммлер согласился с тем, что Туркестан по-прежнему останется русской колонией после войны.

Первым результатом встречи было образование Комитета освобождения народов России (КОНР) под председательством генерала Власова, для которого это представляло полную победу. Генерал был сделан представителем всех народов, которые были колонизированы сначала Российской империей, а затем Советским Союзом, и командующим сотен тысяч войск. 14 ноября Власов издал свой Пражский манифест, объявив, что его комитет возьмет на себя ответственность за все национальные комитеты и легионеров Русской освободительной

армии. Заявление было обнародовано 18 ноября 1944 года на впечатляющей церемонии в Берлине.

Рузи и его друзья были одновременно встревожены и опечалены этой попыткой поставить легионы под командование русского генерала с «великорусским» менталитетом. НКОТ и другие национальные комитеты, представляющие татар и башкир, азербайджанцев, армян, грузин, крымских татар и северокавказцев опубликовали заявление, в котором они отвергли власовский манифест и выдвинули три важных требования к правительству Германии. «Претензии Власова на то, чтобы представлять нерусские народы, должны быть отвергнуты, и такой взгляд запрещен. Право национальных комитетов и нерусских народов на создание независимых государств должно быть признано. Политическое управление всеми подразделениями, входящими в легионы, должно быть отдано национальным комитетам, оставаясь в структуре немецкого Верховного главнокомандования».

Это заявление также подчеркивало, что национальные комитеты не могут нести ответственность за отрицательные последствия передачи их подразделений под командование Власова, что подразумевало опасность того, что солдаты могут перебежать в Красную армию.

СС заставили Вели Каюм-хана как председателя НКОТ встретиться с Власовым. Каюм-хан сообщил Власову, что он не будет работать с ним. Кроме того, он сказал немцам, что, если они будут настаивать на том, чтобы передать легионы под командование Власова, он будет неспособен удержать контроль над ними. Решение Гимmlера было обречено остаться только на бумаге, и оно привело к дальнейшему обострению и без того уже напряженных отношений между НКОТ и СС.

Руководство СС оказывало Власову финансовую поддержку в крупном масштабе. 17 января 1945 года было подписано соглашение между Комитетом освобождения народов России и немецким министерством иностранных дел. Соглашение предоставляло Власову доступ к почти неограниченному финансированию. Но гора явно родила мышь. Несмотря на его огромные финансовые ресурсы и сотни тысяч русских военнопленных и рабочих, которые, как надеялся Власов, присоединятся к его армии, численность солдат в двух дивизиях власовской армии составила всего около десяти тысяч человек.

Сопrotивление Власову

6 июня 1944 года войска союзников под командованием генерала Дуайта Эйзенхауэра высадили пять дивизий в Нормандии на французском побережье. К середине июля больше миллиона солдат союзников достигли берегов Европы, и к сентябрю они продвинулись глубоко внутрь Франции.

Солдаты Туркестанского легиона играют в шахматы во Франции

Немецкое Верховное главнокомандование решило перевести офицерскую школу, где работал Рузи, в другой город. Рузи был отправлен обратно в Берлин, где генерал Кёстринг сообщил ему, что НКOT попросил его назначить Рузи их офицером связи с Верховным главнокомандованием. Вскоре согласие на это было получено, но Рузи только намного позже узнал настоящую причину того, почему НКOT просил о нем. Комитет считал, что офицеров и солдат, служивших в легионах, нужно просветить о генерале Власове. Первой обязанностью Рузи в этой связи было посетить туркестанцев, дислоцированных в Восточной Пруссии, и поговорить с солдатами, унтер-офицерами, офицерами и мусульманскими военными священниками, чтобы создать и укрепить среди них оппозицию Власову.

Рузи был очень любим legionерами и своими коллегами-офицерами. Он обучил тысячи молодых туркестанцев в учебном лагере в Проскурове и заслужил их привязанность. Он множество раз рисковал своей жизнью, чтобы спасти своих солдат. Дисциплинированный солдат, он ни на кого не смотрел свысока.

Рузи сначала посетил подразделения в Восточной Пруссии и провел там ряд встреч и совещаний. Он часто встречал солдат, которых он знал еще на родине, и проводил время с ними, пытаясь ослабить их ностальгию и их тоску по семьям. Солдаты, сражающиеся в легионах, перенесли ужасное время, когда служили в Красной армии, так что эти темы им было не трудно объяснить. За три недели он собрал свыше тысячи подписей ведущих фигур в легионах, возражающих против планов Власова. Он вернулся в Берлин и передал подписи Комитету, описывая ситуацию на фронте, как он это сделал. Три недели спустя он поехал во второй тур, на этот раз вместе со своим другом Эргашем Шерматом, который работал на немецкое министерство пропаганды. На сей раз его задача состояла в том, чтобы посетить легионы, которые были отведены с Восточного фронта и размещены в Кёнигсберге в Восточной Пруссии. Снова он получил больше тысячи подписей. Значение этого сбора подписей состояло в том, что каждый, кто подписался, сделал это от имени всех солдат в своем подразделении. Другими словами, все legionеры открыто заявили, что они против движения Власова.

Солдаты Туркестанского легиона

НКОТ требовались деньги, чтобы предать гласности позицию туркестанцев и их неприятие Русской освободительной армии. Рузи и Эргаш попросили помощи у легионеров. Им в этом помогли мусульманские военные священники легионов. В Дрезднер Банке был открыт счет на имя Комитета, и очень скоро на счету было больше денег, чем было нужно для продолжения работы. У Власова был большой бюджет, который ему дал Гиммлер, и Дрезднер Банк тоже предложил расширить большой кредит для него. Но в результате работы, проведенной Рузи и Эргашем, легионеры получили даже больше средств, чем Власов.

Одним из самых интересных людей, которых Рузи встретил во время этих поездок, был Гулям Алим, бывший сержант Красной армии, который перешел через линию фронта на немецкую сторону, чтобы бороться в Туркестанском легионе. Он показал большую храбрость на Восточном фронте и был награжден высшей медалью за героизм. В то время, когда разногласия между НКОТ и СС достигли апогея, он увидел, что легионы должны пойти на некоторые уступки, чтобы не вызвать еще большей враждебности со стороны Гиммлера. Поэтому он согласился с решением включить его полк в структуру СС, даже при том, что лично он был против этого. Когда Баймирза Хаит посетил его от имени НКОТ, Гулям Алим открыто сказал ему, что было бы совершенно невозможно подчиниться командованию генерала Власова. Хаит ответил, что он попытается добиться отмены решения. Хаит действительно поговорил с генералом СС Бергером в Берлине, но Гиммлер в будущем так и не вернулся к соглашению, которое он заключил с Власовым.

Гулям Алим

Гулям Алим родился в Андижане, одном из самых красивых городов Ферганской долины, и он и Рузи считали себя почти земляками. Он приготовил прекрасный обед для Рузи: узбекский плов, самса, салат, пиво и шнапс. Присутствовали несколько молодых солдат из батальона, у которых были лучшие певческие голоса, некоторые солдаты были со своими сазами. Они пели печальные узбекские песни. Один из них исполнил стихотворение «Мой Андижан» тоскующего по родине императора Бабура, которое он положил на музыку в восточной тональности «раст».

«Мой Андижан, сердце мое разбито любовью к тебе. Что мне делать?
Мое тело склоняется. Что мне сказать?
Моя душа полна боли. Что мне сказать?»

Во время обеда Гулям, который был на несколько лет старше Рузи, открыл ему свою душу. Он рассказал о том, что он пережил за последние годы. Он рассказывал об интригах Гимmlера и других высших офицеров СС, направленных против НКOT и туркестанских легионов, и о том, что он делал в ответ на это.

- Понимаешь ли ты, мой брат Рузи, что если у тебя нет своего собственного сильного государства, и если другая страна оккупировала твои земли, и великие мировые державы борются друг с другом за контроль над твоей страной, то какими бы хорошими ни были твои намерения, ты никогда не избежишь того, что тебя будут использовать другие? – сказал он. – Когда я в форме Красной армии боролся против немцев, я сражался за армию, которая находилась в нашей стране как оккупант и колонизатор. Я воевал с сожалением, чувствуя себя обреченным, и без веры в то, что я делал. Теперь мы находимся на этой стороне, мы говорим, что боремся за нашу страну и ее независимость, и поэтому мы продолжаем сражаться. С нашей точки зрения ситуация фактически выглядит следующим образом. Немцы воюют за увеличение своей собственной территории, борясь с другими странами, чтобы захватить их земли. Мы встали в их ряды, потому что они нуждаются в нас. Они мыслят практично и говорят сами себе, что они должны использовать нас. Мы об этом знаем, конечно, и, несмотря на это, присоединяемся к ним, потому что у нас нет никакой альтернативы. Более ста тысяч наших молодых людей воюют с оружием в руках против Красной армии. Эта молодежь была обречена на то, чтобы умереть в лагерях военнопленных. Что произошло бы, если бы НКOT оставил их там? Все они умерли бы там посреди грязи, как шелудивые собаки. Теперь они борются за святое дело. И так мы говорим, что, возможно, если немцы выиграют войну, если Красная армия будет побеждена, то наша страна будет избавлена от оккупантов. Но я не верю, что мы сможем достигнуть этой цели. Я – солдат, брат мой Рузи. Немцы проигрывают войну. Что мы сделали? В то время как немцы думали, что они использовали нас, мы пытались использовать их.

Гимmlер примерно в это же время послал Гулям телеграмму, в которой предписывалось, что он должен подчиниться приказам Власова, но Гулям сказал НКOT, что он отказался. Рузи спросил Гуляма, что он сделал бы, если бы СС продолжали настаивать. Гулям долго молчал. Наконец, он ответил, пристально глядя на Рузи: – Продолжал бы вести войну, но следуя тому пути, в который верю, какими бы ни были условия.

Гулям рассказал Рузи о планах, которые были у генерала СС Готтлоба Бергера и штурмбаннфюрера СС Райнера Ольцши для Туркестанского легиона, проектах, которые были несовместимы с интересами туркестанцев и направлены на беспощадное их использование. Он сообщил также о раскольнических действиях

Андреаса Майер-Мадера. СС решили, что 450-й туркестанский полк должен стать батальоном СС, а затем бригадой, под командованием Майер-Мадера, который должен был переправить ее в Центральную Азию и начать там партизанскую войну против Красной армии.

НКОТ горячо выступил против этой идеи. К этому моменту исход войны был неясен, и если бы Красная армия не была побеждена, то расширение войны на Центральную Азию могло бы привести к одному из наихудших бедствий в истории Туркестана. В памяти все еще были свежи воспоминания о злодеяниях, совершенных Красной армией и НКВД. На сей раз Сталин мог бы устроить настоящий геноцид. Гулям также описал, как СС стремились эксплуатировать различия между туркестанцами. В его подразделении узбеки, казахи, киргизы, туркмены и таджики сражались плечом к плечу как братья и выбирали своих представителей из различных кланов.

- Москва объявила войну движению джадидов в Туркестане, чтобы остановить появление нации, ощущающей свою идентичность, и вместо этого создала советские республики, которые превратили кланы в нации и сделали из диалектов национальные языки. Я в штабе СС вижу признаки того, что немцы будут вести себя с нами точно так же в их будущих проектах, – сказал он.

Он рассказал, что именно он поймал двух потенциальных убийц, Сулейманова и Абдуллаева, которые собирались осуществить заговор Майера-Мадера и убить Вели Каюм-хана в марте 1944 года. Они предстали перед военным трибуналом и были повешены. Гулям утверждал, что и сам Майер-Мадер должен был предстать перед тем же судом, но СС отказались. Впоследствии было объявлено, что он погиб во время атаки русских. – Но я знаю, что его убили СС, – сказал Гулям.

В последующие месяцы Гулям Алим все более и более неохотно принимал приказы генерала Власова. Он чувствовал, что больше уже не было оправдано сражаться на стороне немцев, потому что Гиммлер и Власов намеревались сделать Туркестан колонией нового российского государства. 24 декабря 1944 года Гулям пригласил всех русских офицеров СС в своем полку на обед. Приблизилась полночь, и офицеры СС уже напились. По приказу Гуляма солдаты Туркестанского легиона арестовали всех тех из них, кто служил офицерами в лагерях военнопленных и в концлагерях. Он определил шестнадцать из них, которые обращались с узниками как с животными, убивали их ради собственного развлечения, и беспощадно уничтожили бесчисленное множество евреев. Он сказал своим солдатам, что эти шестнадцать отобранных им офицеров были бессовестными головорезами, и что наказанием для них должна быть смерть. Офице-

ров заставили стать на колени на землю, точно так, как они поступали с евреями в лагерях, и потом все они были убиты пулей в затылок.

Затем Гулям Алим ушел со своим подразделением в лесной район около городка Миява в Словакии, примерно в ста километрах к северо-востоку от Вены. Там он установил контакт с антифашистскими словацкими партизанами и вместе с ними начал организовывать нападения и диверсии против немецких войск в этом районе. Одна красивая словацкая девушка стала его любовницей – но на самом деле она была русским агентом в контакте с НКВД. Она сообщила русским, где он был, и однажды вечером его схватили солдаты Красной армии.

Военный трибунал Красной армии решил, что дезертирство Гуляма Алима из немецкой армии и его сотрудничество с антифашистскими партизанами были смягчающими обстоятельствами. Поэтому его вместо смертной казни приговорили к пожизненным каторжным работам в сибирском концентрационном лагере. Но сами условия в этих лагерях могли, в конечном итоге, стать смертным приговором.

Заключение Гуляма Алима в Сибири, однако, не было концом для него. В 1956 году Никита Хрущев, первый секретарь компартии Советского Союза, публично осудил чистки сталинского периода. Внезапно было признано, что жертв показательных процессов, начиная с 1930-х годов, осудили несправедливо, и тех, кто был все еще жив в тюрьмах и лагерях, начали выпускать на свободу. В один весенний день 1961 года Гулям приехал домой в Андижан, город, который Бабур никогда не прекращал восхвалять в своих стихах. Тяжелые условия Сибири превратили его в развалину и нанесли непоправимый вред его здоровью. Но, несмотря на это, он прожил еще одно десятилетие в своем родном городе прежде, чем умереть там.

Легионеры на Западном фронте

Через день после встречи с Гулямом Алимом Рузи оставил свое подразделение. Он провел две недели, посещая лагеря легиона, иногда с Эргашем Шерматом и иногда в одиночку, собирая подписи против Власова, собирая деньги для НКОТ и устанавливая связи.

Советская армия теперь продвигалась на запад, и туркестанские легионы готовились к оборонительной войне. Они копали траншеи, готовили блиндажи и взрывали мосты. Рузи заметил, что моральный дух был хорошим, несмотря на ситуацию. Солдаты шутили друг с другом, рассказывали разные истории, игра-

ли в игры и делились едой. Самой популярной темой разговоров было то, как не попасть в руки Красной армии.

В первые годы войны нацистские офицеры и немцы вообще, подвергшиеся пропаганде гитлеровских идей о высшей расе, относились к солдатам легионов с презрением. Ральф фон Хайгендорфф, командир 162-й Туркестанской пехотной дивизии, однажды спросил молодого солдата, вернувшегося в лагерь, почему тот не использовал полностью свой отпуск. Солдат ответил, что он однажды ехал в трамвае, когда некий офицер СС сказал водителю: «Я не сяду в трамвай, в котором сидит это животное. Прогоните его». И после этого его вышвырнули. Неспособный терпеть это и другие оскорбления, которые он получал на улицах, молодой человек возвратился в свою часть. Нацистские идеологи заявляли, что необходимо не позволять членам «низших» азиатских рас вступать в брак с немецкими женщинами. Все же, несмотря на эти оскорбления, и даже когда стало ясно, что у Германии не было фактически никакого шанса на победу в войне, только очень немногие легионеры из Туркестана, Татарстана, Башкирии, Азербайджана и Северного Кавказа перешли на сторону Красной армии. Некоторые из тех, кто поступил так, как думали, были агентами, внедренными в легионы советской военной разведкой. Другие были православными, которые прежде являлись солдатами Красной армии.

Ральф фон Хайгендорфф (1897-1953)

В течение некоторого времени НКОТ и офицеры в легионах сконцентрировали свои усилия на том, чтобы добиться переброски туркестанских подразделений на запад, подальше от Восточного фронта. К началу 1945 года им в существенной степени удалось осуществить это. Самая большая из этих воинских частей, 162-я пехотная дивизия, которая блестяще сражалась против Красной армии на Восточном фронте, была теперь размещена в Италии около озера Комо, готовясь к трудной обороне от наступающих американских и британских войск.

Рузи поехал из Берлина в Италию на поезде. Он знал все об этой пехотной дивизии, но это был первый раз, когда он в реальности посетил ее. Его миссия состояла в том, чтобы от имени НКОТ обсудить проблему Власова и послевоенную стратегию с офицерами и унтер-офицерами.

Перед поездкой Рузи в Италию его коллеги, знавшие генерала, рассказали ему о Хайгендорффе. Этот генерал был популярен у его солдат, и он резко возражал переподчинению их под командование генерала Власова. У него было хорошее понимание советской истории и политики, и он был первым заместителем военного атташе Германии в Москве перед войной. Все в НКОТ в Берлине почувствовали облегчение, когда его назначили командиром 162-й дивизии.

Хайгендорфф тепло поприветствовал Рузи, несмотря на различие в их званиях, и у них состоялась долгая беседа. Рузи интересовал арест Нидермайера. Он знал об этом аресте лишь то, что бывший командир 162-й дивизии критиковал политику Гитлера.

Он спросил генерала, что именно говорил Нидермайер, и что он сам думал об этом.

- Если эта беседа останется между нами, – ответил генерал Хайгендорфф, – то я дам вам честный ответ. Вы были на Украине, когда вы вступили в легионы. Вы знаете, как встречали нас, немцев, когда мы пришли туда. Украинцы праздновали свое избавление от притеснений Москвы и создали свое собственное национальное правительство. Крымские татары тоже думали, что мы освободили их. Но что мы сделали? На том основании, что эти территории якобы были жизненным пространством, необходимым Германии, мы распустили украинское национальное правительство и арестовали его членов. Мало того, что мы не признали независимость Крыма, мы еще объявили его немецкой колонией и курортом. Немецкая армия оставалась в Крыму в течение двух с половиной лет, и пять или шесть месяцев она находилась в Калмыцких степях и на Северном Кавказе. Все это время все эти территории находились под контролем военной администрации. Альфред Розенберг сказал, что эти территории были напрямую

аннексированы Германией, и что там будет создана новая немецкая колониальная система. Крым, Северный Кавказ и Калмыцкие степи все должны были управляться немецкими генерал-губернаторами. Действительно в Берлине был даже разговор о переселении крымских татар куда-то в другое место и о поселении там вместо них немцев из Южного Тироля и Палестины. Эти люди приветствовали немецких солдат как освободителей, когда немцы впервые пришли туда. Но уже год спустя они могли увидеть, что нацистское правление не сильно отличалось от сталинского, и они объединились против оккупационных войск. Амет Озенбашлы, лидер Крымской Национальной партии и символ сопротивления против Советов, открыто заявил, что нацисты не отличались от большевиков, и из-за этого он был арестован. И так мы наживали врагов сами себе.

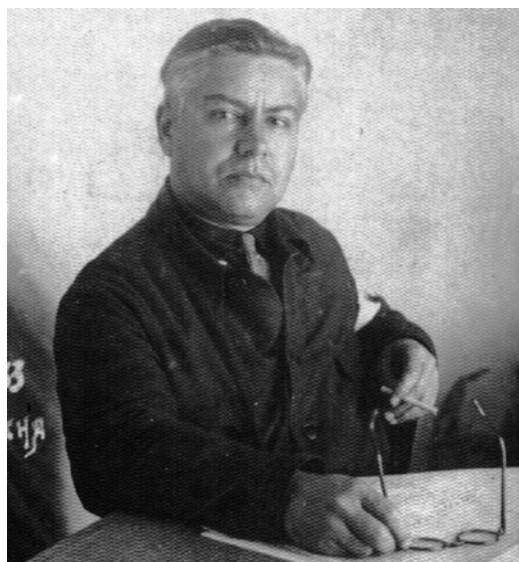
Сегодня мы слышим, что Сталин депортировал крымских татар с их земли и выслал на другие территории Советского Союза. Он наказал их за то, что они приветствовали нас с цветами. Он делает вид, будто не видит, что теперь они ненавидят нас. Одна причина этого состоит в том, что Россия хочет Крым как свою территорию, а другая – это те несколько месяцев в начале войны, когда они доверяли нам. Мамед Эмин Расулзаде, президент независимой Азербайджанской Демократической республики, провозглашенной в 1918 году, предложил сотрудничать с нами при условии, что мы согласимся на независимость его страны. Мы отказались сделать даже формальное заявление. Национальный вопрос, безусловно, один из самых важных, с которыми сталкивается Советский Союз, и мы не сделали ничего, что удовлетворило бы людей, предложив им решение.

Вы, Рузи, сражаетесь рядом с нами. Но за что? За то, чтобы ваша страна однажды могла стать свободной и вернуться к тому, чтобы быть независимой республикой. Генерал Нидермайер знает Восток очень хорошо. Он хорошо проинформирован о великих государствах и цивилизациях ваших предков. Он знаком с вашими верованиями и вашими традициями. Могли бы такие люди как он или я сам поверить нацистской чепухе об арийской расе? Генерал Нидермайер поставил свои знания и опыт на службу немецкому государству. Но Гитлер вовсе не был расположен понять это. Генерал очень хорошо знал, что победу никогда нельзя будет одержать этим способом, но Гитлер обвинил его в том, что он, мол, пророссийский, в том, что он защищает русские интересы. Конечно, правда когда-то выйдет наружу. Но я надеюсь, что это не окажется очень горьким днем для всех нас.

Рузи с уважением и симпатией посмотрел на генерала, который открыл ему душу. Он сказал ему, что он чувствовал себя очень неловко после беседы с Гулямом Алимом и событий, которые тот описал.

- Кто из нас не чувствует себя неловко, Рузи? – спросил Хайгендорфф. – Вы должны позаботиться о том, чтобы остаться в живых; приложите все усилия, чтобы спастись.

Далее они говорили о ходе войны и о будущем солдат в легионе. Они подробно остановились на том, что можно было сделать, чтобы гарантировать, что в случае проигрыша в войне они не попадут в руки Советов.

Амет Озенбашлы (1893-1958)

Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955)

Фаталибейли

Одна половина солдат 162-й пехотной дивизии проводила свое время у озера Комо, подготавливая укрепления днем, а вторую половину – ночью, т.е. одна половина работала, пока другая отдыхала. Рузи выходил днем и ночью, чтобы поговорить с ними, всегда в сопровождении двух немецких солдат. Он собирал подписи и спрашивал солдат об их заботах и трудностях.

В один из этих дней Рузи столкнулся с Абдуррахманом Фаталибейли-Дуденгинским, председателем Азербайджанского Национального комитета, которого он уже знал по Берлину. В тысячах километров от их родных стран, эти два друга крепко обнялись на берегу озера.

Фаталибейли родился в небольшом городе Дуденге в Нахичевани в 1908 году. Он был на девять лет старше Рузи. У них были почти братские отношения, с любовью и уважением.

Фаталибейли спросил, что тут ищет Рузи, и рассказал ему о своей собственной работе. Он тоже был против Власова и был убежден, что только сумасшедший мог теперь верить, что немцы выиграют войну. Неотложной проблемой для них должно было стать спасение жизни солдат в легионах. Фаталибейли сказал Рузи, что он поехал в Рим, чтобы попросить Мухаммада Амина аль-Хусейни, Великого муфтия Иерусалима, о его помощи в том, чтобы гарантировать, что азербайджанские солдаты не попадут в руки Советов.

*Великий муфтий Иерусалима Мухаммад Амин аль-Хусейни
беседует с азербайджанскими легионерами (1942)*

По пути в Рим Фаталибейли хотел навестить свою жену Лейлу и своего сына Али, которых ему удалось эвакуировать с советской территории в небольшой городок в северной Италии. Но ему не удалось поехать туда, и вместо этого он приехал на озеро Комо, чтобы посетить легионеров 162-й дивизии.

Рузи знал, что ему представился редкий шанс свободно побеседовать с азербайджанским лидером. Он рассказал ему о своем собственном прошлом, о своей семье и о Маргилане, и спросил Фаталибейли об истории его жизни.

Фаталибейли принадлежал к уважаемому и известному роду с родственными связями с династией Сафавидов, бывших правителей Ирана. Он хотел стать военным и учился в военном училище в Тбилиси (Тифлисская военно-пехотная школа). В начале 1930-х он приехал в Ленинград и там вступил в Коммунистическую партию. В 1936 году он сдал экзамены, чтобы поступить в Военную академию имени Фрунзе. Но в годы сталинского террора он был уволен из армии на том основании, что он якобы был контрреволюционером и буржуазным националистом. В 1937 году он женился на Лейле, и у них родился сын. Как и другие офицеры, которые были изгнаны из Красной армии, Фаталибейли был призван обратно, когда началась Вторая мировая война, и его восстановили в прежнем звании. Его отправили на Финский фронт, там он получил орден Красной Звезды, и в 1941 году его повысили в звании до майора, но в сентябре того же года он был взят в плен немцами.

В лагере военнопленных он начал размышлять о том, как избавиться от ужасающих условий, царящих там. Поэтому он написал длинное письмо немецкому Верховному главнокомандованию, предлагая создание Азербайджанского легиона, в котором он мог бы получить какую-то должность. Это совпало с тем, что немецкие власти приблизительно в то же самое время слышали от таких известных людей, как Нури-паша Киллигиль и турецкий посол Герееде. Фаталибейли был принят в немецкую армию и получил должность на Кавказском фронте. Он продемонстрировал исключительные способности, и в 1943 году он был назначен в Азербайджанское бюро по связи, которое затем превратилось в Азербайджанский национальный комитет. 6 ноября 1943 года в Берлине собрался Азербайджанский курултай, Национальный съезд, на котором Фаталибейли был единогласно избран председателем его Национального комитета.

Абдуррахман Али оглы Фаталибейли-Дуденгинский (1908-1954)

Недолговечная Азербайджанская республика была создана в 1918 году после Октябрьской революции. Во главе ее стоял Мамед Эмин Расулзаде, но он был арестован и приговорен к смерти после того, как его страна была захвачена Красной армией в апреле 1920 года и объявлена Азербайджанской советской республикой. Но благодаря более раннему знакомству Расулзаде со Сталиным, его приговор был изменен на высылку за границу. Расулзаде пришлось провести в Германии, Польше и Турции всю свою оставшуюся жизнь, до самой смерти 6 марта 1955 года.

Нашивка Азербайджанского легиона

Рузи спросил Фаталибейли, правда ли, что у него были разногласия с Расулзаде. Фаталибейли ответил, что Расулзаде был естественным лидером азербайджанского движения за независимость, что между ними не было никаких разногласий, и что только на основании одобрения Расулзаде сам он встал во главе военного крыла движения. Фаталибейли сотрудничал с немцами, чтобы поддержать десятки тысяч азербайджанцев, которые в противном случае умерли бы в лагерях, и потому что Азербайджан нуждался в армии для борьбы за свою независимость. Расулзаде считал, что, если бы немцы действительно выиграли войну, они должны были бы немедленно предоставить Азербайджану его независимость, и он был прав, думая так. Но немцы ни при каких обстоятельствах не могли открыто объявить об этом. Фаталибейли утверждал, что немцы хотели единолично контролировать азербайджанскую нефть после войны.

Рузи справился о своем хорошем друге Фуаде Эмирджане, который работал с Фаталибейли. Фуад был сыном министра азербайджанского правительства 1918 года. Он получил образование в Галатасарайском лицее в Стамбуле, а затем учился во Франции. Когда началась война, он приехал в Берлин и встретил Фаталибейли в лагерях. Фаталибейли сказал, что Фуаду не понравилась позиция нацистов, и он вернулся в Париж.

В конце долгой беседы Рузи и Фаталибейли попрощались, обменявшись добрыми пожеланиями на будущее.

7. ПОБЕГ ИЗ КЛЕЩЕЙ ПОРАЖЕНИЯ

Возвращение в Берлин

После одиннадцати беспокойных дней с 162-й дивизией в северной Италии Рузи вернулся в Берлин поездом. За время его пребывания там воздушных налетов не было, но войска были в состоянии готовности, ожидая, что самолеты союзников появятся в любое время. В Ландсхуте в Баварии поезд остановился, и к нему прицепили несколько выглядевших старыми вагонов. Пассажиры уселись, затем поезд ехал на север через баварский лес около получаса. Из окон открывался великолепный вид, и все было спокойно. Потом внезапно зазвенели сигнальные звонки, и поезд резко остановился. Самолеты союзников атаковали поезд. Рузи и другие пассажиры оставили поезд и скрылись в лесу, пока бомбы и пули дождем лились вниз.

Рузи Назар во время войны

Постепенно налет закончился. Четыре пассажира были убиты и еще двадцать ранены. Поездная бригада подготовила поезд к дальнейшему движению, попросив пассажиров поторопиться. Рузи поднялся в ближайший вагон. Он был оборудован роскошно и со вкусом, и внутри него было только четыре человека: красивая и модно одетая светловолосая женщина в возрасте приблизительно пятидесяти лет, девушка шестнадцати или семнадцати лет, и еще одна женщина, тоже хорошо одетая и привлекательная, с ребенком на руках. Рузи почувствовал себя неловко и сказал: – Я не знал, что этот вагон был зарезервирован. Мне нужно было поторопиться сесть на поезд, я действительно прошу прощения. Я пересеяду в другой вагон на ближайшей станции.

Женщина постарше ответила, что они будут рады путешествовать вместе с ним.

Рузи узнал, что пожилая женщина, фрау Блашке, была женой очень высокопоставленного правительственного чиновника в Вене, и что две более молодые женщины были ее дочерьми, а ребенок – ее внуком. Венский чиновник, чувствуя, что ситуация становилась опасной, попытался отправить свою семью в Гамбург. Женщины не имели никакого представления о жестокости, царившей в нацистских лагерях для военнопленных и о массовых убийствах в концлагерях. Их гордость своей нацией была чрезвычайно сильна, и они искренне верили, что их собственная раса была высшей, и все другие уступали ей. Они, тем не

менее, вели себя с Рузи уважительно, и молодые женщины делали все, что могли, чтобы привлечь к себе его внимание.

Путешествие на поезде продлилось два дня, с периодами долгого ожидания, пока ремонтировались пути, поврежденные ударами авиации. Во время одной такой остановки в лесу молодая мать начала раскрывать душу перед Рузи. Она вышла замуж двумя годами ранее. Ее муж, как все молодые немецкие мужчины, был солдатом. Спустя неделю после их свадьбы он вернулся на Украину, и вскоре после этого он был убит во время атаки Красной армии. Ребенок у нее на руках был напоминанием о том коротком промежутке времени, когда они были вместе. С тех пор у нее не было больше никаких романов. Она очень хотела любить и быть любимой. Рузи рассказал ей свою историю.

Молодая женщина была поражена. – Вы действительно никогда не были женаты? – спросила она. Он объяснил, что был призван в армию в возрасте двадцати трех лет, и что в его стране этот возраст все еще считался слишком ранним для брака. В любом случае из-за надвигающейся войны он не хотел бы жениться и затем оставить молодую жену в одиночестве.

- Вы поступили правильно, – сказала молодая женщина. – Посмотрите, что произошло со мной. Мне было двадцать два года, когда я вышла замуж, и мой муж ушел на войну и оставил меня. Если бы у меня не было этого ребенка как напоминания о моем браке, возможно, я давно забыла бы об этом. Ну, а тогда почему же вы не женились на какой-нибудь немке?

Рузи ответил: – Мы воюем. Мы не знаем, что случится завтра. Я мечтаю о возвращении в мою страну, когда война закончится. Я понятия не имею, как немецкая женщина приспособилась бы к жизни там.

Она ответила: – Если люди любят кого-то, они могут приспособиться к жизни где угодно. Похоже, как будто вы нашли кого-то, кого вы любите, и кто любит вас.

– Есть кое-что еще, что важно, – сказал Рузи.

- Что же это? – спросила она и взглянула на него с любопытством.

- Вы знаете об утверждениях нацистов о расе господ, – сказал Рузи. – СС запретили браки между иностранными легионерами и немками.

Молодая женщина серьезно посмотрела на Рузи глазами, которые были синими как море. Она схватила его руку, и затем внезапно слова полились из нее. –

Причина всех этих бедствий это они, не так ли? Я надеюсь, что они уберутся ко всем чертям, и они сами, и их бредовые теории. Ну, давайте, женитесь на мне. У нас будут красивые дети... Люди смешанной крови красивы, вы знаете.

- Давайте вернемся на поезд, – сказал Рузи. – Он скоро поедет.

Оставшуюся часть поездки он старался больше не говорить на эту тему.

Когда они достигли Берлина, Рузи попрощался с попутчицами, которые поехали дальше в Гамбург. Хотя они пригласили его приехать к ним в гости, он никогда больше не встречал их.

За время этой поездки Рузи понял что-то очень важное. Фанатичное меньшинство с его идеями, сформированными извращенными теориями, взяло под свой контроль судьбу нации и навлекло огромные бедствия на самого себя и на человечество. То же самое было справедливо для всех тоталитарных систем. Большевики получили контроль над Октябрьской революцией с лозунгами о правах, справедливости, равенстве, братстве различных народов и о праве наций самим определять свою собственную судьбу. Все же Сталин убил десятки тысяч людей, которых он считал опасными для себя. Миллионы людей среднего класса были ликвидированы на том основании, что они якобы были врагами государства. Для евреев и других, страдающих под нацистским притеснением, крупнейшим тираном был Гитлер. Для тех, которые терпят гнет Сталина, именно он был величайшим тираном. Возможно, системы вроде этих были врагом человечества на протяжении всей истории.

В СССР у Рузи было много русских друзей, которые были чрезвычайно высоко-моральными людьми, и чьи сердца были полны любви к человечеству. И за годы в Германии он подружился с немцами, обладавшими такими же качествами. Не нации и народы как таковые были источниками притеснения, а фанатики с тоталитарной ментальностью, которые установили систему правления для своей страны и стали господствовать в ней. Он ненавидел и коммунизм, и нацизм.

Красная армия приближается к Берлину

За две недели, последовавшие за возвращением Рузи в Берлин, все полностью изменилось. Союзники продвигались внутрь Германии с юга, запада и востока. Теперь не было никакого смысла размышлять о Власове и его действиях. Его приоритетом было будущее туркестанских легионеров. В ходе ряда встреч в феврале 1945 года, известных как Ялтинская конференция, Черчилль, Рузвельт

и Сталин принимали решения о форме послевоенного мира. 11 февраля они пришли к согласию, что бывшие советские граждане, которые покинули СССР до 1 января 1939 года, могли оставаться в тех странах, где они в данное время жили. Но те, которые уехали позже, должны были, если Советский Союз потребует этого, быть возвращены назад. Для Рузи и НКОТ практическое значение этого состояло в том, что солдаты, которые сражались в национальных легионах, будут переданы Красной армии.

В Берлине в апреле 1945 года все было похоже на приближение конца света. Город бомбили каждую ночь в течение многих часов, и пронзительные вопли сирен будили людей и торопили их вниз в бомбоубежища. Машины скорой помощи везли раненых в больницы. Рузи попытался получить медицинскую помощь для раненых легионеров с Восточного фронта. Они годами жили лицом к лицу со смертью посреди крови и канонады. Теперь они были предоставлены сами себе. Большинство были деревенскими ребятами из Туркестана, которые едва умели разговаривать на русском языке, когда их призвали в Красную армию. Они не получили никакой нормальной военной подготовки, и затем были отправлены на фронт, чтобы стать пушечным мясом во время немецкого вторжения. Они попали в плен, прошли ад лагерей, и затем были снова посланы во фронт, на сей раз уже на другой стороне. Они также не выучили в достаточной степени и немецкий язык. Рузи ездил по Берлину и его окрестностям на автомобиле, который выделило ему командование добровольческих формирований немецкого Верховного главнокомандования, и когда он сталкивался с кем-то из этих солдат, он делал все, что мог, чтобы помочь ему.

В таких условиях НКОТ не мог продолжать свою работу в Берлине. Комитет арендовал красивое здание в курортном городке Мариенбад в Судетской области (сейчас Марианске-Лазне в Чехии), и в начале апреля Вели Каюм-хан и Баймирза Хаит, его заместитель, отвечающий за военные вопросы, переехали туда вместе с Эргашем Шерматом с пропагандистской радиостанции и тремя или четырьмя солдатами из легиона. НКОТ был в хороших отношениях с генералом Вернером, региональным военным командиром, и майором Хайпелем, командовавшим городским гарнизоном. Здание Комитета было похоже на санаторий, и Рузи смог послать туда на поправку несколько легкораненых солдат.

Рузи, который сам был солдатом, должен был посетить штаб командования добровольческих войск. Доложив там о своем прибытии, он отправился в старые помещения НКОТ, теперь почти оставленные, но все еще служащие убежищем для туркестанских солдат, которым удалось добраться до Берлина. Рузи посоветовал им бежать на юг или запад, чтобы ускользнуть от Красной армии.

Немецкая армия теперь раскололась на командование Северной группы со штабом в Гамбурге и командование Южной группы, дислоцируемое в Зальцбурге. Рузи был подчинен Южной группе. Это решение понравилось ему, потому что эта группа включала 162-ю Туркестанскую пехотную дивизию. Однажды один подполковник в штабе добровольческих войск сказал Рузи, чтобы он в следующий раз принес свою солдатскую книжку – военное удостоверение личности. На следующее утро Рузи рано пошел в штаб и передал свою солдатскую книжку подполковнику. Он ожидал, что его уволят с военной службы. Три часа спустя тот же офицер появился вновь и протянул Рузи его документ. – Желаю удачи в вашей новой миссии, – сказал он.

Рузи прочитал следующие строки:

«Офицер, которому принадлежит это удостоверение, направлен для специального задания в северную Италию. Каждый член Германских вооруженных сил, который видит этот документ, обязан предоставить его владельцу всю возможную помощь.

(Подпись) Фельдмаршал Вильгельм Кейтель, Главнокомандующий Германскими вооруженными силами».

Он понятия не имел, какова будет его задача, но у него в руках был документ, который явно мог открыть много дверей. Затем подполковник сказал ему: – После того, как вы вернулись из 162-й пехотной дивизии, американские и британские войска начали большое наступление на эту дивизию, и она понесла тяжелые потери. Ее подразделения полностью рассеяны, и их нужно снова собрать вместе и занять оборонительную позицию. У нас в распоряжении нет ни одного офицера на активной службе, кто знает эту дивизию, говорит на их языке и понимает их обычаи. Так что вам дали эту работу. Вы поедете в северную Италию, перегруппируете рассеянные части и реорганизуете их для оборонительных боев. Если вы сможете, сформируйте бригаду, если нет, то полк. Удачи!

Это была миссия, которая в нормальных условиях была бы поручена опытному генералу. Рузи же был все еще армейским капитаном в возрасте только двадцати восьми лет. Его попросили спасти остатки 162-й Туркестанской пехотной дивизии, в то время как он был в тысячах километров от своей собственной страны, на землях, принадлежащих другим, где он был брошен судьбой.

- Ну, идите, и если война проиграна, то сколько солдат вам действительно удастся спасти от Красной армии, столько жизней вы спасете. В вашей солдатской книжке не написано ничего, что конкретно определяет вашу задачу. Вы

можете использовать подпись Кейтеля, чтобы защитить легионеров и самого себя тоже.

Шорабай

В это время Рузи жил в районе на западной стороне Берлина. Однажды около полудня один молодой туркестанец по имени Джизакли Шорабай, который работал на пропагандистской радиостанции, возглавляемой Эргашем Шерматом, проехал через весь Берлин с восточной части города, чтобы посетить его. Из-за постоянных бомбежек не было никакого общественного транспорта. Рузи был достаточно удивлен, узнав, что этот молодой человек провел часы, потев на велосипеде, чтобы приехать к нему в то время, когда Красная армия была очень близко к Берлину, и город бомбили днем и ночью.

(Фамилии вроде «Джизакли», «Ташкентли» и т.п., встречающиеся в книге, означают «родом из Джизака», «родом из Ташкента» или «Джизакский, Ташкентский» и т.п. – прим. перев.)

Шорабай очень хорошо говорил и по-немецки, и по-русски. Он перебежал из Красной армии к немцам приблизительно годом ранее. Он сказал немцам, что хотел бороться против России в легионах и попросил о встрече с Вели Каюм-ханом. Как он сказал, он хотел выразить ему свою преданность и уважение, а также передать ему важную информацию.

Но когда его привели к Каюм-хану, Шорабай сказал ему, что он был агентом НКВД, которого специально готовили, чтобы убить его. Он сказал, что его замучила совесть, и он решил не совершать убийство, потому что знал, что Каюм-хан был патриотом, работающим во благо Туркестана. Он сказал, что согласился бы с любым решением, которое Каюм-хан примет относительно его. Каюм-хан поверил в то, что Шорабай рассказал ему, взял его под свою защиту и устроил его на работу у Эргаша Шермата.

После обычных приветствий и вопросов Шорабай спросил у Рузи, каковы были его планы на будущее, теперь, когда русские были так близко. У Рузи возникли подозрения, и он давал уклончивые ответы, сказав, что он пока еще не очень много размышлял о будущем и пока не придумал никакого плана. Он ни словом не упомянул о своей новой миссии. Шорабай сказал, что он и несколько друзей решили остаться в Берлине, и что они не ожидают столкнуться с проблемами, с которыми бы они не справились. Он посоветовал Рузи тоже остаться. Рузи отве-

тил Шорабаю, что ему понравилось его предложение, и он серьезно подумает над ним и сообщит ему, как только примет соответствующее решение.

Шорабай на самом деле был агентом НКВД, но никакого плана убийства Вели Каюм-хана никогда не существовало. История об убийстве была специально придумана, чтобы завоевать доверие Каюм-хана. Реальной целью Шорабая было выведывать для НКВД информацию о действиях Комитета и легионов. Он приехал к Рузи, чтобы заманить его в руки Советов. Рузи в очередной раз спасся от верной смерти благодаря своей осторожности и уму.

В послевоенные годы Рузи и Баймирза Хаит получили известие от их друга по имени Муминжон, который учился в Берлине. Муминжон жил на квартире у одной немецкой семьи, и он знал, что Шорабай жил с их дочерью. Он спросил девушку, были ли у нее какие-то новости о Шорабае, и она показала ему несколько писем. Шорабай писал, что в течение многих лет он информировал советскую разведку о Комитете и его работе. Теперь он возвратился в Советский Союз, но его предательство не принесло ему большой пользы, поскольку НКВД вынудил его жить в городе Джизак в Узбекистане.

Так Рузи узнал, что его подозрения о ненадежности и нечестности Шорабая были правильными. В послевоенные годы также стало известно, что официальный фотограф НТОК тоже был русским агентом.

Инсбрук и Больцано

Перед тем, как уехать на свое новое задание в Италию, Рузи наполнил чемодан своими дневниками и коллекцией важных документов НКВД и фотографий. Свою запасную одежду он сложил во второй чемодан и отдал оба чемодана Ташкентли Максуму, одному из его друзей, который ехал в Италию как переводчик к группе легионеров, пытающихся соединиться с тем, что осталось от 162-й пехотной дивизии. Максум был умным молодым человеком, который прекрасно говорил по-немецки и безупречно по-русски. Рузи предупредил Максума, чтобы он не терял чемоданы из поля зрения, пока он снова не передаст их Рузи в Италии. Потом, взяв с собой только вещи, необходимые для своего собственного путешествия, он пошел на вокзал и уехал из Берлина.

Это было за много лет до того, как Рузи в следующий раз снова увидел Берлин, где он пережил очень много событий, и болезненных, и счастливых. Когда поезд отъехал, он, погруженный в свои мысли, оглянулся на город, который он покидал. Серия воспоминаний прошла перед его глазами: рестораны и кафе на

Курфюрстендамм, кабаре на Александерплац, где он как сумасшедший танцевал до рассвета, и короткие любовные интриги.

Рузи вспомнил семью одного из своих друзей, Касыма Инаети, финского татарина, который был полковым имамом в одном из легионов во Франции. Касым был также членом НКОТ и главой его религиозной секции, очень культурным и уважаемым человеком, при каждой возможности всегда готовым помочь окружающим его людям. Он часто приглашал Рузи в свой дом на обед, и его жена заполняла стол узбекскими блюдами, которые любил их гость. Когда союзники начали продвигаться во Францию, он отправил свою жену и четырех дочерей в Берлин, думая, что они там будут в большей безопасности, и попросил, чтобы Рузи присматривал за ними. Самой старшей дочери было двадцать два года, а самой младшей одиннадцать. Все были ангельски милы, а самая старшая чрезвычайно красива, со светлыми волосами и синими глазами. Она была помолвлена с офицером из Туркестана. Однажды во время воздушного налета мать и три ее дочери спустились в подвал соседнего здания, тогда как самая старшая осталась наверху со своим женихом. Бомба попала в тот самый соседний дом и убила тех четырех, которые спрятались в подвале. Это была судьба, или что-то вроде этого.

Рузи размышлял о природе человека. Он видел офицеров СС, которые убивали людей ради забавы, и офицеров НКВД, которые делали то же самое. Но он также видел, что люди жертвовали своими собственными жизнями, чтобы спасти других людей, независимо от их религии или национальности.

Воздушные налеты были теперь постоянными, и из-за этого поезда ехали только по ночам. Во многих местах рельсы были разрушены. После многочасовых задержек поезд Рузи, наконец, добрался до Зальцбурга, где у командования Южной группы немецкой армии был штаб. Два немца встретили его на станции и вручили ему документы, которые были нужны для поездки в Италию. Они также дали ему мешок, полный итальянских лир и рейхсмарок, сказав ему, что эта миссия чрезвычайно важна, и ему для выполнения задачи понадобится много денег.

Рузи должен был ждать следующего поезда до десяти часов вечера. Поездка из Зальцбурга до Инсбрука обычно длилась два часа, но в апреле 1945 года Рузи понадобился на нее целый день. Инсбрук напоминал сцену из Страшного суда. Город был полон солдат, которые были выведены из Италии, но не знали, что им делать или куда идти. Немецкие офицеры в Зальцбурге сказали Рузи, что будет невозможно поехать в Италию по железной дороге или по шоссе. Амери-

канские самолеты постоянно контролировали дороги, и любое движение транспорта было бы замечено и подверглось бы бомбежке.

Рузи не терял времени даром и пошел в штаб командования армии в Инсбруке. Он показал подписанное фельдмаршалом Кейтелем предписание в своей солдатской книжке, и его немедленно пропустили к командующему. Рузи объяснил ему свою миссию. Командующий подчеркнул опасности дальнейшего движения на юг в то время, когда все ушли из этой области. Но Рузи был настойчив. Он хотел добраться до туркестанцев и помочь им. Командующий сказал, что даст Рузи автомобиль «Фольксваген» и водителя в штатской одежде, но он предупредил его: – Не ездите по главным дорогам. Передвигайтесь по ночам и пользуйтесь второстепенными дорогами между деревнями.

Следуя этому совету, Рузи удалось доехать до Больцано в северной Италии. Небольшой город был полон офицеров СС и их семей, бегущих от войск союзников. Водитель Рузи попросил разрешения вернуться в Инсбрук, и они распрощались. Рузи пробыл в пути уже много дней, и он очень устал. Он пошел в отель в городе, оставил свой багаж, принял душ и побрился. После короткого отдыха он направился в штаб коменданта местного гарнизона.

Гарнизонное командование в Больцано размещалось в большом старом здании. Его сад был полон немецких солдат, среди которых Рузи заметил группу туркестанцев. Некоторых послали в Больцано с других фронтов, чтобы присоединиться к 162-й пехотной дивизии, в то время как другие были из самой этой разбитой дивизии. Он был рад встретить даже немногих соотечественников, особенно когда он узнал одного из них. Этого солдата звали Хуссан Икром (Икром), и он работал в туркестанской редакции немецкого пропагандистского радио; Эргаш Шермат однажды познакомил их друг с другом.

Все туркестанские солдаты тоже рады были увидеть Рузи. Они знали его как популярного и уважаемого офицера, которому были даны большие полномочия, и они очень хотели рассказать ему свои истории и получить его поддержку.

Хуссан Икром объяснил Рузи все, через что он прошел за последние несколько месяцев. В начале марта Баймирза Хаит вызвал его и вручил ему письмо, попросив доставить его группе туркестанцев по адресу в Праге, написанному на конверте. Хаит сказал ему, что исход войны был теперь ясен, и легионерам придется быть находчивыми и сообразительными. Люди, которым он вез письмо, были группой важных военных, работающих в легионах. Чтобы не попасть в руки Советов, они должны были теперь уходить на юг и внутрь Германии. Хаит также упомянул Ялтинскую конференцию и ее решение о бывших советских

гражданах. – Как только вы передадите письмо, сразу же приезжайте прямо назад в Берлин. Мы едем в Мариенбад, и мы вас тоже пошлем туда, вместе с вашими друзьями.

Хуссан пробыл в Праге четыре дня. Как только он вернулся в Берлин, он пошел в бюро НКОТ, но председатель и другие члены комитета уже уехали. В бюро были немецкий офицер из командования добровольческими войсками с переводчиком по фамилии Лудерцин и несколько туркестанцев. – Вы должны присоединиться к 162-й пехотной дивизии в северной Италии. Отправляйтесь в это долгое путешествие прямо сейчас, – сказал офицер, протягивая два конверта. Один конверт содержал командировочные документы, другой – письмо для командира подразделения, в котором он должен был служить. Хуссан пошел на вокзал, чтобы узнать время отправления поездов. По пути он столкнулся с Джизакли Шорабаем, который работал с ним на радиостанции.

- Где ты был? – спросил Шорабай. – Я уже много дней хотел сообщить тебе кое-какие хорошие новости. Я искал тебя, чтобы тебя спасти.

Рядом с Шорабаем стояли две немецкие женщины, которых Хуссан не знал, и туркестанец по имени Реджеп Саид. Они повторили то же самое, что сказал Шорабай. Хуссан обрадовался при мысли, что с помощью своих друзей он сможет вернуться к себе на родину. Они расстались, договорившись встретиться снова на следующий день в том же месте и в то же время. Хуссан вовремя появился на месте встречи. Он прождал полтора часа, но Шорабай не пришел. Несколько лет спустя он узнал, что Шорабай был агентом советской военной разведки. В тот день ему помешал прийти воздушный налет. В противном случае он увел бы Хуссана и вскоре после этого передал бы его Красной армии для последующего расстрела. Женщины были членами немецкой компартии. Случайность спасла Хуссану жизнь.

Хуссан решил вернуться в Прагу, где, как он думал, он мог бы встретиться с солдатами, которым он передал письмо Хаита, и, возможно, поехать в Италию с ними. Туркестанским легионерам была разослана общая директива присоединиться к 162-й пехотной дивизии, независимо от того в каком подразделении они служили в настоящее время. Но когда Хуссан прибыл в Прагу, старуха, которая прислуживала солдатам, сказала ему, что они приняли внезапное решение покинуть город, чтобы ускользнуть от Красной армии. После этого Хуссан совершил полное приключений путешествие на поезде, проехав через Вену, Линц, Зальцбург и Инсбрук. В своих мемуарах он описал то, что произошло, когда он, в конце концов, приехал в Больцано и нашел здание гарнизонного командования.

«Какой-то лейтенант посмотрел на мой документ и сказал: – Пока оставайтесь здесь и отдыхайте. Мы собираем ваших людей [то есть тех, кто выполнял приказ присоединиться к 162-й пехотной дивизии] здесь. Через два или три дня автомобили поедут отсюда в Верону, и мы можем послать вас с ними. И с этими словами он забрал мой документ. Один из унтер-офицеров провел меня на первый этаж и показал мне кровати. – Выбирайте любую кровать, какую захотите. Внизу всегда есть еда, – сказал он. После того, как он сказал мне это, я почувствовал беспокойство, задаваясь вопросом, не придется ли мне остаться здесь на много недель.

Я помылся, пошел вниз и блуждал по внутреннему двору, который походил на четырехугольный двор дворца. Около десяти медсестер Красного Креста готовили еду на кухне. В одной комнате пять или шесть офицеров сидели за столом и разговаривали. Несколько простых солдат, которые были там, собрались в группу и болтали. Во дворе была большая активность. Один из солдат подозвал Хуссана. – Садись, и давай поговорим, – сказал он и спросил меня: – Ты едешь в Верону?

- Да, – ответил я, и кратко объяснил свою задачу.

– У нас тоже был приказ ехать в Верону. Но сейчас послушай меня. Возможно, еще перед тем, как мы поедем в Верону, мы пойдем по домам. Если они уже не послали тебя туда, ты можешь поблагодарить Бога. Не послав тебя, они спасли тебя от плена или даже от смерти.

- Почему ты мне это говоришь? – спросил я.

- Владельцы места, куда мы едем, отправились туда перед нами. Американцы пришли, чтобы занять его. Война в Италии подходит к концу. Возможно, теперь они отдадут нам приказ возвращаться в Германию.

Хуссан остался в спальном корпусе на ту ночь, а на следующий день начал блуждать по улицам Больцано. Город кишел солдатами, бегущими с юга. Он заметил, что кафе были полны итальянцев, и что люди о чем-то взволнованно говорили между собой и казались очень веселыми.

В Южном Тироле этнические немцы и итальянцы жили рядом, и, следовательно, большинство итальянцев, по крайней мере, хоть как-то говорили по-немецки. Пытаясь узнать причину всего этого веселья, Хуссан поприветствовал старого итальянца с добродушным лицом, который, как он думал, не будет недруже-

любным. – Из-за чего вы так радуетесь, отец? Пожалуйста, объясните так, чтобы мы могли разделить ваше счастье, и тоже веселиться.

Старик сказал, что американцы быстро наступают, и что они смеются от радости, потому что их скоро освободят от немецкой оккупации.

Хуссан Икром бродил вокруг Больцано еще два дня. За это время он встретил и других туркестанских легионеров, и четырнадцать из них объединились в группу. Как раз во второй день, когда они ждали в саду, он увидел, что приближается Рузи, идя твердыми шагами, явно уверенный в себе.

Рузи с симпатией смотрел на этих измученных, опустошенных молодых людей. Как десятки тысяч других туркестанских легионеров, они были наивны, простодушны и беспомощны. 162-й пехотной дивизии больше не существовало. Подавляющее большинство ее солдат погибли в ходе атак союзников. Из оставшихся в живых большая часть сдалась американской армии в северной Италии. Рузи никак не мог сформировать новую боевую часть из остатков разбитой 162-й дивизии. Все, что он еще мог сделать, это попытаться спасти столько жизней, сколько возможно. Но управление войсками было нарушено, порядка подчиненности уже не существовало, и каждый солдат просто пытался спасти свою шкуру. Если бы они попали в руки советских войск, они были бы убиты на месте. Если бы они сдались союзникам, то были бы переданы Красной армии, как это четко определяли договоренности Ялтинской конференции, после чего их бы казнили.

Рузи показал адъютанту гарнизонного коменданта подпись фельдмаршала Кейтеля, и он снова был безотлагательно принят. Бригадный генерал тепло поприветствовал Рузи и спросил, что он мог бы для него сделать. Рузи объяснил ему причину своего приезда. Генерал ответил, что было бы практически невозможно создать снова военную часть из разбитой дивизии. (Звания «бригадный генерал» в Вермахте не было. Вероятно, имеется в виду генерал-майор. – прим. перев.) Он сказал Рузи, при условии, что это останется между ними, что их подразделения 162-й дивизии теперь демобилизуются и уходят внутрь Германии, и что Больцано переполнен офицерами, их семьями и обычными солдатами, которые пришли с юга. Затем он спросил Рузи, что тот собирается делать в данной ситуации. Рузи рассказал коменданту о решении Ялтинской конференции и о том, что жизни солдат легионов были под угрозой. Генерал спросил, как он мог бы помочь. Рузи сказал ему о четырнадцати туркестанцах, которые в это самое время ждали в саду. Они были советскими солдатами прежде, чем поступили на службу в немецкую армию и поэтому, очень вероятно, они будут казнены в случае выдачи. Но если бы их демобилизовали, то они считались бы гражданскими

лицами и получили бы шанс выжить. Рузи закончил: – Я прошу вас уволить этих солдат с военной службы и подписать их документы о демобилизации.

Бригадный генерал посмотрел в лицо Рузи с выражением одновременно теплоты и печали, затем вызвал своего адъютанта и приказал ему подготовить демобилизационные документы. Рузи вышел и записал имена и идентификационные номера этих четырнадцати солдат, и отдал их адъютанту. Тот взял список и вернулся в штаб. Рузи начал болтать с солдатами. Он заказал для них чай, затем отдал каждому из них часть тех денег, которые дали ему немцы на вокзале в Зальцбурге, и сказал, чтобы они купили себе что-нибудь поесть. Примерно через два часа Рузи опять вызвали в кабинет коменданта и вручили документы о демобилизации этих четырнадцати человек. Рузи поблагодарил адъютанта и попрощался с ним.

Рузи не рассказывал солдатам, о чем он беседовал с бригадным генералом и чего пытался добиться. Теперь он объяснил им ситуацию и по очереди отдал каждому его документы. Солдаты были вне себя от радости, как будто им дали официальный документ, разрешающий им вернуться домой. Одним из них был адъюнкт-профессор кафедры персидского языка и литературы в Самарканде. Этот человек попросил Рузи: – Пожалуйста, станьте нашим командиром и выведите нас отсюда. Давайте пойдем в одну из стран на юг. Даже если мы не попадем домой немедленно, мы найдем способ позже добраться до Восточного Туркестана, и так мы окажемся поблизости от нашей страны. Его простодушие и оптимизм огорчили Рузи. Молодой солдат и его друзья не имели представления о том, что из Италии никак нельзя было добраться до Восточного Туркестана, на северо-западе Китая. Он не сказал им, что они были наивны и жили в мире мечтаний.

- Но я все еще солдат, – сказал Рузи. – У меня нет никаких демобилизационных документов, и еще есть дела, которые я могу сделать как солдат. Какая бы судьба ни ожидала моих соратников, пусть она будет также и моей судьбой. Я собираюсь возвратиться в Германию, Если кто-то из вас тоже хочет вернуться в Германию со мной, то я возьму его с собой.

Но на это согласился только Хуссан Икром. Рузи попрощался с тринадцатью другими солдатами прямо здесь на месте, потому что эти простодушные парни предполагали, что они смогут отсюда пойти прямо домой.

Рузи и Хуссану суждено было провести вместе последние месяцы войны и первые годы после нее. Для них это были захватывающие дни, наполненные приключениями и ужасами, но также часто и счастливые. Их дружба была близкой,

хотя и не дружбой равных. Хуссан позже писал в своих мемуарах: «Хотя Рузи и я были ровесниками, я всегда видел в нем старшего брата, или кого-то вроде командира. Я всегда поражался его интеллекту, его человечности и его храбрости».

После войны Рузи всегда интересовался судьбой тех тринадцати молодых ребят. В последующие годы он очень старался найти их или узнать, что произошло с ними, но тщетно. Наиболее вероятно они попали в руки солдат Красной армии, которые в поисках легионеров обыскивали дом за домом, улицу за улицей, искали их в деревнях, на горных вершинах и в стороне от дорог. В первые месяцы после войны советская военная полиция даже охотилась вместе с американскими солдатами. (Под советской военной полицией автор, вероятно, понимает «Смерш». – прим. перев.)

Прошли годы, но Рузи больше никогда ничего не слышал о них.

Туркестанцы, выданные Советам

Были последние дни войны. Лидеры национальных комитетов любыми способами пытались уехать в другие страны. Немецкие власти никак не мешали им и даже помогали им получить необходимые документы. Фаталибейли, председатель Азербайджанского национального комитета, был тайком переправлен в Египет. Алихан Кантемир, председатель Северокавказского комитета, и Михаил Кедия, председатель Грузинского комитета, уехали в Швейцарию. Но Вели Каям-хан, глава НКОТ, хотел разделить судьбу своих коллег по Туркестанскому комитету. Он заявил, что останется в Германии и отверг предложения вывезти его из страны.

Легионеры и бывшие советские граждане, которые сдались в европейских странах, занятых войсками союзников, быстро передавались Красной армии. Только очень небольшое количество этих людей предстало перед военными судами. Одним из тех, кого судил военный трибунал, был генерал Власов, которого отправили в Москву, после того, как он был схвачен Красной армией. 1 августа 1946 года он был приговорен к смертной казни через повешение, и приговор был немедленно приведен в исполнение. Приговоры другим варьировались от смерти до каторжных работ в сибирских лагерях сроком не меньше двадцати лет. Но значительное большинство их расстреляли прямо в том месте, где они были переданы.

Тысячи солдат 162-й пехотной дивизии, которые сдались американцам, были отправлены на кораблях в Советский Союз. Некоторые из них бросились в море у берегов Стамбула, и определенному количеству их удалось уплыть. Но даже те, кто ушел, были позже пойманы и выданы русским. Их судьба не отличалась от судьбы других легионеров. Они были либо осуждены на смерть, либо сосланы в Сибирь.

29 мая 1945 года Вели Каюм-хан, некоторые другие члены НКОТ и 120 высокопоставленных туркестанских офицеров были арестованы американскими солдатами в Мариенбаде по приказу Верховного главнокомандующего войсками союзников генерала Эйзенхауэра. Вместе с солдатами легиона их отправили в товарных вагонах на поезде в Прагу и передали Красной армии. Члены НКОТ, за исключением Каюм-хана, были затем выпущены на основании иммиграционных документов, выданных немецкими чиновниками, которые подтверждали их статус гражданских лиц.

В Дахау в южной Германии приблизительно тридцать туркестанских офицеров, содержащихся в заключении до выдачи их русским властям, устроили в здании пожар и погибли в огне. Они надеялись, что, пожертвовав собой, они спасут жизни своих друзей, которые тоже ждали выдачи Советам. Возможно, именно из-за этого инцидента Эйзенхауэр приказал пощадить Каюм-хана, которого ожидала такая же участь. Кроме Баймирзы Хаита и немногих других, почти все оставшиеся пленники были немедленно убиты Советами.

Ялтинская конференция в феврале 1945 года приняла решение, что только те страны, которые объявили войну державам Оси к 1 марта того же года, смогут принимать участие в учредительных сессиях Организации Объединенных Наций. Поэтому Турция официально объявила войну Германии, и в июне турецкое правительство приняло решение передать 195 этнических тюркских беженцев Советам. Это было одним из самых позорных событий в новейшей турецкой истории. В 1951 году Шевкет Моджан, депутат от Текирдага в турецком парламенте – Великом национальном собрании, поднял на парламентском заседании вопрос этих беженцев. Министр юстиции Рюкнеддин Насухоглу ответил на это, что передача была осуществлена согласно правилам, согласованным для военных беженцев, и на основании принципа взаимности. Он добавил, что в 1947 году парламентский комитет упразднил турецкий лагерь для интернированных в Йозгате. Лагерь был распущен, и те из его заключенных, которые хотели остаться в Турции, и были тюркского происхождения, получили право на турецкое гражданство. Министр также отметил, что два бывших офицера Красной армии Энвер Анар (он же Казиев) и Кадри Башаран (он же Адем Кардешбейли) были среди 195 человек, которые были возвращены Советскому Союзу.

Шевкет Моджан не был удовлетворен ответом министра. Он возразил: – Мои уважаемые друзья, события, к которым я привлек ваше внимание, это не только какие-то простые вещи, которые произошли в прошлом и теперь закончились. Вред, который они причинили, это историческая ответственность, которая продолжается сегодня, и вот почему было бы преступлением против истории не привлечь к ним внимание Великого национального собрания, и поэтому я поступил так. Но эти события происходили не так, как только что объяснил министр юстиции. И это тот аспект, который печалит меня больше всего. Эти люди никогда не были интернированными солдатами, как было заявлено. Я прошу, чтобы вы сделали паузу и задумались об этом на мгновение. Были ли эти люди интернированными солдатами, или же они были политическими беженцами? Когда говорят о военных беженцах, насколько я знаю, то имеют в виду людей, которые попали на нашу территорию либо потому что их самолет потерпел аварию, либо в результате вооруженного столкновения, и были интернированы военными властями. Но когда дело касается людей, которые спасали свои собственные жизни в беде и затем нашли убежище в наших границах, то их называют исключительно политическими беженцами. Среди них есть те, которые, хотя у них прежде не было никакой связи с нашей страной, были забраны из лагерей и отправлены в Россию на кораблях. Потом они рисковали своей жизнью, прыгивая за борт в Босфор около стамбульского района Арнавуткёй, и были спасены местными рыбаками. Затем они попросили политического убежища в Турции. Являются ли они политическими беженцами или нет?

Моджан также упомянул случай двух бывших офицеров Красной армии, которые были шуринами одного из нынешних парламентариев: – Как долго они ни были офицерами в русской армии, они не забывали свою национальность, и они не приняли новое мировоззрение [то есть коммунизм], но убежали в Германию, где они оставались долгое время. Затем они приехали в нашу страну, и нашли убежище со своей сестрой... Но, и это – нечто очень позорное, однажды их забрали из их дома. Им сказали, что их отправляют в Анкару, но на самом деле комиссар полиции Али Риза отконвоировал их на границу и принес их как жертвы на этот алтарь. В истории нашей нации есть много благородных примеров того, как мы боролись, чтобы защитить одного единственного беглеца, как мы это делали для шведского короля Карла XII. Но до сих пор у нас не было бесчестных или позорных случаев, когда бы мы выдавали политических беженцев, принося их в жертву как на алтаре.

Эргаш Шермат послал 8 февраля 1952 года Абдулвахабу Октаю, депутату Великого национального собрания, официальное письмо, которое включало следующие утверждения: «Общее количество наших соотечественников, которые либо перешли к немцам во время войны, либо были взяты ими в плен, составляло

приблизительно 400 000 человек. Около 90 000 – 100 000 из них или умерли, потому что немцы морили их голодом в лагерях военнопленных, или были убиты, потому что они предположительно были евреями, монголами или коммунистами, или же умерли от различных болезней. Из выживших приблизительно 100 000 человек были забраны из лагерей и поставлены под ружье. Оставшиеся 200 000 человек использовались в качестве «восточных рабочих» на различных фронтах. До открытия Западного фронта наши солдаты боролись против Советов на Восточном фронте. Но после открытия Западного фронта Национальный комитет выдвигал различные предлоги и добился того, что 70 000 – 75 000 солдат были переведены на запад. Мы делали это для того, чтобы наши солдаты, если они будут взяты в плен, не попали в руки Советов. Большинство этих солдат были развернуты во Франции и Италии. После войны началась работа по передаче наших людей российской стороне. Мы были неспособны предотвратить это, и больше 70 000 наших солдат были насильно выданы России. После войны мы приступили к перегруппировке тех наших соотечественников, кому удалось скрыться в каких-то уголках Германии. Мы, в конечном счете, смогли определить местонахождение до тысячи из них в Европе».

Солдаты Туркестанского легиона совершают намаз на могиле своего погибшего товарища (1945)

Другой автор делает такие поразительные наблюдения: «Если подвести итог: примерно 300 000 туркестанцев сражались на немецких фронтах либо как легионеры, либо как «восточные рабочие». Значительная доля этих людей потеряла свои жизни на Восточном или Западном фронте. Почти все оставшиеся, кроме приблизительно одной тысячи человек, были после окончания войны переданы Советскому Союзу. Итогом длившейся четыре года русско-немецкой войны, что касается только тех туркестанцев, которые воевали на немецкой стороне, были потери около 400 000 человек. Потери на российской стороне не могут быть точно известны, но они, вероятно, намного больше этого числа. На протяжении всей истории это был, вероятно, первый раз, когда турки сражались за других господ в войне, в которой они сами не были одними из хозяев, и они погибали с обеих сторон в этой борьбе, которая их самих никак не касалась. Как сказал сэр Олаф Кэроу: «В этой шахматной партии между двумя императорами их ролью должна была быть роль пешки, и это стало их трагедией»».

8. УБЕЖИЩЕ В РОЗЕНХАЙМЕ

Ланге

Солдат Рузи и свежее испеченный штатский Хуссан были настроены вернуться в Берлин. У них было достаточно денег, но они знали, что в Германии не хватало еды, и все приходилось получать по карточкам. Рузи дал Хуссану некоторую сумму итальянских лир и сказал, чтобы он купил столько еды, сколько он мог донести. Сам он встретился в гарнизоне с офицером, который занимался транспортом, и попросил его найти для них два места в одной из машин, перевозящих военные грузы в Германию. Офицер сказал, чтобы они были там в девять часов вечера. Автомобили могли ездить только по ночам из-за опасности атак с воздуха. Рузи записал номера машин и вернулся в военную гостиницу.

Хуссан ждал его и показал ему свои покупки. Он смог купить много риса, оливкового масла, сосисок и колбасы-салями, хлеба, а также разные консервы и много другой провизии. – А еще я купил шестьдесят пар нейлоновых чулок, – добавил он.

- Я могу понять, что ты купил так много еды, но просто не понимаю, зачем ты купил женские чулки, – сказал Рузи.

- Я купил так много еды, как ты можешь видеть, не израсходовав все те деньги, которые ты мне дал. Я увидел, что нейлоновые чулки были очень дешевы. Ну, мы ведь уезжаем из Италии, и я не хотел, чтобы лиры пропали зря, вот потому-

то я и купил чулки. Ты сейчас еще не можешь этого понять, но очень скоро узнаешь, насколько полезны они могут быть. И тогда ты скажешь, что я был прав, и поблагодаришь меня, – сказал Хуссан.

Рузи спросил его, как он собирается дотащить такой тяжелый груз до Германии, и Хуссан ответил: – Чего мне здесь ждать? Я понесу это все на спине. Если я очень устану, то я найду людей, которые помогут мне.

И в последующие дни эти чулки действительно оказались очень полезны. Возможно, они не спасли их жизни, но они, конечно, намного облегчили им путь. В каждом доме, где они останавливались на ночлег, они давали женщинам пару чулок, и это гарантировало, что женщины демонстрировали им все свои кулинарные способности. Рузи и Хуссана угощали как двух принцев.

Рузи и Хуссан пришли на условленное место ровно в девять часов вечера, как им было сказано, но автомобиль приехал только через час. Им потребовались десять часов, чтобы преодолеть дистанцию, которую обычно можно было проехать за два часа. Дорога была переполнена машинами, которые везли солдат, отступающих из Италии, и их грузы, а также семьи офицеров. В дополнение к такому плотному движению атаки самолетов союзников настолько замедлили их продвижение, что они еле ползли.

В Инсбруке они пошли в отель и отдохнули там три или четыре часа. Рузи предложил Хуссану, раз уж им все равно было нечего делать до полуночи, использовать это время, чтобы осмотреть исторический город. Пока они прогуливались по городу, они наткнулись на Ташкентли Максума. На Максуме был очень элегантный гражданский костюм; он взял его из чемодана Рузи, и этот костюм очень хорошо подходил Максуму. В шутку Рузи сказал: – Поздравляю тебя с твоей новой одеждой, Максум.

Но мысли его были о другом чемодане, том, который был полон документов. С некоторым смущением Максум рассказал им свою историю. Только три или четыре члена его группы добрались до Италии. Они столкнулись с опасностями на дороге, и большая часть их отстала и рассеялась. Максум едва успел спасти свою жизнь. Подумав о том, что документы и фотографии в чемодане Рузи могут оказаться инкриминирующими материалами, он сжег их, сохранив только одежду для себя.

Рузи расстроился из-за потери своих дневников, которые, как он думал, могли бы пролить свет на важный период в истории Туркестана, а также документов и фотографий. Но это было военное время, и здесь ничего нельзя было сказать

или сделать. Пытаясь не дать Максуму увидеть, насколько расстроен он был, Рузи сказал ему, что он может оставить себе костюм, рубашку и обувь как подарок.

В Инсбруке они также встретили некоторых других друзей-туркестанцев. Среди них были Карыс Канатбай, который был избран генеральным секретарем НКОТ в Вене в 1944 году; адъюнкт-профессор Ахмаджон Умаров, бывший чиновник отдела культуры и пропаганды компартии в Самарканде; и Салим, адъюнкт-профессор математики в Ташкентском государственном университете. Карыс Канатбай был лидером группы, выступающей против Каюм-хана, председателя НКОТ, и два его спутника тоже входили в эту оппозиционную группу.

Рузи считал, что существование оппозиции внутри движения было признаком того, что движение было здоровым. Он думал, что Каюм-хан и часть членов НКОТ не были такими демократичными, какими им следовало бы быть. Но при всем том он не одобрял решение этой оппозиционной фракции оставить НКОТ и создать новый «Совет Туркестана» – для которого они смогли найти лишь пять участников – или их решение в апреле 1945 года присоединиться к антисоветским войскам Власова.

Они поболтали некоторое время, но Рузи не упомянул, что он и его друг возвращались в Германию, и ничего не сказал о планах, которые он сам строил на будущее.

Той ночью Рузи и Хуссан сели на другой военный грузовик и отправились в Розенхайм в Верхней Баварии. Из-за плотного движения и частых контрольно-пропускных пунктов они сумели проехать только сорок километров, и были вынуждены ночевать в небольшом городе Куфштайн. В половину восьмого следующего утром им удалось еще раз найти место в машине с грузами в военном конвое и двинуться по автобану Мюнхен-Зальцбург в направлении Розенхайма.

Хуссан Икром так описал эту поездку в своих мемуарах: «Как только мы въехали в деревню под названием Хаппинг, в двух километрах до Розенхайма, вдали появился американский самолет. Водитель остановил грузовик и завопил: – Прыгайте с машины и прячьтесь!

Все спрыгнули на землю и побежали в лес. Мы скрылись между деревьями вблизи дороги. Приблизительно в 100 или 150 метрах самолет начал сбрасывать бомбы на гудронированное шоссе. Затем он пролетел над нами и больше не вернулся. Немного позже мы собрались вокруг грузовика. Он получил прямое попадание, и его двигатель был теперь бесполезен. Бензин вытекал из ба-

ка. В некоторых наплечных мешках были дырки. Немцы, ехавшие в этом грузовике, решили идти в город пешком, и мы пошли вместе с ними. Но у нас было продовольствие и другие вещи, которые мы купили в Италии в специальных магазинах. Продукты и наша собственная поклажа были несколько тяжеловаты для нас, и мы начали уставать».

Они прошли приблизительно 600 метров, неся свои грузы, когда они увидели покрашенный в белый цвет дом. Они решили позвонить в дверь и попросить хозяев разрешить им отдохнуть там некоторое время. К ним вышел мужчина. Он был высоким, довольно плотного телосложения, с длинными закрученными кверху усами толщиной в палец и длинной белой бородой. Он поздоровался с ними, сказал, что его зовут Георг Ланге, и попросил их войти. Он был владельцем дома, железнодорожником на пенсии. Они объяснили, что они идут в город и спросили, могут ли они оставить у него свои вещи, пока они не вернутся обратно.

- Конечно, вы можете оставить свои вещи здесь, сколько вам будет угодно, – сказал он. – Вы выглядите очень усталыми. Зайдите сначала в дом и отдохните некоторое время, а затем пойдете в город.

Его предложение обрадовало Рузи и Хуссана. Тем временем в комнату вошли две женщины, одна приблизительно сорока пяти лет, и одна примерно тридцатилетняя, державшая за руку своего маленького сына. Они с удивлением увидели этих неожиданных гостей. Они некоторое время пристально глядели на них с любопытством, а затем сказали: – Не стесняйтесь. Садитесь и отдыхайте.

Они занесли свои вещи внутрь, и старик, которому принадлежал дом, показал им ванную, сказав: – Примите сначала ванну и располагайтесь.

Рузи и Хуссан воспользовались душем, побрились и переоделись в чистое нижнее белье, которое они принесли в своих мешках. За это время женщины накрыли завтрак в столовой. На столе было пять или шесть кусков хлеба, повидло, сахар и два стакана молока. Хуссан сказал им, что они принесли еду из Италии. Женщины удивленно посмотрели на него, как будто испугавшись, что их гостям не понравился завтрак, который они приготовили. Хуссан вынул из своего чемодана сыр, масло и буханку хлеба, настоящая роскошь в Германии того времени. Он дал их младшей дочке герра Ланге. – Пожалуйста, положите это тоже на стол, – сказал он.

Гости настаивали, чтобы их хозяева присоединились к ним за завтраком. Сначала те вежливо отказывались, но скоро уселись за стол. Это был для них

настоящий пир. После завтрака женщины были очарованы, когда Хуссан дал каждой из них пару нейлоновых чулок, объясняя, что он купил эти вещи в специальных магазинах в Италии. Он сказал, что он легко мог заплатить за такие дорогие товары, но не упомянул, что деньги ему дал Рузи.

Обе дочери герра Ланге были замужем. Они не слышали новостей о своих мужьях уже много месяцев. На тот момент, когда советские войска вошли в Германию с востока, а армии союзников с юга и запада, они понятия не имели, что произошло с их мужьями, даже не знали, живы ли они.

Рузи попытался утешить их. – Вы дали нам завтрак и теплую постель. Бог никогда не забывает ни об одном добром поступке, – сказал он.

Рузи сказал герру Ланге, что он направлялся в военное училище в Розенхайм. Старик объяснил, как добраться туда. Он добавил: – Ваши дела могут занять много времени. Идите и улаживайте свои дела, не волнуйтесь. Мы позволим вам быть нашими гостями здесь так долго, пока вы этого хотите.

Рузи и Хуссан прошли четыре километра от деревни Хаппинг до военного училища. Перед фасадом здания толпились в ожидании солдаты. Как обычно, показав подписанное фельдмаршалом Кейтелем распоряжение в своем удостоверении, Рузи был быстро принят комендантом училища. Он объяснил, что ему нужно попасть в Берлин и попросил выделить ему машину. Комендант ответил: – Один офицер из штаба нашего училища как раз собирается провести совещание и сообщить о самом последнем положении дел. Я хотел бы, чтобы вы там тоже присутствовали. Потом мы сможем поговорить о вашей просьбе.

Рузи сказал Хуссану подождать снаружи, а сам пошел на совещание. Офицер подробно объяснил, что район вокруг Розенхайма окружен американскими войсками, и что они готовятся войти в город. Единственный возможный способ выйти из окружения состоял в том, чтобы пересечь реку Инн.

После совещания комендант спросил Рузи: – В этих обстоятельствах вы все еще хотите автомобиль? Рузи ответил, что, поскольку больше не было возможно уехать в Берлин, то и машина ему уже не нужна. Затем Рузи сказал: – Но если позволите, у меня действительно есть совсем другая просьба к вам. Комендант дал доброжелательный ответ, поэтому Рузи продолжил: – Здесь есть легионеры, которые боролись на войне плечом к плечу с немецкими солдатами. Если они попадут в плен, то это будет конец для них. Он рассказал о договоренностях на Ялтинской конференции и сказал коменданту что, если бы этим солдатам дали демобилизационные документы, то они считались бы гражданскими лицами и не

могли бы быть переданы Советам. Комендант сказал, что он хорошо знал 162-ю Туркестанскую пехотную дивизию и испытывал к ней большое уважение. – Подготовьте список всех людей, которые есть у вас в этом районе, и я подпишу их демобилизационные документы.

Рузи и Хуссан составили список из двадцати человек. Они, конечно, уже получили демобилизационные документы для Хуссана от гарнизонного коменданта в Больцано. Рузи предупредил Хуссана, чтобы он никому не говорил, что люди, чьи имена были в списке, на самом деле не были с ними. Вскоре после этого комендант дал Рузи демобилизационные документы, которые он подписал для всех людей, названных в списке. Рузи поблагодарил его, и они простились друг с другом. Затем Рузи и Хуссан отправились назад в деревню Хаппинг.

Четыре года – долгое время в жизни молодого человека, и именно так долго Рузи носил немецкую форму. По странной иронии судьбы днем, в который Рузи в последний раз снял эту форму, стало 8 мая 1945 года, день, когда войска союзников приняли безоговорочную капитуляцию Германии.

Новая эра

В центре Розенхайма Рузи и Хуссан увидели множество людей, военных и гражданских, мужчин и женщин, мечущихся вокруг с мешками, набитыми самой разной едой. Они спросили пожилую немку, откуда люди взяли эти мешки. Она ответила, что гарнизонный комендант отдал приказ раздать продовольствие, хранившееся на армейском складе. Так что те, кто пришел на склад, возвращались с полными руками.

Когда они добрались до склада, они увидели, что какой-то капитан с ручным пулеметом в руках наблюдал за распределением продуктов. Рузи узнал его. Он служил унтер-офицером в отделении Рузи на Украине во время боев за Харьков. Он был храбрым, трудолюбивым и добросердечным человеком. Капитан немедленно узнал Рузи, и они поприветствовали друг друга и обнялись. За пару лет с тех пор, как они виделись в последний раз, он поднялся по службе. Он сказал Рузи, что, если у него есть демобилизационные документы для нескольких человек, то он мог бы зайти в склад и потребовать продовольствие в объеме, необходимом для этого количества людей.

Большую часть запасов уже разобрали, но Рузи и Хуссану удалось собрать пять килограммов сахара, банку искусственного меда, немного чая, банку подсолнечного масла, хозяйственное мыло, полмешка табака и несколько других ме-

лочей. Они вынесли все эти вещи с помощью двух или трех других солдат, и затем Рузи ждал с грузом, в то время как Хуссан пошел в деревню и сказал семье Ланге, что произошло. Старик был почти вне себя от радости. В эти последние дни войны то, что принесли Рузи и Хуссан, было настоящим сокровищем для людей, которые редко видели какую-то еду кроме картошки и лука. Хуссан и Ланге попросили у соседа деревянную тачку, загрузили ее продуктами, и пошли в деревню.

Маленькая речушка под названием Мангфалль бежит между Розенхаймом и Хаппингом, пока не впадает в реку Инн около города. Когда друзья приблизились к этой речушке, они увидели, что немецкие солдаты готовились взорвать мост через нее. Местные жители с беспокойством наблюдали. Рузи остановил тачку и подошел к солдатам. Он показал подпись фельдмаршала Кейтеля фельдфебелю, командовавшему этими солдатами, который быстро отдал честь и спросил, какие будут приказания. Рузи сказал ему, что подрыв моста не принесет никакой пользы. Розенхайм был теперь окружен американцами, и они неизбежно скоро войдут в город. Солдаты бросили свои попытки разрушить мост, и восхищенная толпа сердечно поблагодарила Рузи.

Они узнали, что два американских танка остановились около церкви на дороге, ведущей в Хаппинг, поэтому они больше не могли идти этим путем. Они пересекли мост, который Рузи только что спас и углубились в лес. Совершив длительный, холодный и трудный марш по маленьким тропкам под дождем, они, наконец, добрались до дома герра Ланге. Женщины забрали вещи и спрятали их в подвале. Герр Ланге прижимал полмешка табака к своей груди и бормотал: – Это моя жизнь, мое сокровище. Оказалось, что он был неисправимым курильщиком трубки, но ему уже очень давно не удавалось достать приличный табак.

Женщины теперь показали Рузи и его другу две небольшие комнаты в подвале, которые они подготовили для них, приглашая их расслабиться и выспаться. На их кроватях лежала одежда, которую они сняли с себя утром, теперь выстиранная и отглаженная. Хуссан не мог не напомнить Рузи: – Ну, теперь ты видишь, зачем я купил те нейлоновые чулки?

Они еще раз приняли душ и затем отдыхали. Женщины приготовили чай со склада, подсластив его медом, и они выпили его с удовольствием.

Поздно вечером они услышали шум снаружи. Очень тяжело нагруженные гужевые телеги двигались мимо на дороге около дома. Герр Ланге вышел наружу, чтобы узнать, что происходит. Скоро он возвратился и сказал им: – В лесах тоже был склад продовольствия, и комендант приказал, чтобы еду оттуда раздали

людям. И вот сельские жители, у которых есть лошади, поехали туда и загрузили свои телеги. Теперь они едут домой.

Ланге был немного расстроен, потому что из-за того, что у него не было ни лошади, ни повозки, он упускал эту возможность. Рузи вернулся в дом, надел свою форму, прикрепил кобуру на ремень и вышел на улицу. Он останавливал каждую телегу, которая проезжала мимо, и забирал с одной мешок муки, с другой мешок макарон, потом сахар, потом вино, по мешку из всего, что там было. Крестьяне настолько привыкли выполнять приказы вооруженных немецких офицеров, что они повиновались ему без возражений. Продукты сносились вниз в подвал. Герр Ланге и его дочери были счастливы. У них теперь были припасы продуктов на несколько месяцев, продуктов, которых они не видели последние несколько лет. Рузи так устал, что заснул, даже не дождавшись своего обеда.

Следующим утром во время завтрака, сидя перед ломящимся от еды столом, герр Ланге сказал: – Вы двое принесли нам удачу. Очевидно, что война скоро закончится. За последние четыре месяца мы не могли получить никаких вестей от наших сыновей. Я молюсь, чтобы они оба были все еще живы. Но почему бы вам не остаться с нами, пока они не приедут? Мы будем заботиться о вас. Когда они приедут, мы решим, что делать и найдем какой-нибудь выход. Но не оставляйте нас, пока их нет здесь.

Рузи и Хуссан знали, что Германия собиралась подписать безоговорочную капитуляцию. Что случится – и что будет с ними, как только война закончится? Пока они не могли ничего делать, только ждать. Поэтому они решили принять предложение герра Ланге и на некоторое время остаться у него.

После завтрака они снова пошли в город. Они заметили большое здание, куда входили и выходили офицеры и рядовые солдаты. Это был одежный склад, где раздавали гражданскую одежду. Рузи и Хуссан показали дежурному офицеру демобилизационные документы, которые были у них на двадцать солдат, и попросили выдать им одежду для их друзей, но тот ответил, что одежда раздавалась людям только под их личную подпись. Рузи сказал офицеру, что его друзья были заняты, помогая группе, нуждающейся в срочной помощи, и они поручили ему представлять их.

- Когда они вернутся со своего задания, они смогут получить свое жалование и одежду, – сказал офицер сначала, но, в конце концов, он согласился дать им купоны для пяти человек. Они показали их второму офицеру и собрали много одежды, которую они забрали в дом герра Ланге.

Во время войны многие итальянцы приехали на работу в Германию, особенно в Рурскую область. Когда война закончилась, они хотели вернуться домой, но из-за разбитых дорог они могли путешествовать только на велосипеде. Рузи и Хуссан увидели двух итальянцев и купили их велосипеды взамен на некоторые предметы одежды со склада и еще некоторую сумму денег в придачу. Теперь у них были велосипеды, и они были мобильны.

Трудные времена

Теперь для легионеров наступило очень трудное время. На тех, кому удалось остаться на свободе во внутренней части Германии, велась настоящая охота. В каждом городе команды из четырех солдат, одного американца, одного британца, одного француза и одного русского, объезжали улицы на военных машинах и искали темноволосых людей, внешность которых выдавала их восточное происхождение. Именно в это время Реззак Баки, Бурханеддин Касым и Кадыр Бек, члены Туркестанского комитета, были арестованы советскими солдатами и казнены.

Пока охота на людей шла полным ходом, Рузи и Хуссан скрывались. Хуссан так вспоминал события, которые последовали за безоговорочной капитуляцией Германии 8 мая: «Герр Ланге сказал нам оставаться в доме, пока сам он отправился в деревню, чтобы узнать о том, что происходило, и получить некоторые новости. Он ушел и вернулся в полдень. – Американские и британские солдаты вошли в Розенхайм, и они могут также зайти в деревни, – сказал он нам».

Рузи и Хуссан наблюдали из окна гостиной дома, никогда не отводя взгляда от дороги. Приблизительно в шесть часов утром третьего дня, герр Ланге в большом возбуждении сказал им, что американские солдаты вышли из своих джипов и приближаются к их дому, поэтому они должны пойти и спрятаться на сеновале. Два друга зарылись в солому, и дочь герра Ланге кричала им каждые полчаса: – Папа еще не приехал. Это был договоренный между ними код, означающий, что спускаться пока нельзя.

Несколько часов спустя герр Ланге вернулся и крикнул, чтобы они спускались. Он рассказывал: – Я был в ресторане Гельмута. Вошли два американца и один британский солдат и заказали пиво. В ресторане было четыре пожилых немца. Один из солдат спросил Гельмута, были ли какие-то немецкие солдаты в деревне. Гельмут ответил, что те из деревни, кто ушел в армию, еще не вернулись, и что никаких солдат в деревне не было вообще. После чего они сели на свою машину, покружили по двум или трем улицам, а затем уехали.

Солдаты-туркестанцы в американском плену

Каждый день герр Ланге выходил из дому два или три раза и осматривал все вокруг. Утром 12 мая, вскоре после того, как он вышел из дома, он вернулся и выглядел испуганным. Он попросил у дочки стакан воды, а затем сказал: – Прошлой ночью три американских солдата и немецкий переводчик появились в ресторане Гельмута. Каждый из них заказал пиво и затем попросил счет. Гельмут сказал, что они были его гостями и отказался брать деньги. Тогда солдаты попросили более крепкий напиток. Гельмут сказал, что из-за войны у него не осталось крепких напитков. Но один из солдат спустился в подвал, чтобы поискать спиртное, и там он увидел двух беглых легионеров, которых они тут же арестовали. Один из солдат сказал Гельмуту: – Ты врал нам. И они начали его бить. Но один из туркестанцев вмешался и сказал, что они прятались в подвале без ведома Гельмута. Один американский солдат остался в автомобиле с этими

двумя беглецами, пока два других пошли с тремя стариками из деревни, чтобы обыскивать их дома.

Герр Ланге был чрезвычайно встревожен. – Они поймали двух человек. Нам нужно быть очень осторожными.

Рузи и Хуссан тогда перенесли две недели страха и волнений, которые, как им показалось, тянулись как несколько лет. Они позже узнали, что за те две недели больше ста солдат Туркестанского легиона были пойманы в окрестностях Розенхайма, в деревнях Хаппинг, Бад-Айблинг и Кольбермоор, и затем переданы русским.

В середине мая им во второй раз удалось избежать поимки лишь по счастливой случайности. Хуссан вспоминал: «Однажды днем герр Ланге вернулся в дом, испуганный и бледный от страха. Его губы дрожали, когда он говорил с нами. Он начал рассказывать нам, как семь или восемь солдат и офицеров зашли выпить пива в кабачке «Траберхоф». Один американский сержант заплатил один доллар и сказал: – У нас больше нет денег. Что нам делать?»

Манфред, хозяин кабачка, ответил: – Вы наши гости, нельзя брать деньги у гостей, и возвратил доллар. Тогда солдаты ушли и рассредоточились по всей деревне. – Вероятно, что они вернутся с этого направления, – сказал герр Ланге. – Пусть Бог защитит нас – и вас тоже. Я буду следить из окна. Если почую опасность, то я немедленно сообщу. А пока возвращайтесь на сеновал».

После ужина тем вечером герр Ланге говорил о важных вещах, которые случались в его жизни, и два друга рассказывали о том, как их призвали в армию после университета и об опасностях, которые они видели на фронте. Они услышали шум снаружи, и герр Ланге немедленно выбежал наружу. Вскоре он вернулся, чтобы сказать, что солдаты выходили из соседнего дома, находившегося в двухстах метрах. Рузи и Хуссан поспешили наверх на сеновал и спрятались. Каждый из них дышал через соломинку. Уже скоро они могли слышать голоса, говорившие по-английски и по-немецки. Хуссан потел и дрожал от страха, ему было трудно дышать через соломинку.

Секундой позже они услышали ботинки на лестнице. Хуссан подумал, что пришел конец, и больше не было смысла прятаться. Они все равно нас найдут, подумал он про себя, так что я мог бы и сам сдаться. Рузи, лежащий рядом с ним, по стуку его сердца и дрожи тела, наверное, понял, о чем Хуссан думает, потому что прошептал ему: – Ради Бога, Хуссан, возьми себя в руки. Страх еще ни-

кому не приносил пользы. Что решил Бог, то и случится. Отдай свое сердце Богу. И он сжал руку Хуссана так крепко, что тот почувствовал боль.

Солдат, который подошел к сеновалу, начал смотреть вниз на красивый вид вокруг дома. Он позвал своего товарища, стоявшего внизу, и тот тоже поднялся вверх. В дверном проеме сеновала эти два солдата сказали что-то друг другу. Затем один из них спросил: – Почему они собрали это сено здесь?

У стены стояли вилы, и Хуссан спросил себя, что ему делать, если солдаты начнут тыкать вилами в сено. Но солдаты только остановились, чтобы несколько минут насладиться видом с сеновала и затем снова пошли вниз.

Грохот солдатских ботинок на лестнице походил на провозглашение свободы. Два друга высунули головы и глубоко вздохнули. Некоторое время они просидели в тишине.

После того, как они заставили Рузи и Хуссана перенести эти моменты ужаса на сеновале, эти два солдата обыскали весь дом, включая их комнаты в подвале. Затем они вышли наружу и рыскали на кукурузном поле и в высоких кустах, растущих между деревьев. Никого не найдя, они уехали, не сказав ни слова.

Два друга провели большую часть мая, скрываясь в доме. Однажды в начале июня, когда герр Ланге направился в Розенхайм, они попросили его узнать, что происходило в городе. Патрулировали ли там все еще американские, британские, французские и русские солдаты? Вернувшись, герр Ланге сообщил, что в городе теперь было очень спокойно, и на улицах не было большой активности военных, но легионеры, которых поймали в соседних маленьких городках и деревнях, содержались в казармах офицерского училища и на стадионе. – Я не знаю, куда они отвезут их потом, – сказал он.

Рузи и Хуссан были рады тому, что в городе снова было спокойно, но очень огорчились, узнав о схваченных солдатах, которые, как они были совершенно уверены, будут выданы Красной армии.

Однажды, когда они были уверены, что все было тихо, они попросили, чтобы герр Ланге сходил в соседний городок Айзинг и выяснил, что происходило там. Услышав, что там не было солдатских патрулей, они по проселочным дорогам пришли в Айзинг и нашли там бюро чиновника-регистратора. Они показали свои демобилизационные документы и сказали, что они живут в Хаппинге и хотят, чтобы их официально зарегистрировали. Как только это было сделано, они получили такие же права на продовольственные карточки, что и немецкие

граждане, и у них теперь было право работать. Они начали готовиться к послевоенному времени.

С этого времени Рузи и Хуссан регулярно ходили в Розенхайм. Только американские солдаты теперь патрулировали город в своих джипах; других нигде не было видно. В отсутствии русских им дышалось легче. Но, тем не менее, всякий раз, когда они видели американских солдат, они поворачивали в другую сторону и оглядывались, делая вид, что смотрят на витрину магазина.

Баратбай и Нур-Мехмет

Однажды Рузи и Хуссан шли по Розенхайму, когда они встретили двух солдат из Туркестанского легиона. Они очень обрадовались, узнав, что были еще другие туркестанцы, которые остались на свободе и не были переданы Советам. После того, как они представились друг другу, один из мужчин, которого звали Баратбай, сказал: – Здесь опасно. Давайте зайдём в ту церковь. Никто не потревожит нас там; на самом деле в ней сейчас пусто.

Рузи и Хуссан были удивлены. Зачем заходить в церковь, да и что им там делать? Другой солдат, Нур-Мехмет, сказал им, чтобы они не волновались. Он и его друг уже бывали там.

Они вошли в церковь, которая была действительно пуста, и они обменялись историями о том, что приключилось с ними в прошлом месяце.

Баратбай и Нур-Мехмет были среди более ста туркестанцев, которые были взяты в плен американцами на границе между Чехословакией и Австрией. Их согнали в казарму вместе с другими членами национальных легионов. Американцы обходились со своими арестантами хорошо. Два дня спустя прибыла группа русских солдат и офицеров, но американский офицер, заведовавший казармами, не разрешил им увидеть туркестанцев. Из-за этой его позиции у туркестанцев появилась надежда. Однако в то же самое время было доставлено большое количество пойманных легионеров, и на пятый день их ареста приблизительно 400 задержанных разных национальностей погрузили на товарные вагоны, которые потом были заперты снаружи. Это было точно так, как тогда, когда их призвали в Красную армию: их загнали в товарные поезда и отправили из городов Центральной Азии в Россию. Никто не знал, куда они ехали, но люди говорили о том, что Сталин издал приказ, объявляющий, что бывшие солдаты Красной армии, которые воевали против Советов, являются предателями родины и должны быть расстреляны. Некоторые из молодых легионеров в вагонах пред-

полагали, что в какой-то момент поезд остановится, их ссадят с него и сразу казнят. У других было больше надежд. – Они могут отвезти нас в трудовые лагеря в Сибири, – говорили они.

После семи часов пути поезд остановился в Розенхайме. Баратбая, Нур-Мехмета и остальных привели на стадион, который был превращен во временный лагерь для арестованных. Там им сказали, что, когда число заключенных достигнет 400 или 500, их передадут офицерам Красной армии, которые увезут их на поезде. За предыдущие несколько дней тысячи легионеров были доставлены в лагерь и переданы таким образом. Но были только слухи о месте назначения поездов и о судьбе тех, кого грузили на них.

Когда Баратбая и Нур-Мехмета вели от станции до лагеря, они заметили, что солдаты, сопровождающие их, болтали между собой и не обращали большого внимания на своих пленников. Они предположили, что это означало либо то, что американцы не рассматривали их как своих заключенных, либо что они знали о том, что тех ожидало, и поэтому солдаты закрыли бы глаза, если они попытаются убежать. – Солдаты, командующие конвоем, идут впереди, – сказал Баратбай Нур-Мехмету, – поэтому, когда они поворачивают за угол, они не могут нас видеть. Давай тогда воспользуемся шансом, сбежим в город и где-то спрячемся. Так, как только им представилась возможность, они убежали. Когда они пробежали приблизительно триста метров, они увидели эту красивую маленькую церковь и проскользнули внутрь. Священник был удивлен, когда увидел их, вспотевших и запыхавшихся. – Вы пришли сюда для молитвы? – спросил он их. Они объяснили ситуацию, и священник немедленно спрятал их в маленькой комнате около алтаря. Они прождали много часов, но никто не пришел, чтобы искать их.

Священник накормил их и нашел им гражданскую одежду. Во время служб они прятались в маленькой комнате. Дни проходили, но, тем не менее, никто не приходил с расспросами о них. Это был первый день, когда они вышли наружу, и тогда же они столкнулись с Рузи и Хуссаном. По словам священника, арестованных все еще приводили в лагерь и передавали русским каждые два или три дня. Он думал, что это продлится еще несколько недель, и что для них было бы опасно оставаться в церкви. Поэтому он сказал им, что он запланировал найти для них место, где они могли бы пожить у его друзей в деревне на некотором расстоянии от города, пока опасность не минует.

Нур-Мехмет пошел, чтобы позвать этого священника, который жил поблизости. Когда священник присоединился к ним, он рассказал им о затруднениях, с которыми столкнулись местные жители, многие из сыновей которых ушли на вой-

ну и больше не вернулись. – Эти фермеры – добрые люди, – сказал священник. – Они с радостью примут таких молодых людей как вы, кто мог бы помочь им.

Рузи и Хуссан поблагодарили его и объяснили, что они теперь жили в сельском доме, и с ними очень хорошо обращались, но если у них возникнут трудности, то они вспомнят его предложение помощи. Они попрощались с Баратбаем, Нур-Мехметом и священником, и затем покинули церковь.

Суфии не верят в случайные совпадения; они считают, что желание индивидуума – это только крошечная частичка огромной вселенской воли Создателя. «Нет такого явления как совпадение, есть только согласованность», говорят они, подразумевая, что все события в жизни predeterminedены в вечности.

В 1963 году, когда Хуссан Икром жил в Соединенных Штатах, он однажды пошел на футбольный матч в Нью-Джерси, и после игры он случайно столкнулся с Нур-Мехметом. Они встречались еще несколько раз и вспоминали о своих днях в Розенхайме. Спустя еще тридцать лет, когда Советский Союз распался, Узбекистан снова стал независимой республикой, и Хуссан вернулся в свой родной город Наманган, с ним произошло одно примечательное событие.

За то долгое время, когда он отсутствовал, новые проспекты и улицы были построены в Намангане; появились новые здания, и многое другое тоже изменилось. Хуссан начал искать дом своей семьи, где он родился, и который он оставил очень много лет назад. Он спросил дорогу у старика с белой бородой, который шел, опираясь на палку.

Старик долго и пристально глядел в лицо Хуссана и спросил его, не приехал ли он из-за границы.

- Да, я приехал очень издалека, – ответил Хуссан.

Старик обнял его и со слезами на глазах сказал: – Но что произошло с моим сыном?

Хуссан понял, что старик искал сына, который точно так же, как и он сам, ушел на войну много лет назад.

- У меня был только один сын, – сказал старик, – но больше чем полвека назад они забрали его, чтобы сделать из него солдата, и у меня никогда больше не было вестей о нем. Чиновники сказали мне, что он погиб на Великой Отечественной войне. Но я не верил этому. Я продолжал видеть его в своих снах. Я знаю, что он все еще жив.

Хуссан спросил, как звали его сына.

– Меня зовут Нур-Ахмет, а моего сына зовут Нур-Мехмет, – сказал старик. – Вы знаете его?

Хуссан был переполнен эмоциями, и его глаза стали влажными, но затем он заколебался. Он в последний раз видел Нур-Мехмета в Нью-Джерси в 1963 году, и было возможно, что с тех пор он умер. Поэтому он ничего не сказал. Даже если Нур-Мехмет был все еще жив, то ему теперь было бы, по крайней мере, семьдесят пять лет.

«Если он все еще жив, то тогда он определенно когда-нибудь снова посетит свою страну, точно так, как я», сказал он себе.

Старик начал рассказывать ему, что около тысячи туркестанцев остались на Западе после войны, и что те из них, которые были все еще живы, начали возвращаться теперь в свою страну, когда Советского Союза больше не было.

- Я надеюсь, что ваш сын однажды тоже позвонит в вашу дверь и скажет: «Папа, я вернулся», и обнимет вас, – сказал Хуссан.

- Вы приехали в гости? – спросил старик. Когда Хуссан ответил, что да, он снова обнял его и вытер слезы.

- Когда вы вернетесь, пожалуйста, разыщите моего сына и скажите ему, что его отец ждал его пятьдесят два года.

Затем Нур-Ахмет рассказал Хуссану, как найти дом его семьи, который он покинул так давно. Хуссан прошел еще полтора километра, пока нашел его.

Попрощавшись с Баратбаем, Нур-Мехметом и добрым священником в Розенхайме, Рузи и Хуссан вернулись в дом гетто Ланге в Хаппинге. Желая, чтобы ситуация немного успокоилась, они не посещали больше город в течение нескольких дней. Жизнь постепенно начала возвращаться в нормальное русло. Поиск пленных закончился, и лагеря на стадионе и в здании гарнизонной команды были закрыты. Несколько дней спустя, когда они снова пришли в город, они увидели, что многие магазины и рестораны снова открылись.

9. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И НОВЫЙ ШПИОНАЖ

Послевоенный мир

После поражения Германии оккупационные войска союзников провели расследование, чтобы выяснить, были ли НКОТ и туркестанские легионеры вовлечены в нацистский геноцид евреев. В конечном счете, стало понятно, что, далекие от того, чтобы оказывать помощь нацистам в этом деле, они спасли жизни многих евреев. Вели Каюм-хан, председатель НКОТ, был арестован и подвергнут судебному преследованию за военные преступления на Нюрнбергском трибунале, но затем был освобожден, частично благодаря вмешательству начальника американской службы контрразведки в Мариенбаде, с которым Рузи позже познакомился через своего друга по имени Михаил Алшибая, члена Грузинского национального комитета. Выяснилось, что Каюм-хан лично спас жизни двух бухарских евреев, заявив, что они таджики, и принял их на работу в НКОТ, одного поваром, а другого шофером. Он представил доказательства, что у него были серьезные споры с Гиммлером и вообще с СС. Было также ясно, что ни Каюм-хан, ни кто-то другой из членов Комитета или офицеров легиона не были членами нацистской партии.

По словам советских обвинителей, Каюм-хан отрицал существование отличных друг от друга узбекской, казахской, киргизской, туркменской и таджикской наций Туркестана. Каюм-хан сказал им, что он все еще придерживается этого взгляда, и что построенные по племенному принципу республики были продуктом колониальной политики Москвы, направленной на создание национальности из племени и национального языка из диалекта. Один из американских судей спросил, почему он отказался работать с генералом Власовым. Ответ Каюм-хана оказал сильное воздействие на американцев, и он был освобожден в тот же самый день, проведя два года под арестом. Каюм-хан сказал: – Власов был предателем, потому что он боролся против своей собственной нации, против русского народа. Я боролся за свободу моей собственной нации и Туркестана против Советского Союза и большевизма, которые эксплуатировали мою страну, но я не боролся против моего собственного народа.

Хотя война закончилась, и были сильны надежды на прочный мир, судьба наций оставалась в неустойчивом и опасном положении. Американцы предполагали, что Советам понадобятся американские кредиты и материалы для восстановления своей страны. Они не сознавали, что советская плановая экономика будет способна восстановить ужасные разрушения, причиненные войной, взвалив это бремя на спины массы своего народа. Советы, со своей стороны, полагали, что капиталистический мир стоял на пороге предреволюционного кризиса,

и не предполагали, что американский капитализм выживет, создавая новые возможности для американской экономики благодаря оказанию помощи по Плану Маршалла и открытию новых рынков. Американцы также верили в то, что они могли использовать свою атомную бомбу для оказания давления на Советы. В свое время СССР создал свою собственную бомбу.

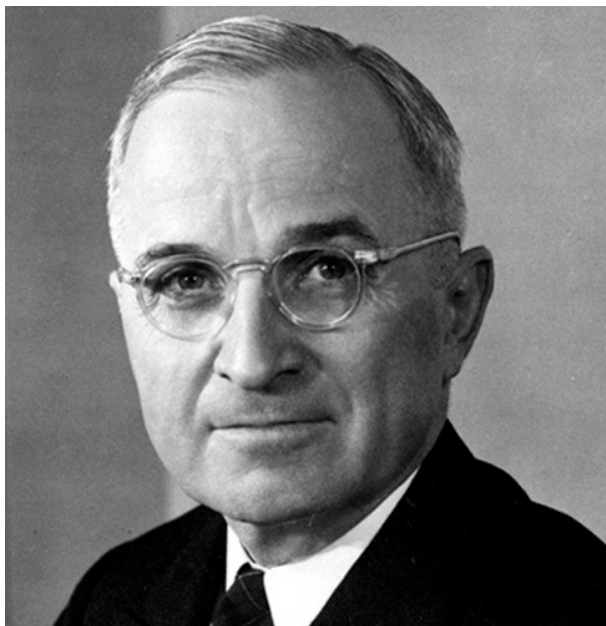
Когда советские войска в последние месяцы войны продвигались на запад, они заняли Польшу, Венгрию, Румынию, Болгарию и одну треть Германии. Сталин упорно боролся за то, чтобы не потерять территории, которые он получил ценой двадцати миллионов человеческих жизней. Согласно Ялтинскому соглашению, эти страны должны были стать независимыми после войны. Однако Коминформ, сменивший прежний Коммунистический интернационал (Коминтерн), активно занялся попытками распространить коммунистическую систему на другие страны. Комиинформ был создан, чтобы координировать действия коммунистических партий вне Советского Союза. В Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии и Югославии местные коммунистические партии немедленно после войны захватили власть с поддержкой Красной армии.

В ходе войны Советский Союз оккупировал часть Ирана, создав две марионеточные республики на севере страны: Демократическую республику Азербайджан в Южном Азербайджане и курдскую Мехабадскую республику.

В Греции Советы оказывали военную и финансовую поддержку греческой компартии в ее борьбе против центрального правительства. Москва также потребовала, чтобы Турция передала СССР провинции Карс и Ардаган, которые Россия уступила Османской империи во время Первой мировой войны, и она также стремилась получить военно-морскую базу на Босфоре.

2 ноября 1945 года Соединенные Штаты предложили турецкому правительству, чтобы международная конференция пересмотрела Конвенцию Монтрё, которая с 1936 года регулировала прохождение кораблей через Черноморские (Турецкие) проливы. Конференция не должна была предоставлять СССР право на военно-морские базы и должна была только рассмотреть права военных кораблей из черноморских стран на свободный проход через Проливы. Это, казалось, соответствовало взглядам Турции. Но когда в 1946 году Сталин увеличил советские войска в иранском Азербайджане и угрожал как Ирану, так и Турции, а затем продолжил наращивать войска в Болгарии, которые могли быть развернуты против Турции или Греции, американская позиция по отношению к Советам стала более жесткой. В письме, которое Трумэн написал, но так никогда и не отправил Джеймсу Ф. Бирнсу, госсекретарю США, он заметил: «У меня больше не осталось сомнений, что Россия хочет вторгнуться в Турцию и взять под свой

контроль район Босфора. Если мы не положим конец тому, что происходит, и не покажем им железный кулак, то вспыхнет еще одна война. Они понимают только один язык: сколько дивизий у вас есть?»

Гарри Трумэн (1884-1972)

Неизвестно, действительно ли Сталин хотел напасть на Турцию. Наиболее вероятно, он планировал загнать эту страну в дипломатическую изоляцию и затем вынудить ее правительство принять соглашение, которое сначала даст СССР базы на Босфоре и затем, в конечном итоге, позволит Советам контролировать всю страну. Чтобы противостоять Сталину, Турция должна была найти противоположную, уравновешивающую силу. Пока у Турции не хватало военных средств устрашения, дипломатические инициативы были бы бесполезны. Первой задачей, которую должно было решить правительство президента Инёню, было гарантировать то, что Соединенные Штаты и другие западные правительства не согласятся с советскими требованиями. Его вторая задача состояла в том, чтобы получить финансовую помощь от Запада, чтобы сохранять турецкую армию мобилизованной. Третьим вопросом было заключить союз с Западом, который опирался бы на гарантии безопасности, чтобы обеспечить долгосрочную защиту от Советов.

12 марта 1947 года президент Трумэн произнес речь в американском Конгрессе, в которой он сказал, что поддерживает те страны, независимости и самому су-

ществованию которых угрожает Советский Союз. Он сказал, что США помогут греческому центральному правительству в гражданской войне против поддерживаемых СССР коммунистических партизан, и также помогут Турции, которая столкнулась с советскими претензиями на территории и базы. Он выделил триста миллионов долларов на поддержку Греции и сто миллионов долларов – Турции. Затем Трумэн призвал СССР вывести свои войска из Ирана и немедленно распустить Демократическую республику Азербайджан в Южном Азербайджане и Мехабадскую республику, созданные на иранской территории, оккупированной советскими войсками.

Выражение «Холодная война» впервые было использовано в этом контексте одним американским журналистом, но оно было представлено миру Бернардом Барухом, советником президента Трумэна, который в одной речи в 1947 году объявил, что «Россия ведет против нас холодную войну». Холодная война была конфликтом между сверхдержавами в сфере как суверенитета, так и идеологии, не прямой войной пропаганды и психологии, так же как войной за границы. Ее оружием были шпионаж, террор, саботаж, засылка и внедрение агентов.

Спецслужбы в России и США

На протяжении всей российской истории разведывательные службы играли ключевую роль в функционировании правительства. Для русских царей шпионаж и тайная полиция были самым фундаментальным институтом государства. После революции Ленин организовал Чрезвычайную комиссию, известную как ЧК, чтобы бороться с врагами государства и собирать разведывательные данные. В ноябре 1923 года был создан НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), и ЧК, теперь реорганизованная как ГПУ (Государственное политическое управление), была включена в это министерство. На протяжении первых лет войны НКВД и ГПУ выполняли задачи контрразведки и шпионажа. В 1950-х КГБ (Комитет государственной безопасности), который уделял намного больше внимания разведке и операциям, сменил НКВД.

В Соединенных Штатах, в отличие от этого, не было никакой постоянной разведывательной службы. Во время Второй мировой войны разведкой занимались Управление стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS), возглавляемое генералом Уильямом Donovanом, американские дипломаты и разведывательные и контрразведывательные службы вооруженных сил. Но OSS было только временной организацией, действовавшей лишь в военное время. Много лет спустя Трумэн писал одному своему другу, что, когда он стал президентом, «не существовало никакой структуры, через которую секретная информация,

полученная во всех частях света, докладывалась бы мне». Подгоняемый знанием о том, что Сталин был убежден в том, что США и Великобритания создали союз, определенно нацеленный на ослабление Советского Союза, президент Трумэн в июне 1947 года утвердил Закон о национальной безопасности. Закон учредил Совет национальной безопасности, вошедший в аппарат президента. Вскоре после этого 18 сентября 1947 года было создано американское Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

Длинная телеграмма Кеннана

Во время Холодной войны одним из самых важных аналитиков Соединенных Штатов был дипломат Джордж Кеннан. В 1946 году, когда он служил в Москве, Кеннан отправил в Москву знаменитую «длинную телеграмму» из 8000 слов. В ней он обстоятельно объяснял свои представления о Советском Союзе. В 1947 году в качестве главы созданного Отдела политического планирования в Государственном департаменте он вслед за этим создал подробный аналитический отчет, представленный горстке чиновников в Государственном департаменте, Пентагоне и Белом доме. По взглядам Кеннана, хотя американский народ и не мог бы одобрить этот метод, Соединенные Штаты должны были бороться с огнем с помощью огня, чтобы защитить свою безопасность. Он полагал, что нужно создавать партизанские группы, чтобы бороться против Советов в странах Восточной Европы и на нерусских территориях СССР, и он подчеркивал потребность организации секретных разведывательных агентур во всем мире. Кеннан считал, что существовало три обязательных опоры той стратегии, которой нужно было следовать в борьбе против Сталина в Холодной войне. Первой опорой был План Маршалла, который должен был дать 13,7 миллиардов долларов более чем на пять лет для послевоенного восстановления стран, являющихся союзниками Соединенных Штатов. Второй была доктрина Трумэна, с которой США гарантировали защиту таких стран как Греция и Турция, независимости и территориальной целостности которых угрожал Советский Союз. Третьей опорой являлись операции, которые ЦРУ должно было осуществлять против Советов по всему миру.

Джордж Ф. Кеннан (1904-2005)

В этой войне было вполне естественно, что беженцы, которые были родом из стран, являвшихся колониями Советского Союза, и которые сражались за их независимость, примкнули бы к Соединенным Штатам. США со своей стороны стали бы сотрудничать с ними и попытались использовать их в своих попытках вызвать крушение советской системы.

Рахими

После войны друг Рузи Хуссан Икром-хан жил близ Франкфурта с одной немецкой семьей, которая спасла его от выдачи русским. Семья эта изготавливала и продавала курительные трубки, и Хуссан, который был сладкоречив и привлекателен, оказался превосходным продавцом. В свой день рождения он пригласил Рузи и различных других людей, которых он знал в Мюнхене, на празднование своего дня рождения.

Рузи, Баймирза Хаит, Эргаш Шермат и Кадыр Эгемкул отправились на поезде из Мюнхена во Франкфурт. Они болтали в своем купе, смеясь над шутками Кадыра. Однажды Рузи вышел из купе покурить. Один аккуратно одетый, высокий и красивый немец, в возрасте приблизительно сорока пяти лет, сказал, что услышал их веселые голоса и смех и спросил, откуда они родом. Рузи ответил, что

они туркестанцы. Немец спросил: – Вы туркестанцы, но кто вы конкретно: узбеки, казахи, киргизы, туркмены или таджики? Рузи понял, что встретил человека, который много знал о Центральной Азии. Немец объяснил, что он занимался исследованиями истории этого региона, его языков и цивилизации, и сказал, что он нуждался в некоторой помощи. Рузи дал ему свой адрес в Розенхайме.

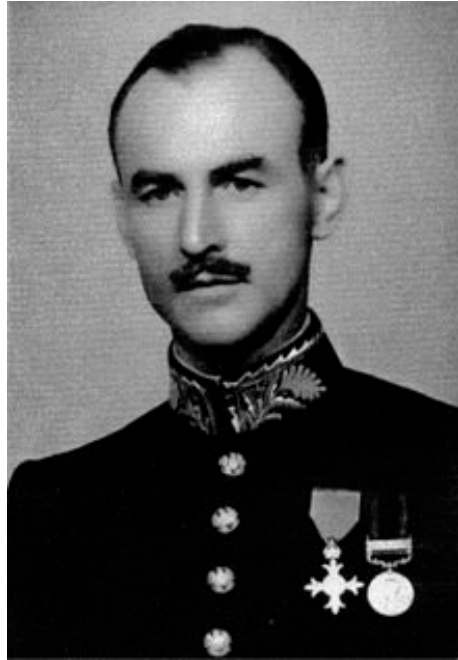
Спустя несколько недель после возвращения Рузи с вечеринки по случаю дня рождения Хуссана, этот таинственный немец приехал в Розенхайм. Он сообщил Рузи кое-какие подробности о своем прошлом. Он был офицером, и во время войны его направили на Ближний Восток, к курдским племенам в Иране. Там он работал на немецкую военную разведку, отдел «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost). Когда одна половина Ирана была оккупирована британцами, а другая половина Советами, он начал работать с курдами против Советов. К концу войны англичане поймали его, а потом он был включен в обмен пленными. Он объяснил, что немецкие офицеры теперь работали вместе с американцами против Советов, и что они хотели, чтобы он присоединился к ним. Если он согласится, они могли бы послать его в Иран. Рузи поблагодарил его, но с извинениями отказался, объясняя, что по семейным обстоятельствам он не может принять это предложение: его жена Линда была беременна. Он дал этому человеку имена Вели Каюм-Хана, Баймирзы Хаита, Кадыра Эгемкула и Эргаша Шермата. С Каюм-ханом и Баймирзой Хаитом действительно связались, и они начали работать с американцами.

Свадебная фотография. Рузи Назар и его невеста Линда (Эрмелинда), урожденная Рот, дочь баварского судьи. Свадьба их состоялась в конце 1946 года.

Американцы решили отправить группу туркестанцев, чтобы узнать о ситуации в Центральной Азии, и они попросили, чтобы Каюм-хан подобрал несколько кандидатов для них. Он порекомендовал четырех человек, которые прошли интенсивную подготовку. Однако один из них случайно упомянул о предстоящей операции в разговоре со своей подругой, а она рассказала своей семье об этом. Американцы и немцы обнаружили это и остановили операцию. Сотрудничество Вели Каюм-хана с американцами вообще не было особо плодотворным, и эта неудача привела к окончательному прекращению сотрудничества.

Профессор Герхард фон Менде и сэр Олаф Кэроу, британский ученый, специалист по Центральной Азии, тем временем привлекли внимание британского правительства к туркестанской проблеме. В результате британцы начали оказывать помощь Вели Каюм-хану, который встретился с Баймирзой Хаитом, Эргашем Шерматом и другими туркестанцами в городе Минден в земле Северный Рейн-Вестфалия, в британской зоне оккупации.

Сэр Олаф Кэроу (1892-1981)

В это время бывший офицер-легионер по имени Рахими работал врачом в одном из лагерей, которыми управляла Организация Объединенных Наций. Он был врачом в туркестанском подразделении, которое во время войны было переведено с Восточного фронта во Францию и затем в Нидерланды. Там оно, как предполагалось, боролось против голландских партизанских групп. Однако Рахими и другие солдаты в туркестанском подразделении были в контакте с партизанами. Была также связь между этими голландскими партизанами и советской разведкой. После окончания войны советские агенты вошли в контакт с доктором Рахими, и он начал работать на Советы. Рахими был женат на русской женщине, скромной, умной и красивой.

В один холодный зимний день Рузи пошел в гости на чай к доктору Рахими и его семье. Они жили в доме, который одна немецкая семья предоставила им, недалеко от здания Красного Креста в Мюнхене. Когда он потом отправился от них домой, то, ожидая трамвай около их дома, Рузи заметил, что какая-то светловолосая женщина тоже ждала там. Но хотя проехали уже много трамваев, женщина не села ни в один из них. Через некоторое время женщина спросила Рузи на русском языке, откуда он родом. Ее акцент заставил его предположить, что она была, вероятно, не русской, а сербкой. Рузи сказал, что он из Туркестана и спросил, почему она стояла на улице в такой холодный день. Когда она ответи-

ла, что ждала доктора Рахими, то Рузи спросил, почему она не ждала его в его же доме, который был поблизости.

– Его жена дома, – ответила она.

Но жена Рахими была очень привлекательной, а эту женщину нельзя было назвать красивой, значит, подумал Рузи, вряд ли она была его любовницей.

Рахими мог бы легко поехать в Соединенные Штаты как иммигрант, но как раз в то самое время, когда для многих бывших туркестанских легионеров стало возможным переехать в Турцию, Рахими немедленно передумал и решил тоже поехать туда. У Рузи начали зарождаться подозрения.

В Розенхайме был американский офицер по имени Джон Спиглер, который работал на Си-Ай-Си (Контрразведывательный корпус, американская военная контрразведка). Рузи познакомился с ним через своего тестя, и они стали друзьями. Возвратившись после своего визита к доктору Рахими и его жене, Рузи позвонил в офис Спиглера. За кофе Спиглер сказал ему, что они шли по следу некоего агента ГРУ и показали Рузи фотографию. Рузи с большим удивлением увидел, что женщина на фотографии была именно той, которую он встретил тем утром возле дома доктора Рахими. Он рассказал Спиглеру об их беседе. Оказалось, что эта женщина была высокопоставленной сотрудницей Коминформа и важным агентом НКВД-ГПУ.

Си-Ай-Си немедленно начал следить за домом доктора Рахими. Одному молодому американскому лейтенанту поручили наблюдать за домом, но погода была очень холодной, и когда он начал дрожать от холода, он нашел убежище в кафе. Точно в тот момент эта самая женщина, агент русских, вошла в дом Рахими, и затем вскоре после этого снова ушла. Молодой офицер упустил ее, и она убежала.

Туркестанские беженцы, надеявшиеся, что Турция примет их, в лагере в Аугсбурге ждали дня, когда начнется их путешествие. Доктор Рахими и его жена часто посещали их. Однажды, когда они были там, Рузи приехал в лагерь на автомобиле, который был предоставлен ему Спиглером, офицером Си-Ай-Си. Он сказал служащим лагеря, что хотел попрощаться со своими соотечественниками, и он сделал это. Затем он встретил доктора Рахими и его жену в лагерьной столовой. Рузи сказал доктору, что он хотел бы кое-что обсудить с ним конфиденциально, и они отошли в угол. Тогда Рузи сказал ему, что он знал об его связи с агентом ГПУ. Рахими был удивлен и спросил, как он мог об этом узнать. Рузи рассказал ему, что все их действия были известны американцам, и поэтому

было бы бесполезно пытаться скрывать или отрицать их. Правильным решением было бы поговорить с американцами и признаться им, рассказав всю правду. Если бы он хотел, то Рузи мог бы устроить ему встречу с американской контрразведкой, но в сложившейся ситуации было бы невозможно для него ехать в Турцию.

(Разумеется, в послевоенное время ГПУ уже давно не существовало. Впрочем, западные авторы очень часто и во времена Холодной войны использовали это ставшее популярным на Западе устаревшее обозначение. Автор книги тоже использует его в применении к 1950-1960-м годам, вероятно, подразумевая Первое главное управление КГБ, занимавшееся внешней разведкой. – прим. перев.)

Некоторое время спустя доктор Рахими пошел в офис Си-Ай-Си в Розенхайме и под протокол стал постепенно давать показания о том, когда он начал работать с Советами, где и как он передавал информацию, через кого и на какие темы. Он и Вели Каюм-хан часто встречались. Когда Каюм-хан слишком много выпивал, он рассказывал обо всех своих контактах и особенно о своем сотрудничестве с британцами. Рахими передавал эту информацию Советам, что привело к пленению сотен туркестанцев. Он сказал, что причиной, по которой он собирался ехать в Турцию, была работа его там на НКВД-ГПУ.

Эта информация была чрезвычайно полезна для американцев, и в результате они не арестовали Рахими, а разрешили ему пойти домой. Их цель состояла в том, чтобы использовать его в качестве приманки и затем нанести советской разведке сокрушительный удар.

Немного позже Нуреддин Намангани, имам Туркестанского легиона в годы войны, приехал в Мюнхен и хотел посетить доктора Рахими. Он позвонил ему в дверь, но никто не подошел. Когда он попытался посмотреть в замочную скважину, то понял, что дверь была заперта изнутри. Тогда Нуреддин Намангани пошел к домовладельцу, который сказал ему, что доктор Рахими и его жена не выходили из дома в течение нескольких дней. Когда они приставили лестницу к окну и заглянули внутрь, то увидели жену доктора, лежащую в луже крови, и Рахими, без признаков жизни и со шприцем в руке.

Офицеры Си-Ай-Си и немецкая полиция быстро появились в доме.

Доктор Рахими оставил два письма. В первом письме было шесть страниц на русском языке, а в другом две с половиной страницы на узбекском языке. Джон Спиглер попросил Рузи перевести письма и рассказать, о чем в них говорится.

Письма содержали важную информацию о том, как действовал НКВД-ГПУ, и каких успехов советские спецслужбы достигли в вербовке, внедрении агентов и в дезинформации. Хотя Холодная война началась совсем недавно, письма описывали, насколько успешно действовали русские, покрывая Западную Европу сетями шпионов.

Члены компартий в Коминформе все были потенциальными агентами ГПУ. Многие коммунисты внутри антифашистских групп сопротивления, которые боролись против нацистов, получая американскую, британскую и советскую поддержку, начали работать на НКВД-ГПУ в своих странах после войны, так же, как доктор Рахими, который установил контакт с Советами через коммунистов в голландском сопротивлении. Письма далее описывали, как Рахими сообщал агентам ГПУ о том, где жили сотни его соотечественников, и таким образом подвергал их смертельной опасности. Он заявлял, что его жена вообще не имела никакого отношения к этим действиям, и что он все это делал сам.

В письме, написанном на русском языке, Рахими объяснял, что после того, как его разоблачили как агента, он долго думал, но в его предательстве и совершенных им убийствах не было ни одного аспекта, который мог бы быть прощен людьми или Богом. Он доносил на тех, кто прижимал его к своему сердцу, тех, кто накормил его и доверял ему, и он даже не колебался, когда он сообщал о местах, где они скрывались, и тем самым он убил их. Он написал, что, хотя он был похож на человека, на самом деле он был кровавым дьяволом, и чтобы остановить этого дьявола, не дать совершить ему еще больше убийств, было необходимо убить его. Он писал, что совершит еще одно последнее убийство, убив свою жену, не причиняя ей боли, и затем он положит конец своей собственной жизни. Он на самом деле убил свою жену ударом топора по голове и покончил с собой с помощью шприца с ядом.

Противостояние Советскому Союзу

Те страны, которые хотели воспользоваться помощью в 13,7 миллиардов долларов, выделенную по Плану Маршалла, были обязаны зарезервировать эквивалентную сумму в валюте своей страны. Чиновники Плана Маршалла выделяли 5 процентов этих фондов ЦРУ, чтобы осуществлять антисоветские операции в каждом углу мира. Так в самом начале Холодной войны 685 миллионов долларов были предоставлены в распоряжение ЦРУ.

В каждом уголке Европы связанные с коммунистами ассоциации, издания, студенческие организации, политические партии и профсоюзы, все управляемые

из Москвы, давно вступили в борьбу. Они были «троянскими конями» СССР. Американцы чувствовали себя обязанными тоже создавать подобные каналы, чтобы использовать их против Советов. В секретной директиве, датированной 18 июня 1948 года и получившей номер NSC 10/2, американский Совет национальной безопасности дал инструкции, что тайные операции должны быть организованы против Советов практически по всему земному шару. Было решено, что в структуре ЦРУ будет создано тайное подразделение, которое будет направлять эту подпольную войну. Подразделению этому дали банальное имя, чтобы скрыть его действия: Управление координации политики (Office of Policy Coordination, OPC). Хотя это Управление было частью структуры ЦРУ, но подотчетно оно было только министру обороны и госсекретарю (министру иностранных дел).

Аллен Даллес (1893-1969)

Фрэнк Г. Уиснер (1909-1965)

В контексте этих процессов при поддержке американского правительства были созданы две организации: Комитет Свободной Европы и Американский комитет по освобождению от большевизма. Они были организованы по инициативе руководителя ЦРУ Аллена Даллеса и американского дипломата Джорджа Кеннана, активного сторонника политики сдерживания Советов. Членами этих организаций были американские писатели, журналисты и мыслители, и другие представители мира искусства и политики, которые обладали высокой репутацией. В 1948 году Фрэнк Уиснер был назначен главой Американского комитета по освобождению от большевизма. Уиснер ранее возглавлял в Государственном департаменте управление по делам оккупированных территорий. Наряду с другими видными лицами членами правления нового комитета стали генерал Дуайт Эйзенхауэр, Генри Люс Бут, глава правления журналов «Time», «Life» и «Fortune», и голливудский режиссер Сесил Б. Демилль. В конце 1948 и в начале 1949 года возникли планы создания Радио «Свобода» и Радио «Свободная Европа», но эти радиостанции начали свои передачи только после двух лет подготовки.

До прихода большевиков к власти в России в октябре 1917 года страной с февраля по октябрь того года управлял Александр Керенский. Затем он покинул страну и в 1950-х жил в США. Его первая задача состояла в том, чтобы объеди-

нить все антикоммунистические российские организации в Европе под Комитетом по освобождению народов России.

(Имеется в виду Американский Комитет за свободу народов СССР, англ. American Committee for Freedom for the peoples of the USSR, с мая 1951 — Американский Комитет по освобождению народов России. С марта 1953 года он носил название Американский комитет по освобождению от большевизма. Его нельзя путать с КОНР Власова, вопреки похожему названию. – прим. перев.)

На своей первой встрече, организованной русскими эмигрантскими группами в Штутгарте, Комитет по освобождению принял различные решения о принципах борьбы, которую он собирался вести. Комитет подчеркнул, что национальности должны определять свои собственные судьбы, но что распад России не послужил бы их интересам, и что после конца коммунизма новая Россия должна быть установлена на основе федерации и национальных культурных прав, с сохранением единства национальностей России. Должен был быть образован Совет освобождения народов России из шестидесяти членов. Из них двадцать будут русские, двадцать представлять нерусские национальности, и оставшиеся будут выбраны из числа выдающихся людей без учета национальности. Таким образом, Комитет по освобождению во главе с Керенским выступил против ухода послебольшевистской России из нерусских республик и против создания независимых государств Азербайджана, Грузии, Украины или Туркестана. Это означало продолжение российской оккупации и колониального правления для нерусских народов, которые тогда жили в Советском Союзе.

Александр Федорович Керенский (1881-1970)

Для представителей нерусских националистов, изо всех сил боровшихся за независимость своих собственных народов, было невозможно принять эти решения. НКОТ опубликовал заявление, в котором он отклонил сотрудничество с Комитетом по освобождению народов России: «Нет никакой связи между Комитетом по освобождению народов России и Национальным комитетом объединения Туркестана. НКОТ не признает эту организацию. Эта организация только для русских и не имеет никакого права выступать от имени народов Туркестана. Люди Туркестана не являются русскими. Керенский желает продолжения существования российского империализма. Наша же цель состоит в том, чтобы создать национальное независимое государство Туркестан».

Антибольшевистский блок народов (АБН), который был организован в 1946 году при американской поддержке и возглавлялся украинцем Ярославом Стецько, объявил, что он откажется работать с русскими эмигрантскими организациями, выступающими против независимости нерусских национальностей.

Группы, представляющие другие национальности, издали подобные декларации. И Комитет Свободной Европы, и Американский комитет по освобождению от большевизма объявили, что решения, принятые российскими организациями на встрече в Штутгарте, будут приняты полностью, и что проблема национальностей – вопрос не настоящего, а будущего. Им следует заняться только после того, как коммунизм рухнет.

Сталин был чрезвычайно чувствителен к национальному вопросу. Во время Холодной войны советская секретная служба жестко боролась против действий нерусских национальностей и без колебаний совершала множество зверских убийств, когда они представлялись ей необходимыми. Друзья Рузи Абдуррахман Фаталибейли-Дуденгинский, председатель Азербайджанского национального комитета, и Степан Бандера, видный украинский патриот, были среди тех лидеров, кто вызывал наибольшую обеспокоенность у ГПУ.

В 1922 году Украина стала советской республикой. Ее борьбу за независимость продолжили Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА), располагавшие подпольной организацией, охватившей все районы страны. Когда нацисты в 1941 году вторглись в Украину, украинцы сначала радостно их приветствовали: у украинских женщин даже были цветы в руках. Они предполагали, что немецкие армии пришли, чтобы освободить их, и что украинцы теперь смогут создать независимое государство. Вместо этого нацисты принесли жестокость и кровопролитие.

ОУН во главе с Ярославом Стецько и Степаном Бандерой сформировала новое независимое украинское правительство в Лемберге (Львов) 30 июня 1941 года. Вскоре после этого, однако, немцы распустили это правительство и отправили его министров в концентрационные лагеря. В сентябре 1944 года Бандеру выпустили, и он жил тайно в Германии до конца войны. После войны он присоединился к АБН вместе со своими друзьями.

В эру Холодной войны антисоветская деятельность Бандеры очень тревожила Москву. Он был заочно осужден и приговорен к смерти. КГБ узнал, где Бандера жил в Мюнхене, и в октябре 1959 года агент КГБ убил его выстрелом отравленной пули из оружия, напоминающего зонтик. Убийца, тайный агент, был позже пойман и приговорен к каторжным работам на восемь лет. Так Рузи потерял друга, которого он очень любил, и к которому он испытывал большое уважение. Другие украинские националисты, включая Симона Петлюру и Евгена Коновальця, также были убиты советскими агентами примерно в это же время.

Степан Бандера (1909-1959)

(В этом отрывке автор сделал несколько ошибок. Убийца Степана Бандеры Богдан Сташинский использовал специальное оружие, похожее на две трубки, стреляющие струей раствора цианистого калия, а не зонтик, стреляющий отравленной пулей – такое оружие было применено намного позже при убийстве болгарской коммунистической службой безопасности Георгия Маркова,

болгарина-эмигранта, в Лондоне в 1978 году. Сташинский вовсе не был пойман, а сбежал в Западный Берлин со своей женой-немкой в 1961 году, за день до постройки Берлинской стены, и сам сдался западноберлинским властям, рассказав о содеянном. Федеральный суд в Карлсруэ в 1962 году приговорил его к восьми годам тюрьмы, из которых он отсидел лишь четыре. Приговор суда гласил, что Сташинский был лишь орудием убийства, а настоящие убийцы сидели в Москве – Никита Хрущев и Александр Шелепин.

Никак нельзя согласиться с автором книги и в том, что Симон Петлюра и Евгений Коновалец были убиты советскими агентами «примерно в это же время». Петлюра был убит в Париже в 1926 году, Коновалец в Роттердаме в 1938 году, т.е. примерно за 30 и за 20 лет до убийства Бандеры соответственно. Однако действительно «примерно в это время», точнее в 1957 году, тот же Богдан Сташинский из того же оружия убил в Мюнхене видного украинского националистического публициста и издателя Льва Ребета. – прим. перев.)

Убийство Фаталибейли

Майор Фаталибейли-Дуденгинский, председатель Азербайджанского национального комитета, после войны уехал из Германии и жил в Египте. Он знал, что ГПУ придает особое значение его поимке. После того, как ситуация в Германии начала возвращаться в нормальное состояние, и Вашингтон ясно очертил свою новую стратегию борьбы со Сталиным, Фаталибейли вернулся в Германию, чтобы возобновить свою работу против Советов, вместе с некоторыми бывшими легионерами. Фаталибейли начал издавать журнал под названием «Азербайджан» при финансовой поддержке Американского комитета по освобождению от большевизма. Он получал письма с похвалой, поддержкой и одобрением от бывших легионеров.

Примерно в это время было решено, что Радио «Свобода», которое американцы организовали в Мюнхене, должно делать передачи на языках народов Советского Союза, включая азербайджанский язык. Фаталибейли назначили начальником азербайджанской редакции. День начала передач был для Фаталибейли чем-то вроде праздника. В своей первой передаче он так обратился к азербайджанцам: «Слушайте, слушайте. Сегодня Радио «Свобода» начинает свою первую трансляцию. Даже если террор сталинской полиции может заставить нас замолчать в нашем собственном доме, мы можем свободно говорить вне нашей родины. Каждый день наша жажда свободы растет. Наш первый долг – призыв к свободе. Вопреки всем видам притеснения, наши люди продолжают сопротивляться коммунистическому режиму. Мы, азербайджанцы, и другие народы Со-

ветского Союза полны решимости уничтожить коммунизм и вернуть права, насильно отобранные у нас. Везде, где бы мы ни были, будь то в Советском Союзе или за границей, у нас есть только одно единственное желание. Это желание уничтожения кремлевского правления. Мы здесь, с нашей молодежью и нашими стариками, вместе с вами, теми, кто страдает от боли под гнетом Сталина».

Главный редактор азербайджанской редакции слушал радиопередачи Фаталибейли на азербайджанском языке и считал, что они были очень эффективны. Москва хотела использовать все средства, которыми она обладала, чтобы заставить этот храбрый голос замолчать. В результате в штабе ГПУ был подписан смертный приговор Фаталибейли. Задание убить его было доверено некоему Георгию Владимировичу, офицеру ГПУ под агентурным псевдонимом «Мюллер». Георгий Владимирович подумал, что для убийства Фаталибейли лучше подойдет, если его убийцей будет азербайджанец, и поэтому он поручил эту работу одному из своих агентов, Михаилу Исмаилову, давая тому различные обещания.

В ГПУ знали, что Фаталибейли был мягкосердечен и доброжелателен. Исмаилова проинструктировали, чтобы он завоевал доверие Фаталибейли и стал его другом. На своей первой встрече с Фаталибейли Исмаилов рассказал ему, что он был агентом ГПУ. Он говорил, что до сих пор он служил русским, но теперь он чувствует муки совести и хотел бы трудиться для независимости Азербайджана. Он также объяснил Фаталибейли, что последнее задание, которое ГПУ поставило ему, состояло в том, чтобы убить его. Фаталибейли считал, что было почти невозможно, чтобы сын Азербайджана мог быть предателем. Он начал часто встречаться с Михаилом Исмаиловым и оказывал ему помощь.

21 ноября 1954 года Фаталибейли и Исмаилов обедали вместе. После трапезы они пошли к Фаталибейли домой на площадь Альпенплац, дом 6, в Мюнхене. Пока Фаталибейли был в гостиной, готовясь к радиопередаче, которую он собирался сделать на следующий день, Исмаилов подкрался к нему со спины с молотком, который он заранее припрятал в кухне, и сильно ударил им Фаталибейли по голове. Из-за удара Фаталибейли потерял сознание и упал на пол, но он был еще жив, и Исмаилов задушил его. После этого Исмаилов пошел к фрау Бём, домовладелице Фаталибейли, и сказал ей, что Фаталибейли ушел в радиостудию, чтобы подготовиться к передаче, запланированной на следующий день. Он попросил бутылку спиртного и сказал, что он выпьет ее на кухне и, вероятно, переночует там. Исмаилов потягивал свой напиток, держа бутылку одной рукой, а другой рукой он оттащил безжизненное тело Фаталибейли на кухню. Он забрал у Фаталибейли его документы и подменил их своими, а потом тихо покинул дом.

На следующее утро восьмидесятилетняя фрау Бём вошла в кухню, чтобы убрать ее, и решила, что тело, лежащее лицом вниз на полу, залитом кровью, медленно сочащейся из его головы, было телом Исмаилова. Полиция, которая приехала в дом, нашла на трупе документы Исмаилова. Люди, читавшие на следующий день газету «Abendzeitung», увидели там заметку из всего двух строк: «В доме 6 на площади Альпенплац было найдено тело азербайджанца по имени Михаил, который был убит неизвестным лицом или неизвестными лицами».

Друзья Фаталибейли были удивлены тем фактом, что он не приезжал на работу в течение двух дней после убийства, и о нем не было никаких новостей. Поэтому в день похорон предполагаемого Михаила Исмаилова они попросили разрешения посмотреть на его тело. Когда они осмотрели его, то увидели, что это было тело их друга и лидера. Немецкие газеты подробно писали об этом убийстве. Большие статьи были опубликованы в журналах «Quick» и «Der Stern».

Москва нанесла еще один сокрушительный удар по азербайджанскому движению за независимость, устранив одного из самых важных его лидеров. 5 декабря 1954 года Фаталибейли был похоронен рядом с его братом Сейфуллабеем, который погиб в автокатастрофе в 1951 году, в тысячах километров от родины. На похоронной церемонии присутствовало множество людей. Его товарищи по оружию в Германии не бросили его. С убийством Фаталибейли Рузи потерял еще одного друга.

Филби и начало шпионской войны

В первые годы Холодной войны советская сторона была намного сильнее Запада во всем том, что касалось разведки, подрывной деятельности, основывающейся на заговорах, подпольных организаций, секретных операций и убийств. У американцев не было никакой альтернативы, кроме как сотрудничать с эмигрантами в западноевропейских странах, людьми, которые обладали запасом знаний о СССР и ранее участвовали в антисоветской разведывательной деятельности. В начале 1949 года американцы были в таком отчаянном положении, что готовы были сотрудничать против Сталина хоть с самим чертом.

Американские разведывательные службы начали сотрудничать с немецким генералом Райнхардом Геленом, который руководил антисоветским шпионажем во время войны в отделе Иностранных армий Востока. Гелен сказал им, что располагал сильной разведывательной агентурой в Советском Союзе и в восточноевропейских странах. Он полагал, что конфликт между Востоком и Западом неизбежно закончится уничтожением одной из сторон, и что первейшая обязанность

каждого немецкого гражданина состояла в том, чтобы объединиться с американцами в войне против коммунизма, чтобы защитить христианские ценности Запада. Он говорил американцам, что они нуждались в агентах, которые были бы не только хорошо обучены и опытны, но которые также верили бы в демократию.

Известная как Организация Гелена, его разведывательная агентурная сеть продолжала некоторое время действовать без вмешательства американцев в ее внутренние дела. Но в июле 1949 года под давлением Пентагона американцы взяли в свои руки контроль над Организацией Гелена и переименовали ее в Федеральную разведывательную службу (по-немецки Bundesnachrichtendienst, сокращенно BND).

(Организация Гелена была официально переименована в БНД лишь 1 апреля 1956 года, после ее подчинения правительству ФРГ. – прим. перев.)

Позже, в конечном счете, выяснилось, что русским агентам удалось внедриться в ее самые важные отделы, и что БНД в значительной степени работала под контролем ГПУ. Генерал, который был в БНД главой отдела контрразведки, был впоследствии арестован и обвинен в том, что он агент ГПУ, после чего он признал свою вину.

(Вероятно, автор имеет в виду разоблачение советского агента Хайнца Фельфе в 1961 году. Фельфе действительно был шефом отдела контрразведки БНД и нанес западногерманской разведке серьезный ущерб, однако Фельфе не был генералом. – прим. перев.)

Райнхард Гелен (1902-1979) во время войны

В 1949 году офицер ЦРУ в Мюнхене начал подготовку к заброске группы украинцев за Железный занавес. Незадолго до этого группа венгров, настроенных против Советов, захватила пассажирский самолет и заставила его экипаж приземлиться в Мюнхене; та же самая группа должна была стать экипажем самолета, участвующего в этой миссии.

Стиву Таннеру, оперативному офицеру мюнхенского офиса ЦРУ, поручили организацию этой операции. Достаточно большая группа подготовленных украинцев должна была быть сброшена в страну ночью на парашютах и установить контакт с антибольшевистскими группами там. ЦРУ знало, что группа, сброшенная в лесах Украины, не сможет собрать информацию о советском вооружении или стратегии, но эта операция оказала бы большой психологический эффект на Сталина, когда будет обнаружено, что американцы могут проводить операции за Железным занавесом.

Ночью 5 сентября 1949 года украинцы, которых подготовил Таннер, вылетели на транспортном самолете С-47, напевая по пути военные марши и украинские народные песни, и были сброшены с него на парашютах в Карпатах. Вскоре после этого они все были схвачены НКВД-ГПУ и либо казнены, либо приговорены

к пожизненному заключению. Этот случай снова продемонстрировал силу советской контрразведки.

В октябре 1949 года ЦРУ высадило девять албанских агентов, подготовленных на Мальте, на побережье Албании. Три из них были убиты в тот же момент, когда они ступили на землю. Оставшиеся шесть были схвачены вскоре после этого и казнены. Позже более многочисленная группа албанцев была обучена в Мюнхене и затем послана в Афины, после чего их сбросили в Албании на парашютах с самолета ЦРУ. Вскоре после этого почти все они попали в руки албанской полиции и были казнены.

В этот период Джеймс Дж. Энглтон был человеком, отвечающим за тайные операции в центральном штабе ЦРУ. Задаaniem Энглтoна было защитить его организацию от проникновения агентов противника и от двойных агентов. Он делился всей информацией об этих операциях с Кимом Филби, главой подразделения контрразведки в британской Секретной разведывательной службе (МИ-6). Когда создавалось ЦРУ, штаб МИ-6 послал Филби в Вашингтон, чтобы помочь американцам в организации их разведки. С тех пор Филби поддерживал отношения между этими двумя организациями. Филби делил офис с Энглтоном в Вашингтоне. По вечерам эти два друга, с бокалами джина или виски в руках, болтали в течение многих часов об агентах, которых предполагалось отправить за Железный занавес, и о тайных операциях, осуществлявшихся там. Энглтон, таким образом, держал Филби в курсе, и Филби затем передавал всю эту информацию русским. Когда Филби сбежал в Москву в 1963 году, причина провала всех операций ЦРУ стала ясна. Энглтон, который снабжал Филби бесценной информацией, позже поднялся по службе и стал главой отдела контрразведки ЦРУ.

Джеймс Энглтон (1917-1987)

Ким Филби (1912-1988)

Пока советская разведка осуществляла успешные операции по всему миру, американцы терпели одно поражение за другим. Сотни агентов ЦРУ были отправлены на верную смерть в Советский Союз, Польшу, Румынию, Украину и страны Балтии. Даже сегодня судьба некоторых из них остается неизвестной.

В 1949 году самолет ЦРУ, летевший над Аляской, обнаружил следы радиации в атмосфере. ЦРУ провело исследования и доложило президенту Трумэну, что Советский Союз никак не сможет изготовить атомную бомбу в течение следующих четырех лет. Но всего три дня спустя президент сообщил миру, что Сталин теперь обладал атомной бомбой.

Так как СССР включил все страны Восточной Европы в свою сферу влияния, Москва стала серьезной угрозой безопасности для Западной Европы, и вероятность перерастания холодной войны в горячую войну возросла. На Западе господствовало представление, что Германия должна быть перевооружена, но таким способом, который не будет угрожать ее соседям, и что европейская безопасность должна постоянно поддерживаться Соединенными Штатами. Эти факторы достигли апогея в рождении Организации Североатлантического договора (НАТО), учрежденного Вашингтонским соглашением 4 апреля 1949 года. В случае нападения на любое государство-члена НАТО все страны НАТО должны были совместно действовать против агрессора. В 1952 году Турция и Греция были приняты в НАТО.

Дон Левин и Карыс Канатбай

В то время как Рузи продавал травяные чаи и пытался продолжать свою жизнь мелкого бизнесмена, он также по-прежнему работал представителем НКЮТ в Антибольшевистском блоке народов (АБН) в Мюнхене и в других антисоветских организациях там.

Чеченец Абдурахман Авторханов в разговоре с Рузи однажды заметил, что этническая и географическая структура Северного Кавказа очень отличалась от Туркестана. На Северном Кавказе живет множество разных народов, и по этой причине этой территории было бы очень трудно стать независимой. Только через сотрудничество с русскими они могли бы получить политическую и культурную автономию. Он надеялся заверить Рузи в том факте, что он работал с антисоветскими русскими, в отличие от других северокавказских лидеров, Алихана Кантемира и Ахмеда Наби Магомы, которые дистанцировались от русских. Авторханов хотел работать исключительно для своей страны. Он был издателем журнала под названием «Свободный Кавказ», организованного Северокавказ-

ским комитетом, сотрудничающим с широкой группой русских эмигрантов Керенского, Комитетом по освобождению народов России. Кантемир и Магома издавали свой журнал под названием «Объединенный Кавказ», который Северокавказский национальный комитет создал с финансовой помощью американцев. Он выходил на английском и турецком языках.

Абдурахман Авторханов (1908-1997)

В то время НКОТ пытался удержаться на плаву в Миндене в британской зоне оккупации. Британская финансовая помощь позволила Комитету возобновить публикацию своего журнала «Национальный Туркестан». Украинский АБН тем временем разрешил многим группам, которые не хотели работать с русскими эмигрантскими организациями, объединить свои силы с ним. Была жестокая конкуренция. Эти фразы в одном заявлении АБН привлекли внимание: «С помощью неправдивых новостей и фальсификации истории русские эмигрантские организации пытаются заставить людей на Западе поверить, что нерусские народы, живущие в Советском Союзе, отвергают только большевизм, и что их единственное желание состоит в том, чтобы большевизм был разрушен, и что они хотели бы продолжить жить в пределах границ России вместе с русскими. Это не что иное, как отрицание правды».

Примерно в это же время Исаак Дон Левин, президент Американского комитета по освобождению от большевизма, прибыл в Мюнхен из США и беседовал там с

членами различных эмигрантских организаций. Левин родился в семье белорусских евреев, которая иммигрировала из России в США в 1906 году. Теперь он был известным писателем и журналистом. Он и Рузи встретились в кафе около мюнхенского железнодорожного вокзала. В это время Рузи был в довольно трудной экономической ситуации. У него не было никакой постоянной работы, и он все еще жил в доме своего тестя в Розенхайме.

Исаак Дон Левин (1892-1981)

Левин предложил, чтобы Рузи работал с американцами и сказал, что вместе они станут сильнее. Борьбу против Советов нельзя вести на пустой желудок, и если Рузи присоединится к ним, то он будет жить в значительно большем достатке. Рузи отклонил предложение Левина. Он тактично пояснил, почему он не мог бы работать с Комитетом по освобождению народов России Керенского. Он сказал, что его борьба была не просто против большевизма; это была также борьба против российского колониализма. Не было различия между ситуацией его страны в царские времена и в советский период. По словам Акмаля Икрамова, первого секретаря компартии Узбекистана, которого Сталин убил в 1938 году, поменялась только табличка на двери. Рузи считал бы возможным сотрудничать с антибольшевистскими организациями только в том случае, если бы они согласились на то, чтобы Туркестан стал независимым государством. На этой ноте они расстались.

Рузи был эмоциональным человеком, и сейчас слезы появились в его глазах. У него не было денег, а Левин попытался купить его. Однажды ему в голову пришла идея попытаться публично поставить Левина в неудобное положение. Как-то вскоре после этого Левин организовал в одном мюнхенском баре встречу с представителями организаций, которые отказались работать с Комитетом по освобождению народов России. Лидеры украинской, азербайджанской, белорусской и других нерусских групп присутствовали там. Так как Вели Каюм-хан и другие ведущие члены НКОТ были в Миндене, только Рузи мог посетить встречу от их имени. Дон Левин снова говорил о пользе сотрудничества, пытаясь убедить аудиторию, что в сотрудничестве они смогут свергнуть большевизм. В конце он спросил, были ли у них какие-то вопросы. Рузи поднял руку и спросил Левина на русском языке, кто он, к какой национальности принадлежал, и был ли он американским гражданином.

- Рузи, вы отлично знаете, кто я, – ответил Левин.

Рузи сказал: – Если вы американец, тогда вы должны волноваться о проблемах Америки. Прекратите беспокоиться о народах, угнетаемых российским колониализмом, и о России. После этого все участники встречи, начиная с украинского представителя, зааплодировали.

Рузи оставался в контакте с его друзьями в Миндене, но теперь он решил продолжать свой путь в одиночку. 17 сентября 1947 года родилась его дочь Сильвия (по-турецки Зульфия), радость всего дома в Розенхайме. Линда была теперь хозяйкой собственной кухни в их крыле загородного дома. Она тоже была счастлива.

Сильвия Назар, дочь Рузи Назара, род. в 1947 году. В настоящее время профессор бизнес-журналистики Колумбийского университета, экономист и писатель. Автор биографии американского математика и лауреата Нобелевской премии по экономике Джона Нэша. Эта книга стала основой сценария популярного фильма «Игры разума» с Расселом Кроу в главной роли.

В это же время баварское правительство создало организацию помощи советским эмигрантам по инициативе Теодора Оберлендера. Во время войны Оберлендер служил офицером в Северокавказском легионе. С 1953 по 1960 он был федеральным министром по делам беженцев, переселенцев и жертв войны в кабинете канцлера Аденауэра и членом Бундестага. Рузи познакомился с Оберлендером во время войны, и теперь его помощь позволила ему чувствовать себя сравнительно комфортно в финансовом отношении.

Теодор Оберлендер (1905-1998)

Американская упорная настойчивость в том, что эмигрантские организации должны сотрудничать с комитетом Керенского, начала вызывать расколы. Дон Левин пытался убедить их сотрудничать, и он также начал устанавливать контакты с теми оппозиционными группами внутри различных организаций, которые были готовы сотрудничать с США.

Группа, возглавляемая Карысом Канатбаем внутри НКОТ, была в оппозиции к Вели Каюм-хану с военных лет, когда они поддержали Власова. Недавно они уехали в Турцию. Канатбай и его коллеги Аман Бердымурат, Таджи Мурат и Вали Зуннун связались с Доном Левиным и создали новую организацию, названную Комитетом Тюркели (т.е. Комитет тюркских земель). Ахмет-Заки Валиди Тоган принял участие в создании Комитета Тюркели, подготовительная встреча которого состоялась 18 сентября 1950 года. Комитет Тюркели получил финансовую помощь от американцев и моральную поддержку от Ахмет-Заки Валиди Тогана. На встрече в сентябре 1950 года он изменил свое название на Туркестанский комитет за независимость (Комитет освобождения Туркестана) и начал издавать журнал под названием «Тюркели» на русском и турецком языках.

Заки (Зеки) Валиди Тоган (Ахмет-Заки Валидов) (1890-1970)

Чтобы подорвать репутацию Каюм-хана, Канатбай начал распространять слухи, что Каюм-хан якобы убил Мустафу Шокая в 1941 году, отравив его. Рузи знал, что эти утверждения были клеветой, и однажды он спросил одного из близких друзей Канатбая, почему он пытался распространять ложь такого рода, так как информация о смерти Шокая была общеизвестной. Друг сказал, что он лично задавал Канатбаю тот же вопрос и получил такой ответ: «До Октябрьской революции, когда Ленин издавал газету «Искра» в Цюрихе, один из авторов-меньшевиков очень жестко раскритиковал тезисы, которые Ленин выдвигал по национальному вопросу, и статьи, которые он писал. Ленин пошел в редакцию «Искры» и сказал редактору: – Опубликуйте ответ этому человеку, но дайте в этом ответе только одно или два предложения, не больше. Напишите только, что этот человек – агент буржуазии и враг пролетариата, этого достаточно. Редактор возразил: – Но этот человек не враг пролетариата и не агент буржуазии! На это Ленин ответил: – Если вы напишете это один раз, то они не поверят этому; если вы напишете два раза, то они тоже не поверят. Но если вы три или четыре раза напишете, что он агент и враг пролетариата, то они в это поверят. И если мы будем достаточно часто повторять, что Каюм убил Шокая, то они, конечно, поверят этому».

Канатбай защищал себя в статье в журнале «Тюркели»: «Объединение демократических сил, которые существуют сегодня среди беженцев, в один един-

ственный центр против большевизма, является одной из самых важных задач для беженцев. Комитет Тюркели был создан, чтобы основать национальное независимое правительство в Туркестане без большевизма. Этот комитет поддержит усилия Дона Левина, президента Американского комитета, по объединению всех демократических сил среди эмигрантов. Даже при том, что Комитет Тюркели, возможно, может не принимать полностью резолюции пяти русских организаций по национальному вопросу, он поддержит их, потому что они – анти-большевистские силы».

Комитет по освобождению народов России Керенского провел свое первое заседание между 3 и 7 ноября 1951 года. В этой встрече приняли участие одиннадцать эмигрантских групп, пять русских и шесть нерусских. Во время заседания русские группы изо всех сил пытались заставить других принять их взгляды, вследствие чего вспыхнули ожесточенные споры. Даже Карыс Канатбай и Девлет Тагиберди, которые были настроены сотрудничать с Керенским, почувствовали себя обязанными сделать следующее заявление: «Комитет Тюркели никогда не хотел стать просто придатком одного человека или одной организации. ... Хотя мы поддерживаем идею формирования объединенного фронта против большевизма, мы никогда не сможем принять российский империализм, который стремится навязать нам имя русских... Туркестан никогда не был частью России и никогда не будет... Наш Комитет готов играть роль в любом центре сотрудничества, который может быть организован. Но мы не хотим, чтобы русские вмешивались в наши дела».

Подобно тому, как США постоянно терпели неудачи в тайных операциях на ранних стадиях Холодной войны, они не смогли добиться успехов и в контроле антисоветских эмигрантских организаций. Во-первых, правительство США находилось под влиянием сильного русского лобби в Америке. После революции сотни тысяч русских беженцев переехали в США, и многие из них мечтали о восстановлении единой и неделимой Российской империи. По их мнению, Крым, Татарстан, Башкортостан, Азербайджан, Северный Кавказ, Грузия, Армения и Туркестан все были лишь частями Великой России.

В 1953 году американское правительство официально признало свой провал в этом отношении и объявило, что оно прекратит свою финансовую поддержку проектам такого рода. Когда их фонды были урезаны, таким организациям как Комитет Тюркели, который был организован с помощью американского финансирования и не имел никакой серьезной базы среди людей его собственной страны, пришлось прекратить свою деятельность.

10. РУЗИ ЕДЕТ В АМЕРИКУ

Арчибальд Рузвельт просит о встрече с Рузи

Однажды в 1951 году Рузи получил письмо из американского консульства в Мюнхене. В письме говорилось, что некий важный человек прибыл из Вашингтона и хотел бы встретиться с ним. В письме был указан номер телефона. Удивленный Рузи позвонил по этому номеру, и ему была назначена встреча на следующий день. В указанное время Рузи пришел в консульство, и как только он назвал свое имя, его провели в гостиную с классической американской мебелью. Там его приветствовал джентльмен средних лет, высокий, светловолосый и очень элегантно одетый.

- Добро пожаловать, – сказал он, жестом приглашая Рузи сесть. Переводчик спросил Рузи, переводить ли ему беседу на немецкий или русский язык. Затем американец представился как Арчибальд Рузвельт.

Арчибальд Рузвельт был сыном бывшего американского президента Теодора Рузвельта. Он объяснил, что он слышал очень благоприятные отзывы о Рузи – что он был высокоморальным, умным, культурным и храбрым человеком. И сам Арчибальд Рузвельт был большим поклонником цивилизации и культуры Туркестана.

Арчибальд Рузвельт (1894-1979)

Последовавшая беседа продлилась несколько часов. Рузи и Рузвельт узнали, что у них было много общего. Они оба хорошо знали историю России и Туркестана, и они оба ненавидели большевизм. Рузвельт объяснил, что его назначили заместителем руководителя дипломатической миссии в американское посольство в Турции, и он остановился в Мюнхене по пути в Анкару, чтобы встретиться с Рузи и разными другими людьми. Во время войны Рузвельт служил американским военным атташе в Ираке. Он немного говорил по-арабски и хотел изучить турецкий язык прежде, чем занять свою должность в Турции.

Мюнхенская вечерняя газета «Abendzeitung» напечатала на первой странице статью о прибытии Рузвельта в город. Хотя Рузвельт и сказал Рузи, что ехал в Анкару как заместитель посла, Рузи уже узнал от своих американских друзей, что его реальной должностью был пост резидента ЦРУ (chief of station). После войны Рузвельт работал в Управлении стратегических служб, и когда было создано ЦРУ, он пришел на работу туда.

Во время встречи в консульстве Рузвельт сказал Рузи, что он на несколько дней останется в Мюнхене и хотел бы увидеться с ним снова. И действительно день спустя они встретились во второй раз. Рузвельт сказал Рузи, что он был очень впечатлен его взглядами на Центральную Азию, Советский Союз и национальный вопрос. Американскому правительству не хватало специалистов, которые знали о Советском Союзе и его проблемах. Он сказал: – Господин Рузи, США нуждаются в вас. Мы хотим, чтобы вы приехали в Америку – то есть, конечно, если вы сами этого захотите.

Рузи был рад интересу, проявленному к нему, но был ошеломлен этим приглашением, которого он никогда не ожидал.

- Почему бы и нет? Но я не думаю, что это технически возможно, – ответил он, упомянув закон 1905 года об иммиграции, который запрещал ему въезд.

Рузвельт улыбнулся и ответил: – Предоставьте это нам. Пентагон, Государственный департамент и ЦРУ, у всех них есть особые квоты для иммиграции. Если нам нужен специалист, то мы найдем способ заполучить его в США.

Он добавил, что, если Рузи не хотел бы постоянно жить в Америке, он мог бы приехать только на несколько лет.

Рузи спросил, на что он будет жить, когда будет там. Рузвельт ответил: – Сколько вы зарабатываете здесь? На самом деле Рузи не особо интересовался денежными делами. В то время семья в Германии могла прожить на 400 или 500

немецких марок в месяц. Один доллар в то время был эквивалентом 4,25 марок, поэтому он посчитал, что 300 или 400 долларов в месяц будет достаточно, и сказал об этом. Рузвельт ответил, что мог бы гарантировать Рузи, по крайней мере, 500 долларов в месяц.

Рузи спросил своего американского гостя, не хотел ли бы он встретиться с президентом Национального комитета объединения Туркестана Вели Каюм-ханом. Когда ответ был утвердительным, Рузи сообщил Каюм-хану о своей дискуссии с Рузвельтом и сказал ему, что последний хочет увидеть его, если он приедет в Мюнхен. Каюм-хан приехал в Мюнхен и встретился с Рузвельтом в кафе. Рузвельт не знал немецкого языка, а Вели Каюм-хан не говорил по-английски. К счастью Фуад Эмирджан, азербайджанский друг Рузи со времен войны, который говорил на хорошем французском языке, как оказалось, был в Мюнхене. Рузи попросил Эмирджана стать их переводчиком. Во время этой встречи Рузи еще раз смог убедиться, что Рузвельт внимательно следил за туркестанскими проблемами и обладал обширными знаниями о текущей ситуации в центральноазиатских республиках.

После войны Рузвельт через американское посольство в Москве попросил разрешения посетить центральноазиатские республики и Узбекистан, но Советы отказали ему в этой просьбе. Поэтому Рузвельт поехал в Китай, предъявив свои документы американского дипломата, а затем пересек Восточный Туркестан и прошел через советско-китайский пограничный пост в Узбекистан. После посещения мест, которые он хотел видеть, он возвратился на поезде из Ташкента в Москву. Рузвельт не боялся риска и любил приключения. Для такого путешествия в годы Холодной войны требовался по-настоящему храбрый характер.

Рузвельт смог лично увидеть самое актуальное положение в Центральной Азии. Он задал Каюм-хану много вопросов и не был впечатлен его преувеличенными ответами, в особенности его утверждением, что у него якобы было три или четыре тысячи человек с военным опытом в Туркестане, подчинявшихся его приказам, и что с их помощью он мог бы начать там вооруженное восстание в любое время. За последние несколько лет американские секретные службы неоднократно делали попытки операций такого рода на Украине, в Албании и в других странах Восточной Европы, и все они потерпели неудачу, стоив сотни жизней. Как только американцы поняли силу и способности советской секретной службы, они прекратили подобные операции. После этой беседы никаких последующих встреч между Каюм-ханом и американцами больше никогда не было.

Рузи в Америке

Рузи провел первые двадцать пять лет своей жизни в стране, где всем управляло коммунистическое правительство, и потом следующие десять лет в Германии. Из этих десяти лет четыре он прожил при нацистском режиме и шесть под оккупацией союзников и затем при недавно основанной Федеративной Республике. Теперь в его жизни начинался новый период.

Его юность при коммунистическом режиме была полна жестоких, горьких, кровавых и трагических событий. Рузи видел, как сначала его брата, потом тех, кого он любил, затем самых видных интеллектуалов его страны, ее священников, и ее самых талантливых политиков и государственных деятелей обвинили в том, что они враги режима, сослали в концентрационные лагеря и убили. Миллионы умерли от голода в годы коллективизации. Рузи не мог понять, как люди могли стать такими жестокими. Среди всех тех страданий дух его семейного дома, полного любви и доверия, давал ему успокоение и поддержку. Даже в те годы, когда в Узбекистане были такие огромные страдания, и он постоянно чувствовал холодное дыхание страха и опасности в каждый момент, дом его отца был единственным убежищем, где он чувствовал себя в безопасности. Часто всем, чего он жаждал, была обстановка любви, мира и безопасности. Он очень скучал по своей матери. Она воспитала его, вместе с его бабушкой, и в тот день, когда он уходил в армию, она сказала ему: «Теперь ступай, сын мой. Я тебя знаю. Где бы ты ни оказался, ты будешь слушать голос своей совести. Что бы ты ни считал правильным путем, ты пойдешь именно по этому пути. Я желаю тебе, чтобы ты всегда оставался таким. Ты в своей жизни часто будешь оказываться на распутье. Если на одной стороне у тебя будет правильный путь, пусть даже и такой, итог которого является неопределенным и полным опасностей, а на другой стороне путь нечестный и неправильный, но полный материальных богатств, выбирай правильный путь, даже если он и полон опасностей. Отвергай нечестный путь, даже если он сулит тебе несметные сокровища». Теперь он снова стоял на распутье.

Рузи поговорил с женой Линдой и со своим тестем, которого он любил и уважал, и чьими знаниями и опытом он восхищался. Тесть сказал ему, что, так как немцы лишь с большим трудом принимали иностранцев, независимо от того, насколько талантливы те были, то в Германии у него не было никакого будущего. Он сказал, что было две страны, в которые мог бы поехать Рузи. Первой страной была Турция, а второй была Америка, и он должен был сделать выбор.

- Если ты поедешь в Турцию, я не сомневаюсь, что там ты быстро найдешь свой путь. В США у тебя вначале может быть много трудностей, но там ты не будешь

страдать от нужды и лишений. Никто не скажет тебе, что ты иностранец. Если ты выберешь Америку, то, когда условия созреют, и появится возможность, ты всегда сможешь переехать в Турцию и попробовать заняться чем-то там. Но если ты поедешь в Турцию, тебе после этого трудно будет переехать в США, – сказал он.

Рузи подумал, что, если он переедет в США, он сможет больше помочь своей стране, и что этот выбор был бы лучше и для его семьи. Он решил, что переезжать надо будет именно туда.

Он закончил свои приготовления. Он должен был отплыть на корабле из Бремерхафена 1 ноября 1951 года. Профессор Герхард фон Менде и Вели Каюмхан пришли попрощаться с ним. Рузи знал профессора Менде с войны и испытывал к нему большое уважение. Его усилия спасли сотни тысяч туркестанцев, азербайджанцев, татар, северокавказцев и других людей, которые в противном случае просто не выжили бы. Также благодаря усилиям Менде НКОТ мог работать свободно. Поэтому Рузи был особенно рад, что профессор приехал попрощаться с ним. Он говорил своим друзьям, что услуги, которые профессор Менде оказал Туркестану, имели неизмеримую ценность, и что когда-то в Ташкенте ему должны будут поставить памятник. Он говорил с Менде и Каюмханом о коллегах в НКОТ. По рекомендации профессора Менде сэр Олаф Кэроу обеспечил стипендиями некоторых из них. Баймирза Хаит и Муминжон Тешебай работали над докторскими диссертациями в Мюнхенском университете. Вели Каюмхан сказал ему, что у Муминжона было не очень хорошо со здоровьем. Действительно вскоре после того, как Рузи уехал из Германии, Муминжон умер.

Рузи попрощался со своими родственниками и друзьями, и сел на корабль, который должен был доставить его в Нью-Йорк. За три недели путешествия он много думал о прошлом. У него прежде никогда не было такого длинного отпуска. Прохладные, чистые ветры Атлантики освежали его голову и мысли. Он вспоминал свою прошлую жизнь в мельчайших деталях, и спрашивал свою совесть о своем решении поехать в США.

Он вспомнил, что его отец сказал ему за два дня до своей смерти: «Похорони меня согласно правилам религии, которую я исповедую».

Рузи выполнил волю отца. Из-за этого его самого едва не арестовали как врага режима. Бог защитил его. Он вспомнил, как осудили президента Узбекистана Файзуллу Ходжаева за то, что он похоронил своего старшего брата согласно мусульманским обрядам. Что же это была за система, в которой из-за нескольких похоронных молитв людей можно было арестовывать, отправлять в концен-

традиционные лагеря, бросать гнить в тюрьме или казнить? Рузи еще раз вспомнил слова матери в тот день, когда он уходил в армию: «Теперь ступай, сын мой, и пусть у тебя будут открытый путь и удача. Я всегда буду молиться Богу, чтобы он защитил тебя. Без Его воли даже лист не шелохнется. Бог принимает молитвы, которые матери и отцы шлют ему за своих детей. Он всегда будет защищать тебя. Никто не сможет причинить тебе никакого вреда. Никогда не забывай свою страну и свой народ. Не будь жесток к другим. Где бы ты ни оказался, если ты найдешь кого-то, кто нуждается в помощи, не колеблясь, помоги ему. Старайся не сходить с пути, который ты считаешь правильным. Всегда выбирай то, что правильно, а не то, что лучше подходит твоим интересам. Выбирай не то, что самое легкое, а то, что правильное и красивое, даже если это трудно».

После каждой большой войны мир приобретает новую форму. Если новый порядок полон заблуждений и несправедливости, то он несет в себе самое семя больших будущих войн. Разве Холодная война не началась сразу же после того, как Вторая мировая война закончилась? И когда эта война закончится, мир снова будет организован по-новому.

Рузи верил, что для того, чтобы его страна была освобождена, и его народ получил независимое государство, которое уважало бы его права и свободы, Советский Союз должен был проиграть эту войну. Нацистская Германия была вторым тоталитарным режимом, при котором Рузи пришлось жить. Нацистская идеология была врагом человечества, непостижимым и жестоким. Он сотрудничал с немецкой армией только для того, чтобы помочь уничтожить советскую систему. Когда Рузи спрашивал себя, какой тоталитарный режим был хуже, он не мог сделать выбор. Они оба были злыми, зверскими и беспощадными. Ни один не испытывал ни малейшего уважения к человеческой чести и достоинству или к человеческой жизни. Для Рузи было невозможно забраться в тихий уголок и ждать конца Холодной войны, не примыкая ни к одной, ни к другой стороне.

Во время путешествия он долго думал обо всех этих вещах. Он хотел следовать совету своей матери, хотел придерживаться правильного пути. В этой новой войне он решил поехать в страну, которую он не знал, и на языке которой он даже не говорил, чтобы внести свою собственную лепту.

Манхэттен

В один холодный зимний день в декабре 1951 года корабль, на борту которого был Рузи, подошел к гавани Нью-Йорка, и небоскребы Манхэттена появились на горизонте.

После Маргилана с его зелеными деревьями, старыми домами и мечетями, украшенными изящными образцами мусульманской каллиграфии, а затем исторических городов старой Европы, Нью-Йорк казался городом из сказки или из научной фантастики.

Рузи понял, что он попал в абсолютно другой мир. Первым чувством, которое охватило его в этой чужой стране, где он никого не знал, было ощущение одиночества и печали. Если бы только он был вместе с женой и дочерью, рядом со своей матерью, и на своей родине. Если бы только он мог приготовить узбекский плов в узбекской чайхане с его друзьями. Но потом Рузи сказал себе: «Брось эту сентиментальность и печаль! Самая опасная вещь в жизни – это жалость к самому себе. Возьми себя в руки, держи голову высоко и продолжай идти своей дорогой». Он должен был немедленно приступить к изучению языка и познакомиться с окружающей его новой средой.

Рузи думал, что он легко проживет на 500 долларов, которые он должен был получать от Колумбийского университета каждый месяц. Они арендовали квартиру для него в Форест-Хиллс, приятном районе, в красиво оборудованном здании с большим садом и с воротами под охраной. Он должен был платить 180 долларов арендной платы в месяц. После этого у него оставалось 320 для себя и его семьи. Рузи уже скоро понял, что это была небольшая сумма, и поэтому, работая в университете и изучая английский язык, он также искал вторую работу.

В то время радиостанция «Голос Америки» начала трансляции на узбекском языке. Узбекскую редакцию возглавлял бывший легионер родом из Коканда по имени Максут-бей. Максут получил эту работу на радиостанции благодаря помощи Арчибальда Рузвельта. Он смог приехать в США, потому что был женат на русской женщине. У «Голоса Америки» были трудности с подготовкой передач на узбекском языке и поиском персонала, который мог писать статьи и вести программы. Максут предложил, чтобы Рузи работал на них как внештатный журналист и радиоведущий. Ему платили бы 50 долларов за каждую статью, которую он написал, и по 15 долларов за каждую, которую он читал в эфире. Это составило бы в целом приблизительно 500 долларов дополнительного дохода в месяц, что было очень прилично. В то время английский язык Рузи был все

еще беден, и поэтому, чтобы следить за событиями в мире и США, он подписался на две газеты, одну немецкоязычную и другую на русском языке. Этой русской газетой было «Новое русское слово», и из нее он получал новости о том, что делали русские эмигрантские организации. Первые несколько месяцев Рузи в Соединенных Штатах были трудными. Когда он был в Германии, определенные русские эмигранты были недовольны тем, что он ехал в Америку. Это были люди, которые все еще жили мечтами о царской России и хотели, чтобы Туркестан навсегда остался русской колонией. Эти люди теперь начали кампанию против Рузи. Возможно, что и советские агенты играли роль в этом. В «Нью-Йорк Таймс» были опубликованы статьи, утверждающие, что он был буржуазным националистом, поддерживавшим Гитлера и бывшим офицером СС. Друзья Арчибальда Рузвельта связались с Рузи и сказали ему, что они знали, что эти утверждения были ложными, и что он не должен беспокоиться или раздражаться. Несмотря на это, Рузи чувствовал огорчение из-за неспособности сделать что-то, чтобы остановить такие слухи.

В 1954 году в Колумбийском университете был организован Институт Ближнего Востока, включающий кафедры Турции и Туркестана. Рузвельт познакомил Рузи с некоторыми из ученых института, и они предложили ему работу на кафедре Туркестана, которую возглавлял венгерский профессор. Рузи начал работать там как специалист по центральноазиатским и туркестанским делам. Его исследования и статьи вызвали значительный отклик и в США, и за рубежом. За короткий промежуток времени он быстро улучшил свой английский язык и заметил, что начал приспосабливаться к американской жизни.

Аргус

Как противник Советского Союза Рузи был талантливым, серьезным, решительным, хорошо образованным и опытным оппонентом. Когда он работал для американской разведки, там высоко ценили его независимую и объективную позицию. Американские чиновники имели дело с человеком, который никогда не уступал в важных вопросах, даже в трудных условиях тех дней. Он был не просто заурядным агентом или обычным государственным служащим; его нельзя было подкупить. Именно как сотрудник ЦРУ Рузи смог сохранять свою независимую позицию все время, пока он не ушел в отставку. Он никогда не работал с Американским комитетом по освобождению от большевизма, это было для него делом принципа. Русские эмигрантские организации, активные в этом Комитете, решили, что национальный вопрос должен обсуждаться только после крушения коммунизма. Рузи считал, что нерусские народы были обмануты Лениным и его соратниками, и они не хотели, чтобы их обманули снова. Только если бы рус-

ские эмигрантские группы признали право нерусских народов на создание собственных независимых государств и определение своей собственной судьбы, он был бы готов работать вместе с ними. Он встречался с председателем Комитета и с его представителями в Государственном департаменте и сотрудничал с ними по некоторым конкретным вопросам, но он никогда не действовал сообща с ними.

Во время своей работы в Турции он говорил штабу ЦРУ, что турки считали его «своим», одним из них, что они не скрывали от него свои даже самые важные государственные тайны, и что он не имел никакого права эксплуатировать их симпатию к нему и злоупотреблять ею. Поэтому он не хотел участвовать в операциях по сбору разведывательной информации, направленных против Турции. Это было для него вопросом морали. Он занимался только вопросами подрывных действий Советов против этой страны и пытался организовывать контрмероприятия.

Однажды Рузи прочел в выходящей в Нью-Йорке русской газете «Новое русское слово» очередную статью в колонке «О чем говорят слухи-факты», которую вел автор, пользовавшийся псевдонимом «Аргус». Аргус писал сатирические статьи в этой газете пять дней в неделю. В статье того дня Аргус сравнил пророка Мухаммеда со Сталиным, и высмеял и пророка, и диктатора. Рузи был огорчен и встревожен такой попыткой приравнять пророка ислама к одному из самых кровожадных тиранов в истории. Как мусульманин, который испытывал уважение ко всем религиям и был противником фанатизма, он почувствовал себя глубоко оскорбленным.

Той ночью, после того, как его жена и дочь заснули, Рузи налил себе рюмку водки и написал длинное письмо Аргусу. В письме он объяснял, что пока людям не хватает уважения к другим верам, и они видят в людях других верований врагов и убийц, вражда и конфликты в мире никогда не прекратятся. В своей статье Аргус оскорбил и ранил миллионы мусульман, которые верят в личность пророка Мухаммеда.

Когда он следующим утром взял в руки новый номер «Нового русского слова», он увидел, что Аргус написал статью, непосредственно адресованную ему. Она начиналась так: «Сегодня я узнал многое от одного моего туркестанского друга по имени Рузи. Он помог просветить меня, даже в этом возрасте». Далее Аргус приносил свои извинения Рузи и всем мусульманам.

В своем письме Аргусу Рузи часто использовал резкие выражения. В нескольких местах он на самом деле даже оскорбил его. Теперь, когда он прочел ответ Ар-

гуса, он подумал: «Если бы я написал более мягко, это определенно было бы лучше».

Однажды, когда он только что закончил преподавать своему классу в Колумбийском университете, один из сотрудников сказал ему, что пришел человек по имени Аргус, который хочет увидеть его.

Рузи увидел невысокого человека приблизительно шестидесяти лет, с длинным носом и симпатичным лицом, при виде которого ему захотелось улыбнуться в ответ – он с большим трудом удержался от этого. Аргус сказал Рузи, что он был очень тронут его письмом и хотел принести извинения лично. Он пригласил Рузи на обед в русскую чайную на 48-й улице в Манхэттене, любимое прибежище известных писателей, художников и политиков. Это стало первым шагом их долгой дружбы.

Настоящее имя Аргуса было Михаил Айзенштадт-Железнов. Он был евреем, родившимся в России. Он учился в русской школе в Риге перед Октябрьской революцией. Когда большевики захватили власть, он приехал в США как иммигрант. Он работал на литовского родственника, у которого был мебельный магазин в Нью-Йорке, а в более позднем возрасте начал писать свою газетную колонку. Он написал несколько сатирических книг, включая очень популярную «Москву на Гудзоне» и «Беззаботный мошенник». «Москва на Гудзоне» была памфлетом на русских иммигрантов. Аргус был умным, образованным и очень опытным человеком, и Рузи многому научился у него. Через Аргуса он впоследствии познакомился со многими новыми друзьями, включая украинцев, и смог укрепить их понимание советского колониализма.

(Михаил Константинович Айзенштадт-Железнов родился в России в 1900 году и приехал в Нью-Йорк как беженец в 1924. Умер в 1970 году в США. – прим. авт.)

11. ПЕРВЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хамид Рашид и хадж

Однажды Рузи ждал автобуса у станции метро на Манхэттене. Какой-то высокий, светловолосый, похожий на немца человек приветствовал его поклоном, но Рузи не узнал его и продолжил читать свою газету, когда они оба зашли в один и тот же автобус. Когда они подъехали к остановке около его дома, и он вышел, этот человек тоже вышел. Улыбаясь, он подошел к нему и сказал: – Боже мой,

Рузи. Я паялился на тебя целых полчаса, думая, что ты узнаешь меня, но ты так меня и не узнал.

Только тогда Рузи понял, что он смотрел на старого друга. – О, Хамид, брат мой, – закричал он, – откуда ты взялся, из-под земли или с неба? И они крепко обнялись.

Хамид Рашид Исламкулов происходил из татарской семьи. В царские времена его отец изучал исламское богословие в Бухаре, и в течение многих лет он был имамом в Оренбурге, городе в далекой юго-восточной России, близко к границе с Туркестаном. Но столкнувшись с большими проблемами из-за русского чиновничества, он и его семья уехали из Оренбурга и поселились в Маргилане. Отец Рузи помог этой семье, нашел дом для них и работу для отца в одной из мечетей. Рашид родился там в 1910 году.

Отцы Рашида и Рузи стали близкими друзьями. Джемшид чувствовал большое уважение и привязанность к этому просвещенному священнослужителю, который обладал сильными национальными чувствами и был сторонником обновления и модернизации. Хамид Рашид был на семь лет старше Рузи. В последний раз они виделись в Маргилане в 1941 году, когда Рузи уходил в армию, и Хамид Рашид, который был тогда учителем географии в средней школе, зашел к нему, чтобы пожелать ему удачи. Хамид Рашид в свою очередь тоже был призван и отправлен на Восточный фронт. Там он много думал и решил, что было бы неправильно сражаться за большевиков. Он перешел к немцам, перенес свою долю лишений в лагере военнопленных, и затем служил в Татарском легионе. Некоторое время после войны он жил в лагере в Польше, и там он зарегистрировался как финский татарин. Многие казанские татары переехали в Финляндию в царские времена – в сегодняшней Финляндии живут около тысячи татарских семей. Хельсинкская мусульманская община была хорошо организована, со многими успешными коммерческими предприятиями, и Хамид Рашид смог получить помощь от некоторых из этих людей. Хотя он женился в Маргилане, и у него было двое детей, но, когда он понял, что у него больше не было шанса вернуться домой, он женился на симпатичной дочери белорусской семьи. При первой возможности они поехали в Америку. Рузи был рад этой неожиданной встрече с ним в Нью-Йорке. Он представил его своей жене Линде, и эти две семьи начали часто встречаться.

Однажды, когда они беседовали дома, Хамид Рашид сказал: – Рузи, друг, мы прошли через кровь и огонь. Благодаря Богу, мы оба много раз едва избегали смерти. Ангел Смерти забрал жизни сотен людей только около нас, но ни разу не постучал в нашу дверь. Я верю, что Бог и дальше сохранит нас от бесчис-

ленных опасностей. Я хочу сделать тебе предложение. Давай вместе отправимся в паломничество в Мекку; давай посетим Каабу и земли, где родился наш пророк, и где его могила.

Даже не раздумывая, Рузи немедленно согласился. – Прекрасно, Хамид, брат мой, давай подготовимся и отправимся в хадж, – ответил он. У Рузи было немало сэкономленных денег, и он ни от кого не зависел.

В те дни авиапутешествие означало полет на старомодном винтовом самолете. Тот, кто покупал билет между Саудовской Аравией и Нью-Йорком, мог путешествовать любым маршрутом, который он пожелал, останавливаясь по пути в любых городах, которые он выбрал. Сегодняшний аэропорт имени Джона Ф. Кеннеди был тогда лишь крошечным терминалом под простым названием Нью-Йоркский аэропорт, и он был меньше аэропорта в Риме. Рузи и Хамид Рашид вылетели из Нью-Йорка в Рим и пробыли там три дня. Они видели Колизей, Пантеон, Ватикан, все, что они успели за это время, и они подолгу беседовали.

Рузи не получил большого религиозного образования, но Хамид Рашид узнал о многих вещах от своего отца, имама. Он объяснял Рузи религиозные и моральные аспекты хаджа, наряду с его экономической и социальной стороной. После поклонения в своей местной мечети люди говорили о новостях в их окружении и обсуждали, как помочь нуждающимся. После пятничных молитв в больших мечетях они разговаривали уже не только о делах их собственного окружения, но и о более широких проблемах. Публичное богослужение в мечетях, таким образом, также походило на народное собрание. Точно так же хадж напоминал международную встречу мусульман, где люди завязывали коммерческие связи и обменивались новостями о важных проблемах в их странах.

Пока Хамид Рашид объяснял все это, в голову Рузи вдруг пришла одна мысль. – В таком случае я знаю, что мы сделаем в Мекке и Медине, – сказал он. – Раз там будут люди со всего мусульманского мира, и эти люди будут говорить друг с другом о своих проблемах, трудностях и радостях, и о состоянии своих стран, тогда мы должны рассказать этим людям, совершающим паломничество, о положении мусульман Туркестана. Мы можем написать наше заявление, обращение к мусульманам мира, и напечатать его там. Потом мы раздадим его людям, которые приедут туда. Рузи также сказал, что они должны попытаться встретиться с государственными деятелями и другими важными людьми, чтобы рассказать им о туркестанской проблеме.

Они посоветовались и написали несколько страниц, где описывались страдания мусульман в Советском Союзе, зверства коммунистов там, и ситуация в Турке-

стане. Когда они прочитали написанное, они почувствовали, что их послание было коротким, но четким и понятным.

Египет

Из Рима Рузи и Хамид Рашид полетели в Каир. Египетский король Фарук был за год до этого, в июле 1952, свергнут в результате военного переворота. Вместо него главой государства стал генерал Негиб, а полковник Гамаль Абдель Насер был заместителем генерала.

Мохаммед Нагиб и Гамаль Абдель Насер в 1954 году

Рузи предложил Рашиду, чтобы они пошли в президентский дворец и посетили генерала Негиба, которого Рузи знал по Германии.

- Ты в своем уме? – ответил Хамид Рашид. – Разве могут два иностранца, совершающие хадж, просто так пойти во дворец и попросить о встрече с президентом? И ты думаешь, что генерал Негиб, глава египетского государства, примет их?

- Давай пойдем и хотя бы попытаемся, – сказал Рузи. – Если он нас не примет, то, по крайней мере, мы побываем там и посмотрим на президентский дворец снаружи, так что мы теряем?

Они сели в такси и приехали к дворцу. Рузи сказал охране у ворот, что он знал генерала Негиба по Германии, и что они пришли, чтобы поздравить его с тем, что он стал главой государства. Чиновник исчез на некоторое время, а затем вернулся и сказал, что генерал Негиб ждет их.

Генерал Мохаммед Негиб был честным, доброжелательным и скромным человеком. Увидев Рузи, он воскликнул: – Мой брат из Туркестана, и обнял его. Рузи объяснил, что они остановились в Каире по пути в Мекку, и что они намереваются рассказать мусульманам всего мира о туркестанской проблеме, об угнетении, которому подвергаются мусульмане, и о враждебном отношении коммунистов к религии.

- Какая превосходная идея, – ответил генерал.

Он хорошо знал, что Центральная Азия была колонией России, и относился к этой стране с сочувствием и симпатией. Его поваром был бывший легионер, узбек из Коканда, и они часто говорили о Туркестане.

Генерал угостил гостей чаем и спросил их, не нуждались ли они в чем-то. Рузи сказал ему, что они хотели бы увидеть полковника Насера. Президент Негиб сказал, что Насер уехал из Каира в хадж несколькими днями ранее. – Но вы можете встретиться с ним там, – добавил он. Он вытащил визитную карточку со своим именем и египетским гербом и написал на ней пару предложений на арабском языке.

- Гамаль остановился в резиденции для государственных гостей в Мекке. Если вы покажете эту визитную карточку людям у дверей, они немедленно проведут вас к нему. И он протянул карточку Рузи.

Генералу Негибу довелось занимать пост президента Египта меньше двух лет. В 1954 году, после того как была провозглашена республика, и был подписан договор, предусматривавший уход британцев из Суэцкого канала, он был отстранен от власти и посажен под домашний арест. Это позволило Насеру свободно выйти из-за кулис и стать бесспорным правителем Египта. (Генерал Негиб умер в 1984 году. – прим. перев.)

Рузи и Хамид Рашид добавили последние штрихи к заявлению, которое они сочинили в Риме. Теперь они должны были перевести его на арабский язык. Но кто мог бы решить такую задачу? Два друга решили разыскать, и нашли знакомого Рузи по имени Алимджан Идриси, который обосновался в Каире после войны. Получив образование в медресе Бухары, он поехал в Германию во время Первой мировой войны и был советником у мусульманских военнопленных. Во время Второй мировой войны он консультировал немецкое министерство иностранных дел и министерство пропаганды. Он хорошо владел русским, немецким, турецким, арабским языками и всеми тюркскими татарскими диалектами. Одно время он читал лекции в школе для мусульманского духовенства, организованной в Дрездене, чтобы удовлетворять духовные потребности легионеров. После войны он был одним из трех администраторов немецкого Мусульманского совета, вместе с Абдурахманом Авторхановым. Алимджан Идриси установил тесные контакты с правительственными кругами и лидерами Арабской лиги и информировал их о жалкой ситуации мусульманских легионеров после войны. Он в то время собирал и распределял продовольственные пакеты, которые помогли многим туркестанцам, включая Рузи.

Алимджан Идриси радостно приветствовал Рузи и его друга и угостил их царски. Он сказал, что мог бы перевести их заявление на арабский язык, но ему на это потребуются два дня. Но Рузи и Хамид Рашид должны были уехать из Каира уже через день. Алимджан Идриси сказал им, чтобы они не беспокоились. Он знал одного восточного туркестанца, который работал с ним в университете Аль-Азхар в Каире, и который собирался отправиться в хадж через три дня. Алимджан Идриси мог бы закончить перевод и передать им в Мекке через этого своего коллегу.

Рузи и его друг провели свой последний день в Каире, посетив пирамиды и объехав исторические памятники города. Они восхищались великолепными зданиями времен династии мамлюков и Османской империи. Потом они на самолете вылетели из крошечного каирского аэропорта в Джидду.

Аравия

В двух священных городах мусульман, Мекке и Медине, существовала значительная община туркестанцев, которых там называли бухарцами. Многие столетия они прибывали в Мекку и Медину для хаджа и для торговли, и поселялись там, желая закончить свои дни на землях, священных для мусульман. Туркестанцы внесли существенный вклад в историю исламской цивилизации. После Корана самые важные источники веры для мусульман – книги хадисов и сунны,

собрания высказываний и деяний пророка Мухаммеда. Многие из них были собраны учеными-туркестанцами, которых называли мухаддисами. Ученые из Центральной Азии написали чрезвычайно почитаемые труды о правоведении, интерпретации Корана и другие исламские исследования. На самом деле даже первая грамматика арабского языка была составлена туркестанскими лингвистами. Во время посещения Рузи Саудовской Аравии известный исламский ученый Алтынхан Тюре, который учил младших членов саудовской королевской семьи, был среди туркестанского духовенства, живущего в этой стране. Он был писателем и поэтом, а также богословом, и сделал аннотируемый перевод Корана на узбекский язык. Рузи и Хамид пошли к нему в гости. Он обнял своих соотечественников с большой привязанностью и пригласил их в свою палатку на время хаджа.

Спустя три дня после того, как Рузи и его друг прибыли в Джидду, друг Алимджана Идриси принес им законченный перевод их заявления. Теперь им нужно было решить две важные проблемы: как напечатать листовки с заявлением и как распространить их. Рузи и Хамид Рашид провели встречу с видными бухарцами. Они прочитали им свое заявление вслух и попросили их о помощи. Бухарцы с энтузиазмом одобрили заявление и быстро устроили так, что было напечатано 250 000 листовок. Раздавать их паломникам должны были молодые ребята из Туркестана.

В те дни хадж был изнурительным испытанием. Не существовало практически никаких систем обеспечения питьевой водой, не было ни душей, ни туалетов. Размер толп паломников приводил к крупномасштабным несчастным случаям и давкам. Когда Рузи совершал хадж в 1953 году, во время церемонии побивания камнями дьявола на горе Арафат возникла давка, и сотни людей лишились жизни, среди них было множество паломников из Туркестана и Турции. Рузи и Хамид Рашид лишь с трудом спаслись от этой беды. Только уже в более поздние годы саудовский король Фейсал построил обширную инфраструктуру, решил проблемы с водой, туалетами и размещением людей, и превратил Мекку в город, в котором миллионы людей могли совершать хадж с удобствами.

Внимание Рузи привлекло легкомысленное и слишком возбужденное поведение молодых бухарцев – центральноазиатов – в Мекке и Медине. Саудовская Аравия была страной, которой правил абсолютный монарх. Кино было под запретом, также запрещалось слушать пластинки или продавать их. За людьми, которые не были саудовскими арабами по рождению, внимательно следили службы безопасности. Подданные Саудовской Аравии даже не имели малейшего права сформировать какую-то организацию, и правительство крайне недоброжелательно относилось к собраниям иностранцев.

В то время в саудовской армии служили много офицеров, которые были туркестанскими узбеками, потомками семей, обосновавшихся там или в те годы, когда армии царской России захватили их страну, или уже после большевистской революции. Правительство Саудовской Аравии разрешало всем туркестанским офицерам служить в своей армии как гражданам, тогда как оно отказывалось открыть свои вооруженные силы для палестинцев, среди которых были сильные левые движения. Палестинцы возражали против этой ситуации и оказывали давление на саудовское правительство. Ввиду этого саудовское правительство объявило, что бухарцам, которые не были саудовскими гражданами, тоже не будет разрешено вступать в армию.

Разные молодые бухарцы установили контакт с НКОТ в Германии и начали формировать свои собственные группы в Мекке и Медине. 9 апреля 1952 года НКОТ провел совещание в Германии и подчеркнул необходимость объединения для эмигрантов-туркестанцев. Баймирзе Хаиту была поручена задача создания туркестанских организаций в Турции и арабских странах. Встречая молодых людей, вовлеченных в эти группы, Рузи попытался объяснить им необходимость осторожности и скрытности, но его предупреждения не оказали значимого эффекта. В 1956 году Вели Каюм-хан посетил Саудовскую Аравию. Он встретился с несколькими членами саудовской королевской семьи, но в то же время саудовское правительство было рассержено тем, что флаг туркестанских легионеров развевался над палаткой, в которой остановился Каюм-хан, и что молодые туркестанцы делали больше шума, чем было нужно. Десять из них были арестованы. Рузи, который к тому времени работал в Вашингтоне, услышал об этом от Джозефа Дэнэхоу, своего друга, который был культурным атташе в американском посольстве в Джидде. Дэнэхоу любил охотиться в пустыне. Его проводником был узбек из Маргилана, и он был одним из тех, кого задержали после визита Каюм-хана. Дэнэхоу взял Рузи, чтобы встретиться с наследным принцем Фейсалом, и Рузи проинформировал принца о ситуации в Центральной Азии, о бедах, которые терпели там мусульмане, и о притеснении духовенства. Он сказал, что у молодых людей, которые были арестованы, не было никаких злых намерений по отношению к саудовскому государству, и они не были замешаны в каких-то мятежных действиях, но были просто неопытными и слишком возбужденными. Он попросил принца освободить их. В результате пояснений Рузи и второго, тайного визита Каюм-хана арестованные молодые люди были освобождены. Они никогда не узнали, что Рузи участвовал в их освобождении. Разве мать Рузи не говорила ему всегда: «Хороший поступок ценен для Бога ровно в той степени, в которой он остается в тайне»?

В ходе своего первого посещения Саудовской Аравии, во время хаджа, Рузи смог долго побеседовать с Алтынханом Тюре в его палатке. Алтынхан одобрил

работу, которая делалась вне Советского Союза, и оказал ей свою поддержку. По его мнению, настоящую борьбу нужно было вести внутри страны: Советский Союз мог рухнуть не от нападений снаружи, а будучи подорванным изнутри. Это было так, потому что атеистические, жестокие и несправедливые режимы по своей сущности больны. Из-за этой фатальной болезни советская система сгниет изнутри, и однажды республики Центральной Азии станут независимыми.

В юности Рузи услышал, как его отец молился, чтобы однажды Бог предоставил ему шанс совершить паломничество.

– Как хорошо было бы, если бы моя мать и отец смогли совершить хадж, – сказал он Алтынхану. Старик ответил, что, даже если они скончались, хадж можно совершить от их имени. И действительно несколько лет спустя Рузи во второй раз отправился в Мекку и Медину и совершил хадж от имени своих родителей.

250 000 листовок, которые подготовили Рузи и Хамид Рашид, были розданы паломникам со всех концов света. Об этом появились сообщения в саудовских газетах, и, возвращаясь обратно в США, Рузи узнал, что немецкая пресса тоже написала об этом.

Встреча с Гамалем Абделем Насером

Хадж как раз подходил к концу. Были совершены жертвоприношения животных, и люди поздравляли друг друга. За дни паломничества Рузи познакомился с молодым узбекским лейтенантом из Коканда. Молодой офицер никогда не оставлял Рузи и помогал ему во всем. Рузи сказал молодому человеку, что он встречался с генералом Негибом в Египте и хотел бы встретиться с Насером, пока тот тоже находится в Саудовской Аравии. Он знал, где жил Насер, и молодой человек мог бы пойти с ним и стать их переводчиком, если он хочет.

В Джидде был дом для гостей, резиденция, построенная саудовским правительством для иностранных государственных деятелей. Здесь Насер и несколько других важных иностранцев жили во время хаджа. Это было двухэтажное здание без архитектурных излишеств, совсем обычное, плохой формы, и современное.

Рузи дал лейтенанту карточку, которую генерал Негиб написал для него. Лейтенант поговорил по-арабски с охранниками, и они немедленно провели их в приемную. Когда делегация, которая зашла перед ними, вышла из кабинета На-

сера, чиновники провели Рузи, Хамида Рашида и лейтенанта из Коканда на встречу к нему.

Гамаль Абдель Насер приветствовал их с улыбкой. Посетители представились и, скрестив ноги, уселись на ковер. Насер взял Рузи за руку и сел справа от него. Он был высоким, внушительным и красивым, с немного вьющимися темными волосами, симпатичным лицом и высоким лбом. На его лице не было ни малейшего признака высокомерия или гордости; он выглядел доброжелательным и скромным. Рузи сидел около одного из самых интересных государственных деятелей в мире, того, кто будет играть ключевую роль в политической жизни Египта и арабского мира в течение почти двадцати лет.

Гамаль Абдель Насер (1918-1970)

Насер был революционным арабским националистом, и он пришел к власти, пообещав осуществить улучшения в стране, которая погрязла в ужасающей коррупции. В Египте он проводил панарабскую, антиимпериалистическую и антиколониальную политику. Рузи говорил с ним о Советском Союзе, о национальных проблемах там, и о притеснении ислама и мусульманского духовенства. Насер сказал своим гостям, что эпоха империализма закончилась, и что колонизированные страны одна за другой добьются независимости. Он был уверен, что колонии России когда-то тоже получат свободу. Египет еще не был полностью

освобожден от британского колониализма, но англичане скоро уйдут. По его мнению, страны, освободившиеся от колониализма, должны были сотрудничать, и помогать другим странам добиться независимости. Встреча продлилась почти час, и когда она заканчивалась, Насер сказал: – Давайте помолимся за независимость Туркестана. Молитвы, прочитанные здесь на этих святых землях за угнетенных людей, будут услышаны Богом.

Они все взялись за руки и помолились за то, чтобы советские республики Туркестана однажды добились независимости.

Узбекский лейтенант из Коканда исполнял свои обязанности переводчика очень хорошо, но Насер знал английский язык и часто обращался к Рузи и Хамиду Рашиду на этом языке. Однажды он повернулся к Рузи и сказал: – Я надеюсь, что мы встретимся снова. Когда вы приедете в Каир, не забудьте позвонить мне. Они попрощались и расстались.

После того, как Рузи совершил свое жертвоприношение в Мекке и закончил хадж, он поехал в Медину. Там он тоже провел несколько встреч со своими земляками. Он посчитал необходимым дать им несколько предупреждений. Он посетил могилу пророка Мухаммеда в мечети Аль-Масджид ан-Набави и помолился о своей матери, своем отце, о близких ему людях и о своем народе.

Во время хаджа Рузи чувствовал спокойствие и счастье, пришедшие к нему от ощущения того, что он был на священной земле. Ему также удалось кое-что сделать для своего народа и своей страны, от чего радость его увеличилась еще больше. Но физически он был совсем опустошен. Ритуалы хаджа, интенсивная деятельность Рузи и сильная жара все они заставили его похудеть.

Два друга решили полететь из Джидды в Бейрут. В то время, когда вы приезжали в саудовский аэропорт, то только Бог мог знать, когда на самом деле вылетит ваш самолет. Какое-то влиятельное лицо из саудовской королевской семьи могло прибыть в аэропорт и забрать для своих нужд самолет, на котором вы должны были улететь, и вам приходилось ждать дальше. Ситуация эта изменилась только после того, как Фейсал взшел на престол. Прождав несколько дней в аэропорту Джидды, они, наконец, прибыли в столицу Ливана Бейрут.

До Первой мировой войны Ливан был частью Османской империи, которой управляли турки в течение 400 лет. Он был оккупирован французами во время Первой мировой войны и стал независимым только в 1943 году. К тому времени больше половины населения были христианами, а остальные мусульманами. Бейрут, красивый город между морем и горами, был центром отдыха и развле-

чений для богатых арабов. Рузи и Хамид Рашид решили расслабиться и насладиться ливанской кухней. Рузи снова набрал несколько из тех килограммов, которые он потерял в Саудовской Аравии.

Первое посещение Турции

Из Бейрута они полетели в Анкару. Рузи чувствовал волнение, когда он впервые ступил на землю Турции. Это было первое посещение этой страны и для него, и для Хамида Рашида. Рузи тогда и понятия не имел, что он позже проведет больше десяти лет в этом городе. Хотя Анкара была столицей Турции, она в то время по своему размеру все еще была небольшим городом. Мустафа Кемаль Ататюрк и его соратники руководили из этого города турецкой Войной за независимость и впоследствии сделали ее новой турецкой столицей. Только двадцать девять лет прошло с провозглашения Турецкой республики. Сразу же после Первой мировой войны турки прошли самый трудный и критический период в своей истории. Османская империя рухнула, Британия, Франция и Италия заняли турецкую территорию. Поддержанная англичанами греческая армия вторглась на западные территории Турции, мечтая о создании Великой Греции. Победа, одержанная Ататюрком и его соратниками, была победой над империалистической колонизацией.

Турция и Туркестан были сходны друг с другом в отношении языка, религии и культуры. Коренные жители Турции были потомками кланов, которые мигрировали туда из Центральной Азии, начиная с десятого столетия. Центральноазиатские тюрки воспринимали Турцию как часть своей родины, а турок как своих братьев и близких родственников. Во время национально-освободительной борьбы Турции люди Туркестана оказывали искреннюю и сердечную поддержку борцам за независимость. Бухарская Народная республика отправила туркам всю свою казну, накопленную ее ханами и эмирами за столетия. Рузи впервые узнал о Турции от Ногая Ходжи, который рассказывал своим ученикам о Мустафе Кемале и о борьбе, которую тот вел против захватчиков его страны.

Во время Второй мировой войны правителям Турции удалось остаться нейтральными и этим спасти свою страну от огромной катастрофы. В те годы, когда они боролись в Туркестанском легионе, в умах Рузи и его друзей всегда возникал вопрос: что они сделали бы, если бы нацистская Германия решила напасть на Турцию? Они решили, что в этом случае они при первой возможности перейдут на турецкую сторону. Проблему эту обсудили в НКОТ, и немецкое Верховное главнокомандование было проинформировано, что легионеры ни при каких обстоятельствах не будут воевать против Турции. Председатель НКОТ по-

сетил Турцию в 1942 году, и во время своих переговоров с турецкими чиновниками он заявил: «Если немцы откроют новый фронт против Турции, то солдаты-туркестанцы никогда не встанут на сторону Германии». К счастью, такая ситуация никогда не возникла.

В изменяющемся послевоенном мире Турция теперь пыталась развивать свои отношения с Западом. Турция попросила о вступлении в НАТО, Организацию Североатлантического договора, чтобы гарантировать свою безопасность против Советского Союза, но в 1950 году ее просьба была отклонена. Стремясь найти союзников против Советского Союза и в нетерпеливом желании присоединиться к НАТО, Турция послала турецкую бригаду на помощь поддерживаемой США Южной Корее, которая подверглась нападению Северной Кореи, за которой стоял Советский Союз.

(Всего в Корейской войне участвовало около 20 тысяч турецких военнослужащих. 717 турок погибли. – прим. перев.)

На последующем заседании Совета НАТО было решено, что Турцию следует пригласить в НАТО, и 18 февраля 1952 года Турция стала членом НАТО. Это уменьшило страх советского нападения на Турцию, потому что Устав НАТО предполагает, что нападение на одну страну блока рассматривалось бы как нападение на все другие страны-участницы, и они пришли бы ей на помощь. Рузи был среди многих, которые почувствовали себя более уверенными.

Во время этого посещения Анкары Рузи встретился с профессором Ибрагимом Яркином и профессором Саидом Али Анкарой. Ибрагим Яркин родился в 1902 году в Ташкенте. В 1922 его послали в Берлин на учебу, и с 1929 года он принимал активное участие в туркестанском националистическом движении. В следующем году он приехал в Турцию и стал профессорским ассистентом на кафедре животноводства университета Анкары. В 1951 он возглавил эту кафедру. Рузи, Хамид Рашид и эти два профессора обменялись представлениями о действиях НКОТ и о работе, которую нужно было делать за границами Туркестана.

Рузи особенно хотел посетить профессора социологии Тахира Шакира Чагатая, которому Эргаш Шермат и Баймирза Хаит писали после войны письма, безуспешно предлагая, чтобы он взял на себя руководство туркестанским освободительным движением. Чагатай был еще одним из студентов, посланных на учебу в Германию в начале 1920-х годов, и он работал в журнале «Молодой Туркестан». В 1931 году он женился на Саадет Исхаки, дочери Гаяза (Аяза) Исхаки, одного из лидеров Идель-Уральского движения, и в 1939 году они переехали в Турцию.

Гаяз (Аяз) Исхаки (1878-1954)

Поработав некоторое время советником в турецком министерстве сельского хозяйства, он в 1948 году получил должность на кафедре языков, истории и географии в университете Анкары. Но Рузи не смог повидаться с ним, поскольку как раз в это время Чагатая не было в Анкаре.

Конечным пунктом назначения Рузи был Стамбул. Там он посетил Абдулвахаба Октая и его жену Саиде, которая тоже была туркестанкой. Они переехали в Турцию в 1939 году. До тех пор Абдулвахаб в течение десятилетия редактировал журнал «Молодой Туркестан» в Германии.

Рузи и Хамид Рашид также посетили узбекскую «текке» – суфийскую обитель – в районе Ускюдар и встретились с Наджмеддином-эфенди, ее шутивным и остроумным шейхом. Эта текке занимала важное место в отношениях между Турцией и Центральной Азией. В 1752 году ее основали бухарские дервиши из суфийских братств Ясави и Накшбанди. Во времена Османской империи паломники, совершавшие хадж из Центральной Азии, останавливались в Стамбуле, перед тем как двинуться дальше в Мекку и Медину. Им оказывали гостеприимство в текке, после чего шейх текке приводил их к османскому султану. Во время турецкой Войны за независимость эта текке была одним из самых важных шта-

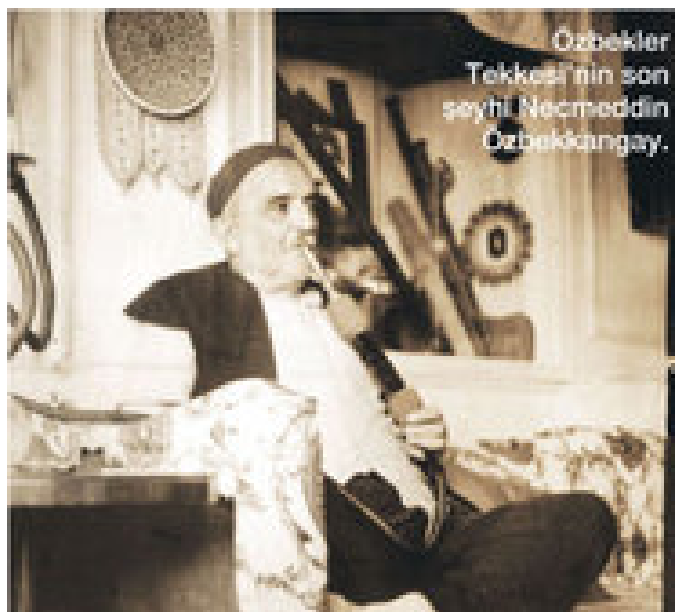

Узбекская суфийская обитель (текке) в стамбульском районе Ускюдар (современный вид)

Шейх Наджмеддин посмотрел на Рузи пронизывающим взглядом, который, казалось, прошел прямо сквозь него, и сказал ему, что у него впереди была длинная жизнь, и что в последующие годы он возвратится в Турцию и останется там на длительное время. Он также сказал ему, что его мать в Маргилане все еще была жива и здорова, и что она молилась каждый день за своего сына. Рузи слышал о людях, у которых была способность чувствовать вещи, которые другие не могли видеть, способность, которую буддисты называют «третьим глазом», а суфии называют ее «глазом сердца». Он спросил шейха Наджмеддина, увидит ли он когда-нибудь снова свою родину и свою мать.

- Рузи-джан, иногда мы можем говорить всякий вздор, – ответил шейх. Иногда мы понимаем это правильно, а иногда нет. Так давай попытаемся ответить на твой вопрос и увидим, правильно ли мы это сделаем. Новые дела ждут тебя в Вашингтоне. Ты должен быть готов к ним. Много лет спустя наступит день, когда ты вернешься на свою родину. Тебя там будут приветствовать толпы людей. Я не могу сказать, увидишь ли ты свою мать, Тажинису-ханум, но свою сестру Шамсихон ты встретишь снова.

Рузи не сказал шейху Наджмеддину имя своей матери или своей сестры. Они никогда не встречались прежде, и он пришел в текке, не предупредив о своем посещении. Тогда как же шейх мог знать их имена?

Шейх Наджмеддин-эфенди (1902-1971)

Как и Алтынхан Тюре предсказывал во время их паломничества в Мекку, шейх Наджмеддин сказал, что он верит, что Советский Союз однажды рухнет, не из-за войны или внешнего нападения, но распадется из-за внутреннего упадка. Годы должны будут пройти прежде, чем это произойдет. Но он был единодушен с Тюре: – Не останавливайтесь. Делайте все, что вы можете, чтобы подорвать Советы, поскольку это жестокая система, и ваш долг – трудиться для ее разрушения.

Все, что шейх Наджмеддин сказал в тот день Рузи, позднее исполнилось до последней буквы. Но тогда почему он сказал: «Иногда мы понимаем это правильно, а иногда нет»? Рузи позже узнал причину этого. Мусульманские святые мужчины считают нежелательным показывать, что у них есть способность предсказывать будущее. Шейх не зря сказал: «Иногда мы можем говорить всякий вздор», чтобы скрыть тот факт, что он пророчествовал.

Рузи и Хамид Рашид пробыли в Стамбуле почти неделю. В те дни Стамбул еще не был уродливым лесом многоквартирных домов. Население города лишь немногим превышало полмиллиона, разделенное на старый город внутри стен, Кадикёй и Ускюдар на азиатской стороне, и Эюп на европейской стороне. Они посетили дворец Топкапы, где веками жили османские султаны, Софийский собор и другие мечети и памятники. Затем они полетели в Мюнхен на другом винтовом самолете.

Новая встреча с Вели Каюм-ханом

В Мюнхене Рузи увиделся со старыми друзьями, родителями своей жены и некоторыми другими родственниками жены, и встретился с разными другими людьми, которые помогали ему после войны. Они вместе вспоминали былые времена. Он договорился с Хамидом Рашидом, что они потом встретятся в Гамбурге, где Хамид Рашид навещал родственников своей белорусской жены.

Друзья в НКОТ пригласили Рузи посетить их в Миндене, где они расположились в здании, которое раньше принадлежало высокопоставленным нацистам, но потом было конфисковано британской армией. НКОТ издавал в Миндене свой журнал «Национальный Туркестан» на турецком, арабском и английском языках, но вынужден был прекратить выпускать арабскую и англоязычную версии из-за финансовых затруднений. Хуссан Икром и Эргаш Шермат встретили Рузи в том, что тогда было крошечным аэропортом Дюссельдорфа. В первый день Рузи остановился в офисе НКОТ. С Эргашем он вспоминал годы войны, а с Хуссаном те два послевоенных года, которые они вместе провели в Розенхайме.

На следующий день Вели Каюм-хан пригласил Рузи на обед в своем доме в Дюссельдорфе. Когда Рузи пришел к нему в дом, он увидел, что профессор Ибрагим Яркин, с которым он встречался в Анкаре, тоже был там. Профессор Яркин приехал в Германию как гость одного немецкого университета и хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы посетить Каюм-хана. Они дружили, но были серьезные расхождения во мнениях между Каюм-ханом и профессором и его коллегами.

Профессор Яркин позже так говорил об этих разногласиях: «Когда Вели Каюм приехал в Турцию после начала войны, он встретился с нами и попросил, чтобы мы присоединились к национальному движению. Но мы – и, прежде всего, Тахир Чагатай – как члены Туркестанского национального союза, не считали политику Германии по отношению к тюркским землям, которые были узниками СССР, приемлемой. Германия завоевала Крым, но не дала ему независимость.

Она завоевала Украину и Балтийские государства и превратила их в колонии. Когда Тахир сказал это, Каюм-хан ответил, что немцы обещали ему, что они предоставят Туркестану независимость. У него на самом деле был один документ, якобы доказывавший, что немцы признали Туркестан независимой страной, и подписанный различными людьми. Но я не знал, кем были подписавшие этот документ. Он нас не убедил. Поэтому мы не приняли предложение Каюм-хана».

В тот вечер они обсуждали людей, с которыми Рузи встретился в своем путешествии. Вели Каюм-хан сказал: – Рузи, ты долго разговаривал с нашей молодежью в Саудовской Аравии, и ты сказал им: «Держитесь подальше от НКОТ и не связывайтесь с работой комитетов». Как ты мог так поступить? Я от тебя такого никогда не ожидал.

Рузи был чрезвычайно расстроен. Он сказал, что Каюм-хана неправильно проинформировали, и что он ничего подобного не говорил. – Я встречался с ними не один раз, а много раз, – сказал Рузи. – Мы напечатали 250 000 листовок и раздали их паломникам. Но я попытался объяснить этим молодым людям, что саудовское государство – абсолютная монархия, и что даже саудовским гражданам абсолютно запрещено создавать какие-то организации, и поэтому они должны действовать чрезвычайно осторожно, чтобы они действительно могли продолжать свою работу без помех.

Вслед за этим Каюм-хан показал Рузи письмо, присланное Каюм-хану из Саудовской Аравии. Молодой человек, который написал его, дал в нем совершенно бессмысленный рассказ о случившемся. Рузи сказал, что Каюм-хан знал его много лет, и что он не должен обращать внимание на такую ложь.

Каюм-хан заметил, что он установил прекрасные отношения с руководителями саудовского государства, и что ничего плохого не могло бы произойти с этими молодыми активистами. Но уже довольно скоро после этого правота Рузи была доказана, когда молодые люди, работающие на НКОТ в Саудовской Аравии, были арестованы саудовскими службами безопасности. Так закончилась деятельность НКОТ в этой стране. Этой горячей перепалке в доме Вели Каюм-хана в Дюссельдорфе суждено было оказаться последней встречей Рузи с ним.

12. БАНДУНГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Рузи едет на Бандунгскую конференцию

Рузи прочел в газетах, что в индонезийском городе Бандунг в апреле 1955 года должна была состояться конференция неприсоединившихся стран.

(Конференция стран Азии и Африки, общеизвестная как Бандунгская конференция, проходила с 18 по 24 апреля 1955 года. В ней участвовали делегации 29 стран, представлявших более половины населения земного шара. – прим. автора).

Индия, Пакистан, Индонезия, Остров Цейлон (ныне Шри-Ланка), Бирма и Египет недавно сбросили с себя колониализм, и группа лидеров этих стран – индеец Джавахарлал Неру, президент Индонезии Сукарно и глава Египта Гамаль Абдель Насер – обсуждали потребность создать блок стран, которые не присоединились бы ни к восточному, ни к западному блокам, противостоящим друг другу в Холодной войне. В газетных сообщениях говорилось, что Тунис, Алжир и Марокко, тогда все еще французские колонии, будут присутствовать в Бандунге как наблюдатели.

Рузи подумал, что, поскольку его страна была колонией России, то он должен был найти какой-то способ, чтобы посетить Бандунгскую конференцию как наблюдатель и представитель. Один его друг предположил, что он мог бы поехать на конференцию как корреспондент какой-нибудь газеты. Рузи встретился с некоторыми индонезийскими дипломатами в мечети в Исламском центре в Вашингтоне. Он навестил их и собрал информацию об истории Индонезии и об ее политическом, экономическом и социальном положении. Рузи подготовил анализ для ЦРУ, объясняя важность Бандунгской конференции в эру Холодной войны. Конференция, как ожидалось, должна была принять резолюции, осуждающие колониализм, и нужно было приложить усилия, чтобы включить в это осуждение также колонизаторский Советский Союз. Отчет принес желаемый эффект, и ЦРУ решило финансово поддержать авантюру Рузи в Бандунге.

Решив свою финансовую проблему, Рузи затем стал думать о том, как он мог бы получить приглашение в Бандунг. Информацию об Индонезии, в которой он нуждался, он получил от своих контактов в индонезийском посольстве. Премьер-министр Индонезии Састроамиджойо был другом Советского Союза и Китайской Народной Республики, и президент Сукарно находился под его влиянием. Однако бывший индонезийский премьер-министр Мохаммад Натсир критически смотрел на СССР и Китай. Натсир был теперь председателем партии Машуми,

умеренной исламской партии, которая была самой большой политической силой в Индонезии. Меньшая социал-демократическая партия была также настроена против Советов и Китая. Рузи подумал, что, как только он приедет в Индонезии, он сможет связаться с ними и с их поддержкой принять участие в конференции в качестве наблюдателя.

Мохаммад Натсир (1908-1993)

Приблизительно за две недели до начала конференции Рузи вылетел из Нью-Йорка до Сан-Франциско, а оттуда на Гавайи. Во время этого долгого путешествия он разговорился с пассажиром, сидящим рядом с ним. Этот молодой американец был идеалистом, который занимался помощью слаборазвитым странам, страдавшим от голода и эпидемий. Рузи объяснил своему попутчику, почему он летит в Индонезию. Молодой человек сказал, что он друг бывшего американского сенатора Гомера Фергюсона, которого президент Эйзенхауэр назначил послом на Филиппинах, и который сейчас был со своей женой в отпуске на Гавайях. Если бы Рузи захотел, то этот американец мог бы устроить ему встречу с Фергюсоном. Фергюсон был влиятельным человеком в американской политике, так что Рузи принял предложение.

На Гавайях Рузи проинформировал Фергюсона о Советском Союзе и объяснил причины своего желания посетить Бандунгскую конференцию. Он сказал, что Советский Союз и красные китайцы попытаются эксплуатировать конференцию для своих собственных политических целей, и что у европейских союзников

США все еще были колонии в Азии и Африке. Ситуация в тех странах будет обсуждаться на конференции, и они будут осуждены. Он продолжил: – Самая беспощадная страна-колонизатор сегодня – это Россия. Пять центральноазиатских республик, Балтийские страны, Южный и Северный Кавказ, и Украина – территория общей площадью приблизительно восемь миллионов квадратных километров – все они колонизированы Россией. Тот факт, что Советский Союз и Китайская Народная Республика – колонизаторские страны, должен быть включен в повестку дня конференции, и эти государства должны быть осуждены. Вот для чего я собираюсь работать в Бандунге.

Посол выслушал его с интересом и пообещал, что он привлечет внимание Вашингтона к этой проблеме. Его секретарь тщательно делал заметки. Из Гавайев Рузи должен был полететь в Манилу, столицу Филиппин, а затем в Джакарту, индонезийскую столицу. Посол сказал, что он с женой тоже собирается лететь в Манилу через два дня, и что, если Рузи хочет, он мог бы полететь с ними. Рузи с удовольствием согласился и сказал, что это было бы честью для него. Посол обменял билет экономического класса Рузи на билет первого класса. Рузи поблагодарил его, и они попрощались до новой встречи в самолете. Благодаря этому Рузи смог побыть еще два дня на Гавайях. В то время они были еще раем на земле, не испорченным ужасными домами. Он катался по острову и наслаждался, одновременно готовясь к Бандунгу.

Большой винтовой самолет доставил их в Манилу. В салоне первого класса были места максимум для шести человек. Днем пассажиры первого класса могли хорошо проводить время в изящно меблированном помещении, где им подавали еду и напитки. Ночью здесь были кровати, на которых они могли спать. Когда он сел в самолет, Рузи заметил, что среди других пассажиров первого класса была Элизабет Тейлор. Актрисе тогда было только двадцать три года, и она уже была знаменитой красавицей. Она уже развелась с Конрадом Хилтоном-младшим, ее первым мужем, и вышла замуж за второго, актера Майкла Уайлдинга. На борту самолета Рузи привлек к себе ее интерес. Они болтали и вместе пили шампанское. В ту ночь, когда стюардессы готовили кровати для пассажиров, Рузи сказал им громким голосом: – Пожалуйста, приготовьте кровати так, чтобы, по крайней мере, мои ступни и ступни Элизабет могли касаться друг друга. Другие пассажиры ответили взрывом смеха.

Когда они приземлились, посол предложил Рузи остаться в Маниле еще на несколько дней. Но в то время из Манилы в Джакарту летал только один самолет в неделю. Дата открытия конференции быстро приближалась. Рузи поблагодарил посла и сказал, что ему нужно отправляться в поездку немедленно.

Когда Рузи зашел на самолет, летящий из Манилы в Джакарту, он столкнулся с одним своим знакомым, индонезийским дипломатом, которого он встречал в мечети Исламского центра в Вашингтоне. Молодой индонезиец был сыном одной из самых богатых семей его страны. Он оставил свой дипломатический пост, чтобы управлять торговыми фирмами, принадлежавшими семье. Он летал в Японию, чтобы посетить офис своей компании в Токио и установить там деловые связи, и теперь возвращался домой. Рузи объяснил своему попутчику, что он хотел делать в Джакарте. Но он сказал, что он все еще не был официально приглашен на конференцию. Попутчик Рузи дал ему телефон председателя партии Машуми и бывшего премьер-министра Индонезии Мохаммада Натсира.

Когда Рузи прибыл в Джакарту, он связался с Натсиром и договорился о встрече.

Мохаммад Натсир был очень культурным человеком, мусульманином, который был решительным противником всех форм экстремистских взглядов и колониализма, и с уважением относился ко всем религиям. Когда Сукарно, лидер, который привел Индонезию к независимости, и которому индонезийцы дали титул «Отца страны», начал подпадать под влияние Али Сastroамиджойо, симпатизировавшего России и Китаю, Натсир перешел в оппозицию к президенту.

Мохаммад Натсир очень хорошо знал, что исламский Ренессанс возник в Средневековье благодаря ученым из региона Трансоксиана в Центральной Азии.

- Вы – сын земель, которые родили великих суфиев, правоведов, богословов, философов, математиков и астрономов. Я знаю, что ваша страна – колония Москвы. Я использую все влияние, которое у меня есть здесь, чтобы попытаться помочь вам, – сказал он. Его слова вселили в Рузи надежду и храбрость.

Натсир добавил, что он хорошо знал президента Сукарно, но между ними были серьезные разногласия. Он попросил бы помощи для Рузи не у Сукарно, а скорее у вице-президента, профессора Мохаммада Хатты. Натсир сказал, что поговорит в этот же вечер со своим другом, профессором Хаттой, и позвонит организаторам конференции сразу же на следующее утро.

Мохаммад Хатта (1902-1980) в 1950 году

Утром следующего дня Рузи позвонили из пресс-центра конференции и попросили, чтобы он пришел и забрал свое приглашение как наблюдателя, делегированного от Туркестана. Рузи узнал, что для него зарезервирован номер в отеле в Бандунге, в котором должна была проходить конференция. Мохаммад Натсир позвонил председателю отделения партии Машуми в Бандунге и попросил его позаботиться о Рузи во время конференции и оказывать ему любую помощь, которая может понадобиться.

Бандунгская конференция

В Бандунгской конференции участвовали двадцать девять независимых стран Азии и Африки. Те, кто присутствовал как наблюдатели, не имели права выступать или голосовать, но могли принимать участие в любых мероприятиях по своему выбору вне собственно сессий. Рузи начал со встречи с наблюдателями из Туниса, Алжира и Марокко. Он сказал им, что его страна тоже является колонией, и попросил их помощи, чтобы Советы и Китай были официально осуждены конференцией. Он помог бы им добиться такой же резолюции против Франции.

Председатель партийной организации партии Машуми в Бандунге все время поддерживал контакт с Рузи. Он от имени своей партии разговаривал с другими делегатами из мусульманских стран и постоянно держал Рузи в курсе. Рузи узнал от него, какие делегации были просоветскими и прокитайскими, а какие были противниками СССР и КНР. Он встретился с главой иракской делегации, председателем Комитета по иностранным делам иракского парламента Мухаммедом Фадхелем аль-Джамали, и с министром просвещения этой страны. Оба иракца ощущали беспокойство из-за активных действий Советского Союза на Ближнем Востоке. Рузи уже усовершенствовал и доработал то заявление, которое он и Хамид Рашид подготовили во время хаджа. Он дал копию текста иракцам. – Было бы очень хорошо, если бы туркестанская проблема была бы обсуждена на конференции, – сказал он аль-Джамали. Аль-Джамали ничего не ответил, только с улыбкой кивнул головой. Рузи позже увидел, что он был одним из тех, кто во время конференции наиболее жестко и страстно говорил о туркестанской проблеме.

Самым популярным человеком на конференции был Джавахарлал Неру, который возглавлял индийскую делегацию. Главой египетской делегации был полковник Насер, теперь новый правитель страны, ее президент и председатель Революционного совета. Другим членом делегации был Анвар Садат, который в будущем после смерти Насера станет его преемником в качестве главы государства. Во главе филиппинской делегации был министр иностранных дел генерал Ромуло. Пакистан направил большую делегацию во главе с премьер-министром Мухаммадом Али Богрой. Рузи встретился с ним и получил от него обещание поддержки и приглашение посетить Пакистан. Он также подружился с тайским министром иностранных дел. Министр иностранных дел Турции Фатин Рюшту Зорлу руководил турецкой делегацией.

Самолет, который вез делегацию Китайской Народной Республики, разбился в авиакатастрофе, все его пассажиры погибли. За день до начала конференции в Бандунг прибыла вторая китайская делегация, возглавляемая их премьер-министром Чжоу Эньлаем. Али Састроамиджойо приветствовал Чжоу у двери его самолета. Индонезийское правительство выделило китайцам одну из самых красивых вилл в Бандунге, и, хотя другие члены китайской делегации поселились там, сам Чжоу там не жил. Самым богатым промышленником и бизнесменом Индонезии был китаец, и он поселил Чжоу на своей собственной вилле.

На второй день конференции Чжоу Эньлай попросил слова и произнес речь. Глава правительства самой густонаселенной страны в мире был одет чрезвычайно скромно, в рубашку без воротника, простую военную куртку без знаков различия и простые брюки. Он говорил очень медленно. Рядом с ним стоял пе-

реводчик, американский китаец, который переводил речь Чжоу на английский язык пословно. В этой речи из уст Чжоу ни разу не прозвучали слова «Советский Союз». Он сказал, что Китай всегда будет стоять на стороне стран, которые освободились от колониализма и достигли независимости, и он жестко раскритиковал те страны, у которых все еще были колонии в Азии и Африке. Он сказал, что в пределах границ Китайской Народной Республики тоже были меньшинства. Из этих меньшинств тибетцы и уйгуры обладали всеми правами на своих территориях в составе Китая и жили в мире. Они управляли своими собственными делами, и их национальные языки были официальными языками наряду с китайским языком. У них были школы, которые обеспечивали образование на их национальных языках. Они по своей собственной воле приняли решение жить вместе с китайцами в границах Китайской Народной Республики.

На самом деле, конечно, кровь, пролитая китайскими армиями, когда они оккупировали Тибет в начале 1950-х, еще не высохла. Восточный Туркестан был захвачен войсками Мао Цзэдуна в октябре 1949 года, и борьба уйгуров за право жить свободно и в гуманных условиях в своей собственной стране была жестоко подавлена китайской армией. Десятки тысяч были убиты и еще тысячи арестованы. Весь мир знал, что Тибет и Восточный Туркестан были колониями. Чжоу лгал прямо в лицо делегатов.

Флаг Восточного Туркестана

Борец за свободу Восточного Туркестана казах Оспан-Батыр Исламулы (1899-1951), публично расстрелян китайцами в Урумчи 29 апреля 1951 года

Рузи чувствовал, что необходимо что-то сделать, чтобы противостоять лжи Чжоу. Рузи не имел права выступать на самой конференции, но он мог организовать пресс-конференцию для журналистов, которые приехали со всего мира, чтобы освещать события. Среди них были и около тридцати журналистов из СССР.

Рузи рассказал пресс-центру о своих планах, и они сообщили журналистам и делегатам о пресс-конференции, которую устраивает Рузи Назар, делегат-наблюдатель из Туркестана и бывший офицер Туркестанского легиона. Тем временем председатель отделения партии Машуми в Бандунге всего за полчаса до предусмотренного начала пресс-конференции сообщил Рузи, что из Турции приехал северокавказский гость по имени Саид Шамиль. Он не мог участвовать в конференции, поскольку он не был приглашен.

Мухаммад Саид Шамиль (1901-1981)

Рузи сказал председателю, что он должен сразу же привести этого гостя в зал и посадить его рядом с самим Рузи на пресс-конференции. Мухаммад Саид Шамиль был внуком шейха Шамиля, национального героя Северного Кавказа, который боролся за его независимость против царской армии. Саид Шамиль хотел приехать в Бандунг вместе с уйгурским лидером Исой Юсуфом Алптекином, бывшим премьер-министром Восточно-Туркестанской республики, которая была уничтожена китайскими войсками в 1949 году. Но только один Шамиль смог получить визу, поскольку китайское правительство оказало давление на индонезийское правительство, чтобы то не дало Алптекину визу. Они вместе приехали из Стамбула в Карачи, где Алптекин снова обратился за получением визы и получил отказ. Уйгурский лидер решил ждать возвращения Шамиля в Пакистане.

Иса Юсуф Алптекин (1901-1995)

Рузи посадил Саида Шамиля по правую сторону от себя и начал говорить, поприветствовав свою аудиторию.

- Я не говорю по-китайски, – сказал он, – но слово «лай» в имени господина Чжоу Эньлая означает на английском языке «ложь». Я говорю это, потому что distinguished премьер-министр начал свою речь со лжи и закончил ее ложью. Разве армии Китайской Народной Республики не захватили Тибет самым кровавым способом и не покончили с его независимостью? Разве Китай не превратил Тибет в китайскую колонию? Разве Организация Объединенных Наций не осудила эту оккупацию? Разве территории Восточного Туркестана не были всего шесть лет назад оккупированы войсками Китайской Народной Республики, и правительство Восточного Туркестана было распущено? Разве эта конференция не была созвана для того, чтобы отвергнуть колониализм и осудить колонизаторские страны? Я резко осуждаю Францию за то, что она все еще оккупирует Тунис, Алжир и Марокко, как и другие страны Запада, у которых есть колонии. Но в то же самое время я осуждаю Советский Союз и Китай, которые являются самыми большими колонизаторами. Я поражен тем, что премьер-министр может говорить ложь перед всем миром, смотря прямо в глаза делегатам из двадцати девяти стран, и я чрезвычайно резко осуждаю его.

Когда Рузи закончил эту речь, он сказал: – Мой друг здесь хотел бы теперь дать вам больше информации о советском колониализме, – и уступил трибуну Саиду Шамилю. Саид произносил свою речь по-турецки, и переводчик, который приехал с ним, переводил его слова с турецкого языка на английский.

Новости о пресс-конференции Рузи появились в газетах всего мира на следующий день. Еще даже до завершения конференции Рузи достиг своей цели, по крайней мере, частично. Его аргумент, что Советский Союз и Китайская Народная Республика были колонизаторскими странами, был широко освещен в мировой прессе.

Однажды Рузи встретил главу турецкой делегации Фатина Рюшту Зорлу. В ходе конференции Зорлу утверждал, что нейтралитет и неприсоединение были ошибкой во время Холодной войны, пока Советский Союз и Китай сохраняют свою агрессивную позицию. Он образовал блок вместе с Ираком, Пакистаном и Островом Цейлон. Против этого блока организовалась группа, состоящая из Индии, Китайской Народной Республики, Индонезии, Египта и Бирмы. Зорлу объяснял, что после Второй мировой войны безопасности Турции серьезно угрожал Советский Союз, и что в результате этой угрозы Турция была обязана вступить в НАТО. Он заявил, что, если неприсоединившиеся страны организуют отдельный блок, это просто послужит экспансионистской политике Советского Союза. Зорлу сказал Рузи, что то, что он сделал на конференции, было превосходно, и попросил его продолжать в том же духе. Он объяснил, что Турция не могла поддерживать его открыто, боясь, что Советы могли бы обвинить Турцию в активной поддержке пантюркизма. Рузи был рад, что министр иностранных дел Турции так откровенно говорил с ним и продемонстрировал ему такую симпатию и заинтересованность.

Фатин Рюшту Зорлу (1910-1961)

На конференции происходили жесткие споры между группой, возглавляемой Турцией, и государствами, примыкающими к Индии, но десять пунктов, которые были согласованы, были провозглашены в итоговом заявлении. Благодаря усилиям Рузи и его друзей были осуждены все колонизаторские и империалистические страны, включая Советский Союз и Китайскую Народную Республику. Заявление гласило, что многие бывшие колонии стали независимыми государствами, что империалистические страны потеряли свою монополию на власть там, и что колониализм и расизм были отвергнуты. Там также говорилось, что нужно создавать и укреплять экономические и культурные отношения между обществами, и что нужно поддержать Палестину в ее конфликте с Израилем.

Рузи удалось не только добиться осуждения советского колониализма. Он также смог сделать так, что Туркестан, который включал пять советских республик, впервые был представлен на международной конференции, пусть даже только как наблюдатель. Туркестанский вопрос попал в международную повестку дня. Рузи встретился и близко пообщался почти со всеми делегатами и проинформировал их о советском и китайском колониализме, о проблеме национальностей в Советском Союзе и о нарушениях прав человека в советских и китайских колониях.

Перед отъездом из Джакарты Рузи еще раз посетил Мохаммада Натсира. Натсир расспрашивал своего молодого гостя о Туркестане. Он сказал ему, что он восхищается суфиями Центральной Азии и что он хотел бы однажды посетить Самарканд и Бухару, поскольку они принадлежали к числу самых важных центров исламской культуры. Он попросил у Рузи дополнительную информацию о Туркестане и туркестанской проблеме. Как только Рузи возвратился в Вашингтон, одним из его первых дел было отправить Натсиру множество книг и документов о Туркестане и о Советском Союзе.

Пока проходила Бандунгская конференция, Советский Союз торопливо устроил свою собственную конференцию в Нью-Дели в Индии. На нее были приглашены известные писатели из пяти центральноазиатских республик и многих других азиатских стран. Встреча была направлена на объединение стран Третьего мира в Организацию солидарности стран Азии, связанную с Москвой. Среди приглашенных были Зульфья, самая известная поэтесса и писательница Узбекистана, поэт Мирзо Турсунзаде из Таджикистана, а также казахские, киргизские и туркменские авторы. На второй конференции два года спустя в Каире, которую посетили пятьсот делегатов из стран Африки и Азии, название организации было изменено на Организацию солидарности народов Азии и Африки. Анвар Садат, будущий президент Египта, был назначен ее генеральным секретарем.

После Бандунга

После конференции министр иностранных дел Таиланда отвез Рузи в своем собственном самолете, чтобы Рузи смог посетить его страну. Рузи пробыл в Таиланде одну неделю. Король и королева Таиланда были в то время очень любимы простыми людьми. В Бангкоке Рузи читал группе тайских дипломатов лекции о Советском Союзе.

Рузи пообещал премьер-министру Пакистана, что он поедет туда после своего посещения Таиланда. Саид Шамиль и Иса Юсуф Алптекин ожидали его в Карачи. Алптекин рассказал Рузи о притеснениях со стороны китайских коммунистов в Туркестане, и о том, как китайцы уничтожали уйгуров, населявших свои земли в течение нескольких тысяч лет и в прошлом создавших там могущественные цивилизации. Синьцзян-Уйгурский автономный район, как эту территорию теперь называли, занимал площадь 1,6 миллионов квадратных километров и был богат ураном, газом и нефтью. Пекинское правительство систематически переселяло туда этнических китайцев (хань), и уйгуры становились меньшинством и гражданами второго сорта.

Рузи сказал Алптекину, что невозможно добиться успехов в борьбе против Китая путем вооруженной борьбы. Единственный способ получить какие-либо результаты состоял в том, чтобы постоянно информировать мировое общественное мнение и так создать международное давление на китайцев. Он сказал ему, что с этой целью им следует сотрудничать с движением за независимость Тибета.

Во время этого посещения Рузи также встретился с премьер-министром Пакистана Мухаммадом Али Богрой. Из Карачи Рузи отправился в Анкару, где он снова навестил своих старых друзей профессора Ибрагима Яркина и профессора Тахира Чагатая и объяснил им, что он делал в Бандунге. Эти два ученых следили за событиями на Бандунгской конференции в прессе. Они обняли его, высказали свои поздравления и выразили желание, чтобы его хорошая работа продолжилась. Рузи, сказали они, добился большого успеха.

После короткой поездки в Стамбул, где он встретился с туркестанцами, которые читали о его работе на Бандунгской конференции в турецкой прессе, Рузи продолжил свой путь в Мюнхен. Там он увиделся с коллегами, которые работали для Радио «Свобода» в Институте по изучению истории и культуры СССР. И радиостанцию, и институт контролировали и финансировали из Вашингтона, что было частью новой американской стратегии, принятой после того, как правительство США поняло, что оно не получает и не получит результатов от сотрудничества с Американским комитетом по освобождению от большевизма. Более пятидесяти специалистов работали в Институте по изучению СССР, подавляющее большинство их составляли беженцы из Советского Союза. В 1955 году институт начал публиковать ежеквартальный журнал на турецком языке и ежемесячные бюллетени на английском и немецком языках. Редактором журнала был Мустафа Эдиге Кырымал, в то время как Николай Голай отвечал за бюллетень.

Мустафа Эдиге Кырымал (1911-1980)

Институт издавал книги и проводил конференции. С 1958 года он публиковал англоязычный журнал «East Turkic Review», посвященный регионам, где жили тюркские народы. Темирбек Девлетшах был его редактором. Рузи поздравил Эдиге Кырымала с успехом его журнала, и Мирзабалу Мамедзаде, своего друга, азербайджанского ученого, с публикацией его превосходного исследования.

Пока Рузи был в Бандунге, президент Американского комитета по освобождению от большевизма и помощник государственного секретаря позвонили ему и попросили о встрече, когда он вернется в Вашингтон. После возвращения Рузи президент Американского комитета сказал ему, что он добился большого профессионального успеха, но спросил, почему он все еще не работает с их комитетом. Рузи ответил, что неоднократно говорил на эту тему с ответственными людьми, и что причина была вполне ясна. Если русские эмигрантские организации в структуре комитета согласятся с тем, что, как только Советский Союз рухнет, нерусские республики смогут немедленно стать независимыми, тогда препятствие исчезнет. В противном случае для него было бы невозможно работать с ними.

Представителем от Государственного департамента в комитете был Эрик Кунихал, американский дипломат финского происхождения. Кунихал окончил военное училище Уэст-Пойнт, после чего американское правительство дало ему и четырем другим молодым офицерам специальную подготовку, чтобы они могли

стать экспертами по Советскому Союзу. Позднее Кунихал служил американским консулом в Риге, столице Латвии, одной из Балтийских республик. Он много знал о национальном вопросе и испытывал симпатию к республикам Центральной Азии. Рузи часто встречался с Кунихалом, сотрудничал с ним в некоторых проектах, и стал другом его семьи.

Во время Бандунгской конференции Мухаммед Фадхель аль-Джамали, глава иракской делегации, пригласил Рузи в Ирак и попросил, чтобы он прочитал в Багдадском университете серию лекций о национальном вопросе в Советском Союзе. Так в конце 1955 года Рузи прилетел в иракскую столицу и встретился с аль-Джамали, который поручил одному молодому члену иракского парламента заботиться о Рузи и помогать ему во всем, в чем он нуждался. Рузи провел неделю в Багдаде, проводя дискуссии со студентами и преподавателями в университете и читая лекции о Советском Союзе.

Однажды вечером этот парламентарий пригласил Рузи пойти с ним в один дом в Багдаде на правом берегу Тигра. Они ловили карпов в реке. Там был разведен костер, и им подавали закопченную на этом костре рыбу. Помимо Рузи там было двадцать пять гостей из различных арабских стран. Они разговаривали между собой на арабском языке, и иракский парламентарий переводил на английский язык для Рузи. Эти люди упоминали Насера с восхищением и верили, что он совершит великие дела для арабского мира. Рузи понял из их беседы, как популярен был Насер в их странах.

Мухаммед Фадхель аль-Джамали (1903-1997)

Рузи попрощался с аль-Джамали, выразив надежду, что они встретятся снова, а затем вернулся в Вашингтон. Два года спустя ему довелось снова поехать в Багдад.

В 1958 году просоветский генерал Абд аль-Карим Касим устроил кровавый государственный переворот и сверг правительство. Члены королевской семьи были жестоко убиты. Премьер-министр Нури аль-Саид был привязан к хвосту лошади и разорван на части. После этого кровавого переворота Рузи задался вопросом, что случилось с его другом аль-Джамали. Наконец, он узнал, что аль-Джамали, который был популярен среди простых иракцев, скрылся, и, в конечном счете, нашел способ перебраться за границу. Он обосновался в Тунисе. Рузи смог переписываться с ним, но эти два человека никогда больше не встречались.

13. РАБОТА ПОД ПРИКРЫТИЕМ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

26 декабря 1957 года, вслед за Суэцким кризисом, в Каире собралась конференция Организации солидарности народов Азии и Африки. Были приглашены представители государств, левых партий и движений за национальную независимость, которые поддерживали борьбу против западного колониализма. Полковник Насер хотел продемонстрировать Великобритании и Франции, которые вторглись в Египет в 1956 году во время Суэцкого кризиса, что его страну не удастся подвергнуть изоляции. Его военные советники предложили ему, чтобы конференция приняла решение о создании постоянного генерального секретариата в Каире, который контролировали бы египетские офицеры. Египет, таким образом, был бы в состоянии направлять движения за национальную независимость и получил бы большое преимущество над западными колонизаторами.

Больше пятисот делегатов из сорока шести стран Азии и Африки приняли участие в конференции. Иран, Саудовская Аравия, Пакистан, Филиппины и Турция не участвовали. Главой советской делегации был Шараф Рашидов, председатель Президиума Узбекской ССР, одной из самых важных из пятнадцати советских союзных республик. Анатолий Софронов, редактор «Огонька», одного из наиболее важных советских журналов, тоже был там. Чтобы особо подчеркнуть, что Центральная Азия не колония, Москва позаботилась о том, чтобы включить в состав делегации большое количество жителей Центральной Азии и азербайджанцев, а также много мусульман. Первый секретарь ЦК комсомола Узбекистана Каюм Муртазаев присутствовал там, и много писателей и поэтов из этих регионов, включая Зульфию и Турсунзаде.

Конференция эта была продолжением Бандунга, и Рузи хотел посетить также и ее, представляя свою страну. Он был приглашен как наблюдатель президентом каирского университета Аль-Азхар и главой ведомства по делам религии Египта. Он остановился в том же отеле, что и советская делегация. Рузи подготовил заявление, которое описывало советский колониализм в его стране, перевел его на арабский и английский языки, и раздавал делегатам на конференции. Большинство центральноазиатов в советской делегации боялись встречаться с ним, но некоторые из них были достаточно храбры, чтобы разговаривать. Шесть туркестанцев, которые жили в Саудовской Аравии, узнали, что Рузи был наблюдателем на конференции и навестили его в Каире. Однажды утром, когда они сидели в вестибюле гостиницы, вошел Рашидов, глава советской делегации. Рузи сказал его гостям, кем он был, и когда Рашидов проходил мимо них, они сказали ему на узбекском языке: – Брат мой, пожалуйста, давайте выпьем чаю вместе. Мы узбеки, живущие в Саудовской Аравии. Рашидов вежливо отказался, сказав, что он ждал кого-то, и действительно вскоре после этого появился Софронов, и они оставили фойе вместе. Рузи понял, что Рашидов был смущен его присутствием, и что он не хотел, чтобы Софронов увидел, что он встречается с туркестанцами из Саудовской Аравии.

У Рузи действительно была возможность несколько раз встретиться с Муртазаевым, председателем ЦК комсомола Узбекистана. Муртазаев был добродушным человеком с легким характером. Он ходил в сауну отеля, он мог шутить и болтать с другими делегатами, и по вечерам он пил пиво в гостиничном баре. Муртазаев сказал Рузи, что они понимали проблемы Советского Союза и Центральной Азии, и что они знали все о массовых казнях в сталинский период, но он чувствовал, что они могли бы чего-то добиться для своей страны, оставаясь внутри системы и приобретая влияние. Муртазаев действительно продолжал делать партийную карьеру. В 1959 году он стал заместителем председателя ЦК комсомола всего Советского Союза. Но в последующие годы Муртазаев исчез из виду. Он был назначен партийным секретарем незначительного города в Узбекистане, где он заболел и умер в сравнительно раннем возрасте. Советской системе было трудно переваривать интеллектуалов из Центральной Азии, таких как Муртазаев, которые чувствовали беспокойство и сомнения из-за своей национальности.

(Автор ошибается, говоря о том, что Муртазаев «исчез из виду». В 1960-1965 он был первым секретарем Ташкентского горкома партии, в 1965-1977 – первым секретарем Бухарского обкома партии, в 1977-1982 был Председателем государственного комитета труда и социального обеспечения Узбекской ССР, т.е. занимал достаточно важные должности в республиканской иерархии Узбекистана. Он умер в 1982 году в возрасте 56 лет. – прим. перев.)

Зульфия принадлежала к немногим людям на конференции, которые не боялись встречаться с Рузи. Она была одним из самых популярных поэтов не только в Центральной Азии, но и во всем Советском Союзе. Ее стихи переводились на многие языки. Зульфия родилась в 1915 году и вышла замуж за человека по имени Хамид Алимджан, который погиб, попав под трамвай в Ташкенте в 1944 году. Ходили слухи, что из-за того, что он был противником режима, его бросили под трамвай агенты ГПУ. Другой слух утверждал, что он совершил самоубийство, потому что был несчастлив.

Поэтесса Зульфия Исраилова (1915-1996)

В беседе с Зульфией, которая была классической центральноазиатской красавицей, Рузи затронул тему Хамида Алимджана. Ее глаза наполнились слезами. – Мы были так счастливы, почему мой муж покончил с собой? – спросила она. Рузи из сочувствия к ней сменил тему. Но он понял, что Зульфия намекнула на то, что ее мужа убили. Много лет впоследствии всякий раз, когда Рузи вспоминал эту встречу, его охватывала грусть. В другой раз он сказал ей, что надеялся, что их собственная родина однажды снова станет независимой. Зульфия нервно осмотрелась по сторонам и сказала: – Интересно, увидим ли мы те дни или нет, и затем быстро ушла. Рузи подумал, что он зря расстроил ее. Смерть ее мужа нанесла Зульфие сильный удар. Горечь утраты и ее горе можно было ясно почувствовать в ее стихах. Однако она действительно дожила до того момента, когда ее страна стала независимой еще до своей смерти в 1996 году.

Другим человеком, который с радостью часто встречался с Рузи в Каире, был председатель казахского колхоза. Он был высоким, отеческим, веселым человеком, который добился больших успехов в своем колхозе и получил звание Героя Социалистического труда. Однажды, когда Рузи спросил, не боится ли он, что его видят с ним так часто, он с улыбкой ответил: – Я нашел здесь брата, которого ветры перемен занесли сюда с родины, и я помогаю ослабить его ностальгию. Разве вы не знали, что казахи совсем не знают страха?

Одним из самых интересных лиц в советской делегации был Зияуддин Бабаханов (Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан), глава Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Он был мусульманским священником, как и его отец, Эшон Бабахан Абдулмажидханоглу, сотрудничал с Коммунистической партией в советский период и интерпретировал ислам в духе партийных указаний. Бабаханов родился в 1908 и изучал исламское богословие и арабский язык и литературу в управляемом коммунистами Узбекистане. В 1940-х годах партия направила его на учебу в египетский университет Аль-Азхара, который он окончил в 1947 году. Между 1941 и 1943 годами он был секретарем религиозной администрации в Узбекистане, и с 1943 по 1957 год он был заместителем председателя Духовного управления мусульман и членом исполнительного комитета Советского комитета защиты мира. Под маской религиозного деятеля он на самом деле являлся важным советским функционером, подстрекающим враждебность к религии в интересах Коммунистической партии, и одним из самых важных агентов ГПУ и позже КГБ.

На Каирской конференции Бабаханов был избран членом исполнительного комитета. Когда Рузи встретил его, Бабаханов сказал ему, что в Советском Союзе существует полная свобода вероисповедания, и что было бы большим грехом обвинять коммунистов в том, что они враги религии. Именно Ленин дал советским мусульманам их свободу. Он объяснял, что западные империалисты хотели превратить Среднюю Азию и Казахстан в свои колонии и проводили кампанию лжи и клеветы против Советов. Рузи сказал Бабаханову, что ввиду того, что он был старше его по возрасту и занимал очень важный пост, он считал, что обязан был быть почтительным к нему, но что он сам знал о притеснениях, которым подвергались ислам и его духовенство. На это Бабаханов возразил, что Коммунистическая партия защищала настоящих мусульманских священнослужителей, но приняла меры против реакционного исламского духовенства, которое обманывало людей и эксплуатировало их. Когда Рузи сказал, что за время советского периода Коммунистическая партия закрыла больше тридцати тысяч храмов, Бабаханов ответил, что эти мечети были закрыты, потому что они представляли собой центры эксплуатации и мятежа. Он добавил, что сделав этот шаг, Комму-

нистическая партия воспрепятствовала тому, чтобы людей обманывали священнослужители, которые эксплуатировали ислам.

Поднимаясь, Бабаханов сказал, что пришло время для ятсы намаза, мусульманских ночных молитв. Он сказал, что будет молиться за Рузи и просить, чтобы Аллах показал ему правильный путь. Рузи обратился к нему: – Пожалуйста, помолитесь Аллаху так: Кто бы ни находился на кривом пути, пусть Бог покажет ему истинный путь.

Махмуд Айкарлы и Мубаширхан Тарази

Во время конференции Рузи случайно стал свидетелем важной встречи, и это позволило ему установить, что одной из ведущих фигур движения за независимость Туркестана в Афганистане и арабских странах был агент КГБ. Махмуд Айкарлы был важным сотрудником советской разведки, работающим за границами СССР. Он приехал в Иран из Советского Союза в 1931 году и завоевал доверие муфтия Садреддин-хана, одного из видных лиц в туркестанском движении за независимость. Затем он в течение двадцати четырех лет работал на советскую разведку в Афганистане, Иране и Пакистане. Во время Второй мировой войны он завоевал доверие немецкого посольства в Афганистане. Он снабжал немцев некоторой информацией, известной советской разведке, и затем передавал назад в Москву информацию о немецких антисоветских действиях в регионе. Ему также удалось стать представителем НКВД в том, что стало Пакистаном, и держать КГБ в курсе деятельности НКВД там. В 1955 году Айкарлы уехал из Пакистана, намереваясь направиться сначала в Турцию, а затем в Германию, но передумал и поехал из Ирана в Советский Союз с помощью советского посольства в Тегеране.

С помощью советских агентов в афганском правительстве Айкарлы сделал так, что Садреддин-хан был вынужден проживать в городе Герате в 1944 году, что не давало ему возможности активно работать. Письмо, написанное Садреддин-ханом Мустафе Шокаю, показывает, что Айкарлы был сделан лидером туркестанского национально-освободительного движения в Афганистане с одобрения и по совету муфтия. Как человек, хорошо знакомый с делами муфтия, он установил контакт с посольствами Германии, Японии, Турции и Великобритании, передавая им информацию, о которой руководство КГБ-ГПУ было осведомлено, и взамен этого получая от тех ценную информацию, которую он передавал Советам. За годы его деятельности такие действия Айкарлы привели в советских республиках Центральной Азии к смерти большого количества людей, которые были связаны с освободительными движениями за рубежом. После возвращения

в Советский Союз ему дали важный пост в КГБ и наградили Орденом Ленина за заслуги. На самом деле он был отозван из-за бегства на Запад высокопоставленного офицера КГБ-ГПУ, который знал, что Айкарлы был советским агентом.

В Афганистане Айкарлы был в контакте с членом туркестанского национально-освободительного движения по имени Мубаширхан Тарази. Тарази был важным духовным лицом, и он обладал влиянием на афганскую королевскую семью, потому что он учил юных членов семьи арабскому и персидскому языку и литературе. Во время Второй мировой войны он был назначен руководителем вооруженного антисоветского сопротивления, которое немцы пытались организовать в Туркестане с людьми бывшего Бухарского Эмирата, которые сопротивлялись советскому правлению до 1920-х годов, с бывшими лидерами басмачей и солдатами из Туркестанских легионов. Операции дали кодовое название «Ганза». Немецкий посол в Кабуле Ганс Пильгер поддерживал связь с Тарази.

Тарази был крайним консерватором в религиозных вопросах. Он обычно описывал «Молодой Туркестан» как «безбожный журнал» и называл его слишком либеральным. Позднее Тарази переехал в Каир и поселился там.

Во время Каирской конференции 1957 года однажды поздно ночью Рузи возвращался в свой номер из гостиничного бара и случайно увидел муфтия Зияуддина Бабаханова и, позади него, младшего сына Мубаширхана Тарази, с большим трудом несущего два больших чемодана. Бабаханов и молодой человек озирались, чтобы удостовериться, что в фойе отеля никого не было, и затем вышли наружу. Рузи стоял за колонной, и они его не заметили. Куда муфтий обширных земель Средней Азии и Казахстана мог идти с молодым человеком в этот поздний час? Рузи вышел из отеля как раз вовремя, чтобы увидеть, как эти двое сели в такси. Он вскочил в другое такси и сказал водителю, который говорил по-английски, что старик был болен, и его нельзя было оставлять одного, поэтому им нужно следовать за его такси. Они долго ехали по пустынным каирским улицам. Потом такси, за которым они следовали, остановилось перед каким-то зданием. Муфтий и молодой человек вышли из машины и вошли в дом. Рузи расплатился со своим таксистом, и тут же нашел себе место, откуда он легко мог наблюдать за тем, что происходило в доме.

Мубаширхан Тарази приветствовал гостей, обняв муфтия так сердечно, как будто тот был его самым старым другом, и они начали долгий разговор. Рузи не мог слышать, о чем они говорили, но он мог видеть, что Тарази говорил, а муфтий непрерывно делал заметки. В какой-то момент муфтий открыл чемоданы и вытащил оттуда нечто, что походило на драгоценные подарки для Тарази. Прежде, чем они уехали, Тарази дал муфтию свернутые в трубку листы бумаги. Рузи не

мог видеть, что было написано на этой бумаге, но для него не составляло труда предположить, что это была информация и отчеты, подготовленные для КГБ. Самой важной деятельностью советской разведки было внедрение агентов, и по опыту и знаниям в этой области КГБ-ГПУ превосходил все другие разведки в мире. Деятельность Махмуда Айкарлы была столь же важна, что и деятельность Кима Филби.

После возвращения в Соединенные Штаты Рузи принял меры, чтобы вопрос Мубаширхана Тарази подвергли тщательному изучению, и, к сожалению, его подозрения оказались правильными. Тарази, один из самых важных людей в движении за независимость Туркестана, друг Махмуда Айкарлы, фаворит афганской королевской семьи, учитель афганских принцев и профессор в университете Аль-Азхара, как оказалось, был советским агентом.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Всемирная федерация демократической молодежи была организована в 1945 году в Лондоне под контролем КГБ и ГПУ, и в сложившейся сразу после Второй мировой войны ситуации она быстро расширялась. Но когда началась Холодная война, значительное количество ее западных участников покинуло организацию.

Самым важным действием, организованным этой федерацией, был Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который впервые был проведен в Праге в 1947 году с участием 17 000 делегатов из семидесяти одной страны. Эти фестивали, проводившиеся каждые два года, были чрезвычайно важным пропагандистским инструментом Советского Союза, и до 1957 года они прошли по очереди в разных городах восточного блока – в Будапеште, Восточном Берлине, Бухаресте, Варшаве и Москве. С помощью фестиваля советский блок демонстрировал миру значение, которое он придавал молодежи и искусству. Пропагандируя советскую систему среди десятков тысяч молодых людей из различных стран, СССР пытался привлечь на свою сторону азиатскую и африканскую молодежь, возможных будущих правителей их стран, вызвать у них симпатию к коммунизму. Советская делегация на фестивале была отобрана из молодых людей, которые были самыми успешными в комсомоле и самыми лояльными к коммунистической идеологии. Они также использовались для разведывательной деятельности.

В 1959 году седьмой Всемирный фестиваль молодежи и студентов впервые проходил в городе западного блока, в Вене, и это было очень важно для обеих сто-

рон. Советский Союз потратил 56 миллионов долларов на этот проект, огромная сумма на то время. Были отправлены приглашения почти 20 000 молодым людям, членам социалистических молодежных и студенческих организаций в их странах. Советский Союз был самым большим участником с делегацией из 360 человек. ЦРУ проявило большой интерес к этому событию, как и австрийские разведывательные службы. Благодаря своим коллегам в австрийской разведке Рузи был приглашен на фестиваль как наблюдатель. Кроме того, он включил своих собственных контактных лиц в американскую делегацию, которая состояла, главным образом, из спортсменов и людей искусства. Председателем советской делегации был Каюм Муртазаев, узбек, который раньше был первым секретарем ЦК комсомола Узбекистана и теперь стал вторым секретарем общесоюзного комсомола. Советская делегация также включала первого секретаря ташкентского комсомола Убайдуллу Абдураззакова и председателя наманганского комсомола. Абдураззаков был литавристом делегации, тогда как наманганский председатель был там как телохранитель узбекского ансамбля народных танцев «Бахор» («Весна»). Много лет спустя, когда Узбекистан получил независимость, Рузи и Абдураззаков стали близкими друзьями. Но в 1959 года, хотя сердца их обоих лелеяли мечту о независимости своей страны, они были в различных лагерях. Во время фестиваля Абдураззаков встретил двух узбеков, которых Рузи внедрил в американскую делегацию. Он тайком намекнул им, что желание независимости было все еще живо в стране, и что сопротивление против большевизма продолжалось. Когда Узбекистан действительно стал независимым, Абдураззаков стал первым министром иностранных дел своей страны и позже ее послом в Турции.

Контактными лицами Рузи в американской делегации были два этнических узбека: Исокжон Нарзикул, который был рабочим на машиностроительном заводе в Филадельфии, и Али Жон, который родился в Индии, вырос в Турции и затем изучал инженерное дело в Германии. Позже он переехал в Америку и получил работу в узбекской редакции «Голоса Америки». Он не видел своей матери с тех пор, как уехал в США, и попросил, чтобы для него купили авиабилет Джидда – Вашингтон. Рузи провел для этих двух человек короткий инструктаж и сказал им, чтобы они были осторожны.

Нарзикул и Али Жон прибыли в Вену отдельно от Рузи. Они вступили в контакт с узбеками из советской делегации, ели и пили водку с ними, а потом рассказывали Рузи о том, что они узнали из этих бесед.

Али Жон обладал замечательными талантами. Он прекрасно научился всем западным танцам и даже использовал это свое умение в ночных клубах Германии. Женщины специально приходили в такие клубы, чтобы потанцевать с ним, и

хозяева клубов платили ему за это. В Вене Али Жону удалось получить много информации от красивых девушек в советской делегации, которые восхищались им за его умение великолепно танцевать.

Тем временем Рузи познакомился с красивой женщиной из восточногерманской делегации, которая работала со штатом КГБ в администрации фестиваля, и он убедил ее передавать информацию и ему тоже. В то же самое время офицеры КГБ в советской делегации пытались вербовать молодых людей из делегаций других стран, которых они могли бы использовать в качестве агентов разведки после того, как те вернутся домой.

С помощью коллег из австрийской разведки Рузи удалось попасть в лагерь, где проживал ансамбль народного танца «Бахор». Он представился как сын узбекских родителей, которые обосновались в Вене еще в царские времена. Однажды вечером Муртазаев, глава советской делегации, обедал с другими участниками делегации, включая Убайдулла Абдуразакова, и также с Исокжоном Нарзикулом и Али Жоном. Он сказал этим двум, что слышал, что Рузи был в Вене и что он хотел бы встретиться с ним, но они ответили, что не знали его. Они поступили так, потому что Рузи попросил их быть очень осторожными. Когда много лет спустя Абдуразаков встретил Рузи снова, он сказал ему, что Муртазаев знал о том, что Рузи был в Вене, и что Исокжон и Али работали на него. Ему сообщил об этом КГБ в Москве.

На фестивале были также члены Коммунистической партии Турции (КПТ, по-турецки ТКР). Во время Холодной войны КПТ считалась «пятой колонной» Москвы, и ее деятельность в Турции была запрещена. Ее генеральные секретари жили в России или Восточной Германии и работали из Восточного Берлина. В Турции службы безопасности следили за коммунистами и арестовывали их при любой возможности. Самые масштабные аресты произошли в 1951 и 1956 годах. Когда генеральный секретарь КПТ доктор Шефик Хюсюн Дегмер умер в тюрьме в Манисе в 1958 году, его преемником на этом посту стал Якуп Демир. (Это псевдоним, использованный старым турецким коммунистом Зеки Баштимаром, слово «Демир» означает «железо», и этот псевдоним был, вероятно, выбран в подражание Сталину – прим. перев.). В 1960 году Демир сбежал из Турции и после этого продолжил свою работу в Москве и Восточном Берлине. Радиостанции, контролируемые КГБ, вещали на западные страны, подобно тому, как Радио «Свобода» и Радио «Свободная Европа» делали это под контролем ЦРУ. Самыми важными из станций, вещавших на Турцию, были «Голос КПТ» и «Radio Bizim» («Наше радио»). У Московского радио тоже были свои собственные передачи на турецком языке.

Во время фестиваля Рузи сконцентрировался на действиях членов КПТ. На фестиваль приехало много молодых людей из Турции, а также молодые курды из Турции, Ирана, Ирака и Сирии. КПТ отбирала членов турецкой делегации. Во время конференции КПТ устроила секретную встречу в Вене, в которой приняли участие курдские делегаты из Турции, Ирака, Ирана и Сирии. На этой встрече прошли дебаты о том, будут ли у вооруженного курдского движения в Турции какие-либо шансы на успех в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Общим мнением было то, что таких шансов нет. В результате было решено сконцентрироваться на работе в Ираке.

Когда Мехабадская курдская республика, поддерживаемая Советским Союзом, была создана в декабре 1946 года, Молла Мустафа Барзани был ее главнокомандующим в звании генерал-майора. Президент Трумэн оказал давление на Москву, в результате чего Мехабадской республике в 1947 году пришел конец. Тогда Барзани вместе с 500 вооруженными мужчинами ушел в Советский Союз через Иран и Турцию. Когда генерал Касим захватил власть в Ираке, и королевская семья и члены правительства были казнены, Барзани достиг соглашения с ним и еще раз вернулся в Ирак. Там он организовал отряды Пешмерга, курдских вооруженных формирований. Его младший сын Масуд вместе с ним отвечал за военные вопросы. В последние годы своей жизни, полной непрерывной борьбы, Барзани удалось увидеть, что курды северного Ирака получили определенные права в автономном регионе. Таким образом, результаты решений, принятых на той венской встрече, начали проявляться спустя долгое время. Даже в те годы, еще до того, как он поехал в Турцию, Рузи осознавал, что однажды курдская проблема причинит Турции серьезную головную боль.

Встреча с Назымом Хикметом

В Вене Рузи с удивлением узнал, что турецкий поэт Назым Хикмет приехал в этот город, чтобы принять участие во Всемирном фестивале молодежи и студентов. Рузи знал имя Назыма еще с юности. Его стихи публиковались в советских литературных журналах в 1930-х годах. Рузи любил его как поэта и человека искусства, но не соглашался с его политическими взглядами. Особенно ему не нравились политически мотивированные стихи Назыма, где поэт восторгался коллективизацией и восхвалял до небес советскую компартию и русский пролетариат. По мнению Рузи, они могли быть хорошо написаны, но их содержание было извращенным.

Назым впервые приехал в Москву с высокими идеалами в 1921 году, когда интеллектуалы были все еще опьянены Октябрьской революцией, и во всем мире

разгоралась борьба против колониализма и эксплуатации. До революции Ленин описывал царскую Россию как самую большую в мире тюрьму народов. Угнетение Центральной Азии царской Россией было хуже всего того, что европейские колонизаторы делали в Азии и Африке. Народы Центральной Азии были рабами, лишенными всех естественных человеческих прав и свобод. Ленин и его коллеги оказали поддержку туркам в их Войне за независимость, и интеллектуалы Азербайджана, Туркестана и Башкортостана поддерживали большевиков в первые годы русской революции. Мирсаид Султан-Галиев в Казани, Ахмет-Заки Валиди Тоган в Башкортостане, Нариман Нариманов в Азербайджане, и Турар Рыскулов, Файзулла Ходжаев и Акмаль Икрамов в Туркестане и сотни других прислушались к призывам Ленина и заняли посты в его партии.

Назым Хикмет изучал экономику и политологию в Коммунистическом университете трудящихся Востока, который был создан в Москве в 1921 году. Этот университет был самым важным из четырех университетов, работающих под покровительством Коммунистического интернационала. Много лет спустя этому университету дали имя Патриса Лумумбы, конголезского лидера, который боролся против бельгийского империализма и добился независимости для своей страны. Многие будущие лидеры Африки и Азии учились в университете трудящихся Востока. Среди них были китаец Лю Шаоци, который следовал линии Москвы, когда возник китайско-советский раскол, объявил о своей оппозиции Мао и был убит, индийский коммунист Манабендра Нат Рой, и турки Шевкет Сюрейя Айдемир, Вала Нуреттин и лидер компартии Исмаил Билен.

До своего побега из Турции в Советский Союз в 1951 году Назым Хикмет провел большую часть своей жизни в тюрьме. В тяжелых условиях тюрьмы ему, конечно, было трудно следить за процессами в Советском Союзе или узнать, что КПСС больше не была партией Ленина. Для него Советский Союз все еще был родиной народов всех колоний в мире.

Назым Хикмет (1902-1963)

Рузи понимал все это и чувствовал уважение к великому поэту и восхищение им. По мнению Рузи, восстание против несправедливости нужно уважать. Он сам когда-то одно время работал вместе с нацистами, чтобы бороться против несправедливости, и разве теперь он не сотрудничал с американцами? Много лет назад он прочитал «Эпопею Войны за независимость» и сказал сам себе, что что-то в этом роде мог написать только действительно великий поэт. Назым начал писать эту поэму в 1939 и, доработав ее в трех разных тюрьмах, закончил ее в 1941 году. Это стихотворение оказало огромное влияние на Рузи.

Рузи был горд и тронут тем фактом, что «Эпопея Войны за независимость» рассказывала историю народного героя Туркестана:

«С прищуренными глазами,
Редкой бородой
И ручным пулеметом,
Туркестанец Хаджи Ахмет брел к горной вершине,
Утром, в полуденный зной, и рано вечером и под лунным светом и в звездную ночь.

Всякий раз, когда дело было худо для наших товарищей,
Он внезапно появлялся, как будто возникал из-под земли,

И стрелял, и рассеивал врага,
И затем снова исчезал в горах».

Рузи любил строки, которые рассказывали, как люди, живущие в Турции, пришли в Анатолию из его собственной страны.

«Скача галопом из далекой Азии,
Ворвавшись в Средиземноморье, как голова кобылы,
Эта земля наша.
С кровавыми лодыжками, со сжатыми зубами, и босыми ногами,
И земля как шелковый ковер,
Этот рай, этот ад – наши.
Закройте двери страны, чтобы они никогда не открылись снова,
Уничтожьте рабство одного человека другому.
Это – наше побуждение –
Жить самостоятельно и свободно как дерево
И также в братстве как лес.
Это – наше стремление».

Рузи думал, что после разоблачений Сталина Никитой Хрущевым на двадцатом съезде КПСС в 1956 году Назым должен был получить представление о реальной жизни Советского Союза в сталинский период. Рузи должен был найти способ поговорить с поэтом, пока тот был в Вене. Когда они столкнулись друг с другом на фестивале, Рузи сказал, что он хотел бы встретиться с ним, и Назым согласился.

Рузи пришел в отель Назыма, как они договорились. Назым поприветствовал молодого туркестанца с теплой улыбкой. Рузи рассказал поэту историю своей жизни и объяснил, что он теперь жил в США, и что в борьбе за независимость своей страны он сотрудничал с американцами. Назым не мог не догадаться, с какой именно американской организацией сотрудничает Рузи.

Назыму Хикмету тогда шел пятьдесят восьмой год. Он был красив и имел талант делать так, чтобы люди расслаблялись и чувствовали себя уверенно в его присутствии. Он ответил, что часто ездил на центральноазиатскую родину Рузи, и

что у него было много друзей в Узбекистане, поэтов и писателей. Он упомянул азербайджанского поэта Самеда Вургуну, который был одним из самых великих поэтов тюркского мира в двадцатом столетии

Рузи мог видеть, что Назым устал, и что годы, проведенные им в турецких тюрьмах, нанесли ему серьезный вред. Назым ничего не сказал о том, был ли он доволен своей жизнью в Советском Союзе. Он просто заметил Рузи, который много лет жил вдали от родины и от своих близких: – Я очень хорошо знаю, что это значит: скучать по родине.

Назым посоветовал ему воспользоваться возможностями, которые открывались для него в США, особенно в образовании. Когда они прощались, Назым посмотрел на Рузи своими голубыми как море глазами и сказал печальным голосом: – Постарайтесь не ввязываться в политику. Не стоит впутываться в политику и есть дерьмо.

Назым добавил еще несколько слов, намекающих на то, что нужно избегать того, чтобы стать игрушкой великих держав и использоваться ими. В сложившейся ситуации нельзя было бы сказать ничего, что было бы более явным.

Рузи из слов и выражений Назыма Хикмета понял, что поэт не был счастлив в Советском Союзе. После распада Советского Союза в 1990-х появились документы, доказывающие, что Рузи был прав. Действительно некоторые из азербайджанских друзей поэта говорили, что он пытался найти способ вернуться в Турцию. (См. мемуары русской вдовы Хикмета Веры Туляковой-Хикмет (1932-2001). – прим. автора).

Исакжон Нарзикул и Али Жон

У Исакжона Нарзикула и Али Жона, которых Рузи внедрил в американскую делегацию на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене, были интересные биографии.

Исакжон Нарзикул был родом из Джизакской области Узбекистана. В 1930-х годах его учителем географии в средней школе был Шараф Рашидов, который в будущем стал первым секретарем ЦК компартии Узбекистана и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

С помощью Рашидова он поступил в Ташкентское военное училище. Когда он еще был курсантом, началась Вторая мировая война. Обучение было ускорено.

Нарзикул стал капитаном в Красной армии и был отправлен на Восточный фронт против немецких войск в Прибалтике.

Как и значительное большинство молодых туркестанцев, Нарзикул был противником России и сторонником независимости своей страны. Однажды он выстрелил себе в ногу из своего револьвера и позволил немцам взять его в плен. Из-за своей позиции ему не пришлось долго мучиться в лагере для военнопленных прежде, чем он вступил в Туркестанский легион. Его послали на курсы в школу в Эльзасе-Лотарингии, где Рузи был инструктором, но он не смог сдать экзамены и был вынужден уехать и стать гражданским лицом.

В то время был серьезный конфликт между СС Гимmlера и немецким Верховным главнокомандованием. У СС не было достаточных знаний в некоторых военных вопросах, поэтому они открыли свои двери бывшим солдатам из легионов. Нарзикул вступил в СС в звании лейтенанта. Туркестанский полк стал частью Войск СС, что было результатом давления Гимmlера на НКОТ. Под командованием Гуляма Алима эта бригада великолепно воевала на Восточном фронте. В действительности в одном случае это была единственная часть, которая смогла прорваться через вражеское окружение и спасти другие подразделения от верного уничтожения. Алим и его офицеры были награждены медалями и премиями. Алим был жестким солдатом с крутым нравом. Когда один узбекский парень изнасиловал немецкую девушку в деревне неподалеку от их окопов, Алим убил его на месте.

Нашивка «Восточнотюркской части Войск СС»

Обергруппенфюрер и генерал войск СС Готтлоб Бергер дал Туркестанскому полку задание в Польше. Во время выполнения этого задания Гулям Алим и офицеры под его командой ограбили польский банк и вернулись в свои казармы в Чехословакии с большим количеством золота. Они считали, что то, что они

сделали, было не воровством, а военным трофеем. Легионеры сражались и одновременно пытались наслаждаться жизнью.

Когда возник спор из-за Власова, Гулям Алим проигнорировал приказы генерала Бергера и отказался присоединиться к Власову. Рождественской ночью его часть, включая Исакжона Нарзикула, перебила немецких офицеров СС и стала партизанами.

Чиновники НКВД нашли эсесовскую шинель Нарзикула в их штабе. Вся шинель была в дырках от пуль. Его земляк Джизакли Шорабай, который работал на пропагандистской радиостанции в Берлине с Эргашем Шерматом, лично видел эти дыры от пуль в шинели. Все предположили, что Нарзикул погиб, и панихида по нему состоялась в Берлине.

В последние дни войны Нарзикул был захвачен в плен солдатами Красной армии, но сумел убежать. Так как он стал партизаном, он не мог перейти на немецкую сторону, а из-за того, что он несколько лет воевал против Красной армии, он не мог вернуться и на сторону русских. Так, наконец, он нашел убежище в католической церкви. Он понравился местному священнику, и тот помогал ему. Исакжон очень хорошо говорил и по-русски, и по-немецки. Он был вообще способен к языкам, поэтому выучил и словацкий язык. И еще Исакжон сказал священнику, что он хотел бы стать католиком, хотя никто позже не был уверен, было ли это по причине убеждения или целесообразности. Он был окрещен и сменил свое имя, став Ильей Нарзиковым.

После войны он обосновался в словацком лагере, принадлежащем ООН, на берегу озера Тегернзее под Мюнхеном. Нуреддин Намангани, один из имамов Туркестанского легиона, сказал Рузи и его друзьям, что Нарзикул жив. Баймирза Хаит и Эргаш Шермат поехали в лагерь и интенсивно расспрашивали его, заподозрив его в том, что он стал советским агентом. Рузи сказал им, чтобы они оставили его в покое и подумали о том, что сами они испытали, живя в условиях войны. Нарзикул, он же Нарзиков, затем иммигрировал в США как часть словацкого иммигрантского контингента. Он стал рабочим на машиностроительном заводе около Филадельфии. После его поездки в Вену с Рузи он вернулся к своей работе на заводе. Владелец завода купил новые станки, чтобы заменить свое старое оборудование. Нарзикул и его друг-венгр собрали по 700 долларов каждый и купили один из старых станков. Два друга поставили станок в гараже дома, в котором они жили, и, придя домой после работы, они продолжали производить свои изделия в гараже уже на своем личном станке и продавали их хозяину завода. Через несколько месяцев венгр скомпенсировал потраченные им семьсот долларов, забрал свою долю прибыли и оставил их партнерство. Нарзи-

кул купил второй, а потом и третий станок. Со временем он вошел в число американских мультимиллионеров. Он помогал деньгами старым друзьям из легиона и руководству НКОТ. Когда Туркестанское общество покупало здание в Нью-Джерси, он тоже оказал обществу практическую помощь.

В то время самое большое беспокойство у Нарзикула вызывал один вопрос: как ему жениться на хорошей женщине из Туркестана. Но женщины подозревали, что он мог на самом деле быть католиком, и не хотели сближаться с ним. На американской авиабазе в Инджирлике в Турции была талантливая и красивая девушка из Туркестана, работавшая секретарем. Она покорила сердца американских женщин там, и они собрали достаточно денег, чтобы послать ее на учебу в США. Нарзикул встретил ее и предложил ей вступить с ним в брак, но она, как и другие, отказалась. Все его богатство никак не помогало решить его проблему. В конце концов, он женился на немецкой девушке, с которой он познакомился на заводе, где он нашел свою первую работу. Он умер от рака в 1993 году. (По другим данным, в 1989 году. – прим. перев.)

Когда он умер, в католической церкви провели по Илье Нарзикову панихиду по католическим обычаям. Позже его старые друзья собрались в его доме и провели исламскую церемонию для него. Один из гостей заметил, что по Исокжону Нарзикулу не был произнесен похоронный намаз. Другой ответил: – Мы совершили похоронный намаз по нему в его отсутствие в Берлине в 1945 году.

Те, кто слышали это, лишь с трудом смогли удержаться от смеха.

Так был ли Исокжон Нарзикул или Илья Нарзиков католиком или мусульманином? Католики воспринимали его как католика, а мусульмане – как мусульманина. Но он верил в единство Бога и в то, что Иисус и Мухаммед были пророками.

Семья Али Жона уехала из Туркестана в 1920-х и поселилась в Индии, где он и родился. Рузи познакомился с ним в Германии, и он позже приехал в Вашингтон с Хуссаном Икромом, чтобы работать на «Голосе Америки», остановившись первоначально у Эргаша Шермата. Али Жон был веселым и остроумным, но у него был один личный недостаток. Он слишком любил хвастаться. Когда Советский Союз распался, и Узбекистан получил независимость, Али Жон начал регулярно летать в Ташкент, где у него были разные маленькие торговые предприятия. Однажды, когда он проходил таможенную в Ташкентском аэропорту, чиновники спросили его, было ли у него что-нибудь для декларации. Он сказал громким голосом: – У меня есть при себе совсем немного денег – не больше 25 000 долларов.

Какие-то люди услышали это и проследили за ним до дома, где он остановился. Они ворвались в дом, убили его ножом и забрали его деньги. Так Али Жон, который любил хвастаться, поплатился за свою ошибку.

14. РУЗИ В ТУРЦИИ: СОЛДАТЫ, ЗАГОВОРЫ И ПОЛИТИКА

Алтемур Кылыч

В 1956 году Рузи и его семья переехали в арендованную квартиру в Арлингтоне на берегу реки Потомак. Именно в это время он познакомился с Алтемуrom Кылычем, который был тогда пресс-атташе турецкого посольства в Вашингтоне.

Алтемур Кылыч был сыном Али Кылыча, героя турецкой Войны за независимость, настоящее имя которого было Эмануллахзаде Асаф-бей. Его отец был главным адъютантом Нури-паши, главнокомандующего Кавказской исламской армией, которая освободила Азербайджан от армянской оккупации. В 1919 году, когда Али Кылыч готовился принять участие в борьбе за независимость, которую Энвер-паша начал в Центральной Азии, он по рекомендации Махмуда Джелаль-бея познакомился в Амасье с Мустафой Кемаль-пашой, будущим Ататюрком. Он присоединился к движению национального освобождения, которое начал Мустафа Кемаль, и организовывал силы борцов за национальную независимость против французов в провинциях Антеп и Мараш. После Войны за независимость Али Кылыч стал президентом судов, известных как Трибуналы независимости. Алтемур Кылыч был бухарским узбеком со стороны матери, и сыном отца, который чувствовал большую любовь к Туркестану.

Алтемур Кылыч (1924-2016)

Селим Сельчук, лидер азербайджанских тюрок в Вашингтоне, был близким другом Рузи и Алтемура Кылыча. Он работал в Национальном научном фонде в Вашингтоне, организации, которая переводит научные работы, изданные в различных странах мира, на английский язык. Друзья регулярно собирались и обсуждали проблемы тюркского мира.

Алтемур Кылыч представил Рузи молодому офицеру по имени Агаси Шен, который был помощником атташе в турецком посольстве. Агаси Шен, в свою очередь, рассказал Рузи об Алпарслане Тюркеше, штабном полковнике, который был направлен в Пентагон как представитель турецкого генштаба при НАТО. Рузи знал его имя из газетных статей, но еще не встречался с ним.

Алпарслан Тюркеш (1917-1997) в молодости

К концу 1944 года, когда стало очевидно, что нацистская Германия проиграет войну, президент Турции Исмет Инёню отдал приказ об аресте тридцати видных турецких интеллектуалов, которые хотели независимости для Азербайджана, Туркестана, Кавказа и земель Идель-Урала и сочувствовали тюркским народам России. Его целью было показать Сталину, что Турция не интересовалась тюркскими сообществами, живущими внутри границ Советского Союза. Среди тех,

кто предстал перед военным трибуналом в Стамбуле, был лейтенант Алпарслан Тюркеш. Процесс закончился его оправданием, и Тюркеш вернулся в армию.

Рузи был знаком с действиями Советов в Турции и других странах, и поэтому он мог видеть, какие большие усилия должна была приложить советская «пятая колонна» в Турции, чтобы добиться ареста Тюркеша и других. Много лет спустя сам Тюркеш говорил об этом так: «Люди, выдвигавшие обвинения, были марксистами и коммунистами, которых контролировали Советы. В это время значительное большинство тюркских народов были пленниками Советов и коммунизма. Коммунисты в Турции были совершенно слепыми сторонниками дружбы с Россией и, следовательно, они пытались напугать людей нашими идеями. Местные марксисты под влиянием советской пропаганды делали все, что было необходимо, чтобы дискредитировать нас. На самом деле мы не одобряли движение Гитлера и считали его вредным. Во время Второй мировой войны мы всегда чувствовали тревогу из-за советского экспансионизма. Мы придерживались взгляда, что если коммунистическое правительство будет сформировано в Турции, то новый режим сдаст Турцию русским. Потому что мы были свидетелями многих примеров этого. Мы видели, как Чехословакия и Польша попали в руки Советов, и тот способ, которым Румыния и Венгрия поддались объятьям Советов. В то время Советы требовали у нас территорию Турции. Вот почему мы выступили против действий коммунистов. Началась критика, что наша позиция была нечестной. Туранизм приравнивали к фашизму. Но по прошествии пятидесяти лет правильность наших взглядов стала очевидной».

Рузи обрадовался, когда Алпарслана Тюркеша направили в Вашингтон. В конце 1955 года Рузи позвонил своему другу Алтемуру Кылычу и пригласил его и Тюркеша на обед в своем доме в Арлингтоне, вместе с Селимом Сельчуком и Агаси Шеном. Линда с их дочерью Сильвией на Рождество уехали в Германию к своей семье. Рузи приготовил прекрасные «мезе» (маленькие закуски) и сварил хороший узбекский плов.

Дружба Рузи с Алтемуром Кылычем продолжалась всю их жизнь. (Кылыч умер на год позже Рузи Назара, 20 октября 2016, прожив 92 года. – прим. перев.) Кылыч позже продолжал занимать высокие посты, такие как пресс-атташе в Бонне, генеральный директор прессы и информации, и посланник в турецкой делегации при ООН. Рузи в 2008 году посетил Кылыча в красивом средиземноморском городе Аланье.

Когда 27 мая 1960 года военные захватили власть в Турции, Агаси Шену предложили место в Комитете национального единства, но он отказался от этого, сказав: «Мы делали революцию не для того, чтобы править страной, но чтобы положить конец раздорам между братьями. Мы обещали людям, что после вмешательства мы вернемся в наши казармы». Председатель Комитета национального единства и исполняющий обязанности главы государства сделал его своим главным адъютантом. Покинув военную службу, Агаси Шен стал генеральным директором Турецких авиалиний. Рузи поддерживал контакт с ним всю свою оставшуюся жизнь, до смерти Шена в начале 1990-х.

После того, как военные в 1960 году взяли в свои руки правительственную власть, Селим Сельчук стал пресс-атташе в Вашингтоне. Он получил эту должность благодаря Алпарслану Тюркешу, который занимал пост заместителя премьер-министра, хотя на самом деле он обладал полномочиями премьер-министра. Однако 13 ноября 1960 года Тюркеш был внезапно отправлен в изгнание в Индию, и Сельчук был снят с своей должности другими членами комитета в ходе чистки властных структур от друзей Тюркеша.

Тюркеш был ключевой фигурой среди офицеров, которые в 1960 году совершили успешный государственный переворот. Его прозвали «сильный полковник революции». Одна из самых интересных личностей в турецкой политической жизни за последнее столетие, он оставил глубокий след в новейшей истории своей страны. Дружба Рузи с ним продолжалась вплоть до смерти Тюркеша в 1997 году.

Военный переворот в Турции 27 мая 1960 года

1959 год Рузи провел в Вашингтоне, читая лекции о Советском Союзе офицерам из государств-членов НАТО. Он часто ездил в Германию и проводил встречи и совещания с Радио «Свобода» и Институтом по изучению СССР в Мюнхене.

В то время на Ближнем Востоке Советский Союз пытался расширить свое влияние в арабских странах. Москва создала военные базы в Египте, Сирии и Ираке, таким образом, Турция оказалась окружена с юга. В Ираке генерал Касим захватил власть в результате кровопролитного путча в 1959 году и затем подписал договор об оборонном и экономическом сотрудничестве с Советским Союзом. В 1952 году Турция была принята в НАТО и тем самым сумела получить гарантию своей безопасности на случай конфликта с Советским Союзом. Именно в этой ситуации Рузи направили в Турцию в декабре 1959 года. Он проработал работником разведки в американском посольстве в Анкаре более одиннадцати

лет, пережив успешный переворот 27 мая 1960, неудачные попытки переворотов 22 февраля 1962 и 21 мая 1963, и удавшийся переворот 12 марта 1971. За эти одиннадцать лет он завел дружбу со многими турецкими политиками, государственными деятелями, деловыми людьми, деятелями искусства, чиновниками и военными. В Анкаре Рузи смотрел на происходящие события глазами правительственного чиновника Соединенных Штатов, одной из двух великих империй в мире, и делал свою собственную оценку этих событий.

Прошло два года с тех пор, как Демократическая партия (ДП) выиграла всеобщие выборы 1957 году, свои третьи выборы, начиная с введения свободных выборов в Турции в 1950 году. Демократическая партия получила 48 процентов голосов и набрала 424 места в Великом национальном собрании, в то время как оппозиционная Республиканская народная партия (РНП) получила 42 процента и 178 мест в парламенте. Общее количество голосов за все оппозиционные партии было больше, чем голосов за Демократическую партию, но избирательная система дала ДП гораздо больше мест в парламенте. Сильная конкуренция между ДП и РНП началась во время избирательной кампании и была еще больше обострена этими результатами. Большинство консервативных народных масс поддерживали ДП, но военная и гражданская бюрократия и огромное большинство образованных людей поддерживали РНП.

Со временем позиция правительства постоянно становилась все более жесткой. Демонстрации, поддержанные РНП и университетскими профессорами, распространились по всей стране. Поездки лидера РНП Исмета Инёню по провинциям Ушак, Кайсери и Стамбул были сорваны народными протестами, подстрекаемыми правительством. Турки, казалось, разделились на два враждебных лагеря. Цензура прессы усилилась, и многие журналисты были арестованы. ДП пыталась ослабить оппозицию всеми возможными средствами. Инёню призвал вооруженные силы страны действовать, и профессора права в Стамбуле опубликовали фетву в пользу вмешательства военных. Непосредственно перед тем, как произошло это вмешательство, Инёню провозгласил следующий призыв с трибуны Великого национального собрания: «Мы говорили, что должен быть демократический режим, и он был установлен. Очень опасно отклонять этот демократический режим от его курса и превращать его в систему притеснения. Если вы продолжите идти по этой дороге, то даже я не смогу спасти вас. Когда условия назрели, революция – это законное право для наций».

Когда демонстрации усиливались, а атмосфера накалялась, Флетчер Уоррен, американский посол, обратился к штату посольства в посольском саду. Уоррен сказал своим сотрудникам, что внутренняя политика Турции проходит через очень напряженный период, и что стабильность этой страны чрезвычайно важ-

на для США. Он выразил желание, чтобы они некоторое время не встречались со своими турецкими друзьями, чтобы самим не подвергнуться опасности ошибочных интерпретаций событий, кроме тех случаев, когда эти встречи будут необходимы для их работы чиновников посольства.

Рузи оставил Линду, их дочь Сильвию и сына Эркина в Розенхайме с отцом Линды, пока дом, в котором они должны были жить в Анкаре, не был готов. Он арендовал дом с садом, принадлежавший бывшему начальнику генерального штаба вооруженных сил, на Третьей улице в районе Бахчелиэвлер. Пока он жил в маленькой квартире в доме рядом с министерством сельского хозяйства. Из-за предупреждения посла он пока ни одному из своих старых друзей не сообщил о своем прибытии в Турцию.

Согласно рассказу Рузи о событиях того времени, утверждение, будто бы переворот 1960 года был спланирован и устроен Соединенными Штатами, совершенно ошибочно. Между правительством США и Турцией царили теплые отношения, и американское правительство относилось к турецкому правительству Демократической партии, к премьер-министру Аднану Мендересу и его коллегам с симпатией. Беспокойство у американцев вызывали левые группы в РНП, а не ДП.

Это верно, что в 1959 году советский посол пригласил турецкого министра иностранных дел Фетина Рюшту Зорлу на обед и начал положительный диалог. В заявлениях, которые сделал позже Зорлу об этом приглашении, он сказал, что правительство ДП попыталось сделать отношения с Советским Союзом более гибкими, но действовало с большой осторожностью. На встрече рассматривались планы визита Мендереса в Советский Союз, а также сотрудничества в различных инвестициях в тяжелую промышленность, но все эти шаги были приняты в тандеме с переговорами с США.

Депеша, написанная послом Уорреном в 1960 году о встрече, которую он провел с Мендересом, утверждает, что премьер-министр не высказывал возражений и не создавал каких-либо проблем в связи с делом самолета-разведчика U-2, который взлетел с авиабазы Инджирлик и был вынужден совершить вынужденную посадку в Советском Союзе. Уоррен говорил, что не могло быть лучшего союзника, чем Мендерес.

(Речь идет о самолете-разведчике U-2, который не «вынужден был совершить вынужденную посадку», а был сбит советской ПВО 1 мая 1960 года в районе Свердловска. Летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс выпрыгнул с парашютом и был аре-

стован. Инцидент вызвал резкое обострение и без того непростых отношений между СССР и США. – прим. перев.)

Сообщение, которое посол отправил в Вашингтон утром 27 мая 1960, в день переворота, звучало так: «Турецкие вооруженные силы захватили власть в 4:00 этим утром в результате чрезвычайно хорошо организованного переворота. Посольство имеет представление, что причиной восстания были исключительно внутренние политические проблемы». В более позднем сообщении посол писал, что его посетили офицеры, входящие в состав Комитета национального единства, и они сказали ему, что переворот был направлен против Демократической партии, а не против США.

В то время не было никакой причины, из-за которой США могли бы почувствовать необходимость спровоцировать государственный переворот в Турции. Среди офицеров, которые осуществили переворот, были люди, желавшие привести РНП к власти. Взгляд американского правительства на РНП, с другой стороны, был менее позитивным. Рузи уверен в том, что лидеры переворота 27 мая 1960 осуществили его по своей собственной инициативе и не были в контакте с какой-либо иностранной державой.

Меньше, чем через шесть месяцев после революции, эти четырнадцать офицеров в Комитете национального единства, которые были предположительно проамериканскими, были арестованы другими членами Комитета и высланы из Турции, что было сделано под маской их назначений «правительственными советниками» в турецкие дипломатические миссии за границей. Эти четырнадцать человек были «вычищены» генералом Джемалем Маданоглу, у которого были превосходные отношения с РНП, и который несколькими годами позже даже был сам вовлечен в неудавшуюся попытку просоветского переворота. Это, конечно, было бы заблокировано американцами, если бы США сыграли какую-то роль в перевороте.

Незадолго до переворота 27 мая девять офицеров турецких вооруженных сил организовали заговор, нацеленный на свержение правительства. Их лидером был подполковник Самет Кушчу. Он начал подозревать, что его коллеги-заговорщики замыслили заговор уже против него самого и поэтому проинформировал о заговоре правительство Мендереса. Сам Кушчу был арестован и приговорен к двум годам тюрьмы. Другие восемь офицеров были оправданы. Это был только один из заговоров, которые возникали внутри турецкой армии с середины 1950-х. Американская разведка, конечно, знала об этих действиях, но она не была вовлечена в них. Американские интересы требовали стабильной Турции. Чтобы не создалось впечатление, будто бы США могли быть как-то свя-

заны с этими переворотами и их лидерами, американский посол предупредил персонал посольства, включая сотрудников ЦРУ, чтобы они не общались с турецкими гражданами, кроме как в случае необходимости.

Это было время государственных переворотов в странах Ближнего Востока. Насер и его коллеги пришли к власти в Египте путем переворота, и точно так же получил власть генерал Касим в Ираке. После этих переворотов Ирак вышел из Багдадского пакта и сблизился с Советами, в то время как Египет установил очень хорошие отношения с Москвой. Эти удачные перевороты, произошедшие в соседних странах, не могли не повлиять на молодых офицеров в Турции. По мнению Рузи, заговоры, организованные в турецких вооруженных силах, были результатом инициатив младших офицеров. Бесконечные ошибки ДП и тот факт, что Исмет Инёню сочувствовал идее революции, подготовили путь перевороту 27 мая 1960.

Одним из самых серьезных недостатков определенных турецких интеллектуалов было то, что они всегда пытались объяснить события какой-то одной единственной причиной. На их взгляд, за любым событием всегда обязательно стоит ЦРУ или КГБ, или какая-то другая темная сила. Они не желали понять, что очень сложные факторы привели к социальным и политическим событиям. Если бы турецкие политики продемонстрировали больше здравого смысла до мая 1960 года и смогли бы понизить высокую политическую температуру в стране, если бы не произошли беспорядки против Исмета Инёню в Кайсери, Манисе и Стамбуле, если бы РНП не распространяла повсюду ложь о том, что сотни молодых людей были измельчены в огромных мясорубках, если бы университетские профессора не публиковали призывы к революции и тем самым усилили напряженность, тогда, возможно, в Турции не начался бы период путчей.

В ночь переворота президент Джеляль Баяр и премьер-министр Аднан Мендерес, а также парламентарии от ДП и генералы, поддерживавшие правительство, были арестованы и доставлены на территорию военной академии. Алпарслан Тюркеш и его друзья поддерживали идею выслать Баяра, Мендереса и пятьдесят других ведущих членов ДП в Швейцарию за счет государства и освободить парламентариев от ДП. Тюркеш высказал эту идею в разговоре с генералом Джемалем Гюрселем, председателем Комитета национального единства, который отреагировал на нее положительно.

Джемаль Гюрсель (1895-1966)

Утром 27 мая различные преподаватели факультета права Стамбульского университета были на самолете доставлены из Стамбула в Анкару. Среди них было много видных турецких профессоров-правоведов. В соответствии с решением Комитета национального единства они сформировали комиссию, которой было поручено составление новой конституции. Члены комиссии сказали, что, если арестованные члены ДП будут освобождены, то переворот потеряет свою легитимность, и поэтому они должны быть отданы под суд.

В Комитете национального единства с каждым днем увеличивались расхождения во взглядах между теми его участниками, которые были связаны с РНП, такими как Сами Кючюк и Джемаль Маданоглу, и группой, возглавляемой Тюркешем и Орханом Кабибаем. Тюркеш и его друзья были против суда над бывшими лидерами Демократической партии. Экрем Аджунер, представлявший в Комитете крыло РНП, и другие все говорили, что «не бывает говяжьих стейков и революций без крови», и что лидеров ДП нужно призвать к ответу. Они пытались, с генералом Маданоглу, передать правление в руки РНП.

Когда заговорщики готовились к перевороту 27 мая 1960, им был нужен высокопоставленный генерал, чтобы быть их лидером. Генерал армии Джемаль Гюрсель поселился в Измире и больше ни во что не ввязывался. Заместитель

начальника Генерального штаба Джевдет Сунай отклонил их предложение. Тогда однажды Орхан Кабибай сказал Тюркешу: – Я знаю генерал-майора Джемалю Маданоглу, начальника службы тыла сухопутных войск, еще по Корею. Давай я пойду и поговорю с ним. Что нам делать? Если не генерал армии, то пусть будет генерал-майор.

Они вместе пошли в офис Маданоглу. Тюркеш ждал в комнате его адъютанта, в то время как Кабибай вошел, чтобы увидеть Маданоглу и поговорить с ним. Он сказал: – Паша, я приехал сюда, чтобы поговорить с вами о некоторых важных вещах, чрезвычайно важных. Если Вы согласны, ответьте только парой слов. Если вы не согласны, то скажите нет. Но то, что я собираюсь сказать, является очень секретным, и все равно, согласитесь вы или нет, но вы должны держать это в тайне. Если вы это выдадите, то будут приняты контрмеры.

После этого Маданоглу вскочил со своего стула, выкрикнув: – О, небеса, парень, да что же ты собираешься сказать?

Кабибай ответил: – Паша, мы собираемся свергнуть это правительство: у нас есть секретная организация. Мы хотим, чтобы вы присоединились к нам. Скажите да, если вы согласны, или скажите нет, если не согласны.

Маданоглу ответил: – Ты несчастный осел. Ты знаешь, что у меня есть яйца, но нет мозгов.

Кабибай ответил: – Ну, у нас есть и то, и другое.

Кабибай дал Маданоглу двадцать четыре часа, чтобы тот мог обдумать это дело. Когда он вернулся, Маданоглу сказал: – Разве храбрость уже мертва, дружище? Я с вами.

После 27 мая, однако, у Маданоглу и его группы, которые были сторонниками РНП, возникли разногласия с Тюркешем.

Джемаль Маданоглу (1907-1993)

После переворота Намик Гедик, который был министром внутренних дел в правительстве Демократической партии, находился под арестом в военной академии. Предполагалось, что он совершил самоубийство, выбросившись из окна. Семья Гедика никогда не верила этому. Хотя прошло более пятидесяти лет, завеса тайны, окутывающей этот случай, так никогда и не была поднята. Рузи считал, что это было убийство.

Позже часто высказывались предположения, особенно среди турецких левых, что Тюркеш работал на американскую разведку. Тюркеш действительно считал, что интересы Турции делали необходимым для нее сотрудничество с Соединенными Штатами. Он был очень хорошо знаком с советским империализмом. Но он никогда не проводил политику подчинения Америке. В тот период, когда ДП находилась у власти, существовало тесное сотрудничество между турецкими службами безопасности и американской разведкой. Американцы устроили свой офис в турецком министерстве внутренних дел, известный как Объединенный рабочий офис против подрывной деятельности (Joint Working Office against Subversive Activities). Через некоторое время этот офис в действительности взял на себя контроль всей корреспонденции министерства. Сразу же после переворота Тюркеш узнал о существовании этого офиса и приказал немедленно закрыть его. Вслед за этим Уильям Х. Дойл, первый секретарь американского посольства, посетил Тюркеша и попросил, чтобы он вновь открыл офис. Тюркеш,

зная, что Дойл был резидентом ЦРУ в Анкаре, дал ему следующий ответ: – Да, что касается сотрудничества против коммунизма. Нет – офису ЦРУ в министерстве внутренних дел.

Эти факты позволяют окончательно опровергнуть утверждения, что переворот 27 мая 1960 года якобы был спровоцирован ЦРУ, а Тюркеш был марионеткой американцев.

Алпарслан Тюркеш

Через один день после переворота одна американка пригласила Рузи в свой дом на обед. Она обосновалась в Анкаре уже много лет назад и говорила на очень хорошем турецком языке. Она восхищалась турецкой культурой и турками, и можно было бы даже сказать, что она сама в некоторой степени превратилась в турчанку. Также на обеде присутствовали некоторые офицеры, недавно вышедшие в отставку. Один из них сказал, что офицером, который утром 27 мая 1960 года объявил по радио о перевороте, был Алпарслан Тюркеш. Именно тогда Рузи узнал, что Тюркеш был одним из самых важных членов Комитета национального единства и даже был лидером переворота. Ему было жаль, что кризис в Турции не мог быть преодолен без вмешательства военных. Но он подумал, что это было хорошо для страны, что именно Тюркеш был вовлечен в это дело.

Алпарслан Тюркеш по радио объявляет о государственном перевороте 27.5.1960

Спустя приблизительно десять дней после этого обеда Рузи возвращался пешком в свою квартиру из известного в Анкаре ресторана «Керпич». Три дочери Тюркеша шли в противоположном направлении, и, когда они увидели Рузи, то узнали его, потому что они познакомились с ним еще в середине 1950-х, когда их отец был представителем Турции в НАТО в Пентагоне. – Дядя Рузи, – сказали они, – какая приятная встреча. Вы уже виделись с нашим отцом?

Рузи сказал девушкам, что он только что приехал в Турцию и поэтому еще не звонил ему, но скоро позвонит.

- Ну, теперь мы вас уже не отпустим, – сказали девушки. – Если наш отец узнает, что мы видели вас и не привели вас к нему, то он расстроится. Так что пойдем, давайте навестим его прямо сейчас. Рузи согласился, и они вместе пошли в офис премьер-министра.

Тогда Тюркеш был официально вице-премьер-министром, но в действительности он исполнял функции премьер-министра, замещая Джемалю Гюрселя. Девушки прошли через многочисленную толпу ожидающих людей, и вскоре после этого Тюркеш появился из своего кабинета, протягивая руки для приветствия и крича: – Добро пожаловать! Он обнял Рузи и спросил, когда он прибыл в Турцию. Рузи сказал ему, что он приехал еще шесть месяцев ранее, но не звонил ему, чтобы предотвратить появление сплетен об американских действиях.

– Я сказал девочкам, что я приехал всего три дня назад, так что, пожалуйста, не говори им, когда я на самом деле прибыл, и не разоблачи меня как лгуна, – сказал он.

Тюркеш спросил Рузи, нашел ли он уже себе жилье и подобрал ли дом, чтобы жить с семьей. Он предложил ему любую помощь, которая могла бы понадобиться.

Рузи видел, что множество людей ждали снаружи, чтобы поговорить с Тюркешем, и поэтому он сказал, что ему нужно уехать. Но Тюркеш не отпустил его, и они побеседовали еще некоторое время. Затем они попрощались, пообещав скоро встретиться снова, как только это будет возможно.

Линда и дети приехали из Германии несколько дней спустя. Семья Тюркеша пришла в дом Рузи, чтобы приветствовать ее. Когда трудный рабочий день Тюркеша заканчивался, он часто приходил к Рузи, чтобы немного выпить и поболтать. Впрочем, Тюркеш был довольно воздержанным, что касалось алкоголя. Их отношения продолжались в таком духе до 3 ноября.

Дочь Рузи Сильвия была хорошей подругой Чагри, дочери Тюркеша. Иногда Чагри оставалась на ночь в доме семьи Назар, а иногда и Сильвия ночевала у семьи Тюркеш. Ночью 3 ноября, когда Алпарслан Тюркеш и его коллеги были арестованы фракцией Маданоглу, Чагри оставалась с Сильвией. Той ночью Тюркеша отвезли на военную авиабазу Мюртед в окрестностях Анкары. Рузи тогда действовал по своей собственной инициативе и заставил американские власти убедить президента Джемалья Гюрсея гарантировать, что четырнадцать арестованных офицеров не будут казнены. Маданоглу и его коллеги были решительно настроены убить задержанных.

19 ноября 1960 года Тюркеша привезли в аэропорт Эсенбога близ Анкары и посадили на самолет в Индию. Так он был отправлен в ссылку за границу как «правительственный советник». На следующее утро после ареста Тюркеша его семью проинформировали, что его любимая лошадь, которая жила в конюшне военной части, больше не могла содержаться там. Рузи взял на себя ответственность за лошадь и поселил ее в конюшню Клуба конного спорта Анкары. Когда Тюркеш, в конечном счете, возвратился в Турцию в 1963 году, Рузи вернул ему его лошадь.

Вождь («башбуг») Алпарслан Тюркеш на фоне символики основанной им Партии националистического движения демонстрирует жест, известный как «знак Серых волков».

Турецкая разведка

Контакты между ЦРУ и разведывательной организацией Турции установились в начале 1950-х годов. В то время турецкая разведывательная служба носила название МАН или МЕН (*Millî Amale Hizmeti* или *Millî Emniyet Hizmeti*), что в переводе означало «Национальная служба безопасности».

(Правительство недавно образовавшейся Турецкой Республики сначала дало своей спецслужбе название МАН, не расшифровывая эту аббревиатуру, вероятно, чтобы сбить с толку своих противников. Все попытки расшифровки этого сокращения посторонними людьми, такие как *Millî Amale Hizmeti* (Национальная служба) и *Millî Asayiş Hizmeti* (Национальная служба поддержки) были неправильными, но само сокращение МАН прижилось, и было известно намного больше, нежели более позднее и корректное МЕН. – прим. перев.)

Корни турецкой разведки уходили на много веков в прошлое. Во времена сельджуков по совету великого визиря Низама аль-Мулька султану Алп-Арслану (правил в 1063-1072) разведка стала постоянным институтом. Османы на протяжении всей своей истории уделяли особое внимание разведывательным службам. На последнем этапе истории Османской империи была создана разведывательная организация в современном смысле, *Teşkilât-ı Mahsusa* (Специальная организация).

(*Teşkilât-ı Mahsusa* была организована в первые годы двадцатого века. Она была значительно более успешна и лучше организована, чем западные секретные службы того же времени. Она появилась на сорок лет раньше ЦРУ и была первой спецслужбой, осуществлявшей успешные спецоперации за пределами своей страны. – прим. автора.)

Эту традицию продолжило Общество «Каракол» (*Karakol Cemiyeti*) во время турецкой Войны за независимость, и позже МАН.

МАН была организацией «де факто», которая работала непосредственно под контролем премьер-министра, но не была официально учреждена соответствующим законом. В начале 1950-х ЦРУ начало сотрудничать с нею. В те же годы капитан Фуат Догу из разведывательного отдела Генерального штаба в сопровождении четырех коллег посетил Вашингтон и прошел там курс обучения в области разведки. Через Тюркеша Рузи познакомился с Фуатом Догу в то время, когда тот был в Вашингтоне. Рузи регулярно исполнял функцию инструктора на курсах для офицеров из государств-членов НАТО, проходивших обучение в Вашингтоне, рассказывая им о Советском Союзе и о национальном вопросе в этой

стране. Тюркеш узнал Фуата Догу во время лекции, которую он давал в Пентагоне. И Тюркеш, и Догу выступали за то, чтобы Турция стала частью западного блока, и за сотрудничество США и Турции, но очень важным для них обоих было то, что ни одна сторона не должна вмешиваться во внутренние дела другой. Именно Тюркеш закрыл офис ЦРУ внутри турецкого министерства внутренних дел.

Мехмет Фуат Догу (1914-2004)

До того, как в 1965 году специальным законом была создана Национальная разведывательная организация или Millî İstihbarat Teşkilâtı (MIT), разведывательная служба продолжала работать как МАН. Главное ее здание располагалось в Анкаре в районе Малтепе. В то время, когда Фуат Догу в звании полковника штаба стал 27 августа 1962 года главой МАН, один этаж этого здания в Малтепе использовался сотрудниками ЦРУ в Анкаре. Фуату Догу удалось заставить ЦРУ покинуть это здание. Тем самым он вернул независимость турецкой разведке.

Все те годы, когда ДП была у власти, противостояние между Соединенными Штатами и Советским Союзом не ослабевало. Безопасность Турции находилась под серьезной угрозой со стороны Москвы. Правительство ДП не имело достаточного опыта в проведении внешней политики в таких обстоятельствах, и, хотя

его намерения были добрыми, в своих отношениях с США оно проводило политику подчинения американцам. Одно письмо, написанное главой резидентуры ЦРУ в Турции Уильямом Х. Дойлом 12 июля 1960 года, в тот период, когда Тюркеш являлся заместителем премьер-министра, демонстрировало степень, в которой турецкая разведка попала под контроль ЦРУ, и то, насколько она зависела от ЦРУ в финансовом отношении.

На процессе против бывших лидеров Демократической партии эту тему затронул Салих Корур, который был заместителем премьер-министра в правительстве Мендереса. Руководители МАН были свидетелями на процессе.

Рузи все время напоминал своим турецким друзьям, что сотрудничество против общего врага было важно для разведывательных организаций разных стран, но каждая страна должна была защищать независимость своей собственной разведывательной службы.

Главным среди офицеров разведки в Турции, которыми Рузи восхищался в то время, был Зия Сельшык, который дважды был главой МАН, с 1960 по 1961 и снова в 1964-1965 годах. Сельшык работал в Обществе «Каракол» во время турецкой Войны за независимость, тайно доставляя оружие националистическим войскам в Анатолии.

Зия Сельшык (1900-1967)

Селышук объяснял Рузи, что турецкой разведывательной службе крайне требовались большие реформы. Он и сам пользовался опытом и знаниями Рузи. Когда готовился новый закон о создании МИТ, Рузи провел соответствующие исследования и сделал для Селышука анализ соответствующих законов и инструкций, регулирующих деятельность секретных служб в других странах. По словам Рузи, Селышук был прирожденным офицером разведки. Он обладал массой информации и опыта, приобретенного во время Войны за независимость и Второй мировой войны. Он был культурным и мудрым, хорошим собеседником, отеческим человеком с добродушным характером. Рузи навсегда запомнил его как хорошего офицера разведки, патриота, хорошего друга и великого человека.

13 июля 1965 года Селышук ушел в отставку. Новый закон о Национальной разведывательной организации вступил в силу 22 числа того же месяца. У турецкой разведывательной службы теперь была правовая основа. И именно Селышук совершил первые шаги, чтобы сделать эту организацию независимой.

Сразу после переворота 27 мая 1960 года Советский Союз сделал Турции предложение, которое Алпарслан Тюркеш впоследствии объяснял следующим образом: «В первые дни революции советским послом в Анкаре был Никита Рыжов. Рыжов был чрезвычайно активным человеком и казался дружелюбным. Он демонстрировал нам свое большое дружелюбие и симпатии. Он делал мне комплименты и приглашал меня на официальные мероприятия в посольстве. Однажды я принял такое приглашение и взял с собой Ахмета Байдура, заместителя начальника экономического управления министерства иностранных дел. Советское посольство в то время располагалось в своем старом здании. Я знал Байдура по Вашингтону. Он работал советником турецкого посольства в Вашингтоне, когда я был в Америке. Господин Рыжов принял нас в большом салоне на верхнем этаже посольства. Он давал обед в мою честь. Речь посла была очень своевременной и подобающей. Он объявил, что передает мне приветствие от его Первого секретаря Никиты Хрущева, в следующих словах: – Господин заместитель премьер-министра, Первый секретарь Хрущев посылает вам приветствия и знаки особого уважения. Ему очень нравятся вы и Турция. Он приглашает вас в Москву. Мы собираемся освободить от наших солдат всю 250-километровую полосу от турецкой границы на Кавказе до берегов Черного моря. Мы также готовы давать вам 500 миллионов долларов помощи каждый год. И мы окажем Турции регулярную помощь, чтобы помочь развить ее экономику.

Здесь посол Рыжов сделал паузу, и я спросил его: – Очень хорошо, господин посол, но что же вы хотите от нас?

Посол дал ожидаемый ответ: – Выйдите из НАТО.

Мой ответ на это требование был таким: – Мы – друзья Советов, не враги. Ататюрк создал эту дружбу. Главный принцип турецкой внешней политики – «Мир дома – мир во всем мире». Это, в частности, означает жить в дружбе с Советским Союзом. Мы и ваши друзья тоже. Причиной, почему мы присоединились к НАТО, были угрозы, которые Сталин раньше посылал в наш адрес. Вы требовали у нас территорию. Вы просили Проливы. Вы хотели установить в Турции марксистское правительство.

Этот обед в советском посольстве в значительной степени превратился в шахматную партию. Когда мы беседовали, мы использовали дипломатический язык, измеряя наши слова и тщательно взвешивая их. В один момент в ходе этих взрывоопасных переговоров господин Рыжов ответил мне следующим образом: – Господин заместитель министра, мы пришли к вам с новым предложением в новой ситуации. Наш лидер, господин Хрущев, ожидает от меня ответ на это его последнее послание. Мы хотим восстановить дружбу, которая существовала во времена Ататюрка. Турция и Советский Союз должны протянуть друг другу руки.

Посол пригласил Тюркеша приехать в Москву, чтобы обсудить этот вопрос и другие подобные темы. Он добавил, что они могли бы оказать военную помощь и дать новейшее вооружение и тем самым модернизировать турецкую армию в более полной мере, чем это сделали бы американцы. Тюркеш отклонил и предложения посла, и его приглашение, и закончил беседу словами: – Мы никогда не дадим разрешения на какие-либо действия против СССР на нашей территории, но наше членство в НАТО будет продолжаться. Мы не можем разорвать его или выйти из состава этого блока.

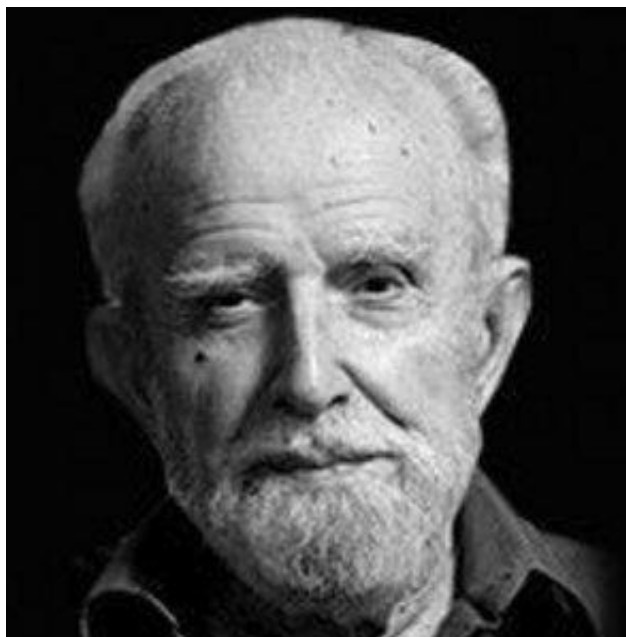
Одновременно с дипломатическими наступлениями этого вида Советский Союз также действовал на Ближнем Востоке через коммунистические партии, входившие в Коминформ.

Возможность того, что Турция могла бы разорвать свой союз с Западом и начать сотрудничать с Советским Союзом, была настоящим кошмаром для Соединенных Штатов в то время. И США, и Турция были обеспокоены подписанием военных соглашений между Советским Союзом и Сирией и Ираком, и последующим созданием советских военных баз в этих странах. В эти годы Турция очень болезненно реагировала и на деятельность коммунистических движений, связанных с Москвой.

Михри Белли был влиятельным коммунистом, человеком и действия, и идей. Он сформулировал теорию национально-демократической революции, основанную

на его опыте в турецкой коммунистической партии и участия в греческой гражданской войне. По его мнению, революции должны осуществляться в два этапа, как это было в России. На первой стадии нужно было сотрудничать с социалистическими офицерами и осуществить демократическую буржуазную революцию, как это произошло в Февральской революции во главе с Керенским в 1917 году. На второй стадии должна была произойти пролетарская революция, точно так же как Октябрьская революция 1917 года, которая привела к власти большевиков под руководством Ленина.

Тюркеш и его коллеги, которые в ноябре 1960 года были отстранены от власти в ходе чисток, расценивали контролируемую Москвой турецкую коммунистическую партию как «пятую колонну» России в Турции и поэтому как большую опасность для страны. Большая часть членов левого крыла Комитета национального единства Турции стремилась расширить свое политическое влияние, объявив самих себя пожизненными сенаторами в новом сенате, который собирался учредить Комитет, и также сотрудничала с социалистическими офицерами для осуществления левого государственного переворота. Теоретик национально-демократической революции Михри Белли был в контакте с воинственными лидерами молодежи, выступающими за вооруженное восстание.

Михри Белли (1915-2011)

Фуат Догу, который возглавлял разведывательную службу Турции с августа 1962 по 1964 год, хорошо понимал советскую систему. Хотя молодые офицеры и социалистические интеллектуалы и могли говорить, что движение за национально-демократическую революцию было направлено лишь против империализма и капитализма, Фуат Догу не сомневался в том, что революция такого рода превратит Турцию в советского сателлита. Он внедрил своих агентов в группу левых заговорщиков. Через них он узнал, как действия лидеров переворота контролировались Коммунистической партией Турции и тем самым, опосредованно, Москвой.

Лидером этой левой хунты был генерал Маданоглу, глава той самой группы, которая произвела чистку, отстранив от власти Тюркеша и его соратников.

Генерал Маданоглу

Военные снова вмешались в турецкую политику 12 марта 1971 года. За несколько месяцев до этого в доме Рузи на Третьей улице в Бахчелиэвлере зазвонил дверной звонок. Рузи открыл дверь и увидел генерала Джемалю Маданоглу. Рузи предложил отставному паше войти и провел его в свою гостиную. Гость сказал, что хотел бы обсудить недавние политические события в Турции и будущее страны. Рузи налил ему виски, и они начали беседовать.

В то время издавался журнал под названием «Öncü» («Пионер»). Он финансировался Советами, и Рузи знал, что у Маданоглу были связи с этим журналом. Маданоглу встретился с Агаси Шеном, адъютантом Джемалю Гюрсея, главы государства и председателя Комитета национального единства, и получил от него информацию о Рузи. Шен был другом Рузи со времени его пребывания в Вашингтоне.

Маданоглу сказал Рузи, что он и его друзья собирались организовать новый государственный переворот, что все приготовления, необходимые для этого внутри армии, были закончены, и что они хотели бы работать с американцами. Он сказал, что обеим странам пошло бы на пользу, если бы два американских генерала, работавших в Объединенной американской военной миссии (JUSMAT), помогли им. Рузи сказал паше очень откровенно, возможно, даже немного грубо, что он никак не мог бы помочь ему в этом деле: – Паша, вы постучали не в ту дверь. Американцы не будут играть никакой роли в таком перевороте, ни прямо, ни опосредованно, даже в самой малой степени. Насколько я знаю, США никогда не вмешиваются во внутренние дела Турции.

После этого Рузи сообщил своему руководству об этом визите Маданоглу и о том, что именно тот говорил. Тем временем Фуат Догу, шеф турецкой разведки, узнал через своих агентов, что левый переворот был запланирован на 9 мая 1971 года. Догу увидел, что гражданское правительство не способно предпринять какие-либо шаги против руководителей переворота, и поэтому он проинформировал президента республики Джевдета Суная и начальника Генерального штаба Мемдуха Тагмача.

Мемдух Тагмач (1904-1978)

9 марта генералы и офицеры, состоявшие на действительной военной службе, которые были идентифицированы как участники заговора, главный среди них генерал-майор Джелиль Гюркан, были официально уволены из вооруженных сил, и начались аресты. В Стамбуле генерал Фаик Тюрюн, командующий Первой армией, арестовал журналистов и писателей, поддерживавших контакты с заговором. Генерал Фарук Гюрлер, командующий сухопутными войсками, и генерал Мухсин Батур, командующий военно-воздушными силами, до тех пор поддерживали заговорщиков. Теперь они прекратили их поддержку и подчинились генералу Тагмачу как начальнику генштаба.

12 марта 1971 года начальник генштаба и командующие видами вооруженных сил отправили правительству меморандум, требуя от него уйти в отставку. Правительство ушло в отставку, но решительная позиция и поддержка Фуата Догу, президента Суная и начальника Генерального штаба Тагмача означали, что за-

говор был подавлен. Маданоглу и поддерживающие его заговорщики были арестованы. На суде Маданоглу заявил, что Рузи поощрял его устроить путч, и что он обещал ему помощь любого рода. Это было сказано им вопреки тому, что Рузи ясно заявил Маданоглу, что американцы не станут поддерживать переворот, который тот планировал.

Рузи предложил следующую интерпретацию поведения Маданоглу. «Заговорщики были в контакте с Советами. Следуя инструкциям, полученным ими из Москвы, они убедили Маданоглу сделать такое заявление, чтобы я оказался в трудной ситуации по отношению как к США, так и к турецким властям». Но Рузи уже сообщил и американским, и турецким чиновникам о беседе. Таким образом, утверждение Маданоглу было явной неправдой.

Официальная эмблема МИТ (Millî İstihbarat Teşkilâtı – Национальная разведывательная организация)

Фуат Догу

В эру Демократической партии в Турции турецкая разведывательная служба МАН в действительности работала, по сути, как турецкое отделение ЦРУ. Турция располагала хорошими агентурными сетями на Кавказе, в Центральной Азии, Афганистане и в арабских странах. Во время Второй мировой войны немцы установили хорошие отношения с турецкой разведкой и пытались пользоваться

ее ресурсами. Точно так же во время Холодной войны американцы пытались воспользоваться разведывательной агентурой Турции в регионе.

До того, как Алпарслан Тюркеш стал заместителем премьер-министра после переворота 27 мая 1960, и Зия Селышык, а затем Фуат Догу последовательно возглавили МАН, турецкая разведка практически не осуществляла независимые операции, нацеленные на Советы. Только после того, как офис ЦРУ в турецком министерстве внутренних дел был закрыт Тюркешем, а Зия Селышык и Фуат Догу разделили офисы ЦРУ и МАН в Анкаре, стало возможным говорить о турецкой разведке как о независимой и национальной организации. Эти три человека, которые дали турецким разведывательным службам национальную и независимую идентичность, Тюркеш, Селышык и Догу, все были близкими друзьями Рузи Назара.

При Фуате Догу продолжилось тесное сотрудничество между Национальной разведывательной организацией (МИТ) и ЦРУ. Это были отношения, соответствующие отношениям разведывательных организаций двух дружественных и союзнических стран. МИТ поручила одному из своих высокопоставленных чиновников поддержание постоянных контактов с ЦРУ. Этот чиновник часто встречался с сотрудником ЦРУ, получившим аналогичное задание от руководителя резидентуры ЦРУ в Анкаре. Было известно, что ЦРУ обеспечивало техническую помощь турецкой разведке и оказывало поддержку в обучении ее офицеров. Архивные документы того периода показывают, что Рузи прилагал существенные усилия для того, чтобы турецкая разведка приобрела свою национальную идентичность и независимость.

После того, как Фуат Догу возглавил МИТ, он начал операции против Советского Союза, которые были абсолютно независимы от ЦРУ. Его первая задача состояла в том, чтобы превратить Офис руководителя разведки в полностью современное разведывательно-аналитическое подразделение. Он так рассказывал об этом: «Москва воспринимала Турцию как большую угрозу ее собственной безопасности. Россия была большой угрозой для безопасности Турции за последние столетия. В восемнадцатом и девятнадцатом веках Османская империя постоянно теряла территории, которые доставались России. За двести лет турецко-российских войн Турция утратила Балканы, Крым, Северный и Южный Кавказ, и Азербайджан, все они перешли к России. Вся Центральная Азия была оккупирована царскими войсками. Первая мировая война началась, чтобы разделить территории Османской империи, прозванной «больным человеком Европы». Если бы не произошли Февральская и Октябрьская революции, и Россия вышла бы победительницей из войны, то это стало бы концом турецкого государства. Россия вышла из Второй мировой войны победительницей и потребо-

вала восточные области Турции и Проливы. Целью Москвы было дестабилизировать Турцию, ослабить страну, которую русские считали опасностью для своей собственной безопасности, а затем уничтожить ее».

Россия уступала только Великобритании по активности в разжигании курдской проблемы, и она прилагала чрезвычайные усилия, чтобы создать этническую проблему внутри Турции. В годы Холодной войны Турция всегда только защищалась. Она пыталась предпринимать контрмеры против советских операций и прилагала все усилия, чтобы помочь американцам в их действиях против Советов. По мнению Фуата Догу, Турция должна была активизировать свои оборонительные мероприятия и укрепить сотрудничество с Соединенными Штатами, а также начать независимые операции против Советов, которых требовали ее собственные интересы. У турецкого государства был ценный опыт в области подрывной и конспиративной работы внутри Советского Союза, приобретенный еще со времен Османской империи. Государство должно было использовать этот опыт и предпринимать независимые операции, направленные на дестабилизацию СССР и его разрушение.

Фуат Догу знал, что у Советского Союза было два слабых места. Одним из них был национальный вопрос, а вторым была экономика. США и их союзники делали все возможное, чтобы обострить кризис советской экономики. США вынуждали Советов перевооружаться, и значительная часть советского бюджета расходовалась на оборону. То, что могла сделать Турция, это обострить проблему межнациональных отношений.

Когда Алпарслан Тюркеш был заместителем премьер-министра, он убедил Джемала Гюрсея, главу государства и председателя Комитета национального единства, создать Институт исследований тюркской культуры в Анкаре и отдел в министерстве иностранных дел, занимающийся тюрками, живущими вне Турции, и тюрками-киприотами. Расходы на исследовательский институт должна была нести канцелярия премьер-министра. Институт должен был проводить академические исследования, касающиеся тюркских народов вне Турции и особенно национальных проблем в Советском Союзе. Но когда Тюркеш подвергся чистке, другие члены Комитета, так же, как Исмет Инёню, когда он стал премьер-министром, хотели закрыть и исследовательский институт, и отдел зарубежных тюрков в министерстве иностранных дел. Последний был действительно закрыт, но вмешательство Гюрсея помешало закрыть институт. Когда Фуат Догу стал главой MIT, институт получил поддержку, и Догу гарантировал то, что он много лет продолжал свою деятельность как исследовательская организация.

Рузи помогал Догу с институтом и его деятельностью. В конце 1960-х Догу организовал секретную конференцию в отеле «Мармара» на лесной ферме Ататюрка в предместьях города. Она стала известна как «Конференция Мармара» и вызвала обеспокоенность Советов. Научная работа конференции была выполнена институтом. Представители приехали почти из всех земель тюркского мира, и изнутри Советского Союза, и извне. Выводы конференции, которые оказались очень четкими, состояли в том, что Москва не решила национальный вопрос в Советском Союзе, и что нерусские национальности, живущие в СССР, по-прежнему желали выйти из его состава и создать свои независимые государства.

В это же время Фуат Догу помогал организовывать гастроли различных музыкантов в Советском Союзе, чтобы они могли давать концерты в Азербайджане и Узбекистане. Среди них была певица Несрин Сипахи. Когда она приехала из Турции в Баку и Ташкент, то вызвала к себе большой интерес. Команда Догу снова заставила Советов испытывать неудобства.

Догу полагал, что нужно готовиться к распаду Советского Союза. По его мнению, тем, что делало СССР сверхдержавой, были нефть Азербайджана, природный газ Туркменистана и Узбекистана, пшеница Казахстана, хлопок центральноазиатских республик, нефть Каспийского моря, и уран, а также другие полезные ископаемые этих территорий. Разрушение Советского Союза было бы возможно только тогда, когда эти земли отделятся от него, и именно для достижения этого нужно было работать. С этой целью он отправлял студентов, чтобы те работали с ведущими специалистами по Советскому Союзу.

Когда в 1971 году генерал Догу арестовал группу заговорщиков Маданоглу и тем самым предотвратил путч, на который рассчитывали Советы, это стало последней каплей. Москва дала сигнал своей агентуре влияния и своим пособникам внутри турецкого государства, чтобы отстранить Догу. После меморандума в марте 1971 года было установлено гражданское правительство, и началось соперничество между Догу и заместителем премьер-министра Сади Кочашем. У Догу были превосходные отношения с президентом Сунаем и начальником генштаба генералом Тагмачем. Но, в конечном счете, успеха добились Сади Кочаш и его группа. Догу был снят со своей должности и отправлен послом в Лиссабон.

Догу также выступил против назначения Атиллы Караосманоглу, который был экспертом во Всемирном банке, на пост заместителя премьер-министра по экономическим вопросам. Однако премьер-министр Нихат Эрим назначил Караосманоглу после того, как получил положительную оценку его от американцев.

Роль, которую Советский Союз сыграл в отстранении и Тюркеша, и Догу, очевидна. Но США не поддержали ни одного из них.

Ни преемник Догу на должности руководителя МИТ Нуреттин Эрсин, ни глава Офиса разведки Реджеп Эргюн не обладали такой дальновидностью, как Догу. Эрсин даже полагал, что для МИТ было бы пустой тратой времени заниматься межнациональными проблемами в Советском Союзе. Работа, которая прежде шла полным ходом, теперь остановилась. Некоторые молодые сотрудники МИТ, на которых турецкое государство потратило много времени и денег, чтобы обучить их как экспертов по Советскому Союзу, теперь вынуждены были покинуть Национальную разведывательную организацию. Когда Советский Союз двадцать лет спустя распался, и стало понятно, что настоящими причинами этого краха были национальный вопрос и экономика, правота Фуата Догу была доказана. Но его преемники остановили работу, которую он начал, и Турция, таким образом, оказалась неготовой к распаду советского мира.

Встреча в опере

Как мы видели, у Рузи была большая любовь к музыке, театру и опере, и он завел много друзей среди актеров и певцов. Среди них был Джюнейт Гёкчер, известный актер и генеральный директор турецких государственных драматических и оперных театров.

Джюнейт Гёкчер (1920-2009)

Джюнейт Гёкчер в то время еще не был женат на Айтен Гёкчер, знаменитой турецкой актрисе, с которой обычно связывают его имя в Турции. Ее тогда еще звали Айтен Качмаз, и она была одной из самых успешных и красивых исполнительниц того времени. Отношения Рузи с ними были отношениями истинного друга и любителя искусств. Из-за положения Рузи в американском посольстве были люди, которые часто эксплуатировали это.

В дни, когда исполнялись важные произведения, Джюнейт Гёкчер приглашал Рузи в оперу. Другим любителем оперы был премьер-министр Турции Исмет Инёню. Однажды вечером, когда Рузи был в опере с его дочерью Сильвией, в театр пришли Исмет Инёню и его жена Мевхибе. Джюнейт Гёкчер устроил так, чтобы они сидели около него, и после спектакля он пригласил супругов Инёню вместе с Рузи и Сильвией попить чай у него. Рузи и Инёню побеседовали некоторое время, и Рузи рассказал ему историю своей жизни. Он говорил о годах в Туркестанском легионе и работе, которую он сделал недавно. Он сказал, что однажды Советский Союз распадется, что необходимо быть подготовленным к этому, и что националистическое сопротивление было все еще живо в Азербайджане и Центральной Азии. На это Инёню ответил Рузи, что Советский Союз – это великая империя, а великие империи не распадались всего за восемь или десять лет. Нужно только посмотреть на историю и прошлое, чтобы увидеть это. – Бросьте это дело, – сказал он. – К тому времени, когда Советский Союз распадется, азербайджанцы, туркмены, узбеки, казахи, татары и все другие, которые там живут, они все уже станут русскими.

Эти слова, услышанные им от паши, наполнили Рузи чувством глубокого разочарования. Он теперь понял, почему Институт исследований тюркской культуры был закрыт, наряду с отделом в министерстве иностранных дел, который занимался зарубежными тюрками. Инёню считал, что правильным курсом было бы не связываться с национальным вопросом и тем самым смягчить гнев Москвы. В первые годы Второй мировой войны Инёню видел, что немцы захватили всю Европу за короткий период времени и почти дошли до Москвы, и он сделал проблему тюркских народов вопросом правительственной политики. Но когда он понял, что немцы проиграют войну, он прекратил эту политику. Но не прошло и пятидесяти лет, как выяснилось, что прав был не Инёню, а Рузи, Фуат Догу и другие, которые оппонировали ему. Это стало оправданием тем людям, которые были арестованы и подвергались мучениям на «Суде над расистами и туранистами», среди них близкие друзья Рузи Алпарслан Тюркеш и Фетхи Теветоглу.

(«Суды над расистами и туранистами», так называемый «Процесс тюркизма», растянулись на 65 заседаний и длились с 18 мая 1944 по 31 марта 1945 года. Всего обвиняемых было тридцать три человека, среди них Фетхи Теветоглу, Фа-

зиль Хисакджиклы, Нихаль Атсыз, Заки Валиди Тоган и Реха Огуз Тюрккан. Первым поводом для процесса послужили события 3 мая 1944 года в Анкаре. В этот день тысячи националистов и тюркистов в Турции вышли поддержать одного из крупнейших идеологов тюркизма и туранизма, писателя и поэта Нихалья Атсыза. Через год после этого события такие идеологи, как сам Атсыз, Заки Валиди, Неждет Санчар, Реха Огуз Тюрккан и другие впервые отметили этот день – 3 мая – как День Тюркизма. После 1945 года все тюркисты и тюркские националисты в мире отмечают этот день как свой праздник. Что касается суда, то тринадцать обвиняемых были оправданы, но десять оставались под арестом до 26 октября 1945 года. Среди них были ученый-тюрколог Заки Валиди Тоган, военный Алпарслан Тюркеш, писатель и поэт Нихаль Атсыз, ученый, юрист и писатель Реха Огуз Тюрккан, врач и писатель Фетхи Теветоглу и педагог, писатель и философ Неждет Санчар. Все они и в будущем играли важную роль в турецком правонационалистическом движении, и некоторые из них поддерживали дружеские отношения с Рузи Назаром. – прим. перев.)

События 3 мая 1944 года.

«Герои Третьего мая 1944». На портретах слева направо: Саид Билгич, Заки Валиди Тоган, Неждет Санчар, Хюсейн Нихаль Атсыз, Алпарслан Тюркеш, Реха Огуз Тюрккан, Фетхи Теветоглу.

15. ИЗ ТУРЦИИ В БОНН

Курдская проблема

Рузи знал, что до и во время Первой мировой войны британцы оказывали поддержку этнонационалистическим движениям, чтобы разрушить Османскую империю. Курды и турки фактически веками жили вместе и смешивались между собой в этом регионе. Различные этнические группы пользовались в Османской империи культурной автономией, и практически не было никаких курдских восстаний. Столетиями курды и турки вступали в браки между собой и были взаимосвязаны. После того как британцы ушли, Россия начала заниматься курдской проблемой.

Рузи часто ездил в юго-восточные области Турции и встречался с интеллектуалами там. После военного переворота 27 мая 1960 года большинство крупных курдских землевладельцев были арестованы и размещены в лагере около Сиваса. Одним из них был Киньяс Картал. Они были вскоре освобождены, и в последующие годы Рузи стал близким другом Картала.

Однажды Рузи заметил Карталу, что его имя, Киньяс, было русским, и спросил, почему его назвали так. Картал рассказал Рузи свою историю. Он был сыном крупного курдского землевладельца, который был вождем клана Бурукан, и он родился в 1900 году в Грузии. Его отец дал ему имя «Киньяс», т.е. русское слово «князь». Курды клана Бурукан жили в царской России в Грузии и на Кавказе. У них были серьезные проблемы с армянами в регионе, которые получали от российского государства и армии поддержку, чтобы нападать на курдов, и поэтому курды решили иммигрировать в Турцию. Одна часть клана обосновалась в Карсе и Игдире, а другая в Ване.

Киньяс учился в кадетском корпусе в Тифлисе (Тбилиси), а затем окончил русское военное училище в Баку и прослужил некоторое время офицером в русской армии. Ему предложили должность в Красной армии, когда она была создана Троцким, но он чувствовал себя неуютно из-за армянских частей в Красной армии и не принял это предложение. Увидев, что его клан мигрировал, Киньяс, вместе с дочерью русского генерала, влюбившейся в него, сбежал в Турцию в 1922 году. Он обосновался в провинции Ван и стал вождем племени. Его русская невеста взяла себе имя Лейла, и у них была долгая и счастливая семейная жизнь. Когда в Турции был принят закон о фамилиях, он взял себе фамилию Картал («орел»). В 1920 его дважды ссылали, но, в конце концов, он возвращался в Ван. После переворота 1960 года он вошел в Собрание как депутат Партии справедливости от провинции Ван.

Киньяс Картал (1900-1991)

Со временем дружба Рузи с Киньясом Карталом углубилась. Эти два мужчины умели говорить на прекрасном русском языке и часто беседовали по-русски. Картал обычно поддразнивал Рузи: – Будь осторожен, Рузи, не дай им арестовать тебя как коммуниста за то, что ты говоришь на русском языке. Они не обратят внимания на то, что ты американский гражданин, они просто бросят тебя в тюрьму.

Рузи не мог не воспринимать несправедливость, причиненную очень многим людям курдского происхождения, которые приняли то, что Турция была их родиной, и что ее государство было их государством, и которые были влиятельными и уважаемыми людьми в своем регионе. Эти ошибки не могли не причинить вред Турции и сыграть на руку различным странам, желающим разжечь эту проблему. Во время турецкой Войны за независимость Хаджи Бедир Ага, глава клана Бедирхан, оказал большие услуги турецкому государству. Саид-и-Нурси, религиозный лидер курдского происхождения, вступил в войска националистов во время Войны за независимость и поддержал Мустафу Кемаля. Киньяс Картал был твердым сторонником турецкого государства и любил Турцию.

– Если бы Турция не существовала, то клан Бурукан был бы полностью вырезан армянами. Так как же я мог бы предать турецкое государство, которому я обязан самим своим существованием? – говорил он, изливая душу Рузи.

Больше всего его ранили обвинения, выдвинутые против него, когда его с 485 другими курдами после переворота 1960 года сослали в лагерь Кабакязи в Сивасе. Киньяс Картал провел в лагере девять месяцев. Еды, которую давали заключенным, не хватало для людей, не говоря уже о животных. Но не эти вещи были важны для Картала. Значение для него имели обвинения, сделанные в его адрес. Курдских лидеров обвинили в том, что они служили иностранным идеологиям и государствам, эксплуатировали религию и злоупотребляли своим влиянием, что они угнетали людей и заставляли их работать как рабов. Несмотря на все то, что он пережил, его вера в турецкое правосудие ни разу не поколебалась.

– Турки вполне могут ошибаться, но эти прекрасные люди однажды поймут свои ошибки и найдут способ исправить их, – говорил он. Как-то Картал сказал Рузи: – Это государство сделало меня членом Собрания и даже президентом Собрания. Когда-то оно определенно признает свои ошибки, но нужно сказать великим державам, что они не должны вмешиваться в наши дела.

В советско-американском противостоянии в годы Холодной войны самым главным для Соединенных Штатов была стабильность Турции. В то время поддержка

курдского сепаратизма не соответствовала интересам США. Рузи видел, однако, что, если курдская проблема не будет решена, то в будущем она принесет Турции большие страдания. Официальная политика турецкого государства основывалась на отрицании существования курдов.

Рузи говорил о курдской проблеме с Алпарсланом Тюркешем, когда тот был заместителем премьер-министра, и снова, когда Тюркеш возвратился из изгнания. Они были единодушны в том, что нельзя уничтожить что-то, просто отрицая его существование. Если курдская проблема не будет решена, то другие страны станут эксплуатировать ее во вред Турции. Рузи не просто говорил об этом только с Тюркешем, но он также жестко предупреждал офицеров турецкой разведки. Но ответ, который он получил, привел Рузи в уныние. Они сказали, что в Турции нет никаких курдов. Они, мол, только «горные турки».

Много лет спустя, когда Рабочая партия Курдистана (РПК или курдское сокращение РРК) начала свою деятельность, Рузи заметил, что ее поддерживали бывшие союзники Турции, и сказал своим турецким друзьям: – Если бы Турция тогда отказалась от своей политики отрицания существования курдов, и, если права, которые курды получили недавно, были бы предоставлены им еще тогда, то действия РПК просто были бы невозможны.

Рузи никогда не забывал слов, которые часто повторял Киньяс Картал: «Из почвы, в которую посеяли семена раздора, прорастут обида и ненависть».

Картал уже умер. Но, по мнению Рузи, даже сегодня есть много разумных интеллектуалов курдского происхождения, которые верят, как верил Картал, в братство турок и курдов. Они видят в Турецкой Республике свое собственное государство и выступают против терроризма. Как сказал Назым Хикмет Рузи в Вене: «Никогда нельзя становиться игрушкой великих держав».

Рузи дал следующее предупреждение и туркам, и курдам: «Не забывайте, что есть государства, которые стремятся использовать в своих интересах раздоры между турками и курдами. Они будут пытаться устраивать провокации любого вида и использовать все варианты темных трюков, чтобы этот конфликт продолжался. Будьте бдительны по отношению к этим играм и, что бы вы ни делали, найдите способ сосуществовать как братья».

Поездки на охоту

Рузи очень увлекался охотой. В те годы, которые он провел в Турции, он брал с собой своего сына Эркина, и они отправлялись на охоту с друзьями. К западу от Анкары есть три деревни, населенные курдами, которые называются Сарайкёй, Бюйюк Хасан и Кючюк Хасан. Во время охоты Рузи и Эркин часто должны были проводить ночи в поселке Сарайкёй, где люди оказывали им свое гостеприимство. В Сарайкёй была начальная школа, и дети там говорили на превосходном турецком языке. Большой портрет президента Джемаля Гюрсея, тогда главы государства и председателя Комитета национального единства, висел в деревенском зале для собраний. Но в деревнях Бюйюк Хасан и Кючюк Хасан не было своих собственных школ, и дети там говорили на курдском языке между собой. Нельзя было найти никакого курдского национализма среди курдов, живущих в Центральной Анатолии. Они были людьми, которые были преданы своему государству и уважали его. То, в чем они нуждались, было образование и экономический прогресс.

Дикий естественный пейзаж Центральной Анатолии обладает исключительной красотой. Тогда эти места еще не были отравлены химическими удобрениями и были раем для птиц. Казалось, что истинными хозяевами этой дикой природы были утки и гуси, куропатки, фазаны, горлицы и перепела. Олени и горные козлы блуждали здесь стадами.

У охоты есть свои особые моральные правила. Она была первой профессией человечества. Сегодня технология дает человечеству чрезвычайную власть. У дичи больше нет шанса против охотника. Поэтому сегодня охотник обязан охотиться так, чтобы гарантировать, что животные, на которых он охотится, не вымрут. Первыми правилами, которые приходят на ум, являются обязательства кормить животных холодными зимами и охотиться только в разрешенные сезоны, чтобы обеспечить выживание зверей и птиц.

По ночам, которые Рузи проводил в деревнях Центральной Анатолии в своих охотничьих путешествиях, он сталкивался с удивительным гостеприимством. Люди, которым приходилось бороться с тяжелыми природными условиями зимой и летом, застилали для своих гостей самые чистые постели и предлагали им самую вкусную еду. Когда он узнал людей Анатолии, Рузи заметил, что было сильное сходство между ними и людьми его родины в Центральной Азии. Анатолийские люди были гордыми и трудолюбивыми. Они шли на жертвы и были чрезвычайно щедрыми.

Один турецкий чиновник, сын богатой семьи, который учился в университете за границей, сопровождал его в одной охотничьей поездке. Рузи чувствовал себя очень неловко из-за того, что этот человек смотрел свысока на сельских жителей и заявлял, что, если они не прогрессируют, то и Турция не достигнет никакого прогресса. Когда он увидел постель, которую они приготовили для него, он сказал: – Как мы можем спать в кроватях, которые так воняют?

Когда он следующим утром выстрелил в беременную олениху, это стало последней каплей. Рузи подозвал своего молодого попутчика, дал ему увесистую пощечину и закричал: – Убирайся к черту! Ты можешь сам вернуться назад в Анкару пешком.

Затем он оставил его посреди степи и продолжил охоту с другими друзьями.

В другой день он отправился на охоту с полковником, служившим на высокой штабной должности в Анкаре, и с подполковником из того же штаба. Эти люди очень отличались от того богатого парня, который учился в Европе. Они много часов разговаривали с сельскими жителями около очага и выслушивали их проблемы. Они с удовольствием ели еду, которую деревенские женщины готовили для них. Рузи еще раз заметил, что турецкая армия была самым важным институтом Турции, одним из тех, на которые опиралось государство.

На обратном пути джип этих двух офицеров столкнулся с грузовиком, полным арбузов. Полковник погиб на месте, а подполковник был тяжело ранен. Он остался в больнице на несколько месяцев. После этого случая премьер-министр Инёню запретил военным ездить на охоту.

Мать Рузи обращается к нему по радио

В Холодной войне каждая из сторон беспощадно эксплуатировала все что угодно, что было свято для другой стороны.

Однажды в 1965 году Вали Зуннун, глава узбекской редакции Радио «Свобода», позвонил Рузи и сказал ему, что его мать и сестра сделали радиопередачи по Ташкентскому радио, адресованные Рузи. Он послал ему записи. – Это была великолепная речь, – сказал Зуннун. – Когда вы услышите ее, то поймете, почему я так говорю. С этого времени она не только ваша мать, но и мать всех нас.

Когда Рузи получил запись, он был очень взволнован. После двадцати пяти лет ему предстояло снова услышать голоса своей матери и своей сестры. Он включил запись. Сначала говорила его сестра Шамсихон. Было очевидно, что она читала текст, подготовленный КГБ. Неуверенным голосом она объявила: «Мы узнали, что ты жив, и мы очень счастливы. Положение в нашей стране теперь полностью изменилось. Мы живем в процветании, в счастье, мире и спокойствии. Как ты знаешь, мы – зажиточная семья. У нас есть дома и очень ценные ковры и драгоценности, которые мы унаследовали от нашего отца. Половина его собственности – твоя. Приезжай и получи их, и не оставляй нас, особенно твою старую мать, одних».

«До свидания, мой дорогой брат. Теперь моя мать будет говорить с тобой», закончила она. Рузи спрашивал себя, что же скажет его мать. Не скажет ли она тоже: «У тебя здесь есть добро и собственность. Мы живем в мире. Приезжай немедленно!»

Старая женщина начала с того, что медленно произнесла: «Бисмилляхи рахмани рахим». («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»). Сразу стало ясно, что она не читала заранее написанный для нее текст, который лежал перед ней. Она продолжила: «Ассалуму алейкум», и затем прочла короткую суру из Корана. После этого она сказала: «Мой дорогой сын, твой отец молился за тебя. Продолжай жить там, где тебе довелось жить. Будь удачлив и счастлив. Я все время молюсь за тебя и за друзей, которые с тобой. Будь здоров и невредим. Как бы то ни было, Бог защищал тебя до сегодняшнего дня, пусть же Он и дальше делает это».

Тут микрофон был внезапно выключен, что значило, что сказанное Тажинисойханум не понравилось агентам КГБ. Она в прямом эфире сказала то, что подсказывало ей сердце, а не то, что они хотели. Рузи и его друзья заметили, что она даже ни разу не сказала: «Возвращайся на родину». Он слушал обращение своей матери со смешанными чувствами, со слезами на глазах и с грустью в сердце.

Друзья в Турции

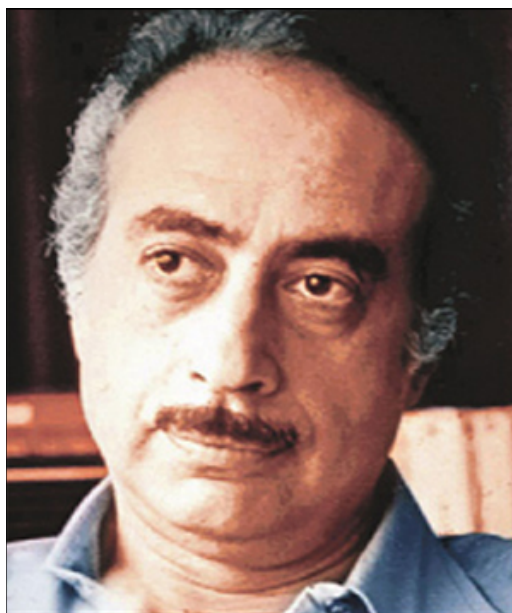
За одиннадцать лет работы в американском посольстве в Анкаре, с 1959 по 1971 год, Рузи завел в Турции много друзей. Он мог общаться со многими из самых важных людей в турецкой политике, искусстве, на государственной службе и в деловых кругах. Он был в центре разведывательной работы против Советского Союза, осуществлявшейся в сотрудничестве с турецкими властями.

Его встречи с турецкими друзьями в эти годы были полностью вне рамок его профессиональной деятельности. Это были просто дружеские отношения туркестанского интеллектуала с его друзьями и братьями, без каких-либо скрытых намерений.

В начале 1960-х турецкий бизнесмен и миллионер Айхан Шахенк был холост, и они часто вместе ходили на вечеринки «дюгюн» (традиционные турецкие вечеринки по поводу помолвки или свадьбы), чтобы поискать подходящих потенциальных невест. Шахенк подходил к Рузи, говоря: – Я влюбился, брат. Даже сегодня Рузи с улыбкой вспоминает, как он тогда отвечал: – Но она не подходит тебе. Однажды они пошли в стамбульский отель «Хилтон» на «дюгюн», и Айхан Шахенк указал на дочь одного бизнесмена со словами: «Я влюбился, брат, и я собираюсь жениться на ней». После «дюгюн» Рузи и его семья улетели в их ежегодный отпуск в Вашингтон. Когда они вернулись месяц спустя, и он встретился с Айханом Шахенком, последний показал Рузи кольцо на пальце и сказал, что он был помолвлен с девушкой, которую он встретил в «Хилтоне». И они действительно поженились.

Одним из журналистов, которыми Рузи больше всего восхищался за его интеллект и здравый смысл, был Абди Ипекчи, редактор либеральной газеты «Milliyet» («Нация»). Они встречались много раз. Через девять лет после того, как Рузи уехал, Ипекчи был убит. Рузи придерживался мнения, что убийство Ипекчи было связано с покушением на Папу Римского Иоанна Павла II. Информация, которая появилась после распада Советского Союза, четко показала, что русская секретная служба стояла за покушением на Папу Римского. Иоанн Павел II поддерживал усилия в Польше, направленные на выход этой страны из советского блока. Если бы Польша действительно покинула восточный блок в начале 1980-х годов, это сократило бы жизнь Советского Союза, и СССР, возможно, распался бы намного раньше. В то время, когда Советский Союз боролся за свое выживание, некоторые люди в Москве, возможно, хотели спровоцировать гражданскую войну в Турции и тем самым продлить жизнь советского государства. Рузи полагал, что убийство Абди Ипекчи было очень большой потерей для Турции.

(Винючник покушения на Иоанна Павла II Мехмед Агджа был одним из убийц Абди Ипекчи. – прим. перев.)

Абди Ипекчи (1929-1979)

Другим другом Рузи в Турции был доктор Фетхи Теветоглу, политик, который был избран сенатором от Трабзона в 1961 году и снова в 1966 году. Он был выпускником военно-медицинского училища, и некоторое время являлся заместителем председателя Сената. Он был частым гостем на встречах по выходным дням у Рузи в его доме в Бахчелиэвлере, где подавали восхитительный узбекский плов и другие центральноазиатские блюда, и развлекали гостей из мира искусства, политики и бизнеса.

Доктор Фетхи Теветоглу (1916-1989)

Рузи Назар и Фетхи Теветоглу

Другими постоянными гостями были Джюнейт Гёкчер, Аджлан Саилган, Халит Зарбун, член Конституционного суда, и Али Найли Эрдем, который тогда был депутатом Партии справедливости от Измира и который служил министром промышленности и затем министром труда. В 1960-х Рузи завязал дружбу со многими видными интеллектуалами Турции, не делая различия между правыми и левыми. Среди них были Четин Алтан, Ильхан Сельчук, Галип Эрдем, Гёкхан Эвлияоглу и профессор Айдин Ялчин. По мнению Рузи, интеллектуалы, которые начинали служить другой стране, все равно какой, были чрезвычайно опасны и вредны. За те одиннадцать лет, что он провел в Турции, Рузи с печалью замечал, что многие турецкие интеллектуалы поступали именно так.

Турция была страной в самом сердце Евразии. Она служила мостом между Европой и Азией и в культурном, и в географическом смысле. У нее было много общего с Азербайджаном, землями Кавказа, с Центральной Азией и балканскими странами. Если бы Турция использовала в своих интересах свой геополитический потенциал, что она должна была делать, учитывая ее многовековой опыт, то она могла бы стать одним из самых важных и сильных государств в мире. Но на взгляд Рузи, одним из самых слабых аспектов турецкого государства было то, что его институты были открыты для проникновения со стороны зарубежных стран. По мнению Рузи, турецкие службы безопасности не ощущали эту опасность так, как они должны были бы ее чувствовать.

Подобно тому, как в последние годы Османской империи практически в каждом государственном органе были сторонники Великобритании, России, Франции и Германии, турецкое государство и теперь стояло перед подобной проблемой. Единственное изменение состояло в том, что новые страны добавились к этому списку. Следовательно, турки должны были принять серьезные и эффективные меры против этой угрозы. Службы безопасности турецкого государства должны были покончить со своей конкуренцией и в особенной степени сконцентрироваться на этой проблеме. Турки не должны были забывать, что сегодняшние друзья могут завтра стать конкурентами, и что эта конкуренция может однажды превратиться во враждебность. Разведывательная организация страны играла важную роль в обеспечении того, чтобы само существование и независимость государства продолжались.

Бонн

Рузи жил вне своей центральноазиатской родины с 1941 года, и Турцию он воспринимал фактически как свою вторую родину. Когда в 1971 году он вернулся в Вашингтон из-за школьного образования своих детей, для него это было похоже на вторую разлуку с родиной, так что он вновь почувствовал тоску по дому.

ЦРУ не продержало Рузи в своем штабе в Вирджинии больше года. В разгар Вьетнамской войны были разговоры об отправке его во Вьетнам. Рузи не без энтузиазма отнесся к этой идее. Но Вашингтон посчитал, что эта важная фигура Холодной войны принесет больше пользы, если будет работать против Советов в Германии, и поэтому Рузи направили в Бонн, тогдашнюю столицу Федеративной Республики Германии.

Годы Рузи в Западной Германии были заполнены рутинной работой против Советского Союза. Идеологическое и интеллектуальное сражение между двумя противоборствующими сторонами в Холодной войне тогда продолжало идти полным ходом. Ричард Хелмс, глава ЦРУ с 1966 по 1973 год, сообщил президенту Ричарду Никсону, что более чем за двадцать лет свыше 400 миллионов долларов было вложено в Радио «Свободная Европа» и Радио «Свобода», и что их радиопередачи поддерживали существование оппозиционных сил и групп в странах за Железным занавесом. Эти находившиеся под контролем ЦРУ радиостанции транслировали народам Советского Союза направленные против советского режима заявления ученого-физика Андрея Сахарова и писателя Александра Солженицына. Их радиопередачи достигали аудитории из тридцати миллионов человек в Восточной Европе. Хотя Советы ежегодно тратили 150 миллионов долларов, чтобы заглушить эти передачи, их попытки не увенчались успехом, и граждане СССР пытались слушать эти радиостанции, используя любые средства, которые у них были. Хелмс также заявил, что более миллиона книг и журналов были тайно ввезены в Восточную Европу за эти же два десятилетия, начиная с середины 1950-х.

Ричард Хелмс (1913-2002)

В начале 1970-х годов была издана многотомная сравнительная энциклопедия с намерением показать превосходство Запада. Она называлась «Советская система и демократическое общество» («The Soviet System and Democratic Society. A comparative Encyclopaedia»), и в ней сравнивались концепции и институты с точки зрения марксистско-ленинского и либерально-капиталистического мировоззрения. Она была подготовлена комитетом, возглавляемым профессором Борисом Мейснером, бывшим российским немцем, который когда-то был советником Конрада Аденауэра, основателя Федеративной Республики Германии, и американским профессором Збигневом Бжезинским, который служил советником по национальной безопасности у президента Джимми Картера. Бжезинский, по происхождению поляк родом из Варшавы, был одним из самых способных политологов в США.

Борис Мейснер (1915-2003)

Збигнев Бжезинский (1928-2017)

Подготовленный ими труд доказывал, что Советский Союз проиграл Холодную войну на уровне идей. Действительно спустя пятнадцать лет после публикации

этой книги советский блок развалился, и Советский Союз рухнул. Во время своего пребывания в Германии Рузи был вовлечен в ускорение работ этого вида и подружился с профессором Бжезинским.

Советы с враждебностью реагировали на интеллектуальные и идеологические кампании Запада. «Neues Deutschland», официальная газета СЕПГ – компартии Восточной Германии, часто нападала на Рузи. Она утверждала, что Рузи координировал антисоциалистические силы в странах Восточной Европы, и что он работал в Бонне с целью заставить эти страны покинуть восточный блок.

После двенадцати лет работы в Германии Рузи в 1983 году вернулся в Вашингтон. Его приоритетом, как всегда, был национальный вопрос в Советском Союзе. Он написал несколько исследований о межнациональных проблемах в СССР и проводил занятия на эту тему в школе ЦРУ. Он вступал в контакт с чиновниками, которые, будучи представителями нерусских национальностей, работали в советских дипломатических миссиях в западноевропейских странах. Некоторых из них он завербовал для работы на свою организацию. Несмотря на привлекательные предложения штаба ЦРУ продолжить работать на своем посту в Германии, Рузи решил вернуться в Америку. Он заметил, что Советы борются за выживание, и подумал, что для того, чтобы ускорить крах СССР, ему лучше подойдет работа в центральном штабе ЦРУ.

В годы его работы в Германии ему давали специальные задания и в других странах. Он также пережил самые захватывающие и опасные моменты своей жизни за три недели в Тегеране в 1979, том году, в котором сотрудники американского посольства в этом городе были взяты в заложники.

16. СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ В ИРАНЕ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА С ЗАЛОЖНИКАМИ

Иран

После 1953 года, когда иранский премьер-министр Мохаммед Моссадык был отстранен от власти вследствие удачного путча, осуществленного при поддержке ЦРУ, шах Персии Мохаммед Реза Пехлеви был одним из самых важных союзников США на Ближнем Востоке. 31 декабря 1977 года президент Джимми Картер дал в Белом доме в честь шаха великолепный официальный обед, на котором он сравнил иранскую монархию с островом мира и стабильности в море, в котором бушевали жестокие волны. Это было не чем иным, как повторением тех представлений, которые агенты ЦРУ настойчиво подчеркивали в своих отчетах и исследованиях с 1953 года. Спустя несколько недель после этой речи прези-

дента Картера офицер ЦРУ по имени Говард Филлипс Харт прибыл в Тегеране как новый руководитель резидентуры в Иране. Ему предстояло занимать этот пост до революции Хомейни, во время революции и после нее. Харт был храбрым и опытным разведчиком. В то время, когда демонстрации против шаха усиливались, он отложил в сторону отчет из штаба САВАК, иранской разведывательной службы, и вышел на улицы, чтобы узнать, что происходило на самом деле. Он начал осознать факты. И действительность очень отличалась от того, что было представлено в отчетах и исследованиях, которые агенты ЦРУ в Тегеране отправляли в центральный штаб. Ни в одном из них не было никаких предположений о том, что шах может столкнуться с проблемами.

(Говард Филлипс Харт в 2015 году опубликовал мемуары «A Life for a Life. A Memoir: My Career in Espionage Working for the Central Intelligence Agency», русский перевод: [«Жизнь за жизнь. Воспоминания офицера ЦРУ»](#). – прим. перев.)

В августе 1978 года ЦРУ отправило в Белый дом отчет, который подчеркивал, что до революции в Иране было все еще очень далеко. Всего через несколько недель после отправки этого отчета сторонники высланного религиозного лидера аятоллы Рухоллы Хомейни начали большие демонстрации на улицах Тегерана. 16 января 1979 года шах был вынужден сбежать из Ирана. Сторонники Хомейни объявили, что с правлением шахов было покончено. Теперь для Хомейни, жившего тогда в изгнании во Франции, был открыт путь к возвращению в Тегеран. Он приехал 1 февраля 1979 года, и четыре дня спустя он назначил новое правительство Ирана.

Ираном должен был теперь управлять Революционный совет, сформированный сторонниками Хомейни, и премьер-министр, который не был священнослужителем. ЦРУ пыталось начать переговоры на уровне премьер-министра и оказывать влияние на новое правительство. Однако эти усилия окончились ничем, и в Иране была установлена Исламская республика под религиозным и духовным лидерством Хомейни. Ни одному офицеру ЦРУ даже присниться не могло, что шах Ирана, который обладал неограниченными финансовыми ресурсами, военной силой и беспощадной и хорошо укомплектованной разведывательной службой, будет свергнут старым имамом, и что в Иране будет установлена теократия.

Брюс Лэйнген начал свою карьеру как молодой дипломат в американском посольстве в Тегеране в 1953 году и был самым старшим сотрудником посольства, когда произошла революция. Он позже описывал, как за эти годы он видел

много американских послов и руководителей резидентуры ЦРУ, поддерживавших светские отношения с шахом. Они все были одурманены его икрой и шампанским, потеряв способность делать объективный анализ.

Брюс Лэйнген (род. в 1922 году)

Когда уличные протесты и хаос усилились, тысячи американских граждан, живших в Иране, и большая часть персонала посольства были отосланы из страны в качестве меры предосторожности для обеспечения их безопасности.

18 марта 1979 года Говард Харт, резидент ЦРУ в Иране, был остановлен на контрольно-пропускном пункте сторонниками Хомейни и жестоко избит. Затем его бросили на заднее сиденье автомобиля и повезли в неизвестном направлении на том основании, что он был агентом ЦРУ. Понимая, что это может означать его скорый конец, Харт застрелил похитителей из своего пистолета. Много лет спустя он все еще помнил ту ненависть, с которой молодые сторонники Хомейни смотрели на него.

Говард Филлипс Харт (1940-2017)

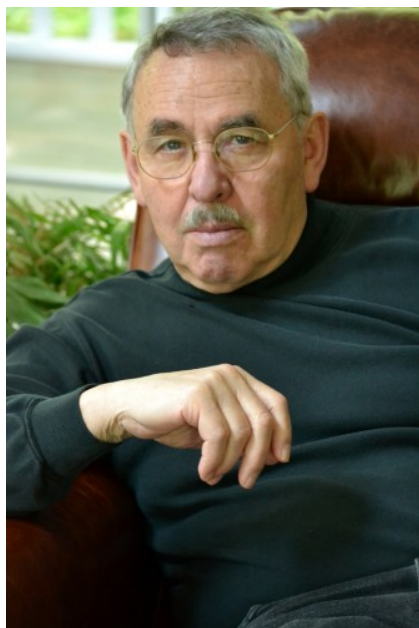
Президенту Картеру пришлось уступить давлению близких друзей шаха и особенно Генри Киссинджера, и позволить шаху приехать в Соединенные Штаты. Картер боялся, что в ответ на это новый режим в Иране начнет мстить, и поэтому это решение далось ему нелегко. Он спросил: «Что мы будем делать, если иранцы найдут способ взять двадцать американских морских пехотинцев в заложники и расстреливать по одному из них на рассвете каждый день?» и добавил: «Пусть шах едет и играет в теннис в Акапулько, а не в Калифорнии». Но американские друзья шаха, те, кто много лет был развращен подарками от него, в конечном счете, смогли переубедить президента, и шах прибыл в США. Никто в Белом доме даже не потрудился спросить ЦРУ, что оно думало об этом.

Две недели спустя группа иранских студентов, сторонников Хомейни, захватила американское посольство в Тегеране и взяла весь штат посольства в заложники. Все оставшиеся 444 дня президентства Джимми Картера пятидесяти трем служащим посольства суждено было страдать в невыносимом аду.

Заложники из американского посольства

Ситуация Вашингтона была трудной. В штабе ЦРУ небольшой комитет принялся за работу по освобождению заложников. Связь с резидентурой ЦРУ в Тегеране была прервана, и ЦРУ вынуждено было обходиться информацией, которую оно получало от дружественных спецслужб. Если требовалось провести спасательную операцию, то для нее нужна была точная и самая актуальная информация. Кто-то должен был отправиться из центрального штаба ЦРУ в Тегеран и поработать там некоторое время. Это было опасное задание, которое могло бы закончиться смертью, но кто мог бы его выполнить? Рузи был опытным и храбрым офицером разведки. Он знал этот регион, очень хорошо знал иранцев, их религиозные обычаи и традиции. И еще он был мусульманином. В организации не было больше никого, кто мог бы выполнить эту трудную и опасную миссию так же хорошо, как он.

Когда Рузи был прикомандирован к кризисному комитету, он полетел из Бонна прямо в Тегеран. Он получил инструкцию прибыть туда под чужим именем, исследовать ситуацию на месте глазами эксперта, и разработать спасательную операцию вместе с другими членами комитета. У ЦРУ было два плана освобождения заложников. Рузи был в центре одного из них, в то время как главной фигурой другого плана был Тони Мендес, очень талантливый оперативный техник ЦРУ, специалист по поддельным документам, гриму и маскировке. Много лет спустя эти события стали темой художественного фильма «Арго». Фильм не упоминает присутствия Рузи в Тегеране и его роли в операции, но без информации, которую Рузи собрал на месте, операция Мендеса не могла бы закончиться удачей.

Тони Мендес (род. в 1940 году)

Шести чиновникам Государственного департамента из американского посольства в Тегеране удалось найти убежище в канадском посольстве в другой части города. В январе 1980 года ЦРУ смогло спасти эти шесть человек в результате чрезвычайно успешной операции. Мендес создал в Голливуде вымышленную кинокомпанию под названием «Шестая студия». Рекламные объявления на целую страницу появились в «Variety» и «Hollywood Reporter» в Лос-Анджелесе, и в них говорилось, что начинаются съемки фантастического фильма под названием «Арго», который будет частично сниматься в Иране. Мендес подготовил поддельные паспорта и материалы для грима для шести воображаемых актеров в этом фильме, получил от иранцев необходимую визу для себя и полетел в Иран. Он зарегистрировался в тегеранском отеле «Шератон» во второй половине дня в субботу, а в понедельник сел на такси и приехал в канадское посольство. Там этот сотрудник ЦРУ принялся за работу и смог переделать шесть белых американцев в африканцев, азиатов и арабов. Маскировка была настолько успешна, что даже им самим было трудно узнавать друг друга. После этого шесть американцев использовали свои фальшивые паспорта, чтобы пройти иранский пограничный контроль и сесть на самолет швейцарской авиакомпании «Swissair», который носил имя швейцарского кантона Ааргау – поразительно похожее на название фильма-приманки. Один из этих шести американцев с удивлением сказал Мендесу: – О, господи, какая идеальная операция. Название

самолета и название фильма – в точности одинаковое. Вы спланировали даже это.

Рузи был первым американским гражданином, который посетил Тегеран после того, как члены посольства были взяты в заложники. Он путешествовал по поддельному немецкому паспорту под видом афганского торговца коврами. В Тегеране он поселился в отеле «Интерконтиненталь», одном из самых лучших в городе. В отеле осталось очень немного иностранцев, и большинство из них были журналистами из разных стран кроме США. Многие были немцами, и Рузи успел подружиться с некоторыми из них.

Каждый день тысячи молодых людей собирались вокруг американского посольства, устраивая демонстрации и выкрикивая лозунги. Немецкие журналисты тоже подходили к посольству каждый день и пытались узнать, что происходило. Рузи пошел туда с корреспондентом газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», который стал его другом, как будто он был членом той же команды. Он заметил, что немецкий журналист угощал сигаретам полицейских возле посольства и разговаривал с ними, и в следующий раз он тоже взял несколько пачек сигарет с собой. Он раздал их полицейским и поболтал с ними. Когда его знакомство с ними укрепилось, Рузи начал узнавать у них важную информацию. Зарубежные газеты писали в то время, что персоналу посольства завязали глаза и увели из здания в неизвестном направлении. Первое, что узнал Рузи, было то, что на самом деле заложники все еще находились в здании. У посольства был очень большой сад, и по ночам «стражи Исламской революции» выводили членов штата посольства, сажали по одному в машину, завязывали глаза и позволяли им гулять по саду в течение полчаса.

Иранцы – большие мастера в искусстве миниатюр. Хотя официальные бумаги в американском посольстве в Тегеране были измельчены в машинках для уничтожения бумаг, иранцы собрали все маленькие клочки бумаги, как будто они были мозаикой, и затем прочли все документы. Это означало, что новые иранские власти знали содержание всей недавней корреспонденции между посольством и Вашингтоном.

Еще до приезда в Тегеран Рузи должен был предпринять интенсивные подготовительные меры, чтобы наладить систему передачи информации из Тегерана в центральный штаб. ЦРУ договорилось с британцами о том, что их агенты будут встречаться с Рузи и пересылать его информацию. Местом для встреч был книжный магазин в Тегеране. Рузи должен был класть свои записки, которые внешне были похожи на чистые листочки бумаги, между страницами одной из книг. После того, как он уезжал, британский агент брал ту же книгу и забирал

бумагу. Когда чистый листок подвергали небольшой химической обработке, написанное на нем становилось видимым.

Рузи узнал, что в Тегеране был ресторан, который часто посещали азербайджанские турки, и он начал питаться там, а не в отеле. В азербайджанском ресторане он познакомился с интересными людьми и собирал важную информацию о ситуации с заложниками и о новом правительстве Ирана. В этом ресторане Рузи также познакомился с губернатором Тебриза. Он все еще служил на своей должности, но ожидал, что его могут уволить и арестовать в любой момент. Вечерами Рузи сидел с губернатором, ел и разговаривал с ним о ситуации в Тебризе, хотя и не раскрывал ему свою реальную личность. Вскоре после того, как Рузи уехал из Ирана, губернатор Тебриза действительно оставил свою страну и обосновался в Швейцарии.

Однажды ночью сразу после того, как Рузи заснул в спальне своего отеля, он услышал сильный стук в его дверь. Рузи забеспокоился. Кто мог прийти к нему так поздно ночью и почему? Он встал, попытался сохранить спокойствие, и открыл дверь с улыбкой на лице. Вооруженные стражи Исламской революции ворвались в комнату и, не говоря Рузи ни слова, начали искать что-то под кроватью, в ванной и в шкафах. Рузи отметил, что они не посмотрели на его официальные документы, и спросил себя, что же они могли искать. Когда они ушли, Рузи оделся и спустился к стойке администратора. Там он спросил клерков, что искали стражи Исламской революции. Молодой человек за стойкой усмехнулся и сказал, что они искали женщин. Позже один азербайджанец, с которым он познакомился в ресторане, описал подобный случай. Однажды ночью он, его жена и маленький сын возвращались из гостей от родственников. Его автомобиль был остановлен стражами Исламской революции, которые попросили у его и его жены их удостоверения личности. У его жены не было удостоверения с собой. Тогда они захотели увидеть их свидетельство о браке. У них его с собой тоже не было. Стражи задержали женщину, пока ее муж поехал домой – до него нужно было ехать несколько часов, взял там свидетельство о браке и вернулся. Только тогда они отпустили ее.

Вашингтон игнорирует совет Рузи

За то время, которое он провел в Тегеране, Рузи понял, что военная операция по спасению заложников была невозможна. За одиннадцать дней он выполнил всю работу, которую от него требовали. Он вернулся в Вашингтон, где директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд Тёрнер ждал его. Он обсудил все детали с Рузи и затем пошел к президенту Картеру и передал ему все, что узнал.

После встречи с президентом адмирал Тёрнер вернулся в штаб и отправил Рузи на самолете ЦРУ на встречу, на которой присутствовали несколько генералов от Пентагона, чтобы обсудить спасение заложников. Рузи подробно проинформировал генералов о ситуации с заложниками. Он с беспокойством выслушал планы спасения, обрисованные в общих чертах двумя американскими генералами. Эти планы показались Рузи хвастливыми и совершенно нереалистичными. План был очень далек от учета реалий региона и Ирана. План включал покупку нескольких больших грузовиков «Мерседес» и отправку на них солдат в Иран через Турцию. Эти солдаты должны были совершить рейд на посольство и спасти заложников. Сильные возражения Рузи привели к отказу от этого плана. Он сказал, что такая операция будет стоить жизней солдат, участвующих в ней, и сделает положение заложников еще хуже или даже подвергнет опасности их жизни. Он попытался объяснить, что следует продолжать работу через дипломатические каналы. После этой встречи он вернулся к своим прежним обязанностям в Бонне.

Совет Рузи был проигнорирован, и было принято решение начать новую операцию. Американские вертолеты должны были взлететь с временной базы в пустыне и высадить солдат в саду посольства, чтобы освободить заложников военной силой. Но кульминацией операции стала большая катастрофа и полный провал. Один вертолет столкнулся с транспортным самолетом, возник пожар. Восемь американских военнослужащих погибли в пустынях Ирана. После этой неудачной операции ситуация заложников еще больше ухудшилась.

После того как Картер проиграл президентские выборы 1980 года, заложники были освобождены иранскими властями в тот самый день, когда Рональд Рейган был приведен к присяге как новый американский президент. Рузи предвидел это задолго до неудавшейся операции, которую он советовал не проводить. Картер прибыл во Франкфурт, чтобы приветствовать заложников, когда они были освобождены. Он казался чрезвычайно напряженным, как будто его достоинство было разорвано на куски. Иран оскорбил его и пытался дать американскому правительству урок.

Иранцы никогда не забывали о том, как премьер-министр их страны Моссадык национализировал нефть, и как, получив поддержку простых людей страны, он был свергнут со своего поста в результате путча, за которым стояло ЦРУ. Рузи долго пытался объяснить руководству ЦРУ, что, в отличие от большей части Ближнего Востока, Иран не был страной, которая возникла только после Первой мировой войны. У Ирана была древняя история, и его цивилизация уходила своими корнями на тысячелетия в прошлое. К Ирану следовало относиться с уважением.

17. КОНЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ВОЗВРАЩЕНИЕ РУЗИ В УЗБЕКИСТАН

Какой Советский Союз?

Рузи родился в Советском Союзе, учился в советских школах и приобрел опыт жизни в советском государстве в своей юности. В течение многих последовавших лет он накопил информацию о советской системе, и он чрезвычайно хорошо знал ее слабые места. В то время, когда большинство людей предполагало, что советское государство просуществует еще очень долго, Рузи чувствовал, что система приближалась к своему концу. Используя все возможности, которыми он обладал, Рузи продолжал бороться за то, чтобы ускорить этот процесс.

Как знал Рузи, у Советского Союза были огромные экономические проблемы. Экономика регулировалась централизованным планированием и была чрезвычайно громоздкой и негибкой. В теории эта система обещала людям счастье и процветание, но она не была способна дать ни то, ни другое. Государство могло только финансировать свою гигантскую военную мощь за счет благосостояния людей. Вожди были полностью оторваны от обычных людей.

Один технократ узбекского происхождения, который возглавлял одно из самых больших советских промышленных предприятий, как-то поделился с Рузи любопытным воспоминанием, которое чрезвычайно хорошо описывало саму суть тоталитарной системы.

С разрешения государства члены советской элиты могли часто путешествовать в западные страны. Перед отъездом последняя обязанность каждого технократа состояла в том, чтобы зайти в местный отдел КГБ для получения инструкций. В стране, которую они посещали, они обязаны были утверждать, что Советский Союз был раем, что там не было безработицы, что они достигли стадии построения идеальной коммунистической системы, что люди там жили как в раю, и что все народы Советского Союза были братьями. Им следовало говорить, что в СССР образовался новый советский народ, и советская система была самой совершенной и самой передовой во всей истории человечества. Когда они возвращались из своей поездки, первым делом они должны были снова посетить местный отдел КГБ и доложить о том, что они видели.

Человек, который объяснил все это Рузи, тоже пошел в КГБ после возвращения из поездки в Австрию. Они спросили его, что он там видел и испытал, и он рассказал им все, что было на самом деле. Тогда они дали ему следующее заявление: «Вам было неуютно в Вене, и вы не видели никакого процветания. Вы видели голод, бедность, длинные очереди на рынках и марши протестов голодных

и несчастных масс рабочего класса. Вы видели, что Австрия находится на грани социалистической революции». Итак, когда на следующий день его коллеги спрашивали его на работе о его впечатлениях от поездки, он не рассказывал им то, что он в действительности видел в Вене, но только то, что ему приказали сказать в отделе КГБ.

Одним из самых серьезных недостатков тоталитарных систем был тот способ, которым они поощряли появление двух личностей в одном человеке. Рузи очень хорошо знал, что многие члены Коммунистической партии днем ведут семинары, читают лекции о диалектическом материализме, историческом материализме и атеизме. А потом ночью они же тайно молятся Богу у себя дома. Люди, которые являются атеистами днем и взывают к Богу ночью, могут казаться преданными системе, но в действительности это общество, состоящее из людей, не верящих в систему, в которой они живут. Со временем кадры Коммунистической партии потеряли контакт с обычными людьми и стали новым классом, обладающим многими привилегиями. Социалистическое государство Ленина превратилось в тоталитарное полицейское государство, которое контролировало всю страну и ее народы. Крах системы был неизбежен, и именно это и произошло. Во всей истории человечества ни одна система не рухнула за такой короткий период времени.

В 1983 году президент Рейган назвал Советский Союз «империей зла». Пять лет спустя Белый дом объявил, что Рейган нанесет исторический официальный визит в Советский Союз в мае 1988 года. Визит совпал с началом новой политики Михаила Горбачева – гласности и перестройки. Перед такими важными визитами государственные деятели тщательно готовятся, собирая информацию от специалистов по странам, которые они собираются посетить. Определяются цели визита, и дипломаты обеих сторон совершают предварительные приготовления к соглашениям, которые планируется подписать. Это должна была быть четвертая встреча Рейгана и Горбачева.

Рузи был приглашен в Белый дом, чтобы проинформировать американского президента о политической ситуации в Советском Союзе и о международных проблемах там. Несколько генералов были вызваны из Пентагона, которые должны были проинформировать президента о военной ситуации. Затем делом президента было оценить эту информацию.

Полуночная встреча в Вашингтоне с мэром Ташкента

Хотя подавляющее большинство американских экспертов думало, что Холодная война будет продолжаться еще много лет, и разрабатывали стратегии на основе такого взгляда, Рузи не разделял их мнения. Он внимательно следил за событиями в Советском Союзе, при возможности встречаясь с советскими гражданами и получая от них информацию. В это время мэр Ташкента Шукурулла Рахматович Мирсаидов прибыл в США. Его город, один из самых больших и самых важных в Советском Союзе, должен был стать побратимом американского города Сиэтла. Мирсаидов несколько дней пробыл в Сиэтле и затем приехал в Вашингтон как гость советского посла, который дал обед в его честь. Мирсаидов был очень культурным и хорошо образованным человеком, и обладал обширными знаниями, особенно в истории Центральной Азии. Рузи узнал, что он тайно помогал семьям членов узбекской компартии, которые были арестованы и обвинены в том, что они буржуазные националисты. Он хотел найти способ встретиться с Мирсаидовым, когда тот был в Вашингтоне.

Рузи был известен властям в Советском Союзе как человек, который почти столетия боролся за распад советской империи и за независимость центрально-азиатских республик.

Советская пресса опубликовала много статей с критикой Рузи, и в его адрес делались резкие обвинения. Он не знал, согласится ли Мирсаидов встретиться с ним, но если он согласится, то служащие советского посольства в Вашингтоне не должны были об этом узнать. Рузи послал маленькую делегацию узбеков, живущих в США, чтобы приветствовать Мирсаидова. Один из членов этой делегации шепнул Мирсаидову, что Рузи Назар был в Вашингтоне и хотел бы увидеть его. Позже мэр тайком ответил, что он вернется в свой отель как можно быстрее и будет ждать Рузи там. И действительно после обеда в советском посольстве он извинился перед послом, сказав, что он устал и хотел бы вернуться в свой отель, чтобы отдохнуть. После того, как все остальные ушли в свои номера, он удостоверился, что за ним не следят, а затем сел в такси с одним узбеком, который ждал его в фойе отеля, и поехал к дому Рузи в районе Фолс-Чёрч в Вирджинии. Рузи и Мирсаидов никогда прежде не видели друг друга, но их встреча походила на встречу двух братьев, разлученных долгие годы.

Мирсаидов и Рузи эмоционально обнялись, каждый из них изо всех сил старался не показывать другому, что их глаза были полны слез. Они проговорили много часов, слушая классическую узбекскую музыку и потягивая напитки. У Рузи была богатая коллекция узбекской музыки, начиная с записей 1920-х годов. Узбекские мелодии обычно меланхоличны, они похожи на стенания людей, кото-

рые перенесли большие мучения. Мирсаидов был удивлен тем, что в тысячах километров от своей родины он нашел человека, который разлучился со своей страной почти на половину столетия, и который обладал такой коллекцией. Ни у кого в Узбекистане не было ничего подобного. Рузи сказал, что именно с помощью этой музыки он пытался, по крайней мере, частично, смягчить свою ностальгию по земле, на которой родился.

Шукурулла Мирсаидов родился в 1939 году. Он изучал экономику в советских университетах и затем еще в молодом возрасте стал членом Коммунистической партии и сделал карьеру в бюрократии. Как мэр Ташкента, он был членом правящего класса, и от него можно было бы ожидать, что он является сторонником системы. Но во время их беседы Рузи смог увидеть, что Мирсаидов знал все о недавней истории колонизации и о притеснении Центральной Азии. Его замечания подтвердили аргументы, которые Рузи приводил годами. Интеллектуалы и члены партии в нерусских республиках СССР не верили в будущее советского государства. Советская пропаганда прямо противоречила фактам. Экономика была в масштабном кризисе. Национальный вопрос по-прежнему оставался главной проблемой государства. Советский Союз мог бы выжить только в том случае, если бы он превратился в союз государств, обладающих равными правами; в противном случае его распад был неизбежен.

Спустя несколько дней после этой встречи с Мирсаидовым Рузи приехал в Белый дом. Брифинг начался утром и продолжился после обеда. Рузи передал президенту то, что он узнал о советской системе. Он упомянул ситуацию противников режима, в особенности трудности, перенесенные Мустафой Джемилевым, лидером крымских татар. Опираясь на свою недавнюю беседу с Мирсаидовым, он сказал Рейгану, что национальный вопрос продолжает быть основной проблемой Советского Союза, и что он мог бы быть решен только в том случае, если бы советское государство стало демократическим государством, управляемым законом в западном понимании. Это также было бы только единственным путем, которым советское государство прекратило бы быть угрозой безопасности США и его союзников.

Мустафа Джемилев (род. в 1943 году)

Рейган нанес свой официальный визит в Советский Союз в последние дни мая 1988 года. В Московском университете он произнес перед студентами и преподавателями речь, в которой он подробно остановился на демократии, сказав, что она начинается и заканчивается свободными выборами. Выступая в Советском Союзе, где все органы прессы находились под государственным контролем, он объяснил, что в Соединенных Штатах с их 1000 телевизионных станций, 8500 радиостанций и 1700 ежедневных газет, новости сообщались и взгляды выражались ежедневно без малейшего вмешательства государства. Он подчеркнул, что государства не имеют права ограничивать демократию и свободы, но что, напротив, принцип демократии и верховенства закона должен ограничивать действия правительств.

Президент Рональд Рейган (1911-2004) и шеф ЦРУ Уильям Кейси (1913-1987)

Рональд Рейган был избран президентом в то время, когда США перенесли ряд провалов и поражений во внешней политике, но он начал идеологическое контрнаступление против Советского Союза и постоянно сохранял давление на высоком уровне. В этом его поддерживала британский премьер-министр Маргарет Тэтчер. Когда Тэтчер встретила Горбачева во время своего визита в Москву, Горбачев отметил, что речь, которую она произнесла незадолго до этого, напоминала агрессивный язык американских президентов и Уинстона Черчилля в 1940-х и 1950-х годах. Ее слова вернули Горбачева в те дни, когда была провозглашена доктрина Трумэна, а Черчилль говорил о Железном занавесе, опустившемся через всю Европу. Британский премьер-министр контратаковала без извинений. Она ответила, что Горбачев, очевидно, еще не отказался от взгляда, что война Советского Союза с Западом будет продолжаться, пока коммунизм не будет установлен во всем мире. Запад, сказала она, почти всюду противостоял советской агрессии, в Йемене, Эфиопии, Мозамбике, в Анголе и Никарагуа. Горбачев улыбнулся и смягчил атмосферу, сказав: «Как хорошо, что мы можем так откровенно обсуждать вопросы друг с другом».

Крах Советского Союза

Реформы, начатые Горбачевым, нанесли Советскому Союзу фатальный удар. Гласность и перестройка привели к тому, что советские люди стали подвергать сомнению однопартийную диктатуру, которая управляла государством много лет и контролировала все аспекты политической и общественной жизни.

18 мая 1988 года советский профессор-экономист Вячеслав Дашичев опубликовал статью в «Литературной газете», одной из самых престижных газет страны. Дашичев утверждал, что руководство СССР при Брежнев в 1960-х и 1970-х годах интерпретировало историю неправильно, из-за чего великие державы мира сформировали коалицию против Советского Союза. Результатом этого стала гонка вооружений, с которой Советский Союз не мог справиться. Спустя два месяца после визита Рейгана советский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе отказался от политики, которую Советский Союз проводил последние двадцать пять лет.

Рузи всегда верил, что Советский Союз должен был распасться, чтобы его страна и его народ смогли вести более достойную жизнь. После того, как половина столетия его жизни прошла в бурных приключениях, он увидел, что эта цель, по крайней мере, частично достигнута. Каждая из центральноазиатских республик добилась независимости и стала членом ООН.

19 августа 1991 года противники реформ в руководящих структурах советской компартии попытались устроить путч, поддержанный КГБ. Борис Ельцин, президент Российской республики, призвал людей выступить против руководителей переворота, и 21 августа их попытка закончилась поражением и арестом. 21 декабря Ельцин и Горбачев опубликовали совместное заявление всему миру, объявив, что Советский Союз распущен. Центральноазиатские республики к тому моменту уже провозгласили независимость вскоре после провала путча в Москве.

В течение пятидесяти лет Рузи утверждал, что нерусские народы СССР желали независимости. События доказали его правоту. Люди, поднявшие знамя независимости в нерусских республиках, были партийными функционерами, которые составляли правительственные кадры Советского Союза до 1991 года. Эдуард Шеварднадзе, последний министр иностранных дел Советской империи, должен был стать вторым президентом Грузии после того, как она вышла из Советского Союза. Гейдар Алиев, член Политбюро и заместитель премьер-министра советского государства, стал первым председателем Верховного Совета в Нахичеванской автономной республике в 1991 году, а затем и президентом Азербайджана.

В Казахстане Нурсултан Назарбаев, который был первым секретарем казахской Коммунистической партии, стал первым президентом своей независимой страны.

В 1991 году нерусские члены партии, которые всю свою жизнь состояли в Коммунистической партии, подняли флаг независимости перед своими собственными народами. За несколько месяцев они разрушили империю, созданную более трех столетий назад войнами и кровопролитием. Этот процесс исторических изменений доказал правоту Рузи Назара, полстолетия упорно трудившегося для достижения цели, в которую он верил. Когда Советский Союз был распущен, и республики Центральной Азии провозгласили свою независимость, Рузи почувствовал огромное спокойствие человека, сторона которого с победой вышла из справедливой войны.

Рузи снова встречает свою сестру

Благодаря реформам, которые Горбачев начал в 1990 году, советским гражданам разрешили путешествовать за границу, и бывшие советские граждане тоже получили возможность посещать свою родину. Но для Рузи было все еще опасно ехать в Советский Союз. Советское государство объявило его врагом. Тогда еще не было прямых рейсов в Узбекистан. Можно было лететь через Москву, но для него было бы рискованно прилететь в Москву в то время, когда КГБ все еще активно действовал. Но Рузи теперь уже постарел. В 1970-х он узнал о смерти своей матери и был очень расстроен. Теперь он хотел попытаться увидеть свою сестру и обнять ее, пока еще было время, поскольку он узнал, что состояние ее здоровья было не очень хорошим. Поэтому Рузи пригласил Шамсихон, ее дочь Дилбархон, и маленьких дочь и сына Дилбархон в США.

В годы Холодной войны родственники такого человека как Рузи не могли и мечтать о свободных путешествиях за границу. Ни одно из писем, которые он писал им, не дошло до адресата. Но Рузи был опытным разведчиком, и он смог найти способ, чтобы получать новости о своей матери, сестре и других родственниках достаточно часто.

Однажды осенью 1990 года самолет, на котором летели его сестра, его племянница и ее дети, приземлился в вашингтонском аэропорту имени Даллеса. Рузи и его сестра не видели друг друга почти пятьдесят лет. Шамсихон видела, как их мать почти каждый день молилась Богу за здоровье и благополучие своего сына, с тех пор, как Рузи уехал в 1941 году, и вплоть до своей смерти. Рузи ни на один день не прекращал думать о них, и они делали то же самое. Когда Рузи и

Шамсихон встретились в первый раз снова, после столь многих лет разлуки, они обняли друг друга так крепко, чтобы никто никогда не смог бы снова разлучить их. Рузи чувствовал, что он обнимал не только свою сестру, но и свою мать, своего отца и своего брата, который был казнен. Через нее он почувствовал их запах и запах своей родины. Его сестра и ее семья пробыли в США два месяца, за которые Рузи рассказал ей обо всем, что он пережил за последние полвека, и она рассказала ему свою историю тех же лет. Они говорили целые ночи до самого утра. Наконец, наступил день, когда они должны были снова расстаться. Рузи попрощался с сестрой и ее семьей, и они вернулись в Узбекистан.

Весной 1991 года, за шесть месяцев до провозглашения независимости, узбекское правительство решило провести в Ташкенте конференцию для международных бизнесменов и инвесторов. Был сформирован организационный комитет, и были приглашены участники более чем из сорока стран за пределами Советского Союза. Однако посетители должны были ехать в Узбекистан через Москву.

Председателем организационного комитета был Шукурулла Мирсаидов, с которым Рузи познакомился в Вашингтоне в 1988. Тогда он был мэром Ташкента, но к 1990 году он стал премьер-министром Узбекистана. Даже при том, что Рузи был приглашен на конференцию Мирсаидовым, он все еще предпочитал подождать, пока он сможет полететь в Узбекистан прямым рейсом. Он отправил вместо себя своего сына Эркина. В Ташкенте Эркина встретили друзья Рузи, и после конференции он поехал в гости к своим родственникам в Ташкенте. Они были удивлены, узнав, что Эркин отлично знал улицы и дома Ташкента и даже обладал подробной информацией о Ферганском оросительном канале. Эркин объяснил свои обширные знания: «Когда мы были маленькими, мой отец обычно много рассказывал нам о стране и городе, где он родился, его улицах и исторических памятниках, и об истории города. Маргилан может быть в 3000 километров от страны, где мы живем, но из всего, что мой отец рассказал мне, у меня была возможность изучить даже самую маленькую деталь города». Это был маленький признак любви Рузи к своей стране и его тоски по ней.

Когда Эркин вернулся в Вашингтон, он рассказал отцу обо всем, что он видел и испытал в Узбекистане, до самых малейших деталей. Он сказал, что интеллектуалы в Ташкенте и ведущие политики проявили большой интерес к нему, что он каждый вечер был гостем какого-нибудь важного лица. И он сказал, что они хотели бы видеть Рузи там, как только это будет возможно. Рузи был очень взволнован мыслью о том, что интеллектуалы Узбекистана поняли его борьбу, и что он был очень любим у себя на родине. Рузи прошел через полвека, через жизнь, полную войн и страданий, но он всегда шел в одном и том же направле-

нии, и, наконец, он достиг своей цели. Он знал, что для него настало время возвратиться на родину, и он начал искать подходящую возможность.

Узбекистан провозгласил независимость в сентябре 1991 года, но Вашингтон затягивал его признание. В начале 1992 года узбекское правительство попросило Рузи о помощи. Это должно было стать одной из последних операций Рузи. Он проконсультировался со своим коллегами и организовал поездку в Ташкент секретной делегации. Команда из четырех человек полетела через Стамбул. Их приветствовали в ташкентском аэропорту премьер-министр и министр иностранных дел Узбекистана. Они провели переговоры на уровне главы государства, и спустя неделю после того, как делегация вернулась в Вашингтон, США признали Республику Узбекистан как независимое государство.

Прямые рейсы между Стамбулом и Ташкентом начались в начале 1992 года. Республики Центральной Азии стали членами Организации Объединенных Наций и были признаны многими странами мира как независимые государства. Рузи теперь мог посетить страну, где он родился и провел свое детство и молодость. В начале мая того же 1992 года Рузи отправился с Эркином в Стамбул. Его тепло приветствовали в стамбульском аэропорту некоторые из его турецких друзей. Рузи порядком нервничал. Он был вынужден покинуть свою родину, когда был молодым парнем; теперь он возвращался в нее в возрасте семидесяти пяти лет, здоровый и умом, и телом, но все равно старик. Он видел, как сотни его друзей гибли во Второй мировой войне. Какая-то невидимая сила защищала его в каждом случае. За сорок лет Холодной войны он много раз сталкивался со смертью, но, в конце концов, он остался невредимым.

Как примут его в Узбекистане? Во время Холодной войны Рузи изображали как врага народа и государства, и как агента буржуазии. Правда, те узбекские граждане, которых он встречал вне Советского Союза, всегда обнимали его с привязанностью и уважением, но он все еще задавался вопросом, каким мог быть эффект длившейся полстолетия пропаганды. Он размышлял о городах, где он провел свое детство и молодость, о друзьях, которых он оставил там. В течение этих семидесяти лет, когда существовал Советский Союз, Коммунистическая партия осуществляла один из самых больших социальных и политических экспериментов в истории человечества. Он задавал себе вопрос о том, каковы могли быть его последствия. Обо всем этом он думал, пока летел из Стамбула в Ташкент.

Он вспоминал, как он, до того, как покинул свою страну, предал своего отца земле. Картина, как его мать со слезами на глазах махала ему на маргиланской железнодорожной станции, предстала перед его глазами так же ясно, как будто

после этого прошло только несколько минут. Он помнил любовные истории и приключения его первых лет. Ему на ум пришли слова народной песни, которую исполнял азербайджанский певец Рашид Бейбутов. Рузи очень нравилась эта песня, и он слушал ее, когда оставался один по вечерам.

Он начал про себя вспоминать ее слова.

«Не могу уснуть ночами, думая о тебе.
Не могу выбросить эти мысли из головы.
Что мне делать, если я не могу быть вместе с тобой?
Разлука, ах, разлука.
Разлука – самая ужасная в мире вещь.
От разлуки темные ночи становятся длиннее.
Не знаю, куда мне бежать в ночи.
Мое сердце истерзано.
Разлука, разлука...»

Затем он вспомнил сон, который приснился ему на Украине во время войны. Его мать тянула руки к нему, но стеклянная стена между ними не давала ей дотянуться до него. Этот сон стал явью. Рузи так никогда и не увидел снова свою мать. Когда он вернулся на родину, он смог лишь посетить ее могилу и помолиться. Делая это, он пытался успокоить свою тоску по матери.

После пяти с половиной часов полета пилот объявил, что самолет идет на посадку. Многочисленная толпа приветствовала Рузи в аэропорту Ташкента. Сотни людей приехали, чтобы встретить его, среди них самые известные поэты, авторы, художники и политики, а также преподаватели и студенты. Ислам Каримов, президент Узбекистана, послал своего главного советника, чтобы приветствовать Рузи. Как только Рузи вышел из самолета, он со слезами на глазах поцеловал землю страны, в которой он отсутствовал в течение пятидесяти лет, и поблагодарил Бога.

Ему хотелось сразу же поехать в свой родной город Маргилан, чтобы почувствовать присутствие своей матери в доме, в котором он родился, и посетить могилы матери и отца. Однако он понял, что должен будет остаться в Ташкенте на некоторое время. Люди, которые приветствовали его, сказали ему, что президент Ислам Каримов хотел бы встретиться с ним. Рузи и Эркин поехали на встречу к президенту и министру иностранных дел Убайдулле Абдураззакову, который обнял Рузи с привязанностью и уважением. Это стало началом теплой

дружбы между Рузи и Абдураззаковым, которая продолжалась до смерти последнего в 2014 году.

Ислам Каримов (1938-2016)

За эти четыре дня, которые он провел в Ташкенте, Рузи встречался с множеством людей и объяснял им свои представления о будущем страны. Начиналась новая эра. Он давал им свои советы. Ташкентское государственное телевидение сделало получасовой документальный фильм о Рузи, и этот фильм неоднократно показывали по телевидению во время его пребывания в Узбекистане. В фильме объяснялась борьба Рузи за независимость его родины и за право ее народа жить в свободном и демократическом обществе.

После пятидесяти двух лет Рузи, сын Джамшида Умирзакоглу, человека, который мог делать чудеса из шелка, впервые вернулся в Маргилан, город шелка и мастеров шелкоткачества. Первое, что он сделал, это посетил дом своих родителей, дом, где он родился и где слушал колыбельные своей матери и советы своего отца.

Рузи встретили его родственники, некоторые из его друзей детства, которые были еще живы, и выдающиеся люди города. Когда он приехал в дом, животные были принесены в жертву. Белоснежные занавесы украсили его путь, и шелко-

вые ткани были расстелены на земле. Рузи пришел в дом, где началась его жизнь. Было похоже на то, как будто отец, которого он похоронил своими руками, мать, которая скончалась во время его отсутствия, друзья, которых он потерял во время войны и в последующие годы, все были там. Рузи чувствовал, что, хотя они и не присутствовали физически, но дух их был здесь.

* * *

Рузи Назар умер в турецком городе Сиде 30 апреля 2015 года. Ему было 98 лет.

ДОПОЛНЕНИЯ

Пуллат Ахунов: Мысли и принципы Рузи Назара в контексте истории

06.05.2015, Фергана

Несколько дней назад в Турции скончался Рузи (по-узбекски – Рўзи) Назар – неоднозначная фигура и человек удивительной судьбы. О встречах с ним рассказал «Фергане» Пуллат Ахунов, узбекский политик-оппозиционер, председатель зарегистрированного в Швеции Общества Центральная Азия (Association Central Asia), основатель Фонда борьбы с коррупцией в Узбекистане.

Рузи Назар, умер несколько дней назад, первого мая 2015 года в Турции, но долгое время жил в США. Он родился в год революции 1917 года в Маргилане и вырос в социалистическом Узбекистане, но не потерял мечту о независимом и свободном от России Туркестане. Во время второй мировой войны Рузи Назар попал в плен, и принял активное участие в создании Туркестанского легиона. Так он решил воплотить в жизнь свою мечту и вместе с немцами бороться про-

тив коммунистической России, оккупировавшей его родину и установившей там власть коммунистов.

Ярый антикоммунист Рузи Назар и после окончания войны продолжил свою борьбу против СССР. Работал в качестве сотрудника ЦРУ США и в разные годы был сотрудником посольств этой страны в Турции и Германии. Он участвовал в разрешении конфликтов в Иране, в 1979 году, и позже – в Афганистане. На счету Рузи Назара спасенные жизни многих советских солдат-мусульман, попавших в плен во время войны СССР против афганского народа.

В мою первую поездку в Вашингтон, в 1995 году, я познакомился с Рузи-ака Назаром, бывал у него дома. Рузи-ака очень многое рассказал мне, человеку, выросшему в СССР и поэтому мало знавшему о борьбе наших соотечественников за освобождение от России, а потом подарил мне целый чемодан книг. Тогда же Рузи Назар познакомил меня со своим сыном Эркином и дочерью Сильвией, о которой много рассказывал. В то время я ничего не знал ни о Сильвии Назар, ни о профессоре Джоне Нэше.

Вы удивитесь, но именно перу дочери Рузи-ака Сильвии (Зульфийи) Назар – американскому экономисту, писательнице и журналисту, профессору бизнес-журналистики Колумбийского университета и узбечки по отцу – принадлежит биографическая книга «Прекрасный ум. Жизнь математического гения и Нобелевского лауреата Джона Нэша», изданная в 1998 году. И именно эта книга легла в основу сценария знаменитого фильма «Игры разума» с Расселом Кроу в главной роли.

Помните, в фильме гениальный профессор математики подвергался принудительному лечению. Его не смогли вылечить, но доктор Нэш сам нашел выход из ситуации – принял решение работать, игнорируя шизофренические видения, которые сопутствуют этой болезни и превращают человека в сумасшедшего. В конце концов, гениальность Джона Нэша была признана, и он в 1994 году получил Нобелевскую премию по экономике.

Встречаясь с Рузи-ака, я думал о том же – кем они были, бойцы Туркестанского легиона, те, кто воевал за свободный и независимый Туркестан – гладиаторами или сумасшедшими, стремившимися выжить и одновременно найти пути выхода из того тупика в который их загнала история?

Для моего поколения фигура Рузи Назара очень противоречива. Мне кажется, еще не настало время, когда следует всесторонне обсудить и оценить деятель-

ность Рузи Назара, Баймирзы Хаита и многих других организаторов и членов Туркестанского легиона.

Когда я встречался и беседовал с Рузи-ака, он сказал слова, с которыми я не мог согласиться. Он утверждал, что мы, узбекские демократы, неправильно оцениваем значение независимости Узбекистана, и вместо того, чтобы поддерживать руководство страны, критикуем и боремся против него. На мои аргументы о том, что страна является авторитарной и по-прежнему полностью контролируется Москвой, он заявлял, что именно поэтому всем нам надо безоговорочно поддерживать Ислама Каримова и уже сегодня готовиться к будущей конфронтации с Россией. Главное для нас – независимость, и делать акцент на демократии является предательством независимости, утверждал он.

В фильме «Игры разума» профессор Джон Нэш, объявленный сумасшедшим, в конце концов, получает Нобелевскую премию. Может и Рузи Назару, которого многие не принимают, избегают, считают предателем, казалось, что его принципы, мысли о свободе и независимости его родины и есть самые правильные. И он дождался победы своих идей, но для родины оказался чужим. Высший судья, конечно же, все расставит по местам и даст самую правильную оценку его действиям.

Да будет Аллах милостив к нему!

Источник: Международное информационное агентство «Фергана», май 2015.

* * *

Скончался легендарный Рузы Назар

Только что я узнал, что в Турции скончался Рузы (по-узбекски – Рўзи) Назар – человек очень долгой и богатой на события судьбы. Оказывается, он умер 30 апреля 2015 года в пригороде Анталии, куда переехал несколько лет назад, готовясь к уходу в мир иной.

Почти всю свою жизнь он прожил в Соединенных Штатах после пребывания в Германии и Турции в 40-е годы прошлого столетия. Р. Назар родился 1 января 1917 года в Маргилане, был свидетелем, как известно, далеко не бескровного подчинения всей Средней Азии большевистской власти в Москве. В 1941 году, оказавшись из-за болезни глаз в Одессе, он попал в плен войскам гитлеровской Германии. Во время Второй мировой войны Рузы Назар под влиянием Баймирзы Хаита и других туркестанских политэмигрантов принял активное участие в создании Туркестанского легиона, надеясь освободить свой край от коммунистических захватчиков.

Не удалось. Но борьбу свою он продолжил в качестве сотрудника ЦРУ США. И не только. Работал он в разные годы сотрудником посольств США в различных странах, участвовал, в частности, в разрешении конфликтов в Иране и Афганистане, способствовал спасению жизни многих советских солдат-мусульман, попавших в плен к моджахедам во время войны СССР в Афганистане.

Знаю об этом со слов самого Рузы-ака, с которым неоднократно встречался в нашем доме в 90-е и нулевые годы. А в 2003 году мне с группой телевизионщи-

ков довелось побывать и у него дома. Поводом для поездки нашей съёмочной группы было желание создать фильм о его дочери Сильвии (Зульфие), написавшей книгу о Лауреате Нобелевской премии Джоне Нэше. Её биографическая книга «Прекрасный ум. Жизнь математического гения и Нобелевского лауреата Джона Нэша» была издана в 1998 году. И вмиг стала бестселлером во многих странах. На основе этой книги режиссёром Стивом Ховардом был создан знаменитой фильм «Игры разума» с Расселом Кроу в главной роли. Мы отсняли интервью Саодат Ходжаевой с Сильвией Назар – профессором кафедры бизнес-журналистики Колумбийского университета в Нью-Йорке, а также её беседу с сыном Рузы-ака Эриком (Эркином), семейный ужин в доме Назара, куда в конце октября на День Благодарения съехались дети и внуки. На кухне и за столом главенствовала супруга Рузы-ака, имеющая наследный титул Баварской баронессы, которая в 1946 году влюбилась в азиатского парнишку и, получив согласие своих именитых родителей, вышла за него замуж, разделив с ним беспокойную судьбу. Индюшка была огромной и очень вкусной, и вся их семья, а также 5 членов нашей делегации получили истинное удовольствие от трапезы.

Наш фильм (правда, усечённый до получаса) был впоследствии неоднократно показан по узбекскому телевидению. Но должен оговориться, что из фильма были удалены изображения Рузы Назара, и, тем более, мои.

Рузы-ака рассказывал о своём первом, после 50-летнего перерыва, посещении Узбекистана, о встрече и беседе с Президентом И.Каримовым (почти протокольная встреча затянулась на 2,5 часа).

Мне кажется, что посещение своей Родины и достаточно подробное изучение жизни населения, громадные преобразования, которые произошли в Ташкенте, в Ферганской долине, в других уголках республики заметно изменили мнения о якобы «колониальном» положении Узбекистана в составе СССР, о положительных тенденциях в социалистическом развитии нашего края. Советского Союза уже не было, не было и прямой зависимости от России, которая тяготила его ранее. Он сам, по своей инициативе, стал утверждать, что социализм принёс его народу очень много полезного и созидательного, только Туркестан все равно должен быть самостоятельным и суверенным. Более того, меня поразила его переоценка роли и личности Сталина, на что бесспорное влияние оказали 2 тома книги Владимира Карпова. Признаюсь, к тому времени у меня ещё не было возможности приобрести книгу нашего знаменитого земляка, Героя Советского Союза, доросшего до уровня председателя Союза писателей России. А Р. Назар уже имел её и тщательно проанализировал. Мне кажется, он пришёл к выводу, что коммунистические идеи были плодотворными, но им помешали враги СССР и большевистские методы управления страной.

Разумеется, эта непростая тема требует особого рассмотрения, я же в данном материале хотел бы подчеркнуть незаурядность личности самого Рузы Назара. Человек почти энциклопедических знаний, эрудит и интеллектуал, остроумный собеседник, он производил сильное впечатление своим обаянием, простотой и доброжелательностью.

Он был очень земной, любил делать комплименты женщинам (по его мнению, самыми красивыми на свете были украинки!), любил хороший алкоголь и вкусную еду. Меня потрясло, когда, кажется, в 2006 году, он в ответ на вопрос моего зятя – «Что Вы будете пить, Рузы-ака?», удивлённо переспросил: «А что у тебя уже не остались водка и виски? Почему только пиво протягиваешь?» Гурман и сибарит, он с удовольствием возил меня по окрестностям Вашингтона, пару раз останавливаясь у популярных ресторанов, чтобы изведать китайскую кухню и немного выпить. И это, в свои 90 с лишним лет, да ещё, находясь за рулём своего лимузина.

Мне очень жаль, что мы в последние годы не общались – ему было опасно летать самолётом, а у меня не было возможности (из-за отсутствия выездной визы) навестить его в Турции. Он прожил наполненную и очень интересную жизнь. Я надеюсь, что у него остались мемуары. Наверное, об этом знает его сын Эркин. Такие люди, безусловно, оставляют след в истории. Он умер на 99 году жизни.

Алвидо, Рузы-ака, Худо узи Рахмат килсин.

А. Ходжаев

Источник: <http://ca-dialog.org/ruzynazr/>

* * *

Михаил Калишевский

«Туркестанцы» под знаменами рейха

26.10.2010

К сожалению, в год 65-летия окончания Второй мировой войны нет никаких оснований считать, что нам уже известна основная часть исторической правды об этой величайшей трагедии. Среди наименее разработанных и в то же время наиболее сложных и, можно сказать, неприятных тем находится проблема так называемого «коллорабационизма». В советской историографии ее рассмотрение, как правило, ограничивалось гневными обличениями «предателей Родины». Ведь объяснить, почему около двух миллионов жителей «первого в мире государства рабочих и крестьян» сражались на стороне нацистской Германии было невозможно без того, чтобы не возник вопрос: что же это за жизнь такая была в этом государстве, при которой «предателей» оказалось во много раз больше, чем за всю историю «тюрьмы народов» – Российской империи?

Уже в постсоветские времена было написано немало интересных работ, посвященных этой теме, однако широкой аудитории все-таки более доступна историческая публицистика. Основная же часть российской исторической публицистики по вполне понятным причинам посвящена коллаборационизму прибалтийскому и украинскому. Ну, возможно, еще личности генерала Власова, причем и то, и другое трактуется преимущественно в обличительном ключе. Что же до хорошо известного историкам факта службы сотен тысяч представителей других союзных республик, в частности, среднеазиатских, в разного рода формированиях вермахта и СС, то об этом до сих пор, опять же по понятным причинам, предпочитают особо не вспоминать.

Да и в самих государствах Центральной Азии исследования, посвященные, скажем, Туркестанскому легиону, тоже не отнесешь к числу самых популярных. Впрочем, и в этих странах появилось немало объективных и весьма интересных работ. Правда, встречаются и такие, что рассматривают проблему почти исключительно в плоскости национально-освободительной борьбы против «русского империализма». Представляется все же, что судьбу сотен тысяч граждан советских республик Средней Азии, оказавшихся в плену, а затем в рядах германских вооруженных сил, следует считать, прежде всего, частью общей трагедии десятков миллионов людей, ставших жертвой сразу двух ужаснейших тоталитарных режимов XX века – нацистского и советского.

«Так или иначе, мы обречены на смерть»

Во время разгрома вермахтом советских войск летом 1941 года огромное число уроженцев Средней Азии оказалось в самом центре грандиозной катастрофы, вина за которую целиком лежала на высшем советском руководстве. Только из Казахстана в ряды Красной армии в этот период были призваны 1 миллион 200 тысяч человек. Понятно, что представители среднеазиатских республик не относились к числу самых обученных и хорошо вооруженных солдат. Многие из них плохо или совсем не знали русский язык, следовательно, не могли понимать приказы. Поэтому нет ничего удивительного, что большинство красноармейцев из Средней Азии, прибывших в начальный период войны на фронт, попали в плен. К тому же у них не было особых стимулов отдавать жизнь за советскую власть, «подставившую» их и обрекшую на гибель и мучения. Не говоря уже о том, что еще свежи были в памяти большевистские зверства времен «борьбы с басмачеством», ужасы коллективизации, «Большого террора» 30-х годов, национальные и религиозные унижения, свойственные «борьбе с национализмом», «байскими пережитками» и так далее. Впрочем, свои счета с советской властью были и у представителей других народов, включая весьма значительную часть русских. Что и побуждало тысячи советских солдат сдаваться в плен, а то и переходить на сторону немцев целыми подразделениями.

В результате из примерно шести миллионов советских военнопленных, оказавшихся в первые годы войны в немецком плену, одну треть – 1 миллион 700 тысяч – составляли уроженцы Средней Азии. Видимо, излишне говорить об ужасных условиях в переполненных немецких лагерях, где содержались советские военнопленные, особенно в первые месяцы войны. Именно там пленным из Средней Азии немцы стали предлагать вступать в ряды антисоветских национальных формирований. И довольно многие соглашались. В общем, понятно почему.

Конечно же, на первом месте было простое человеческое желание выжить. Например, Зейнел-Габден Темиргалиев, бывший военнопленный, вспоминал, что многие давали согласие идти в легионы, следуя простой житейской мудрости: «Так или иначе мы обречены на смерть. Для начала надо попытаться выбраться из лагеря, а там будет видно».

Вербовка в легионы проводилась с использованием метода «кнута и пряника». Военнопленным наглядно показывали, какие, прежде всего, материальные блага сулит переход на немецкую сторону. При этом основной упор пропагандисты делали на религиозную и национально-культурную «антагонистичность» среднеазиатов русским, на те притеснения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе. К тому же большинство лагерников были в курсе точки зрения Сталина на военнопленных, которых на самом деле нет, а есть одни предатели, и не испытывали иллюзий насчет своей судьбы в случае попадания в руки советских властей.

HiWi, Osttruppen, Ostlegionen

Почти с самых первых дней войны отдельные советские дезертиры и пленные предлагали свои услуги немцам для службы во вспомогательных подразделениях. Они получили общее название HiWi (от Hilfswillige – добровольные помощники). Это были водители, санитары, повара, которые заменяли немцев на этих должностях. При необходимости «хивис» и сами могли брать в руки оружие. Поначалу они сохраняли советскую военную форму (без знаков различия), а позднее стали получать униформу вермахта, тоже без знаков различия. Обычно единственным их опознавательным знаком была повязка с надписью Im Dienst der Deutschen Wehrmacht [На службе германского Вермахта].

Вторая категория – «Восточные войска» (Osttruppen) – включала весь личный состав, интегрированный в германские подразделения. Обычно их сводили в батальоны, которые так и назывались – Ostbataillonen. Первые такие батальоны организовывались в обход официальных приказов по личной инициативе командиров немецких подразделений. Основной задачей этих вспомогательных войск было обеспечение безопасности в тылу. В конце 1941 года в группе армий «Центр» были созданы первые шесть батальонов, для обозначения которых впервые было использовано название «Восточные войска». Вскоре верховное командование вермахта официально разрешило создавать такие формирования, правда, с рядом ограничений: численность каждого такого батальона не должна превышать 200 солдат, а использовать их следует только для охраны.

Изначально основная их часть набиралась из представителей нерусских национальностей – прежде всего прибалтов и украинцев, впоследствии широкое распространение получили и чисто русские воинские части, в том числе казачьи. Несколько полицейских батальонов, набранных в Прибалтике, в виду особого доверия, которым латышские и эстонские солдаты пользовались у немцев, были первыми брошены на фронт – на усиление слабых участков группы армий «Север». В конце 1941 года был отдан приказ о создании нескольких азиатских и кавказских «Восточных легионов» (Ostlegionen), которые по своему статусу были приравнены к легионам европейских добровольцев (действовавшие в составе вермахта французский, валлонский и хорватский легионы).

Безусловно, при формальном равенстве статуса отношение немцев к европейским добровольцам, особенно из «германских» стран, и, тем более, к добровольцам, воевавшим в составе Ваффен СС (голландский, фламандский, датский, норвежский, позднее – эстонский и латышский легионы СС), сильно отличалось от отношения к «восточным легионерам», хотя бы в силу «расовых» соображений. Положение пленных «азиатов» было определено нацистами еще до войны – в приказе от 16 мая 1941 года и в программе «Восточной политики» (Ostpolitik). Нацистская идеология объявила их среди прочих «недочеловеками». Следовательно, «восточные легионеры» рассматривались почти исключительно в качестве «пушечного мяса», призванного сохранить более ценный «расовый материал».

Пантюркизм или панисламизм?

Создавая воинские части из представителей советской Средней Азии, германское руководство использовало не только антисоветские, но и антирусские, пантюркистские, исламистские и просто националистические (можно использовать и термин «национально-освободительные») настроения, безусловно, присутствовавшие среди военнопленных.

Демонстративное «освобождение» этих пленных Германией, сам факт появления на советско-германском фронте частей, сформированных из мусульман, должен был придать нацистскому рейху репутацию «друга ислама», «союзника в борьбе против колониализма» и побудить народы Ближнего и Среднего Востока ориентироваться на Германию в своей антиколониальной борьбе.

В вопросе об общетюркской идее приоритет был отдан положениям диссертации известного в Германии востоковеда Герхарда фон Менде «Национальная борьба российских тюрков. Исследование национального вопроса в СССР». Сам автор в

последующем вошел в число ведущих экспертов рейха по тюрко-мусульманским вопросам в СССР. Среди других специалистов, выдававших рекомендации по этой теме, были доктор Райнер Ольцша и доктор Бергер Арлт. Общее курирование вопросов, связанных с использованием пленных среднеазиатов, осуществлял Институт Ваннзее при РСХА и ряд других ведомств, в первую очередь, министерство восточных территорий Альфреда Розенберга (Ostministerium).

Вопрос о пантюркизме рассматривался немцами в двух ракурсах. Пантюркизм интересовал Германию, в первую очередь, как средство, способное вдохновить тюркоязычные народы СССР на борьбу с «русско-еврейским коммунизмом». К тому же, как считали в Берлине, определенная поддержка пантюркизма могла бы также помочь вовлечению Турции в орбиту интересов Германии, и на этот счет в Анкаре были установлены контакты с рядом турецких политиков-пантюркистов, например, с братом небезызвестного Энвера-паши – Нури-пашой. С ним, в частности, обсуждались возможности сотрудничества в деле формирования воинских частей из советских тюрков. Однако в целом пантуранистская идея вызывала у Германии опасения – немцы не очень хотели создавать большие государственные объединения, которые могли бы приобрести «излишнюю» силу.

С другой стороны, считалось, что для Германии гораздо выгоднее сделать акцент на поддержку панисламистского движения, а не пантюркистского. Этой же точки зрения придерживался и Вели Каюм – видный политэмигрант из Бухары, претендовавший на лидерство среди туркестанских эмигрантов. В материалах, представленных Вели Каюмом германскому руководству, указывалось на необходимость не только не поддерживать, но даже бороться против пантюркизма в его «чисто турецком» варианте, ставившего задачу объединения тюрков под протекторатом Турции. Это могло привести, по убеждению Каюма, к усилению не слишком желательного для Германии турецкого влияния, так как Турция не могла быть последовательным союзником немцев. Германии, как предлагал Каюм, было бы выгоднее, в пику Великобритании, опять же делать упор на «защиту ислама». В общем, было решено все же сильнее «педалировать» панисламизм, прежде всего, в антибританских целях.

Тем не менее, в Берлине также «проигрывались» варианты расчленения СССР, предусматривавшие отделение Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. В этом случае, как предполагали в Германии, они могли бы оказаться предоставленными самим себе и, возможно, начали создавать самостоятельные государственные образования. При таком развитии событий не исключалась опасность вторжения британцев со стороны Индии, Афганистана и Ирана под предлогом оказания помощи Москве. Допускал это и Вели Каюм. Для

предотвращения британского вторжения он предлагал Германии взять республики Средней Азии под свое покровительство и способствовать оформлению потенциального антисоветского органа власти, а именно Туркестанского Совета в эмиграции, который при необходимости мог бы быть экстренно переброшен из Германии в Туркестан. Совет этот должен был заранее разработать мероприятия с участием военнопленных и эмигрантов на случай своей передислокации в заданную точку СССР. Во главе Совета Вели Каюм видел только самого себя.

А солдатам среднеазиатских подразделений в итоге все-таки пообещали создание туркестанского государства – Большого Туркестана – под протекторатом Германии. При этом оно должно было включать, помимо Средней Азии и Казахстана, еще и Башкирию, Поволжье, Азербайджан, Северный Кавказ и Сибирь. Ну, обещать-то нацисты могли что угодно.

«Туркмены»

15 декабря 1942 года для контроля за быстро увеличивающимися восточными подразделениями была создана Инспекция восточных войск во главе с генералом Хайнцем Хельмихом, которого в январе 1944 года сменил генерал Эрнст Кёстринг. Эта инспекция занималась организацией подготовки новых подразделений, которые обычно представляли собой пехотные батальоны, хотя среди них имелись также и кавалерийские эскадроны, и саперные батальоны, и артиллерийские дивизионы. Но Инспекция не командовала этими подразделениями на поле боя. Каждое из них было подчинено какому-либо германскому подразделению на линии фронта или в тылу. Каждая штаб-квартира германской армии или группы армий в России включала в себя и штаб восточных войск.

При этом, формируя «Восточные легионы», германское командование не особо утруждало себя этнографическими тонкостями. Все зачастую совершенно разные народы и народности немцы объединяли только под двумя собирательными названиями: «кавказцы» – те, кто жил по обеим сторонам Большого Кавказского Хребта, и «туркмены», под которыми подразумевались все азиатские народы от Волги и до самых отдаленных степей Центральной Азии.

В конце августа 1941 года была начата работа специальной комиссии Ostministerium, которая отделила турецких военнопленных. Именно турки СССР, по мнению немецкого руководства, из всех «азиатов» были наиболее враждебно настроены к советской власти. Отобранные военнопленные были размещены в спецлагерях на территории Польши, Прибалтики, Белоруссии и Украины. 15 ноября 1941 года был издан приказ организовать при каждой ди-

визии группы армии «Юг» по одной сотне «из военнопленных туркменской и кавказской принадлежности». Когда в конце ноября 1941 года 444-я немецкая пехотная дивизия включила в свои ряды первых таких добровольцев, они были сгруппированы в Turkoman Bataillon 444 и Caucasian Bataillon 444.

«Туркестанский легион»

Приказ о формировании частей под названием «Восточные легионы» был отдан германским верховным командованием 30 декабря 1941 года. Долгое время советская пропаганда приписывала участие в создании среднеазиатских частей вермахта видному эмигранту и политическому деятелю Мустафе Чокаю (Шокаю), о котором «Фергана.Ру» уже не раз рассказывала. Однако Чокай согласился на определенное сотрудничество с немцами только в целях спасения военнопленных, многих из которых он действительно спас. Ему действительно предлагали возглавить организацию тюркских военных формирований, но он отказался и умер 27 декабря 1941 года (по некоторым данным, был отравлен).

Взяться за это дело согласился Вели Каюм, которого в январе 1942 года Розенберг назначил президентом Туркестанского национального комитета. Комитет считался политическим образованием, на него формально возлагалась вся ответственность за организацию и функционирование «Туркестанского легиона» (Turkistanische Legion). Руководство рейха было заинтересовано в том, чтобы выставить самих среднеазиатов инициаторами создания воинских частей. Именно выставить, потому что Каюм особо активного участия в практической работе по организации легиона не принимал (и вряд ли сильно хотел).

Зато использовал предоставленную немцами власть для укрепления собственного положения. Первым официальным действием Каюма после его назначения главой Комитета стало присоединение к своему имени титула «хан», которого у него раньше не было. Каюм пользовался у нацистов большим доверием, и ему была предоставлена полная свобода действий. Он получил квартиру, автомобиль и дипломатический паспорт. Вместе с тем, по свидетельствам других членов Комитета, трайбализм, кумовство, взяточничество и доносы были основным стилем руководства Вели Каюма.

В течение первой половины 1942 года были сформированы шесть «Восточных легионов», полностью интегрированных в состав вермахта и размещавшихся в Польше. Среди них был и Туркестанский легион, расположенный в Легионово. Он состоял из казахов, киргизов, узбеков, туркмен, каракалпаков и представителей ряда других народов и народностей. В Легионово также находилась шко-

ла для подготовки унтер-офицерского состава («группенфюреров») и офицеров («цугфюреров» и «компанифюреров», что соответствовало званию лейтенантов и обер-лейтенантов). Выше командиров рот (да и то довольно редких) представители восточных народов не поднимались – командовали исключительно немцы. Да и в ротах на 150 среднеазиатов в среднем приходилось от 8 до 15 немцев.

Летом 1942 года было признано необходимым упорядочить униформу и знаки различия для восточных войск. За основу была взята униформа вермахта, однако немцы запретили восточным добровольцам носить Hoheitsabzeichen – нагрудного германского орла со свастикой в когтях над правым нагрудным карманом. В качестве альтернативы был разработан специальный нагрудный знак – ромб с заключенной в него свастикой и двумя стилизованными крыльями. На практике он использовался очень редко. Чаще можно было увидеть либо «запрещенного» орла, либо вообще ничего.

Для каждой национальности были разработаны свои нарукавные эмблемы и кокарды, а также системы знаков различия, отдельные для русских и украинцев, казаков и «азиатских» войск.

Но все это было чистой условностью: разбросанные по разным участкам фронта и сформированные из разных источников части к форме одежды относились весьма вольно – носили либо только германские знаки, либо причудливую смесь из германских и «национальных» эмблем, либо изобретали самые причудливые комбинации униформы. Для Туркестанского легиона, пожалуй, единственным отличительным и объединяющим элементом был выдержанный в цветах Кокандского ханства голубовато-зеленый нарукавный щиток – сначала с белой стрелой, а потом с бело-желто-синей мечетью и темно-синей надписью Turkistan.

Следует опять же подчеркнуть, что Туркестанский легион, как и другие «Восточные легионы» (Мусульмано-Кавказский, позднее – Азербайджанский, Северокавказский, Волжско-Татарский, Грузинский, Армянский), никогда не являлся единой и отдельной воинской частью, все подразделения которой воевали бы вместе на каком-либо определенном участке фронта. Не было у него и единого командования. Собственно, «легионом» была только база формирования и подготовки отдельных частей (батальонов) в Легионово. Как только они завершали подготовку в Польше, их по отдельности отправляли на фронт – причем в разные места. Так что как единое целое Туркестанский легион, в отличие, скажем, от европейских легионов вермахта и СС, существовал только на бумаге.

Первым действующим подразделением Туркестанского легиона стал 450-й восточный батальон под командованием майора Андреаса Майер-Мадера – бывшего командира 444-го «туркменского» батальона. 450-й, а также 452-й туркестанские батальоны покинули Польшу весной 1942 года. Осенью 1942 года на фронт отправились 781–784-й туркестанские батальоны, а весной 1943 года – 785–789-й батальоны. Наконец, во второй половине 1943 года Польшу покинули 790–792-й батальоны. Всего же в Польше было сформировано 14 батальонов Туркестанского легиона (Азербайджанского – 8, Северокавказского – 7, Грузинского – 8, Армянского – 9, Волжско-татарского – 7, общая численность всех батальонов – свыше 50.000 человек).

«Туркестанская дивизия» и вспомогательные части

Польша была не единственным местом формирования частей Туркестанского легиона. В мае 1942 года в украинском Миргороде, на базе 162-й пехотной дивизии вермахта, было организовано подразделение по подготовке восточных войск во главе с известным специалистом по Центральной Азии, генерал-майором и профессором Оскаром Риттером фон Нидермайером. В мае 1943 года это подразделение получило название 162-й туркестанской дивизии (хотя служили там не только туркестанцы). Большинство батальонов, прошедших подготовку в 162-й дивизии, не получали своего номера, как это было в Польше. Им присваивался номер того батальона и того германского полка (через дробь), в состав которых их включали. Так приписанные к Туркестанскому легиону батальоны, которые были отправлены на фронт из Миргорода до мая 1943 года, получили номера: 1/29, 1/94, 1/295, 1/370, 1/371. До начала 1943 года легионеры из Миргорода посылались только в те полки, которые воевали на южном участке советско-германского фронта. Впоследствии их стали отправлять также на центральный и северный участки. Когда в мае 1943 года учебное подразделение фон Нидермайера стало боевым формированием, в его составе числились 1/71, 1/79, 1/129, 1/375, 1/113 туркестанские батальоны.

Значительная часть выходцев из Средней Азии служила также в различных вспомогательных подразделениях, действовавших в германском тылу. Среди них выделяется бригада «Boller», состоявшая из четырех «туркменских» рабочих батальонов и одного запасного батальона (всего 20.000 человек). Имелись также десять других вспомогательных батальонов для обслуживания артиллерийских складов, обеспечения и снабжения, строительства, в том числе железнодорожного, саперных работ. Всего действовали 202 вспомогательных подразделения, из которых 111 были укомплектованы представителями Средней Азии.

Действия на Восточном фронте

Имеется довольно мало сведений о конкретном участии частей Туркестанского легиона в боевых действиях на Восточном фронте. К тому же немцы использовали среднеазиатские формирования не слишком активно. Известно, что, по меньшей мере, шесть туркестанских батальонов участвовали в наступлении германской армии на Кавказ в 1942-43 годах. С сентября 1942 года по январь 1943 года на астраханском направлении в подчинении 16-й моторизованной дивизии находились 450, 782 и 811-й туркестанские батальоны. В приказе командования 16-й дивизии от 7 января 1943 года отмечались заслуги именно этих батальонов. Три туркестанских батальона воевали на сталинградском направлении, при этом большинство легионеров погибло.

Германское командование никогда не оставляло надежд поднять восстание в Средней Азии. Существовал план прорыва через территорию Афганистана в Туркмению и создания там бутафорского правительства. Однако эта затея провалилась в связи с активизацией советских войск в Иране.

В 1943 году немцы сформировали самостоятельное спецподразделение «Алаш» под командованием А.Агаева, которое готовили для заброски в Казахстан с диверсионным заданием. 3 и 6 мая 1944 года две боевые группы «Алаша» десантировались в Жилокасинском районе Гурьевской области. По замыслу немецкой разведки, соединившись здесь, объединенная группа должна была приступить к выполнению следующих задач: установить связи с враждебными элементами и дезертирами из числа местного населения для организации в тылу восстания, проводить диверсии на нефтепромыслах и транспорте. Для ведения прогерманской агитации группа была снабжена 2864 листовками на казахском языке, типографским станком, набором шрифтов, красками, готовыми клише антисоветских карикатур, а для легализации на территории Казахстана имелось 130 чистых бланков и свыше 120 печатей различных госучреждений. Но самолет с десантантами был замечен, и местное управление НКВД взялось за их поиски. Операция завершилась тем, что пять человек из десанта были убиты в бою, девять захвачены живыми. Радист группы до окончания войны работал на СМЕРШ, передавая немцам дезинформацию.

Далеко не все из задействованных на фронте туркестанских частей оправдали надежды германского командования. Поэтому в течение 1943 года их стали все чаще отправлять в тыл: для борьбы против партизан, для охраны дорог, населенных пунктов и т.п. Например, весной и летом 1943 года на Украину прибыло несколько туркестанских батальонов для борьбы с партизанами. К середине ав-

густа 1943 года только в районе Львова общее число «восточных легионеров», включая туркестанцев, составило уже 31 тысячу солдат.

Переброска на Запад

Между тем, внутри среднеазиатских частей назревал кризис в отношениях с немецким личным составом. Степень доверия немцев к своим туркестанским «союзникам» отражает хотя бы тот факт, что в той же 162-й пехотной дивизии из одиннадцати тысяч человек пять тысяч были немецкими военнослужащими, то есть каждый второй «туркестанец» был немцем. Почти полное отсутствие во всех тюркских батальонах офицерского состава из тюрков рождало чувство национального унижения, которое усугублялось пренебрежением, грубостью, а то и прямыми издевательствами со стороны немецких командиров. В своей докладной записке командованию уже упоминавшийся командир 450-го батальона Майер-Мадер писал, что немецкие офицеры не понимают ни языка тюрков, ни «азиатского менталитета», а потому в батальонах «отсутствует внутренний стержень».

К осени 1943 года пропасть в отношениях с немецкими сослуживцами стала такой большой, что туркестанцы начали открыто выражать свое недовольство. Доходило до убийств, к тому же легионеры становились все более податливы советской пропаганде. Тот же Майер-Мадер считал, что «большевизм имеет возможность и пользуется этой возможностью заставлять представителей своих колоний проливать кровь за него, поэтому магометанские батальоны, находящиеся на немецкой стороне, должны быть выведены с восточного фронта и преобразованы в рабочие батальоны».

Германское командование и само стало весьма подозрительно относиться к восточным войскам из-за роста дезертирства и случаев перехода на сторону противника. 29 сентября 1943 года Гитлер отдал приказ о переводе азиатских легионеров с Востока на Запад, и командование Восточных легионов переехало в город Мийо на юге Франции. Большинство частей Туркестанского легиона перебросили во Францию в декабре того же года. По меньшей мере, шесть батальонов были дислоцированы на юге Франции в районе департамента Тарн, гораздо большее число находилось в районах Верхней Гаронны, Арьежа, Альби. Легионеры использовались в основном для охранной службы, но нередко участвовали и в операциях против «маки» (этим словом во Франции называли отряды партизан. – Прим. ред.).

162-я дивизия отправилась сначала в Словению, а потом в Италию, где воевала с партизанами. На завершающем этапе войны она участвовала в двух небольших стычках с войсками союзников.

Под эгидой СС

Определенное число среднеазиатов служило в так называемых «мусульманских частях СС», в частности, в Восточно-мусульманском полку СС (Ostmuselmanische SS-Regiment), сформированном в январе 1944 года (его первым командиром был тот же Андреас Майер-Мадер, переведенный в СС в чине штурмбанфюрера). Эта часть была создана по благословию великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хуссейни. Данный деятель, кстати, дядя Ясира Арафата, являлся давним поклонником Гитлера (в основном на почве юдофобства), имел тесные связи с нацистами еще с 1930-х годов, в начале войны бежал из подмандатной Великобритании Палестины и обосновался в Берлине.

В течение всей войны муфтий возглавлял так называемое «мусульманское правительство в изгнании», используя полученные от немцев мощные передатчики для нацистской пропаганды на Ближнем Востоке. В своих выступлениях он непрестанно повторял: «Я объявляю священную войну. Убивайте евреев! Убейте всех евреев!». В сопровождении заместителя Эйхмана Алоиза Бруннера Аль-Хусейни посещал концлагеря Заксенхаузен, Освенцим и Майданек и лично наблюдал за уничтожением заключенных. При его непосредственном участии формировалась мусульманская часть «Восточных легионов», а также укомплектованные боснийскими мусульманами дивизии Ваффен СС «Handschar» и «Ката» и албанская дивизия Ваффен СС «Skanderbeg». Не обошлось без муфтия и создание арабских частей Африканского корпуса Роммеля, которые были объединены под названием «Legion Freies Arabien».

После разгрома Германии он был внесен югославскими властями в список нацистских преступников, но Лига арабских стран обратилась к маршалу Тито с просьбой не настаивать на выдаче муфтия, который в тот момент находился в руках французских властей. Тито пошел навстречу, Аль-Хусейни вынесли заочный приговор, и в 1946 году он прибыл в Каир. Там он и умер в 1974 году, до последнего дня призывая к уничтожению Израиля со всем его населением.

Благославляя создание «Восточно-мусульманского полка СС», Аль-Хусейни мыслил его как основу будущей «Восточно-мусульманской дивизии СС», укомплектованной советскими мусульманами. Рейхсфюрер СС Гиммлер его в этом полностью поддерживал. 1 января 1944 года под эгидой СС создается институт

Arbeitsgemeinschaft Turkistan (директор Райнер Ольцша), сменивший Институт Ваннзее в качестве куратора Туркестанского комитета и Туркестанского легиона. Однако при организации восточно-мусульманских эсэсовских подразделений пока пришлось ограничиться одним полком, куда влились расформированные мусульманские части вермахта: 450-й и 1/94 туркестанские батальоны, а также 480-й азербайджанский батальон (всего около трех тысяч человек).

В феврале 1944 года полк был переброшен в Белоруссию, где стал известен своей жестокостью и недисциплинированностью. Позже он был отправлен в Польшу, где аналогично «прославился» при подавлении Варшавского восстания. Во время восстания в Словакии больше половины полка дезертировало, 30 декабря 1944 года из его остатков был сформирован Азербайджанский полк СС.

В феврале 1945 года в состав этого полка были включены части расформированной Татарской горной бригады войск СС (Waffen-Gebirgs-Brigade der SS – Tatar Nr.1) – создана в мае 1944 года на базе крымско-татарского формирования СС, пополненного представителями других мусульманских народов СССР, в том числе среднеазиатами (всего 3,5 тысяч человек). Получившееся Восточно-туркское соединение СС (Ostturkischer Waffenverband der SS) численностью в 8,5 тысяч человек перевели в Австрию. Там оно и оставалось до конца войны, являясь базой для формирования эсэсовской дивизии «Neue Turkistan», которая, однако, так и не появилась.

Дела комитетские

Между тем, Туркестанский национальный комитет сотрясали конфликты, вызванные стилем руководства Вели Каюма, рассматривавшего любые возражения как посягательства на его полномочия. Кроме того, явное предпочтение, оказывавшееся Каюмом узбекам, вызвало обострение межнациональных отношений в Комитете. В начале 1943 года группа киргизов и казахов обратилась к Розенбергу с предложением о создании собственного комитета, с аналогичной просьбой на Розенберга вышли и туркмены. Потом появился проект объединения казахов с башкирами и татарами. Комиссия, назначенная Восточным министерством, не только сочла необоснованными такие обращения, но заставила их авторов письменно признать свою неправоту.

Претензии генерала Власова, предложившего объединить под его руководством все восточные формирования, не без поддержки немцев были отвергнуты всеми национальными комитетами, включая Туркестанский. Этот вопрос стал одним из центральных в ходе работы съезда, проходившего в июне 1944 года в Вене с

участием около 400 туркестанских легионеров. Была принята резолюция, отвергавшая предложения Власова.

В своей докладной от 13 октября 1944 года, адресованной Гимmlеру, Вели Каюм писал: «Мы не против того, чтобы Власов стал лидером русского освободительного движения. Он может выступать от имени русского народа. Однако он не может и не должен выступать как лидер нерусских народов, проживающих на территории СССР, поскольку они, к примеру туркестанцы, видят насквозь его теперешнюю конфедеративную политику, причем на немецкой земле... Они возмущены появившимися 4 и 11 ноября на страницах газеты «Новое слово» высказываниями Власова в странной и напыщенной форме... Он играет роль Керенского... Власов должен заниматься только русским вопросом и только от имени русских!» Когда 14 ноября 1944 года Власов основал в Праге Комитет освобождения народов России (КОНР), кроме русских к нему примкнули только калмыки.

19 ноября 1944 года ставка главного командования сухопутных сил вермахта разослала ориентировку, в которой объявлялся новый состав Туркестанского комитета, реформированного по инициативе Гимmlера: президент – Вели Каюмхан, генеральный секретарь – Карис Канатбай, члены: капитан Баймирза Хаит, гауптштурмфюрер СС Баки Абдуразан, оберштурмфюрер СС Гулям Алим, унтерштурмфюрер СС Анаяв Кодшам и несколько гражданских лиц. Была создана специальная школа пропагандистов Mulla-Schule – выпускников направляли в воинские части в роли проповедников ислама призывать легионеров к борьбе против неверных. Эти «муллы» изучали в школе историю ислама, Коран, основные постулаты национал-социализма.

На завершающем этапе войны лидеры Комитета все чаще говорили о неизбежности создания некоей Национальной туркестанской армии, но все это осталось только разговорами.

Финал

К тому же никакая пропаганда уже не работала. Участился массовый переход туркестанских легионеров на сторону партизан во Франции, Словакии, Югославии, Польше и других странах Европы. Показательным является случай оберштурмфюрера Восточно-мусульманского полка СС Гуляма Алима, который в период работы венского съезда перешел к словацким партизанам вместе с 500 солдат. Однако перебежчики вскоре были вынуждены вернуться к немцам – партизаны, а также прибывшие к ним на помощь советские военнослужащие

стали потихоньку отстреливать легионеров. В самом конце войны легионеры попытались также перейти на сторону участников Пражского восстания, но были отвергнуты чешскими коммунистами. На Западе же туркестанцы поголовно сдавались союзникам – случаи сопротивления были крайне редки. А вот о Восточном фронте все-таки есть сведения, что какая-то часть туркестанских легионеров сражалась до конца и даже участвовала в уличных боях в Берлине.

Точное число выходцев из Средней Азии, воевавших на стороне Германии, установить нельзя, как и то, сколько было легионеров той или иной национальности. Баймирза Хаит, занимавший в Комитете пост военного министра, называл цифру в 181.402 легионера. Большинство экспертов сходятся на том, что число среднеазиатов, воевавших в составе вермахта и СС, колеблется на уровне 200.000.

Эпилог

После войны участь туркестанских легионеров и военнослужащих прочих среднеазиатских формирований была примерно такой же, как и прочих, условно говоря, «власовцев». Попавшие в плен к союзникам в основном были выданы «советам» по Ялтинским соглашениям – среднеазиатов, в отличие от прибалтов и жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, союзники признавали гражданами СССР, а потому безоговорочно возвращали. (Впрочем, нередко выдавали и белоэмигрантов, не имевших советского гражданства.) Возвращавшиеся в общей массе «перемещенных лиц» легионеры выявлялись в ходе фильтрации и получали минимум по «десятке». Такая же участь ждала репатриантов, поверивших советской пропаганде о том, что им ничего не будет, и вернувшихся в СССР несколько позже. Выявленный командный состав, а также активные участники карательных операций и боевых действий подлежали суду «троек». Их участь была и вовсе незавидной – многих просто расстреливали.

Процессы над бывшими легионерами длились несколько лет после окончания войны. Их дела рассматривались и в союзных республиках. Так в Алма-Ате был устроен показательный суд над 600 легионерами. Весьма характерно, что в числе главных обвинений были якобы имевшиеся связи с Мустафой Чокаем. Позже вышла в свет книга зампреда Кустанайского городского КГБ Серика Шакибаева «Падение Большого Туркестана», в ней Чокай однозначно представлен как «предатель своего народа».

Судьба оставшихся на Западе сложилась, естественно, по-другому. Отдельные лица продолжили противостояние коммунистической идеологии, сотрудничая, в

частности, с радио «Свобода». Одной из них наиболее известных фигур в этой области был, в частности, Карис Канатбай.

Совсем неплохо пошли дела у Вели Каюма. Вплоть до апреля 1945 года он занимался выполнением заданий Гимmlера. После капитуляции Германии ему пришлось некоторое время посидеть в лагере для интернированных, но вскоре он вышел оттуда и остался во главе Туркестанского комитета, сотрудничая с британскими и американскими оккупационными властями. Затем осел в ФРГ, но посещал Турцию, Саудовскую Аравию, другие страны, где пропагандировал идею единого Туркестана.

Михаил Калишевский

Источник: <http://www.fergananews.com/articles/6778>

* * *

Нихаль Атсыз о тюрках, сражавшихся в армиях воюющих сторон во Второй мировой войне:

ПАМЯТИ ПАВШИХ ПОД ЧУЖИМ ЗНАМЕНЕМ

Братьям, оказавшимся вынужденными проливать кровь за чужую сторону и чужие идеалы!

В эти дни, читая в газетах о том, как вы по обычаю своих предков, не сгибаясь перед превосходящими силами противников, бьетесь до последнего патрона, до последней капли крови, сердце мое обливается кровью. В этой жестокой буре Истории было бы справедливо, если бы вы бились не под чужими флагами и не за чужую победу, а под родными тюркскими флагами и за великую тюркскую идею.

Реки вашей крови и слез, что пролиты за вас, должны были оросить древа победы, что обрадовали бы ваших славных предков. Ваши и наши предки шли за одними и теми же вождями в победоносные походы под одними и теми же победоносными знаменами. Богатыри нашей расы, в меховых бориках, с саблями в ножнах и луками в колчанах, выросшие в бескрайних степях на мясе и кумысе, соревнуясь в скорости с орлами, вторгались во вражеские пределы, атаковали с песнями, подобными волчьему вою, и разносили в пух и прах противников. Хотелось бы вернуться в те славные времена, но возврата туда нет. Долгими вечерами под луной под музыку кобыза акыны рассказывали всем о славных по-

ходах, храбрых героях и их быстрых конях. Там мужи барсам, львам и орлам подобны были. Девы солнце- и лунолики. А потом потухла наша звезда. Распались мы, каждый стал своими делами занят. Беды и раздоры сменяли друг друга. В мире все испортилось. Однако одно осталось. Тюркская кровь.

Не испортилась она за века. Все ту же доблесть и честь она несет. Читая о том, как по зову крови, вы бьетесь до последнего патрона, последней капли крови, я вспомнил наше славное прошлое. И не смог бы сказать: эх лучше бы вы так жестоко не сражались. Эта ярость – зов нашей крови. Поэтому сегодня, когда вы проливаете кровь на чужой земле, я решил зажечь в вашу честь огонь памяти (Вечный Огонь). Вы, погибшие под чужими знаменами! Неизвестно, почтят ли вашу память на кладбищах. И, может быть, ни один поэт не воспоеет вашу доблесть. Даже если не помянут вас ни словом, не зажгут в поминовение ни огонька. Ваши души, достигнув Небесных Гор, легендарный наш предок Альпер Тонга встретит с почетными венками, все герои прошлого встретят вас с радостью, и великий герой из героев Кюр-Шад вам скажет: «Да восславятся ваши раны».

Нихаль Атсыз (1905-1975), выдающийся турецкий писатель, поэт, публицист, идеолог тюркизма.

Братья, бьющиеся до последнего патрона. В мире нет героизма зря. Ваша вроде бы зря пролитая кровь завтра восстанет новой зарей. Эти реки крови разбудят спящие массы, в разобщенных домах разбудят чувство единства и за-

тронут волной сотни тысяч братьев и подвигнут их на путь Великой Идеи, нашему Красному Яблоку. До последнего патрона! До последнего коня! Есть ли для вас большая похвала, чем такие слова чужаков? Ваша история, ваша кровь, ваша раса требует от вас такого героизма. Если отвернется от нас Всевышний, если сотрет нас с лица Земли, история скажет: «Их больше нет, но они не отступили». Своей доблестью вы только подписываете свое бессмертие.

В дни, когда ваши братья бились на Дарданеллах, ваши сердца были с ними, и вы молились за нас. Точно так же сегодня мы с вами и молимся за вас. Бейтесь! До последнего патрона, до последней капли крови! Даже если это нежеланная чужая сторона. Нет в этом вреда. В этой разлуке рождается Великое Завтра. Объединимся и у подножья Тянь-Шаня с чашами кумыса в руках, зажжем огни памяти в честь ваших и наших предков.

Нихаль Атсыз, 1943 год

Посетите Библиотеку Велесова Слобода, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).